

**Национальная Академия Наук Азербайджана
Институт Востоковедения имени ак. З.М.Буниятова**

Гёвхар Бахшалиева

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ТАУФИКА АЛ-ХАКИМА

Баку – Элм - 2012

Печатается по решению Ученого Совета Института Востоковедения имени ак. З.М.Буниятова Национальной Академии Наук Азербайджана.

Научный редактор: *проф. Виляет Джафаров*

Гёвхар Бахшалиева. «Литературные взгляды Тауфика ал-Хакима». Баку, Элм, 2012, 508 стр.

ISBN 978-9952-453-43-0

Книга посвящена исследованию литературных взглядов выдающегося египетского писателя, драматурга, публициста и мыслителя XX века Тауфика ал-Хакима, внесшего неоценимый вклад в развитие современной арабской литературы. В приложении к книге напечатаны переводы некоторых образцов творчества Тауфика ал-Хакима.

Книга может представлять интерес для востоковедов, филологов и всех, кто интересуется теоретическими вопросами развития восточных литератур, а также художественной литературой в широком смысле слова.

655 (07) - 2012

© Г.Бахшалиева, 2012

ВВЕДЕНИЕ

В начале 20-х годов XX века на литературную арену Египта вышел в то время еще молодой писатель и драматург Хусейн Тауфик ал-Хаким. С тех пор имя его не сходит с арены литературной жизни не только Египта, но и всего Арабского Востока. Каждое новое произведение писателя становилось большим событием в арабской литературе. Его произведения неоднократно издавались и издаются не только в арабских, но и во многих других странах мира. Тираж их расходуется в несколько дней. Они переведены на многие языки мира: русский, французский, английский, итальянский, испанский, персидский, иврит, венгерский, польский, шведский, румынский, немецкий и другие. Чем же объяснить такую огромную популярность Тауфика аль-Хакима? Ответ на это дает современный египетский литературовед Йахья Хакки: «...Первое произведение Тауфика ал-Хакима возвестило конец эпохи заимствований, сомнений в ценности сделанного, явилось началом подъема литературы. Тауфик ал-Хаким первый вывел литературу из области чувства в сферу мысли, он первый, кто отказался от поверхностного решения явлений и фактов и стал поднимать глубинные процессы жизни. Он первый из египетских писателей, кто от изображения судьбы одного человека перешел к изображению судеб всего человечества, от египетских проблем к проблемам всего мира»¹.

Да, прав Йахья Хакки говоря, что уже первое произведение Тауфика ал-Хакима возвестило начало подъема литературы, потому что именно он явился одним из немногих литераторов-профессионалов, кто воплотил идеи школы египетских модернистов в своих произведениях.

Тауфик ал-Хаким является писателем широкого плана. В своих произведениях писатель стремится показать все стороны жизни своего народа. Но в чем безусловна заслуга писателя, в чем лучше всего удалось проявить ему свой талант реалиста, - так это в создании картин,

¹ См.: Хусейн-заде М.Ш. Феллах в литературе Египта. Душанбе, 1973 г., стр. 40.

показывающих жизнь и быт арабской деревни, в умении увидеть и изобразить первые ростки национально-освободительного движения в арабских странах. Тауфику ал-Хакиму удалось впервые в арабской прозе рассмотреть пороки всего государственного устройства, увидеть в нищете и невежестве крестьян причину отсталости всего египетского общества.

Сложно найти вид литературы, на который бы не обратил внимания Тауфик ал-Хаким. В поэзии он одним из первых в Египте ввел «белый стих»; в прозе ему принадлежит пальма первенства в создании египетского социально-бытового романа. Среди произведений писателя можно увидеть не встречающиеся ранее на Арабском Востоке образцы романа-дневника и романа в письмах; он является одним из тех, кто заложил основы реализма в жанре короткого рассказа; он автор бытовых, сатирических, юмористических, философских и даже научно-фантастических новелл. Тауфик ал-Хаким – автор серьезных работ в области литературной критики. Однако центральное место в его творчестве занимает драматургия. Он является автором свыше 60 пьес, в которых своеобразно отразилась история развития мировой драматургии.

Труден и противоречив творческий путь Тауфика ал-Хакима. Он был полон творческих исканий, убедительных побед и горьких поражений. Выдающийся советский востоковед, академик И.Ю.Крачковский так писал о Тауфике ал-Хакиме: «Диапазон его исканий необыкновенно широк и в стиле, и в сюжетах, видно, что и до сих пор он не достиг полной устойчивости»¹. Писатель отдал дань идеалистическому и символистическому тенденциям, однако это не помешало ему создать целый ряд исключительных по своей силе реалистических произведений. Писатель всегда стремился быть верным правде жизни и реализм его обладает большой изобразительной силой. Главная тема его творчества – жизнь простого народа, основной герой его произведений – народ. Этим и объясняется такая огромная популярность Тауфика аль-Хакима.

¹ Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. III. М.-Л., 1956 г., стр. 98. Далее см.: Крачковский И.Ю., стр...

Тауфик ал-Хаким является также выдающимся публицистом. Он живо откликался на все важные события эпохи. В сборнике эссе: «Из башни слоновой кости» он пишет: «Нет никакого события, которое заслуживало бы движение пера, чтобы оно не привело в движение мое перо!»¹. Одним из первых он откликнулся на запуск искусственного спутника Земли. В журнале «Иностранная литература» был опубликован его очерк «Великая надежда». Арабский литератор тепло и искренне приветствовал достижения советской науки, говорил о громадной роли писателей в борьбе за мир. Серьезные работы написаны Тауфиком ал-Хакимом и в области литературоведения. Однако эта сторона творчества выдающегося писателя пока еще не изучена. Цель настоящей работы – изучить литературные взгляды Тауфика ал-Хакима, систематизировать их и дать им оценку с позиций современной гуманитарной науки.

Литературные взгляды Тауфика ал-Хакима яснее всего отражены в его художественном творчестве. Не зная принципов, на которые опирался писатель в своем художественном творчестве, невозможно правильно понять литературные взгляды писателя.

Поэтому мы сочли необходимым дать в настоящей книге и общие сведения о всем творчестве Тауфика ал-Хакима и показать, как литературно-эстетические взгляды писателя находятся в тесной связи со всем его творчеством.

¹ Ал-Хаким Тауфик. Из башни слоновой кости. Пер. И.Ю.Крачковского - «Восточный альманах». Сборник, вып. I, М., 1958 г., стр. 221.

I ГЛАВА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЕГИПТЕ

Тауфик ал-Хаким является представителем новой египетской литературы. Чтобы наиболее правильно понять творчество писателя, необходимо обратиться непосредственно к истории возникновения и развития новой литературы в Египте. Ново-египетская литература имеет длительную историю. Ее наиболее характерная черта состоит в том, что она сформировалась и развивалась под влиянием социально-исторических событий эпохи, ознаменовавшейся освободительной борьбой против английского и французского колониализма. Поэтому она с самого начала была литературой борьбы за новое. Историю новой литературы Египта можно разделить на несколько периодов. Начальный период охватывает почти весь XIX век. В начале XIX века между странами Западной Европы началась острая борьба за Арабский Восток. Это положило конец изоляции Египта от Запада. Этот период ознаменовался пробуждением национального самосознания арабов. Первым толчком к этому послужила экспедиция Наполеона I в Египет (1798-1801 гг.). В Каире начала издаваться первая газета на арабском языке. Через два года после того как французские войска в 1803 г. покинули страну, власть в Египте захватил командир одного из подразделений турецкой армии албанец Мухаммед Али. За короткое время ему удалось превратить Египет из провинции Османской империи в фактически самостоятельное государство. Проведенные Мухаммедом Али реформы способствовали экономическому росту страны и культурному развитию египетского общества. Роль Мухаммеда Али в развитии Египта можно сравнить с деятельностью Петра I в России. В стране открывались светские школы, военные, медицинские, инженерные училища. Во время правления Мухаммеда Али (1805-1849 гг.) усиливаются культурные связи между Египтом и западной Европой. Молодые египтяне направлялись на учёбу в Европу. В Египет приглашались европейские преподаватели и специалисты. Быстрыми темпами развива-

ется периодическая печать, усиливается вообще все печатное дело. Была открыта первая правительственная типография в Булаке, появилась первая официальная газета «ал-Вакаи ал-мисриййа» («Египетские ведомости») и т.д. Страна взяла курс на самостоятельное развитие, которое, однако, было вскоре прервано экспансионистской политикой Англии и Франции. Таким образом, рост национального самосознания и формирования капиталистических отношений в Египте сопровождались борьбой с европейским колониализмом за национальную независимость. В то же время множились культурные связи с Европой, что способствовало развитию двойственного отношения к Западу. В это же время начинается период культурного Возрождения в Египте «النهضة». Ан-нахда в литературе охарактеризовалась главным образом бурным усилением переводческой и популяризаторской деятельности. Как отмечает И.Ю.Крачковский, это было скорее «эпохой просветительства, чем эпохой литературного творчества»¹.

Многие из тех, кто был послан Мухаммедом Али в страны Европы получать образование, по возвращении стали видными деятелями арабской культуры. Одним из них был Рифаа Рафи ат-Тахтави (1801-1873). Именно его перу принадлежит «Описание Парижа» - самый знаменитый образец в жанре рихля опубликованных записок побывавших в Европе арабов из Египта, Сирии, Туниса.

Получив образование в ал-Азхаре и звание шейха, Р.Р. ат-Тахтави некоторое время проработал имамом в одной из армейских полков, после чего был направлен Мухаммедом Али в составе учебной миссии в Париж. Здесь он по совету ректора ал-Азхара Хасана ал-Аттара стал записывать все свои наблюдения, которые впоследствии издал под названием «Тахлис ал-ибриз фи талхис Барис» («Извлечение чистого золота из посещения Парижа»). Франция представлялась египетскому шейху источником всех тех благ, которые были столь необходимы Египту и его народу. Он подробно рассказывает о нравах, обычаях, системе образования и науке во Франции. Ат-Тахтави не только полностью признает превосходство французов в области образования, но и доказывает необходимость перенять эту систему. В своем труде Рифаа точно описал все

¹ Крачковский И.Ю., стр. 88.

перипетии французской революции 1830 года, произведшей на него огромное впечатление. По мнению ат-Тахтави страны Европы достигли очень высокого уровня в своем развитии, но они не нашли «истинный путь», посланный Всевышним, а исламские страны не осваивали новейшие достижения науки и поэтому сейчас нуждаются в западных странах, чтобы заимствовать у них то, что упустили сами¹.

В своем труде ат-Тахтави старается не упустить ни одну из сторон жизни Парижа от бытовой жизни французов до общественного устройства страны и идей французских ученых и философов. Сопоставляя различные стороны жизни французов и египтян, автор определяет преимущества и недостатки каждого. «Всесторонняя характеристика, даваемая организации французского общества и государства, превращает сочинение ат-Тахтави в своего рода краткую энциклопедию Парижа конца 20-х годов XIX столетия»², - пишет известная русская исследовательница египетской литературы В.Н.Кирпиченко.

Ат-Тахтави восхищается многим, увиденным в Париже, и, как истинный патриот своей родины, часто пишет о необходимости перенятия египтянами научно-технических достижений западного мира, в частности, Франции. С искренним восхищением он пишет о парижанах: «Жители Парижа выделяются из всех христиан умом и тонкостью понимания... Они не то что невежественные копты, и они не пленники традиции. Они всегда склонны смотреть в корень вещей и судить о них на основе доказательств. У них даже простой народ умеет читать и писать. Обо всех ремеслах, даже низких, написано в книгах, и ремесленник, чтобы преуспеть в своем деле, должен владеть грамотой. И каждый любит изобретать в своей профессии что-то новое, чего не было раньше, или совершенствовать изобретенное другими. Их побуждает к этому возможность увеличить свой доход, возвысить свою репутацию и увековечить память о себе»³.

Определяя характерные черты просветительской идеологии – обновление посредством заимствования современных познаний и совер-

¹ Ат-Тахтави Р.Р. Тахлис ал-ибриз фи талхис Барис. Каир, 1993, стр. 16-17. Далее см.: Ат-Тахтави. Тахлис..., стр...

² Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX – XX веков. Т. 1, М., стр. 62. Далее см.: Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В., стр...

³ Ат-Тахтави. Тахлис..., стр. 75.

шенствование традиций, ат-Тахтави всячески избегает категорических суждений, обильно используя высказывания средневековых арабских ученых для подтверждения своих мыслей. «Сопоставляя Египет и Францию, арабо-мусульманскую и европейскую культуру, Рифаа ат-Тахтави с удивительной точностью называет слабости современной арабо-мусульманской цивилизации и выявляет их причины. Идеи, высказанные им в «Описании Парижа» и развитые в последующих сочинениях, стали программными идеями арабской Нахды и в последней трети XIX в. сложились в целостную систему просветительской идеологии с ее религиозными, политическим и нравственными аспектами, выработавшей свои литературные средства и формы выражения и пропаганды новых взглядов и представлений»¹, - пишет В.Н.Кирпиченко.

Другое знаменитое произведение в жанре рихля посвященное уже описанию России принадлежит перу младшего современника ат-Тахтави Мухаммеду Айаду ат-Тантави (1810-1861). Произведение ат-Тантави, отражающее общие тенденции арабской литературы начального периода движения культурного возрождения, стоит в одном ряду с произведениями деятелей арабского просветительства. Ат-Тантави постоянно сравнивает реалии России и Египта, стремясь ознакомить соотечественников со страной, которая недавно пережила тот же процесс ломки старого и создания нового, который переживает Египет в настоящее время и показать всю сложность этой эпохи. Автор подробно описывает трудности и жертвы петровских реформ в России и строительство Петербурга².

Культурно-экономическое возрождение Египта, начатое Мухаммедом Али, оживилось при его внуке хедиве Исмаиле (1863-1879). Получив образование в Париже, он на всю жизнь стал приверженцем европейской культуры. Его культурные нововведения коснулись многих сфер жизни Египта, в том числе образования, в котором был сделан большой шаг в направлении секуляризации. При Исмаиле в Каире был построен оперный театр, открыт Музей египетских древностей, создана Национальная библиотека (впоследствии Дар ал-кутуб).

¹ Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В., стр. 69.

² См.: Реда М.М.А. «Описание России» шейха Тантави как памятник арабской литературы XIX в. Автореф. канд. дис. Л., 1984.

«Таким образом, в 1860-70-х годах была в основном заложена инфраструктура современной египетской культуры, которая обеспечила возможности быстрого развития периодической прессы, книгопечатания, переводческой деятельности, распространения новых знаний. В начале XX в. она была дополнена созданием университета и школы изящных искусств»¹, - пишет В.Н.Кирпиченко. Бурно развивалась пресса, способствуя популяризации национальной публицистики. Стали издаваться первая в Египте частная газета «Вади ан-Нил» и журнал «Раудат ал-мадарис» («Сад школ»).

Следующим периодом развития новой литературы в Египте можно считать 80-90-е годы XIX века и первое десятилетие нашего века. Подъем национально-освободительного движения в Египте в эти годы и быстрое развитие периодической печати явились важнейшими стимулами развития публицистического стиля. В это время началась усиленная эмиграция в Египет либерально настроенных сирийцев, которые начали создавать органы прессы, газеты и журналы. Именно сирийцы стояли у истоков основания многих египетских газет и журналов этого времени, в том числе газеты «ал-Ахрам», ежемесячника «ал-Хиляль» и др. Скопление в Египте интеллектуальных и литературных сил со всего Арабского Востока способствовало превращению его в последние десятилетия XIX в. в центр арабского культурного и просветительского движения, что стимулировало становление светского общества и национального государства в стране.

Очень важным результатом развития прессы и публицистики стало развитие арабского литературного языка, возникновение современного прозаического стиля, ознакомление арабского читателя с европейской прозой и формирование новой арабской художественной прозы. Развивалось ораторское искусство, представленное в первую очередь в пламенных выступлениях «трибуна Египта» Мустафы Кямиля (1874-1908) против английских оккупантов.

Главным итогом развития арабо-мусульманской мысли XIX в. были попытки реформации ислама. «Сумев избежать крайностей как непримиримой мусульманской ортодоксии, так и безоглядной евро-

¹ Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В., стр. 97.

пеизации, реформированное мусульманское вероучение, по-новому поставившее вопрос о возможностях человеческого разума, о месте человека в мире, о свободе воли, открывало перед индивидуальным сознанием путь поисков нового синтеза науки и веры»¹, - пишет В.Н.Кирпиченко. В это же время возникают первые попытки создания исторического романа. Попытки же создания драматической литературы не увенчались успехом. Созданные в то время драмы представляли собой, главным образом, подражания классическим образцам французского театра или же неумелые переделки произведений Шекспира и Мольера. Значительные сдвиги наблюдаются в это время в поэзии.

Просветительская проза в Египте до самого начала XX в. ограничивалась традиционными жанрами рихля и макама, которые, однако, по структуре и стилю трансформировались, становясь более доходчивыми и занимательными. Первой заметной попыткой в этом направлении стал роман Али Мубарака «Алам ад-Дин» (1882 г.). Уже в предисловии романа автор пишет, что главной его задачей является просветительство. Недаром исследователи считали «Алам ад-Дина» литературным манифестом мусульманского просветительства. Продолжая культурный диалог между Востоком и Западом, роман отражает новый, реформаторский взгляд на человека и уверенность в возможности плодотворного сотрудничества с западной культурой при сохранении религиозной и национальной самобытности. «В нем предпринята также первая серьезная попытка осмысления истории арабо-мусульманской и египетской – начиная с эпохи Древнего Египта – культуры на основе новых знаний, в огромном объеме черпавшихся из западной научной литературы и из современных публикаций сочинений средневековых арабских ученых»².

Следующим крупным произведением стал роман Мухаммеда ал-Мувайлихи (1858-1930) «Хадис Иса ибн Хишам ау фатра мин аз-заман» («Рассказ Исы ибн Хишама, или Период времени»), отдельным изданием вышедший в 1907 г. Синтезировав в своем романе традиционное и новое, используя различные элементы драмы, романа и публицистики, ал-Мувайлихи создал поистине неповторимое произведение художественной прозы.

¹ Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В., стр. 118.

² Там же, стр. 138.

Просветительские тенденции, ярко выраженные в художественной прозе Египта этого периода, к сожалению, обошли стороной поэзию, которая продолжала следовать традициям XVI- XVIII вв. На этот период падает творчество поэтов Махмуда Сами ал-Баруди (1838-1904), Рифаа Рафи ат-Тахтави и др. Их младшие современники – Ахмед Шауки (1868-1932) и Хафиз Ибрагим (1870-1932), в творчестве которых неоклассическое направление достигло наивысшего расцвета, отображали в своем творчестве актуальные общественные проблемы, трактуя их в русле просветительства. Таким образом поэты готовили почву для следующего этапа поэтического обновления в Египте – эпохи романтизма.

В последнее десятилетие XIX в. в общественно-политической жизни Египта образовались два противоположных лагеря – западники и исламофилы. «Первые выступали с критикой традиционного общества и стояли за преобразование Египта по европейскому образцу. Вторые изобличали язвы колониализма, отстаивали жизненность ислама как религиозной и социальной системы и ратовали за самобытный путь развития Египта»¹.

В конце XIX и начале XX веков «политическая и общественная деятельность выдвигает ряд крупных фигур, которые в своих статьях и речах соприкасаются одной стороной с художественным творчеством, придавая гибкость и яркую индивидуальность литературному стилю»². Именно в эти годы выдвигаются пламенные публицисты и ораторы: Абдаллах Недим, «освободитель женщин» Касем Амин, «трибун Египта» Мустафа Кямиль. Они поднимают такие острые политические и социальные вопросы, как борьба за независимость, за прогрессивные социальные преобразования и за эмансипацию женщин.

Эти два периода, составляющие как бы предысторию современной египетской литературы, подготовили почву для ее становления. В начале XX столетия в Египте наблюдается новый подъем национального движения, усиливается недовольство английской оккупацией, то и дело происходят столкновения между египтянами и представителями оккупационного режима. Особенно большой резонанс вызвали собы-

¹ Иванов Н.И. Египет. – История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М., 1976, стр. 220.

² Крачковский И.Ю., стр. 89.

тия 1906 г. в деревне Даншавай. Постепенно антианглийские выступления принимали массовый характер.

Патриотический подъём в обществе способствовал ряду прогрессивных событий в стране. Одним из них явилось создание Каирского национального университета, первым ректором которого стал Ахмед Лютфи ас-Сейид – известный издатель, публицист, переводчик и политический деятель, просветительские идеи которого снискали ему широкую популярность в кругах интеллигенции. С его газетой «аль-Гарида» сотрудничали представители поколения «обновителей» египетской литературы – Мухаммед Хусейн Хайкал, Таха Хусейн, Ибрагим ал-Мазини, Салама Муса, Аббас ал-Аккад и др. В 1909 г. университет объявил конкурс на написание истории арабской литературы. В результате в 1911-14 гг. увидели свет две истории. Первая из них, четырёхтомная, была написана иммигрантом из Сирии Джирджи Зейданом по образцу европейской истории арабской литературы. Вторая, двухтомная, была написана в традиционном духе также иммигрантом Мустафой Садеком ар-Рафии (1880-1937). Второй том труда ар-Рафии был полностью посвящен Корану. Основным тезисом его была идея о непревзойдённости литературных достоинств Корана. Это вызвало резкую критику «обновителей» Таха Хусейна и Аббаса ал-Аккада. Началась длительная дискуссия между «обновителями» и «консерваторами». Предметом дискуссии стали многие вопросы идеологической, литературной и культурной жизни Египта и всего арабского мира.

Открылась школа изящных искусств, давшая Египту многих талантливых художников, заложивших основы национального изобразительного искусства. Понятие «уммы», мусульманской общины, значительно изменилось. С определением «арабская» (ал-умма ал-арабийя) оно утратило смысл религиозной общности, расширилось, включив и арабов-христиан, и стало означать теперь «арабская нация». А с определением «египетская» (ал-умма ал-мисрийя) оно стало отражать оформившееся национальное самосознание египтян. «Сохранив религиозный, патерналистский дух мусульманской общины, представления о равенстве всех ее членов перед лицом Аллаха, о нравственном долге имущих по отношению к неимущим, понятие «египетская нация» приобретает и новое историческое измерение в виде идеи «фараонизма»,

возводящей корни египтян к доисламским временам, что вносило в понятие нации еще один существенный светский элемент. Стремление к национальной самоидентификации, к национальному самоутверждению способствовало обновлению и демократизации всех сфер культуры и литературы, необычайно ускорив темпы их развития»¹.

К концу XIX в. в Египте уже действовали несколько театральных трупп. Ведущую роль в этом играли иммигранты из Сирии (Абу Халил ал-Каббани, Искандер Фарах и др.), у которых учились и египтяне. Одним из первых египетских театральных деятелей был Исмаил Асим ал-Мухами. Он написал сценарий музыкальных спектаклей «Сидк ал-иха» (Истинное братство), «Хана ал-мухиббин» («Счастье влюбленных») и др. Были заложены два художественных направления в арабском театре, одно из которых, ставя спектакли Расина, Шекспира, Мольера, стремилось приобщить арабского зрителя к классическому европейскому репертуару, другое ставило постановки, используя национальные сюжеты, песни и танцы. Надо отметить, что второе направление в Египте всегда пользовалось большим успехом. Расцветал музыкальный театр. Особым успехом пользовались оперетты Закарийи Ахмеда, оставившего после себя пятьдесят шесть оперетт. Он писал также музыку к спектаклям многих театральных трупп, а также к кинофильмам, первый из которых вышел на экран в 1927 г. Появилась острая необходимость в новых сюжетах, что способствовало переводу и адаптации с французского языка многих драматургических произведений. Росло число пьес египетских авторов. Это были в первую очередь исторические драмы на тему Египта в эпоху Фатимидов, Ихшидидов, мамлюков. Первая социальная комедия была создана в 1915 г. Ибрагимом Рамзи². В 1919 г. была поставлена на сцене первая, не сохранившаяся пьеса Тауфика ал-Хакима «Незванный гость». В постановках использовались элементы многих традиционных жанров, что способствовало становлению и развитию национального театра. Наиболее популярными жанрами были музыкальная комедия и оперетта. Они, используя весь арсенал приёмов народного театра, способствовали рождению персонажей, в которых был исчерпывающе отражён

¹ Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В., стр. 182-183.

² De Moor Ed C.M. Un oiseau en cage, с. 193.

национальный египетский характер. В постановках высмеивались как «пережитки прошлого» патриархальные нормы и обычаи, так и неоправданное, чрезмерное увлечение всем европейским. Проблематика постановок все чаще имела прогрессивный характер, отражая борьбу старого с новым, отношения отцов и детей, проповедовала право человека на свободный выбор своей судьбы и на свободу чувств. Трагедии часто ставились в форме трагикомедии. Комические сцены сочетались с драматическими эпизодами. В.Н.Кирпиченко пишет по этому поводу: «Очевидно, неиссякающий еще просветительский оптимизм, поддерживавшийся атмосферой подъема национального духа, свойственный мусульманскому сознанию провиденциализм создавали определенные психологические барьеры на пути восприятия трагического на сцене»¹.

К началу XX столетия можно отнести и зарождение современной романистики в Египте. Появляются романы Хусейна Рийада «ал-Фатат ал-йабаниййа» («Японка»), Халиля Сада «Асрар ас-саура ар-русиййа» («Тайны русской революции»), Абд ал-Кадира Хамзы «Изат ат-тарих» («Урок истории»), Ахмеда Рифата «ал-Хасна ал-вафиййа» («Верная красавица») и др.

Строгие восточные нравы часто ограничивали возможности авторов, в связи с чем им порой приходилось печатать своё произведение под вымышленным именем или ограничиться инициалами. Так в произведении автора с инициалами «алиф, фа» под названием «Ишк ал-мархум Мустафа Камил ва-асма ашикатихи» («Любовь покойного Мустафы Камиля и имена его возлюбленных») рассказывается о жизни выдающегося сына египетского народа. В конце романа автор раскрывает настоящую идею произведения, отмечая, что в ней в метафорической форме описана любовь Мустафы Камиля к делу всей его жизни, к просветительским принципам и идеям. В последнем письме к возлюбленной герой пишет: «Не отрицаю, что у меня, как и у любого человека, чувствительное сердце и трепетная душа. Но в свой последний час клянусь, что сердце мое пылало любовью не к девушкам... а к благородному хедивскому трону на площади Абдин, к великому исламскому халифату в Константинополе, к драгоценной свободе в Париже и к

¹ Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В., стр. 190.

тебе, мой дорогой Египет»¹. Это не единственный роман, где героем выступает Мустафа Камил, а образ родины – Египта – изображен в аллегорической форме в лице прекрасной девушки.

Любовной теме посвящены два романа «эмира поэтов» Ахмеда Шауки – «Варакат ал-ас» («Карточный туз») и «Ладасиас». Автором романов на крестьянскую тему был Махмуд Хайрат. Известны его романы «ал-Фатат ар-рифиййа» («Деревенская девушка») и «ал-Фата ар-рифийй» («Деревенский юноша»).

«Новый стиль» в арабской литературе был создан Мустафой Лутфи ал-Манфалути (1876-1924)². Этот стиль, по утверждению самого писателя, он смог создать, освободившись от подражательства. Будучи выпускником ал-Азхара, Маифалути сохранял к нему неприязнь на всю жизнь, критикуя способ и методы преподавания в нём.

Не зная европейских языков, ал-Манфалути тем не менее стал активно перелагать на арабский язык произведения европейской литературы, используя переводы авторов или просто устные пересказы.

Так он переложил на арабский язык «Даму с камелиями» А.Дюма, «Аталу» Шатобриана, «Поля и Вирджинию» Бернардена де Сен-Пьера и др. Написанную по мотивам драмы Франсуа Коне повесть «Фи сабил ат-тадж» («Во имя короны») писатель посвятил национальному лидеру египетского народа Сааду Заглулу. Этим автор выразил свою симпатию национально-освободительному движению, возглавлявшемуся Саадом Заглулом, которая впоследствии переросла в революцию 1919 года.

Будучи неустанным пропагандистом мусульманского наследия, ал-Манфалути в то же время считал, что необходимо пользоваться достижениями европейской культуры. По его мнению, египтяне должны хорошо знать свою культуру и историю, чтобы критически оценивать европейскую культуру, заимствуя из неё необходимое восточной цивилизации. Но в отличие от египетских просветителей, ал-Манфалути имел ввиду элементы духовной культуры, а не достижения европейской науки и техники. Ал-Манфалути часто критиковал пороки восточного общества, стремясь нравственно усовершенствовать египтян. В его расска-

¹ Бадр А.Т. Татаввур ар-ривайа ал-арабиййа ал-хадиса фи Миср 1870-1938. Каир, 1968, стр. 112.

² Gibb H.A.R. «Manfaluti and the «New Style», 1929. BSOS, t. V, 1929, стр. 311-322.

зах-притчах герои часто не имеют имен и воплощают добродетель или порок. Писатель с симпатией относится к беднякам, стремящимся накормить своих детей непосильным трудом и считает оправданным их выступления против жестокосердных помещиков, несправедливых судей, лицемерных духовников. В.Н.Кирпиченко пишет о литературе этого периода: «Утверждение субъективного начала в литературе, осязаемое присутствие автора в повествовании, усиление интереса к человеческой личности, присущие ал-Манфалути, характерны для многих литературных явлений этапа зрелого просветительства и еще тесно связанного с ним сентиментализма. Именно в это время была выдвинута идея национальной самобытности культуры, заложены основы исторического мышления, началось обновление литературного стиля и жанровых форм прозы. Романтизм унаследовал и развил эти качества»¹.

Период, датируемый 1910-1935 годами, знаменуется зарождением и развитием реалистических тенденций в египетской литературе. Именно в эти годы появляется так называемая школа «египетских модернистов», представляющая собой многочисленную группу египетских писателей, которые выступили в литературе в годы первой мировой войны. Восстание египетского народа против английских оккупантов в 1919 г. было подавлено, но оно оказало революционизирующее влияние на развитие общественной мысли в Египте. Усилилось стремление передовой интеллигенции возродить национальную культуру. Молодая египетская буржуазия выдвинула лозунг «египтизации» (там-сир) во всех областях общественной и культурной жизни. Под влиянием этого движения и стала создаваться своеобразная египетская литература. И.Ю.Крачковский пишет, что «в основе ее (современной египетской литературы – Г.Б.) лежит принципиальное признание достижения современной культуры и планомерное стремление использовать их в интересах возрождения и подъема собственной литературы; базой для этого должно служить все наследие старой и новой арабской литературы»². Представители этой школы правдиво отображали жизнь всех слоев общества. Они стремились к реалистическому изображению тяжелого положения трудящихся масс, вскрывали пороки общест-

¹ Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В., стр. 204.

² Крачковский И.Ю., стр. 95.

ва, выступали против реакционных порядков полуфеодальной страны, возмущались бесправным положением женщин, стремились увидеть причины культурной отсталости египтян. Все чаще и чаще героем произведений египетской литературы становится человек из народа, моральные качества которого выше нравственных устоев аристократов, шейхов, купцов и чиновников. Именно тенденция к правдивому изображению жизни и привела к становлению реалистического метода в египетской литературе. Корни становления этой школы восходят к возникновению газеты «*الجريدة*» (1907 г.) и основанию Египетского университета в Каире. Руководителем и газеты и университета был известный журналист Ахмед Лютфи ас-Сейид. Вокруг газеты и университета стало объединяться молодое поколение, которое ставило себе целью не только политическую свободу, но и культурное развитие Египта.

В 1912 г. увидел свет первый национальный современный египетский роман Мухаммеда Хусейна Хайкала (1888-1956) «Зейнаб». Роман был оценен многим критиками как «открывающий новую эпоху в литературе»¹. В романе автор правдиво изобразил картины жизни египетских крестьян, их быт, непосильный труд, тяжелое положение, а также создал образ подлинного интеллигента, имеющего во многом автобиографический характер. М.Х.Хайкалом написано также много произведений в области публицистики, истории и эссеистики. Он – автор книги «Саурат ал-адаб» («Революция в литературе»), где прослеживается развитие египетской литературы с XIX в. и проповедуется необходимость создания национальной египетской литературы как основы самоутверждения и развития египетского народа. С годами мировоззрение М.Х.Хайкала изменилось, что он объясняет в книге «Фи манзил ал-вахй» («В доме откровения»): «Я пытался передать моим соотечественникам идеи западной культуры и западной духовной жизни и убедить их руководствоваться этими идеями. Но со временем убедился, что сеял зерна, которые не могли дать всходов. Тогда я повернулся лицом к нашей далекой истории, истории фараонов, а в конечном итоге убедился, что единственное зерно, которое прорастает и приносит плоды, это наша исламская история»². В 1915 и 1917 гг. появились араб-

¹ Хидр А. Ал-кисса ал-касира фи Мыср. Каир, 1966, стр. 113.

² Brugman J. An introduction the History of Modern Arabic Literature, Leiden, 1984, стр. 237.

ская и французская диссертации выпускника духовной школы ал-Азхар Таха Хусейна, в которых автор изложил принципы новой литературы. Повесть Хусейна Хайкаля и диссертации Таха Хусейна и явились манифестом новой школы. Особенно много сторонников школа получила после первой мировой войны, когда деканом литературного факультета Египетского университета стал Таха Хусейн.

К первой четверти XX в. можно отнести и создание современной египетской новеллы, первым автором которой стал вернувшийся из учебы во Франции Мухаммед Теймур. За свою короткую жизнь он успел сделать многое: написал шесть новелл, выпущенных под названием «Ма тараху ал-уйун» («Что видят глаза»), четыре пьесы, незавершенный роман «аш-Шабаб ад-даи» («Загубленная молодость»), стихотворный диван, серию литературоведческих статей, книгу воспоминаний. Новеллы Мухаммеда Теймура опирались на реальность, на пристальные наблюдения за повседневной действительностью и поведением людей в различных ситуациях. Они уже обладали развернутым сюжетом, свойственным европейской новелле. Диалог персонажей становится неотъемлемой частью композиции. Подробно описывается место действия, внешность героев, развитие их характеров. М.Теймур использует в своих новеллах как идеи и элементы египетской просветительской литературы, так и художественный опыт французской литературы, в первую очередь Ги де Мопассана. Как пишет знаменитый египетский литературовед и критик Йахия Хакки, М.Теймур доказал, что «египетское общество способно дать писателю полноценный материал для художественной новеллы»¹. Большим успехом пользовались пьесы М.Теймура – «ал-Усфур фи-л-кафас» («Птица в клетке»), «Абдас-Саттар эфенди», «ал-Ишра ат-таййиба» («Добрая дружба»), «ал-Хавийа» («Бездна»). В драматургии М.Теймура было много схожего с его новеллистикой. Как пишет В.Н.Кирпиченко, «присутствующее во всем, что он писал, личностное начало придает его творчеству цельность и выявляет в произведениях, трактующих общие для авторов того времени проблемы – отношения к европейской культуре, положения женщины, падения нравов, взаимного непонимания отцов и детей,

¹ Хакки Йахия. Хутуват фи-н-накл. Каир, 1961, стр. 63.

- черты авторской индивидуальности и реалистического подхода к конкретным жизненным ситуациям»¹.

Революция 1919 г. не принесла египетскому народу долгожданное освобождение. Провозглашенная в 1922 г. независимость носила формальный характер из-за продолжающегося присутствия английских войск. В 1923 г. была принята Конституция, состоялись выборы в только что избранный двухпалатный парламент. В 1924 г. премьер-министром избирается лидер самой многочисленной партии «Вафд» Саад Заглул, пользующийся огромной популярностью среди всех слоев населения.

Он сразу же начал проводить политику египтизации в стране, заменив на ответственных должностях всех англичан египтянами и дав директиву о ведении во всех государственных учреждениях делопроизводства на арабском языке. Все это способствовало демократизации в стране и возникновению больших надежд на будущее. Однако общая ситуация в мире после первой Мировой войны положила вскоре конец прогрессивным нововведениям в стране. Уже в 1930 г. была принята новая конституция, по которой права короля значительно расширились. Как реакция на все это в египетском обществе усилилось стремление к свободе и подлинной независимости, возросли националистические тенденции у значительной части интеллигенции. Началось так называемое движение «обновления» (тахдис, таджид), во главе которой стояли европейски образованные представители интеллигенции – Аббас Махмуд ал-Аккад, Таха Хусейн и др. Своей многосторонней деятельностью они оказали огромное влияние на молодых египтян, ознакомив их с самыми прогрессивными достижениями Запада. Им противостояли консерваторы, защищавшие традиционные принципы литературного творчества и классического арабского языка. В печати начинается многолетняя дискуссия по самым различным вопросам языка и стиля современной литературы. И если поколение просветителей обращалось главным образом к общественным идеалам европейской литературы, то «обновителей» интересовали уже эстетические принципы этой литературы.

В 1925 г. начался новый этап в истории египетской литературы, особенно новеллистики. Молодые литераторы, объединившиеся во-

¹ Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В., стр. 223.

круг газеты «ал-Фаджр» («Заря») – Махмуд Теймур, Махмуд Тахер Лашин, Хусейн Фавзи, Ахмед Хайри Саид и другие – под лозунгом «разрушение и созидание» приступили к разрушению старых, отживших принципов литературного творчества и созданию современной сирийской новеллистики. Вокруг этой газеты и сформировалась новая школа новеллистов, самыми известными из которых стали Махмуд Теймур, Махмуд Тахер Лашин и Йахья Хакки.

М.Т.Лашин – автор трёх сборников рассказов: «Ан-Най ас-сахир» («Насмешливая флейта»). «Йухка анна...» («Рассказывают, что...»), «ан-Никаб ат-таир» («Летающее покрывало»). Новеллистическое творчество М.Т. Лашина представляет собой яркий образец синтеза арабских и европейских литературных традиций. В творчестве писателя можно наглядно проследить как заимствованные из европейской литературы сюжеты, архитектоника и образные средства влияют на изображение традиционной египетской жизни, характер героев, благодаря чему высвечивается ненужность изображения архаичных ситуаций и обычаев.

Перу Махмуда Теймура принадлежит около трёхсот новелл. Он также автор многих исследований и статей об арабском языке и арабской литературе. Как новеллист М.Теймур основное внимание сосредоточил на изображении характера героя, его внешнем портрете, биографии, описании событий, в которых ярко проявляется характер героя. Сюжету и композиции произведения писатель уделял уже второстепенное значение. Знаменитый египетский литературовед Сабри Хафиз пишет, что «именно благодаря творчеству Лашина и Теймура к концу 20-х годов завершился период становления новеллистического жанра в Египте, причем Лашин заложил основные принципы реалистической, а Теймур – романтической новеллы»¹.

Во второй четверти XX в. в египетской литературе продолжается формирование романного жанра. Писатели «новой школы» с течением времени все больше ощущали потребность в раскрытии характера и судьбы героя в пространном повествовательном произведении, что постепенно способствовало тому, что все они со временем обратились к крупным повествовательным жанрам – повести и роману. Махмуд Тей-

¹ Modern Arabic Literature. Ed. By M.M.Badavi. Cambridge University Press, 1992, стр. 288.

мур пишет повесть «Рагаб-эфенди», вслед за которой следуют несколько романов – «ал-Атлал» («Развалины»), «Нида ал-маджхул» («Зов неведомого»), «Сальва фи махабб ар-рих» («Сальва в порывах ветра»), «Клеопатра на Хан ал-Халили». Йахйа Хакки публикует повести «Киндил Умм Хашим» («Светильник Умм Хашим») и «ал-Бустаги» («Почтальон»). М.Т.Лашин публикует свой единственный роман «Хавва била Адам» («Ева без Адама»). В эти годы печатается автобиографическая повесть Таха Хусейна «Дни» («ал-Айям»), роман в письмах «Адиб» («Литератор»), романтическая повесть «Дуа ал-карауан» («Зов птицы карауан»), роман «Шаджарат ал-бус» («Древо несчастий»), исторический роман «ал-Ваад ал-хакк» («Истинное обещание»).

В эти же годы увидели свет романы Ибрагима ал-Мазини «Ибрагим ал-катиб» («Писатель Ибрагим»), «Ибрагим ас-саний» («Снова об Ибрагиме»), Аббаса ал-Аккада «Сара». Основу всех этих романов составляет автобиографизм. Писатели обильно используют свой жизненный опыт, что помогает им преодолевать влияние традиционной литературы как при изображении героя, так и описании его характера и судьбы. «Создавая художественный образ, наделяя его определенными мировоззренческими и характерологическими чертами, автор исходит из своей общей идейно-эстетической установки и ориентируется чаще всего на европейского литературного героя, в которого он «всматривается» как в зеркало, узнавая в нем собственные черты и осмысливая разницу между собой и человеком Запада, что усиливает одновременно и аналитическое начало в повествовании, и роль в нем художественного вымысла. Образ героя усложняется, механическое сочетание в нем противоположных, хороших и дурных качеств, пороков и добродетелей уступает место многогранности и единству человеческой личности, ищущей, сомневающейся, задающей вопросы, критически оценивающей себя и окружающий мир. Художественно трансформированная автобиография, последовательное описание какого-то периода жизни героя структурно организует повествование, делает его связным, завершенным и одновременно открытым в будущее»¹, - пишут В.Н.Кирпиченко и В.В.Сафронов.

¹ Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В., стр. 319.

Свидетельством полного отказа от просветительского мировоззрения, утраты веры на быстрое обновление египетского общества через восприятие европейского опыта, утраты иллюзий, связанных с революцией 1919 г. стала публикация нескольких повестей на тему Восток-Запад. Одновременно публикуются произведения на тему ислама, литературные обработки Сиры, хадисов и жизнеописаний сподвижников Пророка. Это – «Хайат Мухаммад» («Жизнь Мухаммада») Мухаммада Хусейна Хайкаля, серия «Абкарыййат» («Гении ислама») Аббаса ал-Аккада, куда входят жизнеописания Мухаммада и праведных халифов, «Ала хамиш ас-сира» («На полях Сиры») Таха Хусейна, драматическая хроника «Мухаммад» Тауфика ал-Хакима и др.

В формировании современного реалистического социального романа большая роль принадлежит повести «Йаумиййат наиб фи-ларйаф» («Записки провинциального следователя») Тауфика ал-Хакима и сборнику рассказов «ал-Муаззибуна фи-л-ард» («Мученики земли») Таха Хусейна. В обоих произведениях писатели стремятся создать обобщенный образ многострадального египетского крестьянства.

В 40-е годы на литературную арену Египта выходит в то время совсем молодой, а в будущем знаменитый писатель и лауреат Нобелевской премии Нагиб Махфуз. За 1945-49 гг. увидели свет сразу пять романов писателя: «ал-Кахира ал-гадида» («Новый Каир»), «Хан ал-Халили», «Зукак ал-Мидакк» («Переулок ал-Мидакк»), «ас-Сараб» и «Бидайа ва нихайа» («Начало и конец»). Публикация этих романов и явилась рождением подлинно реалистического романа во всей не только египетской, но и арабской литературе.

Бурно развивается в этот период и египетская драматургия. Наряду с драматургическими произведениями старейшины арабской литературы Тауфика ал-Хакима в эти годы появляются и драмы в стихах знаменитого поэта Ахмеда Шауки, который еще раньше, в середине 20-х годов создал исторические пьесы в стихах «Смерть Клеопатры», «Меджнун и Лейла», «Камбиз», «Антара». Им была также написана пьеса в прозе «Андалусская принцесса» и комедия в стихах «Госпожа Хода».

II ГЛАВА

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ТАУФИКА АЛ-ХАКИМА

Многие литераторы-профессионалы в Египте непосредственно не входили в школу новой литературы, созданную Таха Хусейном и М.Х.Хайкалем, однако в своем творчестве придерживались её принципов. Одним из них является Тауфик ал-Хаким.

Тауфик ал-Хаким родился 9 октября 1898 г. Сведения о месте рождения писателя противоречивы. В книге Н.К.Коцарева «Писатели Египта XX века» мы находим, что Тауфик ал-Хаким родился в деревне ад-Дельнаджат провинции Бухейра¹. В.М.Борисов в книге «Современная арабская проза» утверждает, что аль-Хаким родился в городе Даманхур². Однако наиболее вероятным представляется утверждение К.О.Юнусова в книге «Драматургия Тауфика ал-Хакима» о том, что он родился в Александрии³. Отец писателя, происходивший из семьи помещиков, был богатым судебским чиновником. Мать писателя - турчанка, дочь военного врача. Она была образованной женщиной, любила книги, часто пересказывала их сыну и этим способствовала пробуждению в нем любви к книгам.

В связи с работой отца семья ал-Хакима часто переезжала из одного городка в другой. Но несмотря на это Тауфик ал-Хаким с успехом завершил начальную школу в Даманхуре. После этого родители отправили его в Александрию, где он должен был завершить среднее образование. Но здесь он все время посвящал чтению книг по художественной литературе. Результат не замедлил сказаться: он не смог сдать экзамены. Тогда решено было послать его в Каир к родственникам, чтобы они присмотрели за ним и помогали ему в занятиях. В Каире он учится в средней школе имени Мухаммеда Али.

¹ Коцарев Н.К. «Писатели Египта. XX век». Москва, 1975 г., стр. 241.

² Борисов В.М. «Современная египетская проза». Москва, 1961 г., стр. 59. Далее см.: Борисов В.М., стр...

³ Юнусов К.О. «Драматургия Тауфика аль-Хакима». Москва, 1976 г., стр. 6. Далее см.: Юнусов К.О., стр...

Здесь и застали его бурные события национально-освободительного движения 1918-1924 гг., направленного против англичан. Вершины своей это движение достигло в 1919 году, когда англичанами был арестован лидер египетских националистов Саад Заглул-паша. Все слои египетского народа поднялись на борьбу. По всей стране проходили стачки и демонстрации.

Тауфик ал-Хаким становится не только свидетелем, но и участником бурных событий этого времени. Вместе со своими товарищами он участвует в демонстрациях, сочиняет патриотические гимны, пишет и помогает распространять прокламации. Он сближается с патриотически настроенной интеллигенцией, увлекается народным театром и пишет для него пьесы. В 1919 г. он сочинил пьесу «Незванный гость» («الضيف الثقيل»), которая имела хотя и завуалированную, но всем понятную анти-английскую направленность. Появление пьесы было закономерным явлением: под непрошенным гостем, который отказывался покинуть дом, подразумевалась Англия. Она призывала гнать силой «гостя», если он без приглашения пробрался в дом и не желает уходить сам. В 1920 г. Тауфик ал-Хаким получил аттестат об окончании средней школы и по настоянию отца, желавшего увидеть сына юристом, поступил на юридический факультет Каирского университета, где проучился 4 года. В эти годы он познакомился с Мухаммедом Теймуром и окончательно увидел свое призвание не в юриспруденции, а в литературе.

За эти годы он написал либретто оперы «Аминосса» и комедию «Жених», которые не были самостоятельными произведениями и скорее могут считаться вольными переложениями с французского языка.

В 1924 г. Тауфик ал-Хаким сочинил развлекательные, мелодраматические пьесы – «Невесты» («عرائس»), «Али-баба» и «Новая женщина» («المرأة الجديدة»), предназначенные для театральной труппы Заки Окаша, которые не принесли ему известности.

В этом же году Тауфик ал-Хаким едет во Францию, в Сорбонну для завершения юридического образования. В Сорбонне он чувствует себя смятенным: «Будущее мое окутано туманом. Кажется мне, что я пал преждевременно, как падает недозревший плод. Передо мной телеграмма от отца: «Сообщи нам немедленно о твоих успехах». А слово

«успех» сейчас чуждо мне»¹. Однако в Париже он все время посвящает посещению театров, концертных залов, музеев, серьезно изучает французскую и древнегреческую литературу, увлекается историей, философией и ее новейшими течениями, знакомится с теорией Эйнштейна. Во время пребывания во Франции он так хорошо овладевает французским языком, что пьесу «Перед окошком билетной кассы» («امام شباك التذاكر») пишет на французском языке. Некоторые пьесы, написанные Тауфик ал-Хакимом на французском языке, были в свое время поставлены на французской сцене.

После четырехгодичного пребывания во Франции Тауфик ал-Хаким вернулся на родину и некоторое время работал членом окружного суда в Александрии, затем его назначают судебным следователем в провинцию, где он остается до 1934 года. За эти годы он написал символические пьесы «Люди пещеры» («اهل الكهف») и «Шехерезада» («شهرزاد»). В 1933 г. он опубликовал принесший ему широкую известность социально-бытовой роман «Возвращение духа» («عودة الروح»), который был начат еще во Франции, а закончен в Египте. Работа в провинции дала аль-Хакиму многое: он познакомился с жизнью феллахов. Еще в детстве Тауфик ал-Хаким любил общаться с феллахами, наблюдал их трудовую жизнь и страдал, видя их страдания. Теперь, служа следователем, он сталкивается с бессердечием, эгоизмом и корыстолюбием чиновников, бесправием и беззащитностью простых людей от произвола власть имущих. На основе богатых личных наблюдений Тауфик ал-Хаким создает свои широко известные «Записки провинциального следователя» («يوميات نائب في رياف»). В 1936 году Тауфик ал-Хаким вместе с Таха Хусейном написал роман «Заколдованный замок» («القصر المسحور»).

В 30-х годах в связи с наступлением реакции многие египетские писатели отходят от реалистических тенденций в своем творчестве. При реакционном режиме Сидки-паши они не осмеливаются в открытой форме критиковать существующие порядки и обращаются к другим методам. Именно в эти годы он создает пьесы, в которых отразились пессимистические настроения относительно будущего деревни: «Жизнь разбилась» («حياة تحطمت») и «Флейтист» («الزمار»). В эти годы

¹ См.: Ал-Хаким Тауфик. «Записки провинциального следователя». Предисловие Н.Усманова, М., 1959 г., стр. 4. Далее см.: Ал-Хаким Тауфик. Записки..., стр...

многие писатели Египта обратились к исламу в поисках ответа на вопрос о значении и целях своего творчества. Появляется ряд произведений о жизни пророка Мухаммеда и его сподвижников. В 1934 г. Таха Хусейн создает «На ниве сиры», Хусейн Хайкаль публикует три книги о жизни праведных халифов. Тауфик ал-Хаким пишет в эти годы множество статей об исламской культуре, а также создает пьесу «Мухаммед», которая представляет собой популяризацию догм ислама и преследует лишь дидактические цели. Кроме пьес в эти годы появляются: повесть «Ослик Хакима» («حمار الحكيم»), «Птичка с востока» («عصفور من الشرق»), - автобиографическая повесть о годах, проведенных во Франции, «Цветок жизни» («زهرة العمر») – воспоминания о первых годах автора в искусстве и психологический роман «Священные узы» («الرباط المقدس»), а также очерки о литературе и искусстве и статьи публицистического характера. Внимательное изучение произведений этого периода свидетельствуют о том, что автор колеблется, он то призывает писателей обращаться к темам, волнующим современное общество, то защищает индивидуализм и принцип «чистого искусства».

В 1937 г. Тауфик ал-Хаким опубликовал пьесу «Река безумия» («نهر الجنون»), а в 1942 году – «Сулейман Премудрый» («سليمان الحكيم»). Эти философские пьесы, написанные на темы и сюжеты, почерпнутые из сказок и старинных легенд, дали повод арабской критике упрекать Т. ал-Хакима в том, что его литература оторвана от действительности, а сам он отгородился от жизни в «башне слоновой кости». Ответом на это явилась книга писателя «Из башни слоновой кости» («من البرج العاجي»). Она появилась в 1941 г. и была посвящена значению литературы и месту литератора в общественной жизни. Автор книги говорит о том, что он не отгородился в «башне слоновой кости», что всякий честный писатель должен служить своему народу, стараться облегчить его положение. В то же время Т. ал-Хаким решительно не соглашается примкнуть ни к одной из существовавших тогда буржуазных партий, убедившись, что какая бы из них ни приходила к власти, в положении народа ничего не менялось. В стране по-прежнему царили голод и нищета, произвол и насилие, коррупция и безудержное лицемерие правящих кругов. Смена режимов, с каждым разом все более реакционных, и разочарование в возможностях феллахов явились причиной того, что

аль-Хаким приходит к выводу о том, что единственным средством в борьбе за улучшение жизни является нравственное совершенствование людей.

В 1934 г. Тауфик ал-Хаким перешел на работу в государственный аппарат, а в 1943 году он оставил государственную службу. В 1943-44 гг. Тауфик ал-Хаким издал еще два романа – «Цвет жизни» и «Священные узы». В 1951 году работал в газете «اخبار اليوم». В том же году Тауфик ал-Хаким по предложению Таха Хусейна, занимавшего тогда пост министра просвещения, занял пост директора Национальной библиотеки в Каире.

В послевоенной египетской литературе произошли значительные перемены. В неё влился отряд новых, молодых писателей из числа прогрессивной, демократически настроенной интеллигенции, которые выдвинули реализм и народность как основные принципы в литературе. Начиная с 1951 г. на протяжении ряда лет велась ожесточенная полемика между писателями старшего поколения, так называемыми «стариками», отстаивающими принцип «литературы книг», и передовой писательской молодежью – «молодыми». Особенно эта полемика усилилась после революции 23 июля 1952 года. Окончилась она победой сторонников реализма и народности. Одним из первых мастеров слова старшего поколения, выступивших с признанием прогрессивного направления, был Тауфик ал-Хаким.

«Молодежь, представители новой литературы, – писал он на страницах газеты «الشعب» в конце 1956 г., – стремится к тому, чтобы «литература жизни» была чем-то иным, нежели «литература книг». Этот новый взгляд нашей молодежи на литературу верен, ибо он продиктован стремлением к правдивости»¹. Он публикует серию статей, в которых убедительно отстаивает принципы реализма. Эти статьи были впоследствии объединены в сборник «Литература жизни» («ادب الحياة», 1959 г.) В это же время он вновь обращается к реалистической драме, стремясь создать картину нравов современного общества: таковы пьесы «Изнешенные руки» («الايدي الناعمة», 1958 г.) и «Шипы мира» («اشواك السلام», 1959 г.) В 1956 г. ал-Хаким опубликовал наиболее значительное из его

¹ Ал-Хаким Тауфик. «Сделка». Предисловие В.Соловьева, М., 1960 г. стр. 7.

драматургических произведений реалистического плана – пьесу «Сделка» («الصفقة»), тема которой – борьба за землю между крестьянами и помещиками.

В том же году Тауфик ал-Хаким был избран членом Высшего совета по делам литературы и искусства. С 1959 по 1960 гг. ал-Хаким был представителем Египта в ЮНЕСКО, а с 1960 г. снова членом Высшего совета по делам литературы и искусства и постоянно сотрудничал в газете «الاهرام». Тауфик ал-Хаким являлся также членом Академии арабского языка в Каире и членом исполкома Союза писателей Египта. За литературную деятельность писатель в 1958 г. был награжден Орденом Республики, а в 1961 г. удостоен государственной премии Египта.

Умер Тауфик ал-Хаким 26 июня 1987 года в Каире.

Перу Тауфика ал-Хакима принадлежит несколько десятков томов произведений, среди них романы, повести, рассказы, пьесы, публицистика. Сначала рассмотрим прозу Тауфика ал-Хакима.

Проза

В 20-х годах текущего века на смену историческому роману в Египте, еще лет двадцать тому назад безраздельно владевшему книжным рынком, выступает социально-бытовой роман. Одним из первых социально-бытовых романов в египетской литературе является роман «Возвращение духа» Тауфика ал-Хакима.

«Возвращение духа» - первое чисто беллетристическое произведение писателя. По замыслу автора его роман должен был представлять собою среднюю часть трилогии, носящей общее название «Все в одном». Время действия романа – весна 1919 г. В истории Египта этот год знаменателен. Жестокая эксплуатация английскими колонизаторами египтян, особенно феллахов, привела к резкому обострению протестных настроений по всей стране, которое было умело использовано национальной буржуазией и интеллигенцией.

В период заседаний Версальской мирной конференции по всему Египту проходили демонстрации в поддержку бывшего министра юстиции Саада Заглула, который должен был быть главой делегации, собиравшейся участвовать на конференции. Однако он был арестован

англичанами, что вызвало в стране грандиозные демонстрации, переросшие в восстание, которое вскоре было подавлено. Этими событиями и заканчивается роман «Возвращение духа». А в целом роман рисует картину настроений и чаяний египетской буржуазии в период, непосредственно предшествовавший восстанию.

Сюжет романа таков: мальчик Мухсин, сын богатого чиновника Хамид-бека, приезжает из провинции в столицу, где поселяется в семье своих родственников – небогатых братьев отца – Абды, Селима-эфенди и Ханфи. Один из них – учитель, второй – отставной полицейский офицер, третий – студент. С ними живет их сестра, сорокалетняя одинокая женщина, которая с помощью слуги Мабрука ведет хозяйство в доме. Перед нами раскрывается повседневная жизнь дружной семьи, члены которой, хотя и ссорятся часто, искренне любят друг друга, хотят быть всегда вместе, даже спят в одной комнате. В соседнем с ними доме живет красавица Санниэ, дочь врача Хильми. И они все, и племянник, и дяди, и слуга любят ее. Однако Санниэ предпочитает Мустафу-бека, сына владельца большой фабрики, «шалопая-наследника», ленивого и слабовольного»¹. Отвергнутые влюбленные горько переживают свое поражение, и это еще больше сближает их друг с другом. Как раз в это время в Каире начинаются революционные события и вся семья включается в борьбу, превратив «чердак их квартиры... в огромный склад революционных прокламаций»². В конце романа мы видим их всех в тюрьме: они арестованы за распространение листовок. Но конец романа оптимистичен: герои романа вместе, они счастливы, так как верят в скорую победу. Главный герой романа – пятнадцатилетний мальчик Мухсин, образ которого во многом автобиографичен. Он – сын «наиболее богатого и значительного из вельмож города»³. Мать Мухсина – турчанка, она с презрением относится ко всему египетскому. Родители хотели воспитать сына в «неге, холе и довольстве»⁴. Однако уже в детстве душа его тяготится всем богатством, которым его окружили родители: Автор пишет: «Мухсин втайне стыдится,

¹ Ал-Хаким Тауфик. Возвращение духа. Л., 1935 г., стр. 295. Далее см.: Ал-Хаким Тауфик. Возвращение духа, стр...

² Там же, стр. 305.

³ Там же, стр. 33.

⁴ Там же.

что он богат»¹. Он хотел лишь одного – «быть таким же, как его бедные товарищи»². Автор очень правдиво описывает переживания Мухсина в связи с его первой любовью, впечатления от поездки в деревню, где он впервые сталкивается с проявлением вопиющей социальной несправедливости, его искренние симпатии к обездоленным феллахам, под влиянием которых в нем пробуждается патриотизм и желание служить родине. Именно во время пребывания в деревне он до конца понимает, какая пропасть отделяет его от родителей: «Что-то отделяет его от родителей, и что бы он ни делал, между ними всегда остается принужденность. Он не может жить так, как они хотят. Ему нужна свобода, вольный воздух, которым он дышал у своих скромных, простых дядюшек. Каков бы ни был этот дом (дом родителей) с его роскошью и слугами, он сковывает душу Мухсина тяжелыми цепями, носить которые ему не под силу»³. Всеми силами своей души он стремится к простому народу: «Как прекрасно жить вместе с народом»⁴, - восклицает юноша.

Как было отмечено выше, в 20-е годы среди египетской либеральной буржуазии и интеллигенции началось движение «тамсир» - «египтизация». Был выдвинут лозунг – «египет для египтян». При этом, под истинными феллахами понимались феллахи-потомки древних египетских землепашцев. Тауфик ал-Хаким тоже отдал дань этому движению, идеи которого отражены в романе, в котором автор идеализирует египтян. Устами одного из героев он говорит: «Мы умели сеять и пахать, и у нас были деревни, поля и землепашцы, когда Европа не достигла даже эпохи варварства»⁵. Автор сравнивает происхождение арабов и феллахов, ставя при этом феллахов выше арабов. «...Современные феллахи – все те же древние египетские землепашцы, которые жили на той же земле и возделывали ее прежде, чем арабы стали арабами... Можно ли корить этих феллахов тем, что их род не имеет корней, когда он – корень всех корней?.. Разве не свидетельствуют о древнем происхождении природное добродушие феллаха и его любовь к покою и миру – следствие

¹ Ал-Хаким Тауфик. Возвращение духа, стр. 33.

² Там же.

³ Там же, стр. 172-173.

⁴ Там же, стр. 171.

⁵ Там же, стр. 168.

культуры и оседлой жизни? У арабов же до сих пор сохранились черты варварства – любовь к войне, к мести, к пролитию крови, перешедшие от прежней дикой и тревожной жизни, не знавшей оседлости и основанной на набегах и ограблении одним племенем другого. Миролюбие и спокойствие феллахов свидетельствует о его благородном происхождении, а не о раболепстве и ничтожестве раба, сына раба»¹. В феллах автор видит большую силу, способную преобразовать существующие порядки. Устами француза, мусье Фукие, автор говорит, обращаясь к одному из колонизаторов-англичан: «Берегитесь этого народа! В нем таится страшная душевная сила!..». На вопрос, где же она таится, француз отвечает: «В глубокой пучине, из которой вышли эти три пирамиды»². И потом: «Не удивляйтесь же, если этот народ, столь спаянный и единый, снова совершит чудо, подобное пирамидам!»³. Много внимания автор уделяет описанию деревни, жизни феллахов, к которым он относится при этом с большим сочувствием. В груди феллаха за внешней грубоватостью, наивностью и простотой, утверждает писатель, скрывается самоотверженное, отзывчивое сердце, всегда готовое прийти на помощь товарищу, оказавшемуся в беде. Автор показывает, с каким пренебрежением богатые слои населения относятся к феллаху, не считая его за человека. Мать Мухсина говорит: «Феллаху – отдохнуть? С каких пор такая честь?»⁴. Однако преклонение автора перед феллахами приводит его порой к совершенно поразительным утверждениям. Так, Т. ал-Хаким выступает против древнегреческого историка Геродота, который пишет, что рабов фараона силой сгоняли строить пирамиды. Ал-Хаким уверяет, что на самом деле тяготы и лишения, которые испытывали строители пирамид, доставляли им только удовольствие.

Кроме вышеуказанных вопросов, в романе обсуждаются также многие другие вопросы. Один из них – отсталость и невежество египтян, которые верят в колдовство, знахарей, шаманов. С болью автор описывает тот эпизод, когда простая египтянка приводит заболевшего ребенка к аферисту и шарлатану шейху Симхану, свято веря в его волшебство. По

¹ Ал-Хаким Тауфик. Возвращение духа, стр. 178.

² Там же, стр. 197.

³ Там же, стр. 198.

⁴ Там же, стр. 176.

ее словам, он «обладает скрытой силой и знает настоящие тайны и... находится в постоянном общении с обитателями преисподней»¹.

Тауфика ал-Хакима возмущает существующая система образования, методы преподавания. С горечью он говорит: «Школьники обычно слышали слова «наука», «лекция», «учение» и «прилежание», но не слышали слова «любовь», «чувство», «сердце», а если и слышали эти слова, то понимали их в искаженном, низменном смысле. В жизни для них как будто существовали две вещи: наука и разврат. Наука, по их мнению, была синонимом лекций и успеха на экзаменах, а разврат – синонимом любви, сердца и всего, что выходит за пределы науки. Таковы добродетель и порок – учили этих маленьких детей»².

Тауфик ал-Хаким является одним из первых арабских писателей, кто описал события 1919 г. в Египте. В романе «Возвращение духа» писатель дает подробное описание этих событий. «Египет, который спал веками, поднялся на ноги в один день»³, - так характеризует он начало событий. И далее: «Все в Каире перевернулось вверх дном. Лавки, кофейни и дома закрылись, пути сообщения прервались, везде начались демонстрации. Подобные же волнения вспыхнули во всех окраинах, областях и деревнях»⁴.

Таким образом, мы видим, что роман Тауфика ал-Хакима – талантливое произведение. Тонкий, вдумчивый наблюдатель, Тауфик ал-Хаким раскрыл в нем такие стороны египетской жизни, которые обычно оставались другими писателями в тени. Большинство героев писателя – настоящие, живые люди; особенно тонко умеет Тауфик ал-Хаким подметить в них пошлые и смешные черты.

Большой заслугой автора является широкое использование в романе живого разговорного языка. Это исходило из желания автора сделать свою книгу более доступной широким массам читателей. Отрицательной стороной романа, на наш взгляд, является пристрастие автора к излишне утонченному анализу душевных переживаний своих героев, а также отсутствие в романе сжатости и насыщенности стиля. Однако,

¹ Ал-Хаким Тауфик. Возвращение духа, стр. 47.

² Там же, стр. 80.

³ Там же, стр. 301.

⁴ Там же, стр. 303.

несмотря на это, роман Тауфика ал-Хакима представляет собою выдающееся произведение арабской реалистической прозы. Он сыграл огромную роль в становлении ново-арабской литературы. Известный советский арабист В.М.Борисов пишет, что «роман «Возвращение духа» стал знаменательной вехой на пути развития современной египетской прозы».¹

Следующим крупным произведением Тауфика ал-Хакима является повесть «Записки провинциального следователя». На первый взгляд повесть напоминает детектив. В глухом провинциальном египетском городке убит феллах Камар ад-Дауля Альван. В убийстве косвенно замешаны девушка Рим и полоумный старик шейх Усфур. На этом и заканчивается сходство повести с детективом. В ней нет захватывающей стремительности быстро сменяющихся картин, как в детективных романах. Повесть написана в форме дневника. Его ведет молодой судебный следователь, который вырос и получил образование в столице, а судьба забросила его в провинциальный городок. Как всякий новичок, вступающий в жизнь, он уносится мечтами в необъятные дали, к подвигу, большим делам. А что же ему делать здесь? Опуститься? Стать таким же, как все? «В этом захолустье не было ни одного человека, с которым я мог бы поделиться всем, что творится у меня на душе. Перо – счастье для тех, кто, как я, обречен на одиночество»², - размышляет молодой человек. И он решает вести дневник. В начале книги мы читаем: «Почему я веду дневник? Может быть, потому, что я счастлив? Нет. Счастливую жизнь не описывают в дневниках, ею наслаждаются»³. Для него дневник – «глоток свежего воздуха, единственная возможность в тяжелый час дать волю своим чувствам»⁴. Только в дневнике, находясь с самим собой, он может написать о том, что творится вокруг: о тяжелом положении феллахов, о тупости и невежестве окружающих его судебных чиновников. Поэтому дневник следователя – это, скорее всего, грозное обвинение против несправедливости, царившей в египетской провинции того времени. Автору важно не раскры-

¹ Борисов В.М., стр. 60.

² Ал-Хаким Тауфик. Записки..., стр. 69.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же.

тие самого преступления. В конечном итоге не выяснена ни причина убийства, и не найден сам преступник. Автор раскрывает куда более тяжелые преступления. Распутывая по ниточке клубок преступления, писатель разворачивает перед читателем все новые и новые картины провинциальной жизни. И каждый новый факт о преступлении служит лишь поводом, чтобы рассказать о людях, окружающих следователя, о феллах и их трудной жизни, или поговорить о своих коллегах-судьях, чиновниках полицейского управления, нравах, бытующих в городке. Как в капле воды отражается окружающий мир, так и в мелком эпизоде из судебной практики отражается равнодушная тупость судопроизводства, несправедливые законы, все громоздкое здание буржуазного правосудия. Читая все это, читатель невольно приходит к мысли, что положение в одной деревне не может быть отличным от положения во всем государстве, «ведь деревня – это государство в миниатюре»¹.

Каждая страница «Записок» проникнута любовью автора к простому народу Египта, к забытым, обездоленным феллахам. Вот феллахи. В своих жалких, крытых стеблями хлопчатника и кукурузы «глиняных норах» они не живут, а прозябают. Они безропотно сносят все издевательства, которым их подвергают власти. Они настолько темны и забыты, что эти издевательства не вызывают у них даже какого-либо чувства протеста. Власти преследуют их, за малейшие проступки облагают штрафами, сажают в тюрьму. Судья каждый день рассматривает десятки различных дел и выносит по ним однообразные приговоры, чаще всего несправедливые, так как у судьи нет желания вникнуть в суть дела, понять, почему человек совершил тот или иной проступок, разъяснить ему, в чем он обвиняется. Для него все эти бедняки – безликое стадо, неспособное мыслить. «На всех обвиняемых, - замечает автор, - сыпались одинаковые приговоры. И мне казалось, что ни один из них не верил в то, что действительно совершил какой-то проступок. Им представлялось, что это просто какая-то подать или беда, неожиданно свалившаяся на них с неба, такая же, как все подати и беды. Закон требует: «Плати!» - и они платят. Я часто задавал себе вопрос: в

¹ Ал-Хаким Тауфик. Записки..., стр. 35.

чем смысл такого суда? Какое он имеет воспитательное значение? Ведь правонарушители абсолютно не понимают своей вины»¹. Писатель-реалист Тауфик ал-Хаким правдиво описывает, в каком мраке живут феллахи: «Эти бедняки не имеют в своих деревнях ни водоемов, ни водопроводов и вынуждены всю жизнь прозябать в грязи, как скот...»². В деревнях отсутствует квалифицированная медицинская помощь, и феллахам приходится обращаться к санитарным цирюльникам и повивальным бабкам. «... В Египте души бедных людей ничего не стоят, потому что те, кому надлежит заботиться о них, думают об этом очень мало»³.

Покорность феллахов, их безропотность и неспособность постоять за себя будят иногда в душе автора чувства разочарования и пессимизма. Он уже не надеется, что темные и забытые феллахи, которым чужда отвага и воинственность, смогут когда-нибудь свергнуть своих угнетателей и построить новую жизнь. В миролюбии феллаха Тауфик ал-Хаким видит его порок. «Не является ли это (миролюбие – Г.Б.) одним из моральных недостатков феллаха...? Или оно порождено извечным рабским трудом, постоянным копанием в земле?»⁴ - спрашивает себя герой романа. Феллахи, воля которых сломлена вековой нищетой, своими силами ничего не способны изменить в существующем положении. Так откуда ждать помощи? Роман не дает ответа на этот вопрос. Однако уже сама постановка подобного вопроса имела огромное значение. Если сравнивать «Записки» с написанным за 4 года до этого романом «Возвращение духа», то можно заметить, что к концу 30-х годов Тауфик ал-Хаким отошел от распространенных в 20-е годы идей «египтизации», под влиянием которых он идиллически воспринимал египетского феллаха как потомка древних египтян и возлагал на него надежды, связанные с национальным освобождением страны. Теперь же феллах для него – всего лишь темная, страдающая масса. Надо отметить, что в этом отношении автор неправ, так как египетские фелла-

¹ Ал-Хаким Тауфик. Записки..., стр. 34.

² Там же, стр. 33.

³ Там же, стр. 88.

⁴ Там же, стр. 43.

хи в восстании 1919 г. проявили себя, как мощная и разумная сила в борьбе за независимость.

В повести писатель также гневно разоблачает бюрократические порядки египетской деревни. В этом отношении повесть представляет собой обвинительный акт, предъявляемый писателем-гуманистом правящему режиму за его жестокость, несправедливость и равнодушие к людям. Автор гневно обличает судопроизводство в Египте, где судьи не вникают в дела, их не интересует участь подсудимых. Главное для них – карьера и личное благополучие. Здесь главное внимание обращается не на поиски виновника, а на формальное оформление дела. «Да, сами дела по существу не имеют для высших сфер юстиции никакого значения. Высшие инстанции интересуют лишь делопроизводство, как быстро мы с ним справляемся. У нас никогда не осуждается сдача дела в архив, но всегда вызывает порицание длительность его разбирательства. Высшим сферам нужна только успокоительная распорядительность, умение вовремя умыть руки и освободиться от дела любым путем, какими угодно средствами»¹. Да и кому нужно стараться найти истинных виновников, если «кровь жертв дешевле чернил, потраченных на составление протоколов об их смерти»².

Чиновничество, в описании Тауфика ал-Хакима, это – паразитический нарост на теле народа. Оно откровенно наживается за счет народа. Для него народ – дойная корова, которая дает ему возможность жить на широкую ногу, проводить время за карточным столом. Дальше этого их интересы не идут. Но нужно бороться за возможность вести такую жизнь. Бороться друг с другом. Со сменой центрального правительства в Египте обычно менялась и власть на местах. Поэтому городок охватила паника, когда до него дошла весть о падении кабинета. Чиновники засыпали центр доносами друг на друга. Но предусмотрительнее всех поступил начальник полиции: он просто арестовал своих возможных соперников на период выборов. А если результаты выборов окажутся неблагоприятными для него, у него есть другой вариант. «Клянусь честью, - говорит он, - я не вмешиваюсь в выборы, не оказываю давления на свободу населения, не говорю: «изберите этого, а того провалите». Нет,

¹ Ал-Хаким Тауфик. Записки..., стр. 134.

² Там же, стр. 133.

нет и нет! В моих правилах предоставлять народу полную свободу, пусть выбирают, кого хотят.. таков мой постоянный метод во время выборов: полная свобода! Я предоставляю полную свободу на выборах, чтобы они проходили нормально. Но потом я просто беру урну с бюллетенями и бросаю ее в канал, а на ее место ставлю другую, подготовленную заранее»¹. Победа или поражение на выборах воспринимаются родственниками кандидата, близкими и дальними, как личное счастье или горе. Автор рассказывает эпизод. Проходя мимо двора бывшего старосты, он видит, что большая группа людей танцует, поет, радостно кричит. На руках одного из них – телефон. Тут он понимает, что эти люди – родственники нового старосты. Они выносят телефон – признак власти в деревне. «Видно, служебный телефон у старосты наподобие скипетра. Его появление здесь – признак счастья и преуспевания»².

Большое место в романе отводится разоблачению и никчемности деревенского суда. Смешон и печален суд над нищим стариком, укравшим кукурузный початок. Чиновник, готовясь допрашивать старика, с серьезным видом делает выписки и составляет обвинительную речь. Между ним и «обвиняемым» происходит следующий диалог:

- Ты украл кукурузный початок?

Старик ответил сразу же из глубины израненного сердца:

- От голода.

Помощник посмотрел на окружающих и сказал торжествующим тоном:

- Обвиняемый в краже сознался³.

Бедняка сажают в тюрьму, но это не страшит, а, наоборот, радует его, так как там он будет, по крайней мере, иметь верный кусок хлеба. На страницах романа проходят сцены допросов, расследований, судебных заседаний, и мы все больше и больше убеждаемся, что тот закон, который, казалось бы, должен стоять на страже справедливости, на самом деле душит ее, служит лишь орудием закабаления бедняков-феллахов, орудием произвола в руках полиции – фактического хозяина в провинции. Недаром следователь в конце книги с горечью говорит: «А

¹ Ал-Хаким Тауфик. Записки..., стр. 110.

² Там же, стр. 85.

³ Там же, стр. 55.

где она, эта справедливость? Я понятия о ней не имею, нигде ее не видел. Нам никто никогда ее не показывал»¹. Однако он не смеет протестовать против всего этого беззакония, так как хорошо знает, что стоит ему поднять голос протеста, как его ждет отставка или перевод в еще более страшную глушь, как того судью, которого «перевели в самый дальний район лишь потому, что он выпустил на свободу демонстрантов, арестованных за оппозицию правительству»².

«Записки» имеют большое значение. В них автор показал сколько еще предстоит сделать, чтобы вырвать крестьянина из мрака, привычного смирения и невежества. Книга получила высокую оценку арабской критики, несколько раз переиздавалась, была переведена на английский, французский и испанский языки. В 1959 г. была издана на русском языке. Оценивая значение романа, известный египетский писатель и критик Махмуд Амин аль-Алим говорит, что этот роман – «одно из самых лучших произведений, написанных до второй мировой войны»³. Академик И.Ю.Крачковский относил эту книгу к «живым и тонким изображениям деревенской глуши»⁴, к крупным явлениям арабской литературы XX в. Как и роман «Возвращение духа», «Записки провинциального следователя» явились важным событием в общественной и культурной жизни Египта. Оба эти произведения способствовали развитию критического реализма в египетской литературе. Именно этими двумя книгами Тауфик ал-Хаким завоевал себе широкую известность.

Третье крупное прозаическое произведение Тауфика ал-Хакима – роман «Птичка с Востока» («عصفور من الشرق»), опубликованный в 1938 г. Этот роман, как и предыдущие, – автобиографический. Герой романа «Возвращение духа» Мухсин едет во Францию для завершения образования. Здесь он знакомится с русским эмигрантом. Они много беседуют, вместе размышляют о преимуществах культур Востока и Запада. В этом романе Тауфик ал-Хаким выступает как идеалист в отношении закономерности развития общества. Автор считает, что прогресс науки

¹ Ал-Хаким Тауфик. Записки..., стр. 132.

² Там же, стр. 130.

³ Борисов В.М., стр. 65.

⁴ Крачковский И.Ю., стр. 98.

и техники – «материального мира» - может принести гибель «духовному миру». По мнению автора, рабочий класс – могильщик цивилизации. Боясь классовой борьбы, автор обращается к «духу Востока», так как только пророки Востока поняли, что «равенство не может быть на земле».

Перу Тауфика ал-Хакима принадлежат также романы «Цвет жизни» и «Священные узы».

«Цвет жизни» - это сборник писем, которые Тауфик ал-Хаким написал во Францию друзьям после возвращения в Египет. В этих письмах сочетаются размышления автора о драматургии, философии, литературе, искусстве с воспоминаниями о счастливых днях юности, проведенных во Франции. В философском романе «Священные узы» Тауфик ал-Хаким рассказывает о жизни молодого литератора, наделяя его при этом чертами собственного характера. Герой романа все время стремится изолироваться от жизни, он считает, что настоящий писатель должен вести монашеский образ жизни, ему должны быть чужды любовь, личное счастье и другие радости жизни. Однако, несмотря на все это, герой романа в конце приходит к выводу, что писатель не должен уединяться, его обязанность – освещать людям путь светом истины и высоких идеалов.

Повесть «Ослик Хакима» («حمار الحكيم») по своей тематике напоминает «Записки провинциального следователя». Основная идея повести – «писатель должен глубоко познать жизнь, прежде чем обратиться со своим словом к людям»¹. Основу повести составляют открытые беседы писателя с молчаливым осликом, а также диалоги писателя с ведущими мировыми и арабскими деятелями литературы и культуры. Основное внимание писателя уделяется положению египетской деревни. Восхищаясь благородством египетского феллаха и чистым духом деревенской действительности, писатель в то же время признается: «Но я ненавижу и продолжаю ненавидеть жалкую, грязную жизнь феллаха»². В повести писатель впервые пишет о причинах подобного положения крестьян и предлагает свой рецепт изменения подобной действительности – просветительство и образование.

¹ Усманов Н.К. Проза Тауфика аль-Хакима. М., 1979, стр. 55. Далее см.: Усманов Н.К., стр...

² Там же, стр. 52.

Повесть «Танцовщица в храме» («الرا قصة في المعبد», 1939) посвящена проблеме безответной любви и в некотором роде автобиографична. Писатель ищет спасение от любви в творчестве, в искусстве. Панацеей от всех бед писатель видит в нравственном самосовершенствовании человека.

Особняком в творчестве аль-Хакима стоит повесть «История жизни желудка» («تاريخ حياة المعدة», 1938) – подражание средневековым сказкам. В повести описываются приключения чревоугодника Аш'аба. Используя средневековое арабское литературное наследие, произведения Ибн Абд Раббихи, Хатыба Багдади и Бади аз-Замана ал-Хамадани, писатель приходит к идее развития египетской литературы на основе общеарабского культурного наследия. Высоко оценивая достоинства повести, знаменитый немецкий востоковед К.Брокельман пишет: «Книга показывает, что можно сделать из разноцветной мозаики древней литературы»¹.

Следующее крупное прозаическое произведение Тауфика ал-Хакима – роман-пьеса «Банк тревог» («بنك القلق», Каир, 1966). Как видно из названия, в нем сочетаются элементы и романа, и пьесы. Драматургия не была у арабов традиционным жанром. Поэтому в данном произведении, вводя элементы драмы, писатель стремился развить вкус арабского читателя, привить интерес к театру. С этой целью автор делит роман-пьесу на главы-картины, вводит авторские ремарки.

Кроме этих романов Тауфик ал-Хаким является также автором многочисленных новелл, выпустил около десяти сборников рассказов. Однако эта сторона творчества писателя еще не совсем исследована.

В 1957 г. в сборнике «Место на земле. Рассказы современных египетских писателей» М., 1957 издан перевод рассказа Тауфика ал-Хакима «Горшок».

В 1958 г. в сборнике «Рассказы писателей Востока» Л., 1958 издан перевод рассказа «Чудеса и чудотворцы».

В 1961 г. на русском языке была издана книга «Современная арабская проза», в которой напечатаны 2 новеллы Тауфика аль-Хакима: «Лотерея» и «Рождение мысли».

¹ Brockelman C. Geschichte der arabiscen litteratur. 3 Suppl. Bd. Lig 4 Leiden, 1942, стр. 250.

«Лотерея» («يا نصيب») – изящная новелла, в которой нет особой глубины мысли, но она пронизана тонким юмором, какой-то смесью арабского и французского. Содержание новеллы таково: молодой образованный человек хочет жениться, однако никак не может найти себе по вкусу невесту. И вот однажды, очнувшись от беспамятства после автомобильной катастрофы, он оказывается окруженным заботами таинственной незнакомки, на которой и женится.

«Рождение мысли» («ولادة الفكر») представляет собой диалог человека с собственной мыслью. Какое ему дело, что это может быть великая мысль, которая принесет огромную пользу человечеству, - лень додумать ее до конца, лень встать с постели, чтоб записать ее, а встав – так надо сначала набить себе желудок. Вообще, зачем себя утруждать? И мысль умирает, так и не родившись.

В 1964 г. в Москве был издан сборник «Шесть гиней. Новеллы египетских писателей». В этом сборнике напечатаны 3 новеллы Тауфика ал-Хакима: «Тост», «Необыкновенное изобретение» и «Два признания».

В новелле «Тост» автор разрабатывает антивоенную тему. В оригинале эта новелла называется: («في نخب العصاة») - «За здоровье банды». Содержание новеллы таково: главарь известной банды убийц аль-Капоне похищает американских ученых-атомщиков, доставляет их к себе во дворец и устраивает торжественный ужин. В конце ужина он провозглашает тост, в котором говорит, что его с атомщиками связывает то, что они оба убивают людей. Разница в том, что аль-Капоне за всю свою жизнь убил 500 мужчин, а атомщики в один миг могут уничтожить сотни тысяч людей. Аль-Капоне в лице атомщиков видит достойных продолжателей своего дела и передает им эстафету. Таким образом, ал-Хаким выступает в этой новелле против войны, против гонки вооружения, откровенно называет изобретателей этого вооружения убийцами.

Другая новелла - «Необыкновенное изобретение» («الاختراع العجيب») представляет собой разоблачение никчемности серой, бессмысленной жизни, в которой ничего не происходит. Изобретен аппарат, повернув ручку которого можно увидеть все, что случится с тобой через год, пять лет, десять лет. Однако, все инженеры и рабочие, которые проводили испытание аппарата, кончали жизнь самоубийством. Причина этого таилась в том, что они видели на экране, что с ними в

будущем ничего не случится, что они будут продолжать свою серую, бессмысленную жизнь.

Третья новелла – «Два признания». В оригинале она называется «ليلة الزفاف» - «Брачная ночь». В ней рассказывается о двух молодых, о том, как муж благодаря своему уму, такту и находчивости смог завоевать любовь жены. В 1971 г. в сборнике рассказов «Современная арабская проза (М.-Л., 1971) издан перевод рассказа «Чистая любовь» («الحب العذري»). В 1973 г. был опубликован сборник «Живи, Египет!», в котором был помещен рассказ Тауфика ал-Хакима «Шейх аль-Биль-бейси» («الشيخ البلبيس»), представляющий собой беспристрастное описание нравов египетского провинциального общества.

Тауфик ал-Хаким так характеризует жанр рассказа: «Специфика рассказа не позволяет высказать всего, не дает возможности полностью показать истину. Его господство в литературе исчезнет, так как он ограничен рамками занимательности. Во всяком случае, это не позволяет рассказу углубляться в изучение больших человеческих проблем, что под силу крупным произведениям в прозе»¹. Писатель считает, что будущее литературы – в синтезе элементов рассказа, романа и повести: «Рассказ без элементов романа и повести не сможет всесторонне осветить предмет, а роман и повесть без занимательности рассказа будут страдать недостатком художественности»². Несмотря на подобные высказывания, писатель тем не менее создал целый цикл оригинальных рассказов, которым характерна глубокая идея и философское обобщение. И если рассказы, написанные в 30-40-е годы являются образцами литературы критического реализма, то более поздние рассказы писателя – философские рассказы, отражающие размышления писателя о человеке и смысле жизни.

Первый же рассказ писателя «Свадебные певичцы» - не что иное как бытовая зарисовка из жизни бродячей артистической труппы, навеянной воспоминаниями жизни в родительском доме.

Первый сборник рассказов писателя «Воспоминания об искусстве и работе в суде» («ذكريات الفن و القضاء») был опубликован в 1953 году. Сюда вошли написанные в 30-40-е годы рассказы. В них автор крити-

¹ Ал-Хаким Тауфик. Фанн-ул-адаб. Каир, 1952, стр. 222.

² Там же, стр. 225.

кует бюрократический судебный аппарат, злоупотребления властью местных чиновников, описывает тяжелое положение египетского крестьянства. В рассказах писатель реалистически описывает многие стороны египетской действительности.

Философские рассказы отразили отход писателя от актуальных общенациональных вопросов и общечеловеческих проблем. В них поднимаются абстрактные вопросы добра и зла, жизни и смерти и т.д. Только любовь к скромной учительнице в рассказе «Изгнанный из рая» исцеляет героя от мучительных раздумий и поисков смысла жизни». «Нет рая на небе, нет его и в баре «Рай» на улице Амад ад-Дин. Он – в сердце!» - приходит к выводу герой в конце рассказа. Всепобеждающая сила любви спасает и героя другого рассказа писателя – «Я смерть».

Проблемам всемогущества божественной силы, предопределенности судьбы посвящены многие рассказы ал-Хакима («Покажи мне Аллаха»), «Трудное положение», «Мир – это театр», «Счастливый муж» и др.). Исследователь Н.К.Усманов пишет о философских рассказах писателя: «Для философских рассказов характерно стремление писателя сделать каждый образ и явление емким и многогранным. В этих рассказах символичны даже детали. Последовательное развитие сюжета сочетается в них с математически продуманным выбором фигур и положений. Однако заданность символов нередко приводит к схематичности образов»¹.

Перу Тауфика ал-Хакима принадлежит так же более 300 публицистических произведений, в которых писатель поднимает многие общечеловеческие проблемы и старается искать пути их разрешения.

Драматургия

Значительное место в творчестве Тауфика ал-Хакима принадлежит драматургии. Он – автор около 60 пьес, которые по своему характеру и своей тематике разнообразны. У ал-Хакима мы встречаем и социальные драмы и комедии, и пьесы, которые можно отнести к философскому театру, и пьесы, в которых автор использует символику и фантастику.

¹ Усманов Н.К., стр. 81-82.

До Тауфика ал-Хакима национальной египетской драматургии, как таковой не существовало. Существовали только труппы бродячих актеров, которые ставили сцены с легким, игровым содержанием, предназначавшиеся для развлечения публики. Были профессиональные труппы, которые ставили переработанные пьесы Мольера, Расина, Корнеля, Шекспира, Дюма. Необходимо было создать национальную драматургию. Это и сделал Тауфик ал-Хаким.

Ал-Хаким делит свою драматургию на «социальный театр» и «интеллектуальный театр». К первому писатель причисляет свои реалистические пьесы, ко второму – символические и философские¹. Рассмотрим сначала социальную драматургию писателя.

В своих первых социальных пьесах драматург затрагивал обычно женский вопрос. Примером этого может служить комедия «Новая женщина», посвященная вопросу положения арабской женщины в семье и обществе. Как известно, Тауфик ал-Хаким всегда выступал против эмансипации женщин, считая, что она приведет к падению нравов. Эти же взгляды он развивает в вышеуказанной комедии: героини комедии – эмансипированные женщины – лишены всяких моральных устоев. Комедия была написана тогда, когда в египетском обществе всюду разгоралась дискуссия между сторонниками женской эмансипации и сторонниками прежнего традиционного уклада жизни. В этой полемике Тауфик ал-Хаким поддержал вторых. К.О.Юнусов пишет: «В комедии «Новая женщина» в гротескной форме он попытался продемонстрировать, к какому падению нравов может привести свобода женщины»². Этой же теме посвящены пьесы «Наш прекрасный пол» («جنسنا اللطيف»), «Интервью» («حديث»), «Уважаемая госпожа депутат» («سيدة نائب المحترمة»). Комедии «Хочу этого мужчину», «Хочу убить», «Счастливые супруги», «Не ищи истины» посвящены отношениям мужчины и женщины в новых условиях. Много пьес драматург посвятил высмеиванию министров и мелких чиновников, партийных деятелей, помещиков, которые заняты лишь своим корыстными делами и которым чужды интересы родины. Этой теме посвящены комедии: «Человек, который был стойким», «Между днем и ночью», «Каждому старательному – удача», «Свободные

¹ Ал-Хаким Тауфик. Ал-масрах ал-мунавва. Каир, 1958, стр. 90.

² Юнусов К.О., стр. 36.

профессии», «Чистая любовь», «Ключ успеха» и многие другие. Комедия «Чистая любовь» переведена на русский язык. Действие комедии происходит в дореволюционном Египте. В центре – отвратительная фигура богатого помещика Абд-аль-Гани. Он обуреваем жаждой накопления. Ему нет дела ни до возни политических партий вокруг него, ни до любящей женщины; у него нет друзей, в его представлении все мошенники, потому что все хотят урвать у него деньги. Этот арабский Гарпагон XX в. – яркий сатирический образ внутреннего врага египетского народа. Аллегорическая пьеса «Пракса, или проблема власти» («براكسا او مشكلة الحكم») посвящена критике нравов королевского дворца. Сюжет ее автор взял из комедии древнегреческого драматурга Аристофана «Женщины в народном собрании», несколько изменив его. Героиня пьесы Пракса велит жительницам Афин переодеться в мужской костюм, ведет их в народное собрание, где они и выбирают ее главой государства. Однако Пракса, не сумевшая справиться со своими обязанностями, передает власть своему любовнику Иеронимусу. Потом власть захватывает муж Праксы Блепирос. Таким образом, читатель видит, что во дворце постоянно идет борьба за власть, здесь процветают интриги, обман и предательство. Все стремятся только к личному обогащению. Никто не думает о народе. В образе царя Блепироса современники драматурга легко угадали короля Фарука.

Теме египетского крестьянства посвящена реалистическая пьеса «Сделка». В центре пьесы – обитатели маленькой египетской деревушки, которые хотят купить у иностранной компании землю. Однако, вдруг выясняется, что их «сделка» может окончиться неудачей, так как помещик Хамид-бек Абу Рагия хочет перехватить землю, переплатив за нее. Феллахи решают уговорить его не делать это. Хамид-бек соглашается при условии, если девушка Мабрука уедет с ним. Совесть феллахов восстает, хотя их отказ выдать девушку грозит провалом «сделки». Положение спасает Мабрука, которая своим умом и ловкостью обманывает помещика. Пьеса имела большой успех. Читатели ее познакомились с обычаями и нравами египтян, с социальными отношениями в египетской деревне. Она подкупает богатством юмора, тонкой характеристикой персонажей, динамичностью диалога.

К социальной драматургии ал-Хакима относятся также пьесы: «Изнеженные руки», «Шипы мира», «Еда для всех» («الطعام لكل»), «Критическое положение» («الورطة»). Ведущей темой в них являются темы труда, служения народу, мира, ответственности человека за судьбу других людей. В то же время в своих социальных пьесах Тауфик ал-Хаким резко критикует современную ему египетскую действительность, беспринципность и продажность коррумпированных чиновников, показывает бесправие, забитость и невежество простого народа. Исследователь драматургии Тауфика ал-Хакима К.О.Юнусов пишет: «... Социальные и бытовые комедии и драмы Тауфика ал-Хакима, созданные одновременно с так называемым «философским театром», не уступают последнему по своей художественной ценности и важности поднимаемых в них проблем. Даже в периоды реакции, наступившей после прихода к власти правительства Сидки-паши, драматург вовсе не замыкается в «башне из слоновой кости» и не скатывается на позиции «искусства для искусства», как это принято думать; напротив, преобладающей темой в его социальных пьесах становится беспощадное обличение царивших в стране бюрократии, произвола и падения нравов.

После египетской революции 1952 г. Тауфик ал-Хаким первым создает произведения, которые способствовали практической выработке основ литературного течения, называемого в арабских странах «школой нового реализма». В отличие от критического реализма с его духом отрицания новое течение характеризуется утверждающим активным отношением к действительности, появлением на сцене новых героев – представителей простого народа. В то же время «новому реализму» присущи известные недостатки: схематизм образов, риторичность и назидательность. Одним из первых, кому удалось устранить эти недостатки в своих пьесах, вновь оказался Тауфик ал-Хаким¹. Свою задачу Тауфик ал-Хаким видит в сознательном насаждении на арабской почве новых форм современной западной драматургии. В результате драматург создает ряд философских пьес.

Известно, что Тауфик ал-Хаким в молодости увлекался «интеллектуальным театром» Г.Ибсена и символизмом М.Метерлинка и его

¹ Юнусов К.О., стр. 52.

наиболее значительные философские драмы созданы под их воздействием. Эти драмы не предназначены для сцены. Конфликты, лежащие в их основе, заключаются в борьбе абстрактных идей и метафизических сил. Сюжеты большинства из них заимствованы из древнегреческой и мусульманской легенд. К философским пьесам ал-Хакима относятся: символистская пьеса «Шахразада», содержащая протест против культа сверхчеловека; «Пигмалион», о взаимодействии жизни и искусства; «Сулейман премудрый»; антииницианская «Царь Эдип» и другие. Наиболее значительной символистской пьесой ал-Хакима является пьеса «Обитатели пещеры». В пьесе автор использовал тему христианской легенды о первых христианах, скрывающихся от преследования римского императора. Прослав в своем убежище триста лет, преследуемые вернулись к жизни, когда римские императоры уже сами стали христианами. Эта легенда изложена в Коране. В своей пьесе Тауфик ал-Хаким сохраняет в основном содержание легенды, значительно изменив ее конец. Три христианина – приближенные императора Машилия, Марнуш и пастух Ямлиха, спасаясь от преследований императора, прячутся в пещере и в ней спят триста лет, после чего они выходят из пещеры и ничего вокруг не узнают. Все исчезло. На месте всего, что было триста лет назад, все новое, незнакомое. Ямлиха не находит свое стадо, Марнуш не находит свой дом, свою семью. Машилия встречает свою возлюбленную, но оказывается, что эта девушка – правнучка той, которую он когда-то любил. И он, как и его два друга, уходит обратно в пещеру, потеряв всякий интерес к жизни. Знакомство с пьесой убеждает читателя в том, что драматург, прибегнув к символическому использованию мифологического материала, стремится прежде всего изобразить жизнь Египта 30-х годов, времени кризиса либерального национализма и торжества реакции при правительстве Сидки-паши, когда в египетской действительности трудно было увидеть что-либо ценное и живое. Поэтому-то и герои пьесы отрешены от жизни, их ничего не интересует. Другой темой пьесы является тема борьбы человека со временем, в котором последнее выходит победителем.

В начале 50-х годов в европейской литературе появилось новое направление – иррационализм. Первым египетским драматургом, обратившимся в своем творчестве к этому направлению, явился Тауфик

ал-Хаким. В 1962 г. он опубликовал пьесу в духе иррационализма «Взбирающийся на дерево» («يا طالع الشجرة»). Пьеса состоит из двух частей. В ней всего 4 действующих лица. Сюжет пьесы таков: полицейский следователь приходит в дом, где живут престарелые супруги. Он обвиняет мужа в том, что тот убил свою жену. Оправдываясь, муж вызывает из прошлого старика-дервиша. Именно этот дервиш и предсказал ему, что когда-нибудь у него будет свой дом и маленький садик с одним единственным апельсиновым деревом. Появившийся на сцене дервиш не защищает мужа, а, напротив, заявляет, что если тот еще не убил свою жену, то непременно убьет и труп ее закопает под деревом. На этом первая часть пьесы кончается. В начале второй части жена возвращается домой. Полицейский следователь понимает, что произошла ошибка и уходит. Муж начинает расспрашивать жену, где она была. Жена не отвечает. Тогда муж убивает ее, а тело прячет в корнях своего дерева. Таким образом, предсказание старика-дервиша сбылось. Появление этой пьесы вызвало в египетской прессе бурную полемику. Много спорили об основной идее пьесы. Одни видели в ней борьбу между духом и материей, другие – иллюстрацию идеи антагонизма полов Фрейда, третьи – борьбу человека с природой. Несомненно одно: эта пьеса написана в духе иррационализма. Об этом свидетельствует прежде всего одновременное присутствие на сцене прошлого и настоящего, человеческое одиночество, когда герои как будто ведут диалог, а на самом деле каждый разговаривает сам с собой. Таким образом мы видим, что прав был И.Ю.Крачковский, когда писал о Т. ал-Хакиме: «Диапазон его исканий чрезвычайно широк»¹. За свою многолетнюю творческую жизнь драматург отдал дань и символизму, и реализму, и иррационализму. Однако ведущим методом в его творчестве всегда оставался и остается реализм.

Со времени возникновения национального арабского театра одной из проблем, волнующих драматургов, является проблема языка драматургических произведений. Известно, что разговорные диалекты, на которых говорят в арабских странах, сильно отличаются от арабского литературного письменного языка. Поэтому пьесы, написанные на

¹ Крачковский И.Ю., стр. 98.

литературном языке, будут трудно восприниматься широкими массами зрителей. А пьесы, написанные на диалекте одной страны, будут малопонятны зрителям другой страны. Тауфик ал-Хаким пишет, что существующее положение может привести к многоязычию: «В один прекрасный день мы окажемся перед необходимостью переводить книги и идеи с одного местного языка на другой внутри арабского мира, а тем самым раздробится наша культура и оборвутся связывающие нас духовные узы»¹. Итак, необходимо найти выход из создавшегося положения. Решить эту проблему до Тауфика ал-Хакима пытались многие. Якуб Санну писал свои социально-бытовые комедии на диалекте. Михаил Нуайме в пьесе «Отцы и дети» и Фарах Антун в пьесе «Новый и старый Египет» стремились решить эту проблему, заставив говорить героев своих пьес разным языком: представителей образованных кругов – литературным, представителей народа – разговорным. Махмуд Теймур, начиная с 30-х годов, стал вводить диалект в диалог своих новелл. В это же время он стал писать и драмы на диалекте.

Тауфик ал-Хаким пошел другим путем. Он попытался создать «третий», «средний» язык, на котором написаны пьесы «Сделка», «Трудное положение», «Еда для всех». Эти пьесы написаны на так называемом облегченном литературном языке, который несколько приближается к разговорному диалекту, оставаясь в то же время литературным языком. Это сделало язык пьес понятным массовому зрителю в различных арабских странах, избавляя, однако, драматургическое произведение от сложных оборотов, присущих пьесам, написанным на чистом литературном языке. Однако автор сохранил основные правила литературного языка. В предисловии к пьесе «Сделка» ал-Хаким пишет: «Если мой опыт будет удачным, то мы, во-первых, обречем в будущем единый язык драматургии, во-вторых, что очень важно, найдем путь к сближению представителей разных слоев одного народа и к сближению всех народов, говорящих на арабском языке»².

Прогрессивная критика высоко оценила смелый опыт Т. ал-Хакима.

¹ Юнусов К.О. Новые формы драматических произведений в египетской литературе. – ж. «Народы Азии и Африки», 1970, № 4, стр. 140.

² См. «Современные литературы Африки», М. 1973 г., стр. 149.

III ГЛАВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ТАУФИКА АЛ-ХАКИМА

Известно, что литературные взгляды любого писателя связаны со всем его творчеством. Не составляет исключение из этого правила и Тауфик ал-Хаким. Кратко рассмотрев все творчество писателя, мы убедились, что Тауфик ал-Хаким всегда творил, руководствуясь определенными литературно-теоретическими принципами. Им также написаны многочисленные труды по литературоведению, философии, эстетике, в которых автор непосредственно изложил свои литературно-теоретические взгляды. Какова же литературно-теоретическая концепция писателя? Как он понимает назначение литературы, как оценивает роль писателя, как относится к жизни?

Тауфика ал-Хакима всегда волновал вопрос о судьбе писателя в арабском обществе. Неоднозначное положение писателя в арабских странах, пропасть между ним и читателем приводят писателя к мысли о разобщенности и изолированности интеллигенции и простого народа, к размышлениям о будущем развитии национальной культуры.

В 1941 г. в Каире была издана книга Тауфика ал-Хакима «Из башни слоновой кости». Книга была написана в ответ на упреки критики в том, что произведения Тауфика ал-Хакима оторваны от действительности, а сам он отгородился от жизни в «башне слоновой кости». В книге автор пишет: «Башня слоновой кости у большинства людей значит витание писателя в облаках, которое удаляет его от событий этого мира и истин бытия. Это неверно, по меньшей мере, касательно меня. Нет никакого события, которое заслуживало бы движения пера, чтобы оно не привело в движение мое перо. Нет никакого обстоятельства, волнующего человечество, чтобы оно не взволновало мою душу. Нет ни одного вопроса из великих вопросов жизни, которые касаются человека, его развития и прогресса, которые не занимают меня, заставляют открыто высказывать мнение даже касательно строя политического, экономического, социального, не обращая внимания на последствия свободного мнения и свободной критики. Почему же время от вре-

мени я вижу намеки со стороны людей прогресса? ...»¹. Для ал-Хакима «башня слоновой кости» - это то, что необходимо писателю – «духовному вождю» - для свободного творчества, это то, что обеспечит писателю покой и уединение. «Башня слоновой кости, которую я имел в виду, - это возвышение над материальными стремлениями и личными желаниями. Башня слоновой кости, которой я желаю для себя и для других писателей, - это одиночество, одиночество с его высокими великими идеями, то есть самостоятельность, свобода и совершенство»², - продолжает автор. Тауфик ал-Хаким считает, что человек, далекий от всех жизненных бурь, совершенен в самом себе и дополняет до совершенства других. Но автор тут же добавляет, что он ратует за нравственную, а не умственную «башню слоновой кости», так как мыслитель в современную эпоху не должен удаляться своей мыслью от трудностей эпохи. «Но он обязан своим нравом удалиться от повседневностей своей эпохи и ее падений, потому что первый шаг для духовного вождя направлен к «идеалу», первая форма идеала – «этический пример» и первый, кого должен выдвигать вождь образцом «этического идеала», - его собственная личность»³. Таким образом, автор считает, что «башня слоновой кости» - это «умственная ясность и нравственная чистота», та вершина, на которую должен подняться писатель, чтобы быть примером всего благородного, возвышенного, прекрасного. Однако это все не значит, что Тауфик ал-Хаким требует от писателей обречь себя на добровольное заключение и не общаться с людьми. Нет, писатель всегда должен быть среди людей, общаться с ними, изучать их. Он должен разделять с ними все, кроме их нравственной и умственной слабости. «Он во прахе с людьми своим телом, но не своей душой»⁴, - говорит автор. Высокое назначение писателя автор видит в том, чтобы «научить их (людей), понимать, пожалеть их, сформировать, а затем направить их на истинный путь и стать для них примером и светильни-

¹ Ал-Хаким Тауфик. «Из башни слоновой кости». – «Восточный альманах. Сборник». Вып. 1, Москва, 1957 г., стр. 221. Далее см.: Ал-Хаким Тауфик. Из башни слоновой кости, стр...

² Там же, стр. 222.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 223.

ком»¹. По мнению автора, если бы писатели делали это в каждую эпоху, человечество достигло бы большего прогресса, чем теперь. Автор считает, что писатель, если бы даже захотел оторваться от общества, не сможет этого сделать. Людской шум будет все время нарушать его покой. И писатель спустится из своей «башни слоновой кости», будет участвовать в политике. При этом он будет верить, что он управляет обществом, а не общество управляет им. Дело же обстоит наоборот. Автор пишет, что в Египте и, вообще, на всем Востоке мало писателей, которые могут управлять, а не управляться. И это те писатели, которые правят со своих «башен слоновой кости».

Тауфика ал-Хакима печалит судьба литераторов на Востоке, которые, «точно пауки, ткуют во мраке и живут среди засух и лишений»². Автор удивляется, как вообще восточные литераторы могут творить, ведь они находятся в таком положении, в каком не находились литераторы в какую бы то ни было эпоху. Известно, что во все времена литература всегда пользовалась поддержкой какого-нибудь класса. В эпоху феодализма литераторам покровительствовали правители, халифы, эмиры. В эпоху «новой демократии» - образованный народ, окружающий литераторов почетом и уважением. И автору кажется, что сегодняшнюю литературу не понимает ни аристократия, ни малообразованный народ. Он пишет: «Я сам много раз спрашивал себя, для кого я печатаю свои книги? Ответ был: я делаю это ради тех девяти или десяти почтенных литераторов, которые понимают меня, потому что они испытывают те же страдания. Вместе со мной они связаны нитью мучения, трудятся, как я, над своими произведениями в этой жизни, длительной, бесплодной, точно ледяная пустыня, где на нас веет только холод пренебрежения со стороны народа и людей власти. И однако, при всем этом мы движемся и движемся терпеливо. Руки одних из нас в руках других, точно мы изгнанники в неведомых просторах Сибири... И в самом деле мы не больше этого... Мы только изгнанники в неведомых просторах нашей «мысли», которую не знают люди!!!»³

¹ Ал-Хаким Тауфик. Из башни слоновой кости, стр. 223.

² Там же, стр. 230.

³ Там же, стр. 229.

Вся книга пронизана горячей любовью к нелегкому писательскому труду: вдохновение для ал-Хакима – это упорное сидение за письменным столом по семь часов в непрерывной работе: произведения, герои, замыслы – это «дети» писателя, которые требуют своего права на жизнь, на то, чтобы писатель вдохнул в них часть своей души. А сам писатель, давно продавший душу «сатане авторства», превращается в верховое животное, не знающее ни дня отдыха.

В книге «Цветы жизни», изданной в 1943 году, писатель, находясь под влиянием просветительских идей, пишет, что писатель XX в. должен быть энциклопедистом: «Я приложил все усилия, чтобы постичь наиболее выдающиеся достижения человеческого гения, я стремился понять высшие цели математики, от Ньютона до Эйнштейна, по одной лишь теории которого прочел 5 томов. По биологии прочел несколько книг Дарвина и Ламарка, познакомился с психологией по книгам Джорджа Томаса и кончил теориями Фрейда. Даже в электротехнике я пытался, как мог, понять теории Фарадея, Томсона, Берана и т.д.»¹. Об этом же пишет биограф писателя, передавая его слова: «Я очень серьезно читал Мольера, Монтескье, Бодлера, Лафонтена, Анатоля Франса, арабских поэтов средневековья и современности: Мутанабби, Хафиза, Шауки»².

С модернизмом Тауфик ал-Хаким ознакомился в Европе. Он увлекся оригинальностью современного искусства, влюбился в европейскую классику. О своих колебаниях и размышлениях того времени писатель пишет: «По характеру я не склонен соглашаться с общепризнанным, мне очень хочется не быть похожим на других, а отличаться чем-то»³. С годами потеряв интерес к модернизму, писатель начал лихорадочно работать над созданием своего индивидуального стиля. Н.К.Усманов пишет: «Для него стиль – это широкое понятие, отражающее художественное своеобразие своего творчества, проявляющееся во всей целостной художественной структуре его произведений (языковой, сюжетной, композиционной).

¹ Ал-Хаким Тауфик. Зухрату-л-умр. Каир, 1943, стр. 47. Далее см.: Ал-Хаким Тауфик. Зухрату-л-умр, стр....

² Камал Маллах. Ал-Хаким бахилан. Каир, 1973, стр. 173.

³ Ал-Хаким Тауфик. Зухрату-л-умр, стр. 38.

Смотреть, хорошо видеть и затем передавать в написанном ощущение от увиденного, упорно изучать реальную действительность; инстинктивно выбирать сюжет, не смотреть на вещи, на которые не стоит смотреть, т.е. верность не просто фактам, а «психологии фактов», - вот девиз писателя. Его видение мира, идейно-художественные задачи определяют взаимозависимость всех художественных средств произведения.

Тауфик ал-Хаким сознает, что наиболее ощутимо стиль проявляется в языке художественного произведения, так что читатель сразу узнает особенности того или иного писателя. Стремясь обрести собственный почерк, Тауфик ал-Хаким работал по 9-10 часов без перерыва, перечитывал написанное дома и на скамейках Люксембургского парка и безжалостно рвал. Писатель искал не «техническую ловкость», а стиль «естественный, без пустого изящества»¹.

Проблему осложняло еще и то, что Тауфик ал-Хаким писал в эти годы наряду с арабским языком ещё и по-французски. Но со временем писатель переходит только на арабский и приходит к выводу, что основные элементы стиля – это искренность и простота, для достижения которых надо отбросить слово «стиль». Писатель хорошо понимал, что творческому человеку прежде всего надо обрести душевное равновесие, а для этого он должен жить и работать в своей стране, досконально изучать национальную культуру и литературу. Писатель сравнивает произведения классической и народной арабской литературы с шедеврами мировой литературы, глубоко вникает в особенности арабского языка. Он считает, что в египетской школе преподавание арабского языка носит поверхностный характер, а на уроках литературы изучаются совсем не лучшие образцы классической литературы. Писатель восторгается такими шедеврами арабской литературы, как «Тысяча и одна ночь», легенда о Лейле и Меджнуне, средневековые плутовские повести-макамы Бади аз-Замана и, наконец, проза его любимого писателя – Джахиза (ок. 767 – 868 г.). Тауфик ал-Хаким особо ценил творчество Джахиза за то, что он вдохновлялся жизнью простого народа и

¹ Усманов Н.К., стр. 13.

«нарисовал его базары, скупцов, воров, купцов, честных людей и злых живым и простым языком, являющимся образцом прозы эпохи»¹.

В 30-е - 40-е годы ал-Хаким постепенно пришел к выводу, что единственным возможным средством в борьбе за улучшение жизни является нравственное совершенствование людей. Причем, писатель считает, что главная роль в этом принадлежит литературе. В это время ал-Хаким пишет ряд произведений, в которых разработаны темы искусства и философии, выработаны определенные эстетические и этические принципы и критерии. Свои мысли о сущности и задачах искусства, о роли художника, литератора в общественной и культурной жизни Тауфик ал-Хаким изложил в целом ряде статей и эссе, публиковавшихся в прессе в конце 40-х - начале 50-х годов и объединенных в двух сборниках: «Посох ал-Хакима о жизни и смерти» («عصا الحكيم في الدنيا و الآخرة») и книге статей «Искусство литературы» («فن الادب»). Однако наибольший интерес в этой связи представляет собой философская монография «Равновесие» с подзаголовком «Мое направление в жизни и искусстве» («التعادلية. مذهبي في الحياة و الفن»). Эта книга позволяет приблизиться к пониманию мировоззрения Тауфика ал-Хакима. Состоящая из короткого вступления и шестнадцати глав книга отражает взгляды писателя почти по всем основным вопросам философии и эстетики.

Вначале автор обосновывает идею о господствующем в мире законе равновесия, который возникает в результате противодействия двух взаимно противоположных сил. Человек живет благодаря тому, что дышит, а дыхание представляет собой равновесие между вдохом и выдохом. Если это равновесие нарушится, то человек погибнет. Автор распространяет действие закона равновесия и на общественную жизнь. В международной политике, пишет он, постоянно царит закон равновесия. В истории народов мало примеров, когда какое-либо государство осталось единым в течении длительного периода. Пример этому – Римская империя. Не успев упрочить свое господство над миром, она распалась на два государства. Единственное же исключение из всего правила составляет, по словам Тауфика ал-Хакима, существование Аллаха: «Каждое действие имеет свое противодействие, уравнивающее».

¹ Ал-Хаким Тауфик. Зухрату-л-умр, стр. 229.

щее его. Каждой силе соответствует другая сила, направленная в другую сторону и уравнивающая первую. Лишь Аллах един, совершенен сам по себе. Но вместе с тем и его божественной воле противостоит другая сила – сила дьявола»¹. Писатель считает, что вера в бога не только допустима, но и совершенно необходима как обязательное условие гармонического развития человека. Он говорит, что принцип логического доказательства существования бога неверен: «Те, кто прибегают к разуму и логике, чтобы укрепиться в вере, только теряют в своей вере. Для веры нет доказательств извне...»². Писатель отрицательно относится к тому, что в мире все больше и больше распространяется материалистическое мировоззрение. При этом он связывает этот процесс исключительно с развитием науки и техники. Автор считает, что до начала XIX века между силой разума и силой сердца существовало равновесие. Однако, впоследствии в связи с достижениями науки и застоем религии это равновесие нарушилось. Именно в этом нарушении равновесия «между силой разума и силой сердца» Тауфик ал-Хаким видит одну из главных причин нравственного кризиса, переживаемого, по его мнению, человечеством в наши дни.

Итак, Тауфик ал-Хаким признает идею существования бога. Эта идея определяет позицию писателя во многих вопросах, в частности, в вопросе о свободе и необходимости. Закон Ньютона о том, что любое движущееся тело движется до тех пор, пока на него не окажет воздействия внешняя сила, писатель переносит и на вопрос о свободе воли: «Человек свободен в своих поступках до тех пор, пока не вмешиваются внешние силы... Свобода воли человека, следовательно, ограничена наподобие свободы движения в физике»³. Тауфик ал-Хаким приходит к выводу что свобода человека ограничена и что столкновение воли человека с действием внешних сил способствует человеческой активности, мобилизуя его силы для борьбы с жизненными обстоятельствами.

В книге автором ставится и вопрос о добре и зле. Тауфик ал-Хаким так определяет эти два понятия: «добро – волевое действие, приносящее пользу другому, зло – волевое действие, которое наносит вред друго-

¹ См. Юнусов К.О., стр. 22.

² Юнусов К.О., стр. 22.

³ Ал-Хаким Тауфик. Ат-таадулийя. Мазхаби фи-л-хайат ва-л-фанн. Каир, 1955, стр. 72.

му»¹. Отсюда следует, что добро и зло порождаются вместе с человеком, они – результат общественных отношений. Человек, по убеждению Т. ал-Хакима, не может быть ни добрым, ни злым от природы. Он совершает те или иные поступки в зависимости от обстоятельств, в которых оказывается, но, совершив зло, человек всегда хочет уравновесить его каким-либо добрым делом; если же ему это не удастся, то вина здесь лежит обычно не на нем, а на обществе, закрывающем перед ним путь к исправлению.

Из всего вышесказанного автор делает вывод о том, что нельзя применять лишение свободы как меру наказания за нанесенный обществу ущерб, так как альтернативой зла является добро, а не личная свобода. Он призывает ликвидировать тюрьмы, заменив их промышленными предприятиями, где преступники могли бы возместить добром причиненное ими зло.

Во второй половине книги писатель выдвигает идею ведущей роли художника и мыслителя в обществе, где с момента его появления происходит борьба между практикой, издавна представленной в материальной власти, и мыслью, духовной жизнью человека, направляющей его развитие. Власть всегда стремится подчинить себе мысль и поставить ее себе на службу.

Руководствуясь этим выводом, Тауфик ал-Хаким определяет роль мыслителя в обществе и формирует свое требование свободы и независимости для художника». «Литератор должен быть свободным... Свобода – источник искусства. Без свободы не может быть ни литератора, ни искусства. Навязывающий художнику или писателю свою волю тем самым уже убивает их»². Далее автор говорит, что именно по этой причине он сам отказывался присоединиться к какой-либо партии и сторонился политической деятельности.

Миссия художника, по Тауфику ал-Хакиму, очень важна. Художник обязан противопоставлять свою свободную мысль делам на практике, критиковать и развивать их, не будучи в то же время привязанным к ее колеснице. Тем самым сила мысли должна уравнивать

¹ Юнусов К.О., стр. 23.

² Там же, стр. 25.

силу практики. Нарушение же этого равновесия чревато разорительными войнами, угнетением, эксплуатацией человека человеком.

Тауфик ал-Хаким считает, что «надпартийная» позиция писателя не только не уменьшает его влияния на общественное развитие, но, напротив, усиливает это влияние. Он подчеркивает связь писателя и литературы с жизнью и что «литература не противоречит жизни, так как литература – это сама жизнь, выражение жизни»¹. Художник, конечно, не может дать готовые рецепты искоренения пороков или проектов государственных законов. «Литератор или художник – не реформатор, но он – реформатор реформаторов»². Большой интерес в книге представляют также требования Тауфика ал-Хакима переносить на арабскую почву новые литературные жанры, применять новые художественные приемы и средства выражения, его критика теории «искусства для искусства», призыв к соблюдению гармонического единства между формой и содержанием, к необходимости равновесия между художественной правдой и выразительностью.

В 1959 году в Каире был опубликован сборник статей Тауфика ал-Хакима «Литература жизни». Как известно, под влиянием революции 1952 г. в литературе Египта усилились реалистические тенденции. Именно отстаиванию принципов реализма в литературе и искусстве и посвящены статьи сборника «Литература жизни». Особенно большой интерес в сборнике представляет статья, озаглавленная «Практика жизни – источник новой литературы». В статье автор говорит: «Основное достоинство литературы – в её связи с практикой жизни. Новая литература должна стать животворным, действенным элементом той эпохи, которую она выражает, того общества или среды, которое она описывает, и тех событий, к которым она обращается»³. Автор говорит о том, что в настоящее время упала роль жанра исторического романа. Это случилось потому, что личное участие писателя в событиях, описываемых им, стало главным условием новой литературы. Писатель современной эпохи должен сам участвовать в боях и восстаниях или,

¹ Ал-Хаким Тауфик. Зухрату-л-умр, стр. 113.

² Там же, стр. 26.

³ Ал-Хаким Тауфик. Практика жизни – источник новой литературы. - «Современная арабская литература». Сб. ст. М., 1960 г., стр. 37. Далее см.: Ал-Хаким Тауфик. Практика жизни – источник новой литературы, стр...

по крайней мере, неотступно следить, за развитием событий. «Новому литератору не пристало рассказывать о революции, которой он не знает, или о битве, которая произошла не в его время. Ведь это задача историка. Нового писателя, чувствующего жизнь во всей ее полноте, должны привлекать не пожелтевшие листья, а зеленеющие побеги»¹, - говорит ал-Хаким. Однако это не означает, что из новой литературы совершенно изгоняется историчность. Нет! Новый писатель может описывать исторические события, но при этом он обязан не регистрировать механически эти события, а наделить их новым духом, «дать новую голову старому телу»². Новый писатель должен в своих творениях передавать новые идеи, создавать новые формы. «Улучшай свою среду, живи в ней, служи ее целям – вот девиз современного писателя»³, - восклицает автор. Произведения современного писателя должны не только передавать события, но в них должны быть выражены лучшие чувства автора, они должны быть плодами жизненного опыта, результатом личных наблюдений автора, свидетельствовать о духе времени. Ал-Хаким пишет: «Новая литература, как мне представляется, должна исходить из самой практики жизни, из восприятий и чувства рабочего на фабрике, солдата в бою, крестьянина на поле, из восприятий и чувств любого человека в области его деятельности, человека, который прошел через различные этапы морального и идейного развития. Представители новой литературы не будут обуреваемы лишь бесцельным желанием писать, не будут заниматься бесплодным повторением банальностей. Завтра наша литература будет отображать в искусстве практику жизни»⁴.

В 1969 г. в журнале «Иностранная литература» № 2 была напечатана статья А.Словесного «Может ли свирель соперничать с оркестром», которая представляет собой анализ интервью, взятый корреспондентом каирской газеты «Аль-Гумхурия» Ахмедом Банджатам у Тауфика ал-Хакима. Интервью представляет интерес не только как своего рода исповедь Тауфика ал-Хакима, высказывающего свои мысли по

¹ Ал-Хаким Тауфик. Практика жизни – источник новой литературы, стр. 37.

² Там же.

³ Там же, стр. 38.

⁴ Там же.

многим принципиально важным вопросам, но и как выражение определенной тенденции, все более четко проявляющейся в развитии египетской литературы последних лет. Характеризуя эпоху, писатель сказал, что если девятнадцатый век мы могли назвать веком господства, то наш век мы можем назвать веком мятежа. Этот век характеризуется тем, что колониальные народы проснулись, многие из них обрели независимость. И перед ними встал вопрос: как приобщиться к мировой культуре, которая развивалась с бешеной скоростью? «Либо вскочить на мчащийся поезд современности, либо отстать от него – другого выбора у нас нет»¹, - говорит писатель. Далее писатель разъяснил, что если в Европе развитие происходило поэтапно, то у развивающихся стран нет времени развиваться тоже поэтапно, они должны «проглотить» сразу все этапы. «Мы должны превратиться либо в желудок страуса, проглатывающего все без разбору и переваривающего не спеша, либо в желудок верблюда, глотающего про запас, а потом уже выбирать из этого, фильтровать и добавлять то, что определяется нашим характером и нашими условиями»². Далее писатель затронул вопрос о взаимоотношении традиций и новаторства. Тауфик ал-Хаким говорит, что раньше писатель мог мечтать, переживая свои воспоминания. А теперь писатель в развивающихся странах все чаще сталкивается с бурным прогрессом в области техники и идей, в то время как сам он привязан к прежним традициям. Что же делать художнику? Он должен «взять древнее народное творчество и сесть с ним в кресло современной культуры»³. Тауфик ал-Хаким, призывая писателей своей страны «вскочить на мчащийся поезд современности», далек, однако, от идеализации того века, в котором он живет, и искусства, которое этот век порождает. Наша современность, замечает он, вывела науку из той стадии, когда она подчинялась природе. А попав в недобросовестные руки, наука стала способствовать утверждению духа силы и анархии, разрушения и зла. Так же и искусство, по мнению писателя, решило стать выше природы. «Появилась идея о создании в искусстве образ-

¹ Словесный А. Может ли свирель соперничать с оркестром. – ж. Иностранная литература, 1969 г., № 2, стр. 247. Далее см.: Словесный А. Может ли свирель соперничать с оркестром, стр...

² Там же, стр. 248.

³ Там же.

цов, не связанных с природой, - появились различные школы абстрактного искусства. Искусство бросило вызов, однако не нашло ответа на свои вопросы и обвинило природу в повторении самой себя. Если перед художниками прошлого стояла задача беспредельного повышения мастерства, то сегодня художник стал жертвой лихорадки своего века – непрерывного обновления, которое требует нового ради самого нового»¹. Спор между представителями старшего и молодого поколения, так называемыми традиционалистами и новаторами Тауфик ал-Хаким решает таким образом: «Мы должны найти форму взаимопонимания, создать те мосты, которые могли бы связать мироощущение прошлого и нынешнего поколений, чтобы старшее поколение увидело будущее глазами новых поколений, увидело бы их желания, интересы, надежды»².

В 1970 г. в Каире была издана книга «Люди искусства» («الفنان»), в которой помещены отрывки из различных произведений и статей Тауфика ал-Хакима, содержащие размышления писателя об искусстве, о драматургии, о различных направлениях в литературе, о прозе, об отношениях писателя и народа, о людях искусства.

Затрагивая вопрос об искусстве, Тауфик ал-Хаким считает, что искусство, являясь формой отражения общественного бытия, так или иначе связано с другими явлениями духовной жизни общества: с наукой, техникой, идеологией, моралью. В то же время искусство обладает рядом определяющих особенностей, отличающих его от всех других форм общественного сознания. Специфическим предметом искусства являются эстетическая взаимосвязь человека с действительностью, его задача – художественное освоение мира. Именно поэтому, считает писатель, в центре произведения искусства должен быть человек, общественная жизнь и взаимоотношения людей, их жизнь и деятельность в определенных конкретно-исторических условиях. Предмет искусства – жизнь во всем ее многообразии – осваивается, перерабатывается и отражается художником в специфической форме – в художественных образах. Форма и содержание отражения действительности в искусстве обуславливают его специфическую функцию – удовлетворение эстетиче-

¹ Словесный А. Может ли свирель соперничать с оркестром, стр. 248.

² Там же.

ческих потребностей людей путем создания произведений, могущих доставить человеку радость, эстетическое наслаждение, духовно обогатить его и вместе с тем пробудить в нем художника, способного в конкретной сфере своей деятельности творить по законам красоты. Ал-Хаким пишет:

" ان المطلوب للثقافة (الفن) ليس مجرد المعرفة بل الاحساس و التذوق و التغذى بمختلف الفنون ما قيمة الكلام عن "بيتهو فن" اذا كانت أعماله لاتهز نفسك هزا... و ما معنى الحديث في رافاييل او روبانس او بوتيتشيلي. اذا كانت صورهم لاتعمر رؤوسنا ليل نهر، و تحدث الوانهم، أصياغهم في نفوسنا الاحداث! الثقافة (الفن) ليست كلاها تملأ به الرؤوس، لكنها يقظة الملكات كلها و الحواسي¹ "

«Требование, предъявляемое культуре (искусству) состоит не только в простом знакомстве, но в чувствовании, наслаждении и впитывании различных видов искусства. Нет никакой цены словам о Бетховене, если бы его произведения не потрясали нам душу. Не имеет значения разговор о Рафаэле, Рубенсе, Боттичелли, если бы их картины не восхищали бы нас. Их краски и полотна потрясают наши души. Культура не есть то, чем переполнены наши головы, а то, что будит все способности и чувства».

Писатель считает, что через эту единую эстетическую функцию искусства проявляется его познавательное значение и осуществляется его идейно-воспитательное воздействие на людей. Основными видами искусства являются литература, живопись, скульптура, музыка, театр, кино и т.д. Развитие искусства неразрывно связано с развитием общества. Хотя общая линия развития искусства – линия углубления художественного отражения действительности, развитие это неравномерно. Так, уже в античном мире искусство достигло высокого уровня и приобрело в известном смысле значение нормы. В то же время капиталистический способ производства, неизмеримо более высокий, чем рабовладельческий, враждебен искусству, поскольку он чужд высоким социальным и духовным идеалам. Здесь передовое искусство связано либо с периодом становления капитализма, когда буржуазия была еще прогрессивным классом, либо с деятельностью тех художников, которые критически настроены по отношению к этой формации.

¹ Ал-Хаким Тауфик. Ал-Фаннан. Каир, 1970, стр. 90. Далее см.: Ал-Хаким Тауфик. Ал-Фаннан, стр...

Далее автор дает определение литературы. По его словам, литература есть не что иное как последняя и высшая форма выражения мысли, проявляющееся в словах. Органическая последовательность в развитии – вот что составляет характер литературы. Если произведение литературы носит на себе печать существующей ценности, - оно уже не может быть случайным явлением, которое не было бы некоторым образом результатом предшествовавших ему произведений или, по крайней мере, не объяснялось бы ими, и которое бы, в свою очередь, не порождало бы другие литературные явления или, по крайней мере, не оказало бы на них прямого или косвенного влияния. Тауфик ал-Хаким говорит, что кроме литературы того или другого народа, есть еще литература всеобщая, человеческая, у которой есть своя история. Предмет этой истории – развитие человеческого сознания в сфере слова. Литература, которая не может иметь своей истории, то есть литература, явления которой не состоят в живой, органической связи между собою, не есть литература. По мнению автора, литература образует собою отдельную и самостоятельную область умственной деятельности, существование и права которой признаются всем обществом. Литература всегда опирается на публичность, получает свое утверждение от общественного мнения. Она существует не только при свете уединенной лампы отшельника, но и при свете солнца, открыто и явно. Она поддерживается не только вниманием небольшого круга посвященных или избранных любителей, но и вниманием всего народа, по крайней мере в лице его образованных слоев. Литература есть достояние всего общества, которое через нее получает обратно, в сознательной и изящной форме, все то, чему источником было его же собственное бытие. Общество находит в литературе свою действительную жизнь, возведенную в идеал, укрепившийся в сознании. Поэтому в этапах развития литературы, обыкновенно называемых литературными эпохами и периодами, отражаются моменты исторического развития народа, - и в таком случае литература точно так же объясняет политическую историю народа, как и история – литературу.

В главе «الفن في كل عصر» «Искусство в каждом веке» автор говорит о назначении писателя, о проблемах, стоящих перед ним. Ал-Хаким пишет:

مشكلة الفنان أي الاديب هي انه انسان قبل أن يكون فنانا او أديبا انسان ابن بيئته و جيله، و مجتمعه و عصره ! ... لابد له أن يحس احساس مجتمعه، و أن يتأثر بما يحدث في بيئته و زمنه!¹

«Проблема деятеля искусства или литератора в том, что он прежде чем быть деятелем искусства или литератором, - представитель своей среды и своего поколения, своего общества и эпохи, и ему необходимо чувствовать свое общество и проникаться тем, что происходит в его среде и в его эпоху».

Далее автор пишет, что литератор должен создавать такую литературу, которая бы правдиво и точно отображала жизнь любого общества в любой эпохе. А произведение, отображающее действительную жизнь каждого общества в определенной эпохе, интересна людям всех классов и всех эпох. Значит, литература извлекает из определенного века темы, актуальные во все века. Она оказывает влияние не только на людей своей среды и своей эпохи, а на всех людей всех эпох. Происходит это потому, что всякое гениальное литературное произведение затрагивает проблемы, интересующие не только читателей его эпохи, но и читателей всех эпох. Тауфик ал-Хаким продолжает:

"فالآثار قد تعيش في كل عصر، بشخصية مختلفة بعض الاختلاف، ويرى فيها أهل كل عصر الناحية التي تتفق مع مزاجهم و ذوقهم و تفكيرهم و مداركهم!"²

«Произведения могут жить в любой эпохе с несколько различным восприятием, и люди каждой эпохи видят в них сторону, которая сходится с их нравом, вкусом, мышлением и умом».

Действительно, читателей каждой эпохи может интересовать в конкретном произведении какая-то отдельная сторона. В то же время для них не будет иметь никакого интереса, скажем, другая сторона произведения, интересовавшая читателей предыдущей эпохи. Среди литературных произведений действительно очень мало тех, которые могли бы своим одним свойством интересовать читателей всех эпох. Например, поэтический язык Абу-ль-Аля не интересует нас сегодня в той мере, в какой интересует нас образ мыслей великого мыслителя, данный в прекрасной поэтической форме. Одно произведение литературы может даже в одну эпоху прожить две жизни. Например, драмы

¹ Ал-Хаким Тауфик. Ал-Фаннан, стр. 340

² Там же, стр. 342

«Обитатели пещеры», «Шахразада», «Сулейман Премудрый». Они издаются до сих пор и в различных странах. Однако до сегодняшнего дня они кроме сцены арабского театра не поставлены ни на одной сцене мира. И Тауфик ал-Хаким делает вывод:

"إن الفن الكبير، هو ذلك الذى يصلح لعصره، و لكل عصر و ينفع الناس و يعرض شئونهم و يوجه حياتهم في جيلهم ثم يمضي بعد ذلك ينفع الناس في كل الاجيال! ... هو ذلك الذى ينظر – بإحدى عينيه – الى الوطن الصغير، ممثلاً في بيئته و زمنه، و بعينه الاخرى الى الوطن الاكبر، ممثلاً في الانسانيه الى نهاية الدهر!"¹

«... Большое искусство – это то искусство, которое приемлемо для его эпохи и для любой эпохи, приносит пользу людям и служит им, направляет жизнь их поколения, а затем продолжает приносить пользу людям всех поколений. Это то, что смотрит одним глазом на свою маленькую родину, изображая свою среду и свою эпоху, а другим глазом – на свою великую родину, изображая вечное человеческое».

В главе «الفنان و الجمهور» автор спрашивает:

هل يجب على الفنان أن سهبط الى الجمهور، او أن يصعد اليه الجمهور؟

«Должен ли художник спуститься к массе или же масса должна подняться до него?». Прежде чем ответить на этот вопрос, Тауфик ал-Хаким пытается установить, кто же такой человек искусства? Он пишет:

«انسان أقوى في الادراك و أسلم في الذوق – من سواد الجماهير».

«Человек, который превосходит массы силой ума и правильностью вкуса».

Однако писатель не должен сидеть в «башне» и ждать, пока к нему поднимутся массы и крикнут ему: Изучай и описывай нас!» Он должен сам спуститься к массам, изучать и описывать их жизнь.

"ان المعقول هو أن ينزل ذلك الفنان، حاملاً رسالته تحت ابطه ليلتمس الناس في مسارحهم و مشاربهم و أسواقهم، و متأخرهم و ملاهيهم، ليقول لهم: أيها الناس! اصغوا الى لحظه! ... إني لم أت لاثقل عليكم و لاضيع و قتكم عبثاً، و لكن معى شيئاً أعرضه: فيه متعة لكم! ... و لكن فيه أيضاً تهذيباً لنفوسكم، و رفعا لمدارككم!"²

«Было бы разумно, если бы писатель спустился, неся свой трактат под мышкой, чтобы познакомиться с людьми на площадях, кофейнях, рынках, в печали и радости, говоря им: «О люди, послушайте минуту.

¹ Ал-Хаким Тауфик. Ал-Фаннан, стр. 301.

² Там же, стр. 303.

Я пришел к вам не для того, чтобы быть в тягость или отнять у вас напрасно время. У меня то, что интересует вас. Оно усовершенствует ваши души и углубит ваше сознание».

Далее Тауфик ал-Хаким говорит: если спросить писателя, зачем он пишет, то в разные периоды жизни он ответит по-разному. В молодости, когда он переполнен мечтами и иллюзиями и знает только хорошую сторону жизни, он ответит: «Я пишу ради славы!» А если задать ему этот же вопрос в зрелом возрасте, когда уже рассеялись его мечты, утратились иллюзии, он увидел истинное лицо жизни, он ответит: «Я пишу ради денег!» А если дать ему и славу, и деньги, то мы увидим, что он опять творит. И если его спросить, почему он творит, он ответит: «Мне необходимо творить и не спрашивайте почему и для кого?» И Тауфик ал-Хаким пишет:

"لا توجد اذن غير حقيقة واحدة في كل ذلك: هي أن الفنان قد خلق لخلق... و مهما تكن الاسباب التي ينتهها او تنتحل له تبريرا لعمله. فان السبب الاكبر هو أن قبسا حل فيه من صفة الخالق الاعظم..¹"

«Значит, существует только одна истина: художник создан, чтобы творить, какова бы ни была причина, оправдывающая его работу. Основная причина заключается в самой природе великого художника».

Большое место в книге занимают размышления писателя о драматургии. Уже в самом начале автор пишет о своем особом отношении к драматургии:

"للمسرحية عندي اعتبار خاص، ذلك لان الحواد – بما فيه من ايجاز و تركيز – هو القلب الادبي القريب الى سليقتي المحبة للنظام، فالفن عندي نظام، و النظام عندي هو الاقتصاد أي البيان بلا زيادة و لانقصان!²"

«К драматургии у меня особое уважение, и это потому, что диалог с его лаконичностью и насыщенностью – это литературная форма, близкая моей натуре, любящей систему, а искусство для меня – система, а система для меня – это экономия, то есть объяснение без преувеличений и недостатков». Далее ал-Хаким пишет, что драматургия – трудный вид искусства. Она требует от драматурга огромного опыта, терпеливого углубления и длительного изучения избранной темы. Человек, решивший стать драматургом, встречает на своем пути ряд пре-

¹ Ал-Хаким Тауфик. Ал-Фаннан, стр. 317.

² Там же, стр. 97.

пятствий. Он не может свободно выбрать тему своего произведения, он не свободен в возможности донести до зрителя свое сочинение. Для драматургического произведения не может быть пригодна любая тема. Драматург должен избрать такую тему, в которой участвовали бы только люди. Однако истинная трудность драматургии заключается не в этом, а в том, чтобы найти хорошую тему, так как, пишет Тауфик ал-Хаким, «хорошая тема для драматического произведения также необходима, как необходима хорошая мелодия для симфонии»¹. Автор так определяет хорошую тему драматургического произведения:

"الموضوع المسرحي الجديد، هو ذلك الموضوع الغني الذي ما يكاد يلتمسه المؤلف حتى يفيض بين يديه بالمواقف المتجددة، و الافكار الطريفة، و الشخصيات المتنوعة حتى ليس معه أنه ينمو بالمعالجة، و يكبر و يزدهر، كالشجرة المباركة التي تنتهي للاثمار الكثير!"²

«Наилучшей темой для драматургии является та тема, которая привлекает автора, дает ему возможность оживлять различные сцены, большие мысли и разнообразные лица. Тема должна расти и расцветать как дерево, приносящее плоды».

Трудность драматургии заключается в том, что драматург должен передать то, о чем думают персонажи и то, что они чувствуют, через диалог. Поэтому драматург обязан в качестве персонажей выбирать характеры, способные волноваться, размышлять и разъяснять. Драматурги прошлого изображали королей, эмиров и представителей аристократии. А сегодня драматурги берут своих персонажей из средних слоев населения, феллахов. Другое препятствие, встающее на пути драматурга, - это то, что он лишен возможности переносить действия и персонажей из одного места в другое, потому что в театре определенное количество декораций и действия должны происходить в их рамках. И это – в противоположность прозаическому произведению и кино, в которых герои могут с каждой страницей менять свое место пребывания. Далее автор говорит о диалоге в драматургическом произведении:

" الحوار هو أداة المسرحية ... فهو الذى يعرض الحوادث و يخلق الاشخاص ، و يقيم المسرحية فى مبدئها الى ختامها!"

«Диалог – это элемент драматического произведения. Он демонстрирует события, создает персонажи и ведет драматическое произве-

¹ Ал-Хаким Тауфик. Ал-Фаннан, стр. 100.

² Там же, стр. 101

дение с начала до конца!»¹ Важнейшие требования, предъявляемые диалогу – лаконичность и насыщенность. Диалог не должен быть многословным, должен точно выражать то, что хочет сказать персонаж. Диалог должен не только демонстрировать зрителю события, но и окрашивать их в разные тона. Например, диалог в трагедиях должен состоять из слов, которые порождают в душе зрителя чувства страха, величия и благоговения. А диалоги в комедиях должны вызывать радость, смех, чувство юмора. Диалоги бывают разные. Каждый драматург строит диалог по своему. Тауфик ал-Хаким рассматривает построение диалога у Шекспира и Мольера. Тщательное изучение трагедий Шекспира, таких как «Гамлет» и «Макбет» выявило, что диалог в них ведется на поэтическом языке и это помогает Шекспиру проникать в глубины человеческих душ и изучать человеческие характеры. Мольер также написал некоторые свои комедии размеренным стихом. Однако диалоги у него ведутся между обычными людьми и в обычной среде. Третий вид диалога – это диалог Ибсена, от которого веет духом и мольеровского и шекспировского диалогов.

В главе «الطبايع عند شكسبير» («Характеры у Шекспира») Тауфик ал-Хаким пишет о том, что драматург должен правильно выбирать характер персонажа, изображаемого в той или иной среде, участвующего в тех или иных событиях. В качестве примера он приводит трагедии Шекспира «Отелло» и «Гамлет». Кратко рассказав о содержании этих трагедий, автор спрашивает: как бы развернулись события, если бы Отелло и Гамлет обменялись местами. Трагедий бы не произошло. Будь холодный, рассудительный, склонный все узнать и выявить до конца, а потом действовать, Гамлет на месте Отелло, он бы очень скоро выявил, что Яго клеветает на Дездемону. Таким образом, Дездемона не была бы задушена. А будь Отелло с его горячим, нерассудительным характером на месте Гамлета, он уже в самом начале произведения без всяких колебаний убил бы своего дядю. Таким образом, и в том, и в другом случаях трагедии бы не произошло. И именно в изображении Гамлета в «Гамлете» и Отелло в «Отелло» - гениальность Шекспира, и Тауфик ал-Хаким пишет:

"في كل ذلك أرى لزما على رجل المسرح أن يدرس "شكسبير"

¹ Ал-Хаким Тауфик. Ал-Фаннан, стр. 109.

«Из всего этого я считаю, что драматургу необходимо внимательнейшим образом изучать и исследовать Шекспира»¹.

Тауфика ал-Хакима как драматурга беспокоит главным образом современная египетская драматургия и театральное дело. Он пишет, что опыт постановки пьес классического репертуара и своих собственных привел его к выводу, что провалы многих спектаклей связаны прежде всего с неподготовленностью зрителей к восприятию серьезного репертуара. Драматург считает, что необходимо развивать вкусы публики, прививать ей способность воспринимать со сцены высокое искусство. Добиться этого, по мнению Тауфика ал-Хакима, возможно лишь в том случае, если удастся приучить зрителя читать пьесы. Задача эта трудная, так как сама драматургическая форма предъявляет к читателю высокие требования: он должен только на основе диалога, полагаясь на свою проницательность и фантазию, представить себе объективную картину действительности. От читателя пьесы требуется активная творческая работа. Чтобы облегчить эту задачу, – пишет автор, – необходимо перебросить мост от повествовательной литературы к драматургии. В качестве примера автор приводит свой роман в диалогах «Банк тревог» - произведение, форма которого ранее была незнакома арабскому читателю. Эта форма прозаического произведения призвана подготовить читателей к восприятию драматической литературы и тем самым научить «смотреть» и «видеть» происходящее на сцене. Однако все это рассчитано прежде всего на читающую публику, на жителей крупных городов. А как быть с провинцией, где нет театров, а большинство населения неграмотно? Решение этой проблемы Тауфик ал-Хаким ищет в создании новых форм, на этот раз в самой драматургии. Он выступает с идеей создания нового вида театра. Для этого драматург предлагает возродить и несколько модернизировать почти исчезнувшую на Арабском Востоке традицию народных рассказчиков, инсценировавших рассказы о подвигах героев арабского средневековья. Эти рассказчики, не прибегая к декорациям, костюмам и гриму, одним лишь талантом исполнителя собирали толпы восторженных слушателей.

¹ Ал-Хаким Тауфик. Ал-Фаннан, стр. 134.

Вернувшись к столь забытому виду искусства, можно, по мнению Тауфика ал-Хакима, донести до массового зрителя в любые отдаленные уголки страны, вплоть до самых маленьких селений, шедевры классиков мировой литературы от Эсхила до Ибсена и Чехова и даже современных авторов, таких, как Пиранделло и Дюрренматт.

Помимо актера, играющего все мужские роли, Тауфик ал-Хаким предлагает ввести в состав труппы актрису для исполнения женских ролей и ведущего, поясняющего развитие действия и некоторые идеи, трудные для понимания неподготовленного зрителя (или точнее – слушателя).

В главе «فننا الشعبي و اللا معقول» «Наше народное искусство и иррационализм» Тауфик ал-Хаким пишет о распространении иррационализма в Европе и Америке и необходимости познакомить с ним египетское общество. Он выражает опасение, как бы египетское искусство не застыло в одной форме, тогда как мировое искусство развивается в различных направлениях. В тоже время он пытается доказать, что иррационализм, который писатель как художественный метод противопоставляет реализму, всегда был близок египетскому искусству, его якобы знали и египетский фольклор, и народное искусство еще с эпохи фараонов. Иллюстрируя эту мысль, драматург обращается за примером к древнеегипетскому искусству и средневековой арабской литературе, к восточным орнаментам в архитектуре и даже к раскраске тканей, модных в Египте в последнее время.

Так, в квадратной глыбе древнеегипетского писца Тауфик ал-Хаким видит прообраз современных исканий скульпторов-кубистов, в изображении фигур на фресках египетских храмов он усматривает те же принципы, что и в портретах Пикассо. Истоки сюрреализма Тауфик ал-Хаким видит в «лубочных» иллюстрациях к сказкам «1001 ночи» или рыцарским романам, когда герой, например, Абу Зейд аль-Халяли, разрубив мечом своего противника, продолжает еще некоторое время препираться с ним; истоки абстракционизма – в мозаичной орнаментовке средневековых мусульманских мечетей и общественных зданий. Абсурд, алогизм вовсе не лишены смысла, утверждает далее писатель, но этот смысл можно постичь не разумом, а интуицией, как это делают

дети, весело распеваящие лишённые всякой видимой логики песенки вроде той, которую драматург приводит в самом начале главы:

«О взбирающийся на дерево,	يا اطلع الشجرة
Дай мне корову, которая с тобой.	هات لي معك بقرة .
И пусть она напоит меня	تحلب و تسقي
Из фарфоровой ложечки»	بالمعلقة الصيني. ¹

Автор говорит, что, в этих словах есть что-то скрытое, что может существовать самостоятельно, не нуждаясь в смысле. Постичь это скрытое способны прежде всего души неискушенные, не испорченные рационализмом, а таковыми являются дети и женщины. Ведь женщина, как считает автор, оценивает окружающее не умом и красоту воспринимает не логикой, а неизвестным «шестым» чувством. Подтверждение этому Тауфик ал-Хаким находит в расцветке женских платьев, украшенных абстрактными рисунками, которые лишены всякого смысла и тем не менее нравятся женщинам.

Из приведенных примеров Тауфик ал-Хаким делает вывод, что модернизм в искусстве «добавляет к миру прекрасного новый, неизведанный материк», изучив который можно создать новые интересные произведения.

¹ Ал-Хаким Тауфик. Ал-Фаннан, стр. 251.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы кратко рассмотрели жизнь и творчество выдающегося современного египетского писателя и драматурга Хусейна Тауфика ал-Хакима и проанализировали литературные взгляды писателя. Тауфик ал-Хаким, представитель старшего поколения писателей ново-арабской литературы, родившись в конце XIX века, жил и творил вплоть до конца 80-х годов XX века. Он прошел длительный творческий путь, который был сложен и противоречив. В его многогранном творчестве нашли отражение почти все современные литературные тенденции Востока и Запада.

Особенно большое место в творчестве Тауфика ал-Хакима заняли такие направления в литературе, как символизм и иррационализм. Однако ведущим методом в творчестве писателя всегда был метод критического реализма. Тауфику ал-Хакиму удалось впервые в арабской прозе рассмотреть пороки всего государственного устройства, увидеть в нищете и невежестве крестьян причину отсталости всего египетского общества. Если Мухаммед Хусейн Хайкал показал простодушие, трудолюбие крестьян, их нравственную чистоту, если Мухаммед Теймур затронул вопросы народного просвещения и взаимоотношений представителей аристократии и феллахов, если М.Т.Лашин сумел увидеть тяжелый изнуряющий труд феллахов, то Тауфик ал-Хаким показал трагедию всей нации, причиной которой является невежество самого большого в Египте класса – класса крестьян. Тауфик ал-Хаким первый среди египетских писателей показал ростки национально-освободительного движения в Египте. Отрицая «чистое искусство», «искусство для искусства», он все свое творчество поставил на служение народу. Его творчество активно воздействует на мысли, волю и чувства читателей и играет огромную роль в жизни египетского общества. Мастерство Тауфика ал-Хакима заключается не только в способности глубоко проникнуть в жизнь и обобщить свои наблюдения, но и в умении ярко и волнующе выразить замысел произведения. В силу всего этого творчество Тауфика ал-Хакима вплоть до наших дней очень популярно во всем арабском мире, его произведения издаются многотысячными тиражами и пользуются неизменным интересом читателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На азербайджанском языке

1. Ələkbərova X.E. Nəcib Məhfuzun roman qəhrəmanlarının təkamülü. Nam. dis. avtoref. Bakı, 2004.

На русском языке

2. Актуальные проблемы изучения литератур Африки. М., 1969.
3. Ализаде З.М. Усиление антибуржуазных тенденций в египетской прозе 1965-1975 гг. (на материале творчества Нагиба Махфуза). Автореф. канд. дис. Б., 1986.
4. Али-заде Э.А. Египетская новелла. М., 1974.
5. Али-заде Э.А. Махмуд Теймур. М., 1983.
6. Баширов Ю.М. Отражение социально-политической жизни Египта в романах Юсуфа ас-Сибай. Автореф. канд. дис. Б., 1992.
7. Борисов В.М. Современная египетская проза. М., 1961.
8. Джабарти А. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798-1801). Пер. с арабск., предисловие и примечания И.М.Фильштинского. М., 1962.
9. Джабарти А. Египет под властью Мухаммеда Али (1806-1821). Пер. с арабск., предисловие и примечания Х.И.Кильберга. М., 1963.
10. Джабарти А. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776-1798). Пер. с арабск., предисловие и примечания Х.И.Кильберга. М., 1978.
11. Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени (Египет и Сирия). Публицистика. 1870-1914. М., 1968.
12. Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени (Египет и Сирия). Просветительский роман. 1870-1914. М., 1973.
13. Долинина А.А. Об одном из парадоксов Тауфика аль-Хакима (роман «Священные узы»). – ж. «Восток», 1999, № 4.
14. Живи, Египет! Сборник египетских рассказов. М., 1973.
15. Иванов Н.А. Египет. – История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. Сб. ст. М., 1976.

16. Кажу Мухаммед. Становление журналистики Сирии и Египта в XIX в. Историко-типологический аспект. Автореф. канд. дис. Ростов-на-Дону, 1992.
17. Кахарова Н. Рифаа Рафи ат-Тахтави и его произведение «Извлечение чистого золота из посещения Парижа». Автореф. канд. дис. М., 1968.
18. Кахарова Н. Путешествие в Париж Рифаа ат-Тахтави. Душанбе, 1968.
19. Кирпиченко В.Н. Юсуф Идрис. М., 1980.
20. Кирпиченко В.Н. Современная египетская проза. 60-70 гг. М., 1986.
21. Кирпиченко В.Н. Нагиб Махфуз – эмир арабского романа. М., 1980.
22. Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. История египетской литературы XIX-XX веков. В 2-х томах. Том 1, М., 2002; т. 2, М., 2003.
23. Коцарев Н.К. Писатели Египта. XX век. Материалы к библиографии. М., 1976.
24. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. В 6-ти тт. Т. 3. М.-Л., 1956; т. 4. М.-Л., 1957; т. 5. М.-Л., 1958.
25. Крачковский И.Ю. Современные настроения в арабской литературе Египта. – Избранные сочинения, т. III, 1956.
26. Крачковский И.Ю. Тауфик аль-Хаким, книга о Мухаммеде. – Избранные сочинения, т. III, 1956.
27. Крымский А.Е. История арабской литературы. М., 1971.
28. Куделин А.Б. Египетское «западничество» в первой половине XIX в. – начало нового диалога с европейской культурой. – Взаимодействие культур и литератур Запада и Востока. Сб. ст. М., 1992.
29. Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и в Египте. М., 1972.
30. Литература Востока в новейшее время. М., 1977.
31. Лейн Э. Нравы и обычаи египтян. М., 1982.
32. Махфуз Н. Родопис. Пер. с арабск. К.О.Юнусова. Л., 1990.
33. Место на земле. Рассказы современных египетских писателей. М., 1957.

34. Намитокова З.А. Становление жанра драмы в арабской литературе XIX в. (Египет и Сирия). Автореф. канд. дис. М., 1981.

35. Намитокова З.А. Ранний этап формирования реалистического метода в современной египетской прозе (повесть М.Хайкала «Зейнаб»). – Творческие методы и направления в литературах Африки. Сб. ст. М., 1990.

36. Намитокова З.А. Классика французской драматургии на арабской сцене XIX в. (Египет и Сирия). – Взаимодействие культур и литератур Востока и Запада. Вып. 1. М., 1981.

37. Проблемы становления реализма в литературах Востока. Сб. ст. М., 1964.

38. Путинцева Т.А. Тысяча и один год арабского театра. М., 1977.

39. Путь становления и борьбы. Сб. ст. М., 1973.

40. Рассказы писателей Востока. Л., 1958.

41. Реда М.М.А. «Описание России» шейха Тантави как памятник арабской литературы XIX в. Автореф. канд. дис. Л., 1984.

42. Словесный А. Может ли свирель соперничать с оркестром? – ж. Иностранная литература, 1969, № 2.

43. Современная арабская литература. Сб. ст. М., 1960.

44. Современный египетский рассказ. М., 1987.

45. Современные литературы Африки. Сб. ст. М., 1973.

46. Султанов А.Ф. Общественная мысль в Египте. М., 1975.

47. Тикаев Г. Египетский исторический роман (30-40-е гг. XX в.). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1993.

48. Тимофеев И.В. Литература Египта. – Литературы Африки. Сб. ст. М., 1979.

49. Усманов Н.К. Жизнь и творчество Тауфика аль-Хакима. Автореф. канд. дис. М., 1963.

50. Усманов Н.К. Проблематика «интеллектуального театра» Тауфика аль-Хакима. – Арабская филология. Сб. ст. М., 1968.

51. Усманов Н.К. Проза Тауфика аль-Хакима. М., 1979.

52. Успенская Н.А. Две повести на тему «Восток и Запад» («Птичка с Востока» Тауфика аль-Хакима и «Светильник Умм Хашим» Яхья Хакки). – Вопросы истории литератур Востока. Ч. 2. М., 1979.

53. Успенская Н.А. Творчество Яхья Хакки. К проблеме становления реалистического направления в египетской прозе. Автореф. канд. дис. М., 1982.
54. ал-Фахури Х. История арабской литературы. В 2-х тт. М., 1961.
55. Хайкал М.Х. Зейнаб. Пер. с арабск. О.Б.Фроловой. Л., 1973.
56. ал-Хаким Тауфик. Записки провинциального следователя. М., 1959.
57. ал-Хаким Тауфик. Сделка. Пьеса в 3-х действиях. Пер. Е. Батуриной. М., 1960.
58. ал-Хаким Тауфик. Практика жизни – источник новой литературы. – Современная арабская литература. Сб. ст. М., 1960.
59. ал-Хаким Тауфик. Возвращение духа. Л., 1935.
60. ал-Хаким Тауфик. Пьесы. М., 1979.
61. ал-Хаким Тауфик. Избранное. М., 1998.
62. ал-Хамадани Бади аз-Заман. Макамы. Пер. с арабск. А.А.Долининой и З.М.Ауэзовой.
63. Ходжаева Р.У. Очерки развития египетской поэзии. Ташкент, 1985.
64. Ходжаева Р.У. Египетская поэзия в первой половине XX в.: эволюция художественного сознания. Автореф. докт. дис. Ташкент, 1994.
65. Хусейн Т. Дни. М., 1958.
66. Хусейн Т. Избранное. М., 1989.
67. Хусейн-заде М.Ш. Феллах в литературе Египта. Душанбе, 1973.
68. Шесть гиней. Новеллы египетских писателей. М., 1964.
69. Шихалибейли З.Э. Литературно-критические взгляды Таха Хусейна (на примере новой арабской литературы). Канд. дис. Б., 1992.
70. Юнусов К.О. Тауфик аль-Хаким. Библиографический указатель. М., 1968.
71. Юнусов К.О. Новые формы драматических произведений в египетской литературе. – Ж. «Народы Азии и Африки», 1970, № 4.
72. Юнусов К.О. Драматургия Тауфика аль-Хакима. Автореф. канд. дис. Л., 1973.
73. Юнусов К.О. Драматургия Тауфика аль-Хакима. М., 1976.

На арабском языке

74. Абд ал-Ваххаб Махмуд. Кира фи ибда'ат мисриййа муасира. Каир, 1994.
75. Абу Ауф Абдаррахман. Ал-Бахс ан тарик джадид ли-л-кисса ал-касира ал-мисриййа. Каир, 1971.
76. Абу Ауф Абдаррахман. Издихар ва сугут ал-масрах ал-мисри. Дамаск, 1983.
77. Абу-л-Хашаб Ибрагим. Тарих ал-адаб ал-араби фи-л-аср ал-хадис. Каир, 1976.
78. Авад Луис. Тарих ал-фикр ал-мисри ал-хадис. В 2-х ч. Каир, 1969.
79. Адхам Исмаил, Наджи Ибрахим. Тауфик ал-Хаким. Каир, 1945.
80. Ал-Азаб Мухаммед. Ахмед. Дирасат фи-л-адаб. Каир, 1976.
81. Ал-Аккад Аббас Махмуд, ал-Мазини Ибрагим Абд ал-Кадир. Ад-Диван: китаб ан-накд ва-л-адаб. Каир, 1921.
82. Абу-н-Нага Мухаммед Абу-л-Му'ти. Фатат фи-л-мадина. Каир, 1961.
83. Алван мин ал-кисса ал-мисриййа. Каир, 1956.
84. Ал-Алим Махмуд Амин. Анис Абд ал-Азим. Фи-с-сакафа ал-мисриййа. Бейрут, 1955.
85. Анани Мухаммед. Закариййа. Кираат фи адаб Рифаа ат-Тахтави. – Ал-Катиб, июнь 1975.
86. Ахмад Абу ар-Рахим Мустафа. Тауфик ал-Хаким. Афкаруху ва асаруху. Каир, 1951.
87. Бадр Абд ал-Мухсин Таха. Татаввур ар-ривайа ал-арабиййа ал-хадиса фи Миср. 1870-1938. Каир, 1968.
88. Гариб Самир. Ас-Суриалийа фи Миср. Каир, 1986.
89. Дайф Шауки. Ал-Адаб ал-араби ал-муасир фи Миср. Каир, 1957.
90. Ад-Дасуки Омар. Фи-л-адаб ал-араби ал-хадис. В 2-х т. Каир, 1955.
91. Дувара Фуад. Фи-л-кисса ал-мисриййа. Каир, 1966.
92. Дувара Фуад. Фи-р-ривайа ал-мисриййа. Каир, 1968.

93. Йахйа Хакки. Фаджр ал-кисса ал-мысриййа. Каир, 1960.
94. Камал Маллах. Ал-Хаким бахилан. Каир, 1973.
95. Камус ал-масрах. Под ред. Фатимы Мусса. Т. 1. Каир, 1995.
96. Мандур Мухаммед. Масрах Тауфик ал-Хаким. Каир, 1960.
97. Мандур Мухаммед. Кадайа джадида фи адабина ал-хадис. Бейрут, 1958.
98. Ан-Нассаг Саййид Хамид. Татаввур фанн ал-кисса ал-касира фи Миср. Каир, 1968.
99. Ар-Ран Али. Дирасат фи-р-ривайа. Каир, 1964.
100. Салам Абу-л-Хасан Абд ал-Хамид. Хайрат ан-насс ал-масрахий бейн ат-тарджама ва-л-иктибас ва-л-и'дад ва-т-таалиф. Александрия, 1993.
101. Тауфик ал-Хаким: худур мутаджаддид (Тауфик ал-Хаким: возобновляющееся присутствие): Тезисы докладов на конференции. Каир, 28.11 – 3.12.1998.
102. Фараг А. Саут Миср. Арба масрахиййат мин фасл вахид. Каир, б.г.
103. Хайкал Ахмед. Ал-Адаб ал-касаси ва-л-масрахы фи Миср мин аакаб саура 1919 ила кийам ал-харб ал-кубра ас-санийа. 2-е изд. Каир, 1971.
104. Ал-Хаким Тауфик. Уда ар-рух. Каир, 1933.
105. Ал-Хаким Тауфик. Усфур мин аш-шарк. Каир, 1939.
106. Ал-Хаким Тауфик. Бракса ау мушкила ал-хукм. Каир, 1939.
107. Ал-Хаким Тауфик. Ракиса ал-мабад. Каир, 1939.
108. Ал-Хаким Тауфик. Химар ал-Хаким. Каир, 1940.
109. Ал-Хаким Тауфик. Нашид ал-аншад. Каир, 1940.
110. Ал-Хаким Тауфик. Мин ал-бурдж ал-аджи. Каир, 1941.
111. Ал-Хаким Тауфик. Биджмалыйун. Каир, 1942.
112. Ал-Хаким Тауфик. Ахл ал-фанн. Каир, 1943.
113. Ал-Хаким Тауфик. Сулейман ал-хаким. Каир, 1943.
114. Ал-Хаким Тауфик. Зухрату-л-умр. Каир, 1943.
115. Ал-Хаким Тауфик. Ар-Рибат ал-мукаддас. Каир, 1944.
116. Ал-Хаким Тауфик. Фанну-л-адаб. Каир, 1952.
117. Ал-Хаким Тауфик. Хайати. Каир, 1954.

118. Ал-Хаким Тауфик. Ат-таадулиййа. Мазхаби фи-л-хайат ва-л-фанн. Каир, 1955.
119. Ал-Хаким Тауфик. Ал-хубб ал-узри. Каир, 1957.
120. Ал-Хаким Тауфик. Ал-масрах ал-мунавва. Каир, 1957.
121. Ал-Хаким Тауфик. Ёа талиу аш-шаджара. Каир, 1962.
122. Ал-Хаким Тауфик. Банк ал-калак. Каир, 1966.
123. Ал-Хаким Тауфик. Зухрат ал-умр. Каир, 1979.
124. Ал-Хаким Тауфик. Адала ва-л-фанн. Мин закарыййат ал-фанн ва-л-када. Каир, 1963.
125. Ал-Хаким Тауфик. Рихла ар-раби ва-л-хариф. Каир, 1964.
126. Ал-Хаким Тауфик. Сиджн ал-умр. Каир, 1964.
127. Ал-Хаким Тауфик. Лейла аз-заффаф. Каир, 1966.
128. Ал-Хаким Тауфик. Калбуна-л-масрахи. Каир, 1967.
129. Ал-Хаким Тауфик. Тауфик ал-Хаким ас-сахир. Каир, 1969.
130. Ал-Хаким Тауфик. Ал-Фаннан. Каир, 1970.
131. Ал-Хаким Тауфик. Тауфик ал-Хаким-ал-муфаккир. Каир, 1971.
132. Ал-Хаким Тауфик. Ахадис маа Тауфик ал-Хаким мин сана 1951-1971. Каир, 1971.
133. Ал-Хаким Тауфик. Тауфик ал-Хаким йатахаддас. Каир, 1972.
134. Ал-Хаким Тауфик. Маджлис ал-адл. Каир, 1972.
135. Ал-Хаким Тауфик. Химари ва аса ва ахарун. Каир, 1972.
136. Ал-Хаким Тауфик. Рихля бейна асрейн. Каир, 1973.
137. Ал-Хаким Тауфик. Уда ал-вай. Бейрут, 1974.
138. Хакки Ё. Хутувват фи-н-накд. Каир, 1961.
139. Ал-Хигаги Ахмед Шамс ад-Дин. Ал-Масрахиййа аш-шириййа фи-л-адаб ал-араби ал-хадис. Каир, 1995.
140. Хидр Аббас. Ал-Кисса ал-касира фи Миср мунзу нашатиха хатта сана 1930. Каир, 1966.
141. Аш-Шаруни Ёусуф. Дирасат фи-р-ривайа ва-л-кисса ал-касира. Каир, 1967.
142. Шаукат Махмуд Хамид. Мукаввамат ал-кисса ал-арабиййа ал-хадиса фи Миср. Каир, 1974.
143. Шауки Дайф. Ал-адаб ал-араби ал-муасыр фи мыср. Каир, 1958.
144. Ат-Тахтави Тауфик. Ал-масрах ал-мунавва. Каир. 1957.

На европейских языках

145. Abd el Monem Ismail. Drama and Society in Contemporary Egypt. Cairo, 1967.
146. Astre G.A. Le theatre philosophique de Tewfik El-Hakim. – «Critique», 1952, N 66.
147. Badavi M.M. Modern Arabic Literature. Ed. by Derek Hopwood. – Middle East and Islam. 1986.
148. Barbour N. 'Audatu'-r-ruh an Egyptian Novel. – «Islamic Culture», 1935, № 3.
149. Brockelmann C. Taufiq al-Hakim. - Brockelmann C. Geschichte der arabischen Literatur. Supplement bd 3. Leiden, 1942.
150. Brugman J. An Introduction to the History of Modern Arabic Literature. Leiden, 1984.
151. Encyclopedia of Arabic Literature. L.-N.Y., 1998.
152. Etman Ahmed. Sources classiques du Theatre de Tewfik el-Hakim. Resume du livre publie par l'Organisation du Livre. Le Caire, 1978.
153. Gibb H.A.R. «Manfaluti and the «New Style», 1929. BSOS, t. V, 1929.
154. Golic I. Slavni egipatski pisac Teufik el-Hakim. – «Birlik», 1959, № 364.
155. Golic I. Teufik el-Hakim I njegovo knjizevno djelo. – «Republika», 1958, № 11-12.
156. Khemiri T., Kampffmeyer G. Leaders in Contemporary Arabic Literature. A Book of Reference. B., 1930.
157. Kilpatrick H. Autobiography and Classical Arabic Literature. – Journal of Arabic Literature, XXII, 1992.
158. Lakhdar H. L'écrivain égyptien Tewfik El Hakim et sa conception du monde. – «Alger republicain», 21.V, 28.V, 4.VI. 1965.
159. Landau J.M. Al-Hakim. - Brockelmann C.. Studies in the Arab Theater and Cinema. Philadelphia, 1958.
160. Love and Sexuality in Modern Arabic Literature. L., 1995.
161. Modern Arabic Literature. Ed. By M.M.Badawi. Cambridge University Press, 1992.

162. Nagy O. Un representant du «modernisme» dans la literature egyptiane: Taufiq al-Hakim. – «Studia et acta orientalia», /Bucarest/, 1958, vol. 1.

163. Orvieto G.R. Taufiq al-Hakim. - Orvieto G.R. La genesi del teatro arabo in Egitto. Roma, 1948.

164. Papadopoulo A. Tewfik el-Hakim et son oeuvre. – «Etudes mediterraneens», 1959, N 6.

165. Papadopoulo A. Introduction. – Tewfik el Hakim. Pour notre terre. Caire, 1958.

166. Rizzitano U. «L'albero del potere». Commedia dell'egiziano Taufiq al-Hakim. – «Oriente modemo», 1944, vol. 24.

167. Rizzitano U. Guerre e dittature in un libro di Taufiq al-Hakim. – «Oriente modemo», 1945, vol. 25.

168. Rizzitano U. Il simbolismo nelle opera di Taufiq al-Hakim. – «Oriente modemo», 1946, vol. 26.

169. Rizzitano U. Spirito faraonico e spirito arabo nel pensiero dello scrittore egiziano Tawfiq al-Hakim. – «Annali dell' Istituto orientale di Napoli», 1949, vol. 3.

170. Rizzitano U. Il teatro arabo in Egitto. Opera teatrali di Taufiq al-Hakim. – «Oriente modemo», 1943, vol. 23.

171. Schoonover K. Tawfiq al-Hakim-dramatist. – «Muslim World», 1955, № 1.

172. Sherif N. The Bank of Anxiety by Tawfiq al-Hakim. – «About Arabic Books». Beirut, 1970.

173. Sherif N. The Diary of a Country Public Prosecutor by Tawfiq al-Hakim. – «About Arabic Books». Beirut, 1970.

174. Sidky A. Scheherazade de Tewfik el-Hakim. – «La revue du Caire», 1953, № 157.

175. Skarzunska Kr. Taufiq al-Hakim. – «Przegląd orientalistyczny», 1960, № 2.

176. Souka F. Partie de Chasse. Piece de Tewfik el-Hakim. – «Annals of the faculty of arts», /Cairo/, 1964, vol. 9.

177. Yassine. Tewfik el Hakim. Alexandrie, 1969.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

РАССКАЗЫ

ШЕЙХ АЛЬ-БИЛЬБЕЙСИ

Сам я никогда его не видел. Но слышал о нем от людей, знавших его. Лет тридцать назад человек этот пользовался большой известностью в нашей провинции. Это был, говорят, рослый, крупный и представительный мужчина, чья внешность внушала людям почтительное уважение. Одет он был всегда тщательно, носил только дорогие и добротные вещи, держался с достоинством. Был он седобородый, в высокой чалме и с длинными четками в руках.

* * *

Один из знавших его рассказывал:

- Впервые я повстречал шейха аль-Бильбейси у губернатора провинции, где время от времени собиралась вся местная знать. Когда однажды я вошел в гостиную губернатора, мне сразу бросилась в глаза величественная осанка шейха. У меня не было и тени сомнения, что он здесь самый почетный и уважаемый гость. Хозяин представил меня ему, и я, даже не расслышав его имени, благоговейно склонился перед ним, намереваясь поцеловать ему руку. Он мягко отнял руку и жестом пригласил меня сесть рядом, промолвив с ласковой укоризной:

- Господь с тобой, сынок! Господь с тобой!... У кого ты учишься в аль-Азхаре?¹

Покраснев от смущения, я ответил:

- Я не учусь, а занимаюсь земледелием у себя в поместье.

Похлопав меня по руке, он сказал:

- Благое дело! Кто сеет добро, тот и пожнет добро, а кто сеет...

Тут он закашлялся неприятным глухим кашлем, похожим на собачий лай. Прикрыв рот рукавом, чтобы заглушить кашель, он продолжал:

- Как же это я раньше не встречал тебя здесь?

¹ Аль-Азхар – мусульманский университет в Каире.

Покосившись на губернатора, который вполголоса беседовал с другими гостями, чтобы – как мне показалось – не мешать нам, я объяснил:

- Я редко бываю в городе. Не хочу оставлять свою землю и хозяйство без присмотра.

Перебирая четки дрожащими пальцами, шейх одобрительно кивнул головой:

- Правильно делаешь, сын мой. Недаром есть пословица: без хозяйского глаза земля не родит.

И снова закашлялся. Теперь его кашель еще более напоминал собачий лай. Мне стало не по себе, и он это почувствовал. Наклоняясь к моему уху, он прошептал:

- Тебя пугает мой кашель? Не бойся. Со мной это иногда случается, но быстро проходит.

Желая его успокоить, я сказал:

- Это, наверное, из-за погоды, ведь в последние дни стоят холода.

Многозначительно взглянув на меня, он шепотом отозвался:

- Нет, сын мой, дело не в холодах. Не хочу тебе лгать. Это иная болезнь.

- Но все же не опасная..?

- Я молюсь господу, дабы он избавил меня от нее.

И закашлялся. Вернее сказать, залаял по-собачьи. Боясь, как бы его кашель не услышали окружающие, он прикрывал рот рукавом, тревожно озирался и шептал мне на ухо:

- Не хочу, чтобы они слышали. Ты – дело другое, ты мне все равно что сын. Заслони меня хоть немножко. Вот Аллах послал мне муку. Но ничего, мучениями он испытывает верных рабов своих. Господи, хоть бы скорей кончился этот приступ, тогда я смогу уйти отсюда спокойно.

Мне стало его жаль. Я видел, что он подбирает полы своей абы¹, собираясь встать, но кашель словно приковывает его к месту. Он все сидел, прикрывая рот рукавом. Потом кашель утих, и я сказал:

- А есть ли какое-нибудь средство от этой болезни?

¹ Аба – верхняя шерстяная одежда в виде длинной рубахи.

- Все в руках аллаха, но боюсь, что уже поздно. Я могу теперь лишь молиться о том, чтобы болезнь моя не была опасной для других. Но моего слугу, бедняжку, постигла такая участь...

- Какая же?

Я спросил это с опаской. Тихим, дрожащим от слабости голосом от ответил:

- Однажды у меня был необычайно сильный приступ. Говорят, кашель мой был похож на лай того самого бешеного пса, что меня укусил. Когда мой слуга хотел помочь мне, облегчить мои страдания, я набросился на него и укусил, да так, что укус оказался смертелен. Упокой, господи, его душу! И прости меня, грешного!

Кашель вновь оборвал его речь. Он вцепился зубами в свой рукав, пытаясь унять приступ. В страхе я хотел броситься прочь от него. Но я испытывал к нему почтение и жалость, боялся его обидеть и не хотел привлекать внимание гостей, а потому остался на месте. Я словно окаменел. Упавшим голосом я вымолвил:

- Надеюсь, это легкий приступ...

И не договорил. Глаза его вдруг выкатились из орбит, лицо исказилось, все тело напряглось. На губах выступила пена. Он ощерил зубы и мгновенно преобразился из почтенного шейха в злобного бешеного пса. Он уже не кусал рукав, а оскалил зубы и залился яростным, неистовым лаем. Его скрюченные пальцы, словно когти, протянулись ко мне. Вот-вот он на меня набросится. И тут, не помня себя от ужаса, я одним прыжком очутился у двери, ударился головой в деревянную створку – до сих пор на лбу у меня сохранился шрам – и выскочил во двор. Вздохнув с облегчением, я крикнул слугам и баввабам:¹

- Слава Аллаху, я спасся! Но его превосходительство и гости в опасности. Шейх может искушать их до смерти!

Я хотел послать слуг в гостиную, на помощь тем, кого еще можно было спасти, но вдруг увидел, что губернатор и его гости, в том числе и шейх, выходят из дверей, покатываясь со смеху.

Когда я понял, что меня разыграли, и высказал свое негодование, губернатор спросил с улыбкой:

¹ Бавваб – швейцар, привратник.

- Стало быть, ты не знал, на какие проделки способен шейх аль-Бильбейси? Ну что ж, теперь ты с ним познакомился.

Прикоснувшись к шишке на лбу, я сказал:

- Это знакомство оставило неизгладимый след.

Шейх, похожий на артиста, который только что смыл с лица грим, подошел ко мне и произнес:

- Вот все и кончилось благополучно! Бог даст, в следующий раз...

Я воскликнул, не дав ему договорить:

- Ну уж нет! Вторично я не попадусь на эту удочку!

- А кто тебе сказал, что в следующий раз я снова прикинусь собакой?

После этого я не встречал шейха до самой его смерти. Шутки такого рода давно уже отошли в прошлое. Перевелись и подобные люди, наделенные своеобразным талантом и служившие неперменным украшением гостиных в те времена. Каждый век рождает своих комедиантов. Но комедианты прошлого века воистину не имели себе равных. Я безмерно жалею, что ни разу больше не встретился с шейхом аль-Бильбейси, хоть и знаю, что встреча эта не прошла бы мне даром.

Перевод В.Кирпиченко.

ЛОТЕРЕЯ

В жизни каждого мужчины наступает такой момент, когда он вдруг начинает чувствовать себя... крышкой от кувшина... без кувшина! И горе тому, кто вовремя не поймет этого. Тогда он забывает обо всем и становится одержим одной мыслью, одной идеей – найти свою половину.

Герой этого рассказа оказался именно таким человеком. Молодой, честолюбивый, он учился в Каире, потом за границей и всегда был первым среди своих сверстников. Окончив университет, он вышел знающим, способным инженером. Ничто не интересовало его в жизни, кроме работы; он видел перед собой только дорогу к блестящему будущему. И он упорно и быстро шел по этой дороге, заняв вскоре пост управляющего на одном из заводов.

Так он и жил, уйдя с головой в свою работу, а между тем ему было уже около тридцати пяти лет. И вдруг для него наступил этот решительный момент! Казалось, крышка кувшина, которая так стремительно катилась по дороге, словно только в этом движении и заключался весь смысл существования, внезапно наткнулась на стену. Она завертелась на одном месте и упала на землю, издав глухой металлический звук, будто пробормотав: «Ты всего-навсего только крышка!»

Инженер словно пробудился от сна, а в голове его – лишь одна мысль: жениться!

Это слово в его устах вызвало крайнее удивление среди друзей: ведь раньше они никогда не слышали ничего подобного! Что случилось? Бывало, сколько раз пробовали завести разговор на эту тему, и всегда встречали с его стороны лишь равнодушный отказ. Если при нем произносили слова «жена» или «другая половина», или «подруга жизни», он давал понять, что все это его совершенно не касается и что он не видит в этом никакого смысла. Иногда он снисходительно улыбался, удивляясь, как люди могут всё так преувеличивать и усложнять. В его душе жила твердая уверенность, что он – нечто вполне законченное, что он – единое целое, а не половина, не треть и не какая-нибудь другая дробь. Он изучал арифметику, алгебру, высшую математику, и никто не сможет убедить его, что он представляет собой только половину и что где-то, в каком-то месте есть другая половина, которой ему недостает,

чтобы стать единым целым! И кто только выдумал эти «человеко-арифметические» задачи? И зачем? Кому от них польза? Нет... Нет... Он не может себе представить природу до такой степени влюбленной в арифметику, чтобы она превращала мужчин и женщин в какие-то целые числа или дроби, а потом то собирала их, то снова разбрасывала...

Так он говорил в прошлом. Теперь же он заявил своим друзьям: «Вы правы. Жизнь – это арифметика... Жизнь – это арифметическая задача... Я – дробь... Я – половина... Присоедините меня, пожалуйста, к моей второй половине!»

Да, но вот вопрос: как же найти эту половину? Положиться на волю случая? Или тут нужно самому потрудиться? Быть может, судьба на своих скрижалях уже предначертала пути соединений всех половин? Или пришла пора, махнув рукой и на судьбу и на ее скрижали, скорее приниматься за поиски?

В течение нескольких дней инженер встречал своих женатых товарищей неизменным вопросом: «Как ты познакомился со своей женой?» Ответы были разные. Один говорил: «Я увидел ее на вечеринке у родственников», или: «у друзей...» Другой отвечал: «Я встретил ее на благотворительном базаре, она мне понравилась, и я начал расспрашивать о ней...» Третий вспоминал: «Она была на пляже. Я последовал за ней и узнал ее адрес...»

Наконец, нашлись и такие, – а их уже немного осталось в наши дни, – кому не нравились новые пути выбора невесты, и они шепотом советовали: «Клянусь Аллахом, твое счастье в руках свахи Умм Шелеби!»

Инженер не знал, какому способу отдать предпочтение – старому или новому. Однако он ни с кем не спорил и никому не возражал. Он решил попробовать все способы, которые могли бы привести его к желанной цели. С широко открытыми глазами бродил он по улицам, набережным, базарам, бывал на вечеринках... Но, увы... Одна девушка казалась ему очень маленькой, другая слишком высокой... У той ему не нравился нос, а у этой рот... Но даже если не обращать внимания на внешний вид, то у кого можно разузнать о ней?

Он мобилизовал на поиски своих товарищей вместе с их женами. Родных в Каире у него не было, отец и мать умерли вскоре после того, как он окончил университет, а дальние родственники, жившие в провинции, в его дела не вмешивались и не понимали толком, чего он хо-

чет. Все свои надежды инженер возлагал на знакомых. Но большинство из них, сомневаясь в серьезности его намерений, мало помогали ему. А его колебания и нерешительность в выборе невесты, постоянные отводы с разными отговорками то одной, то другой кандидатуры и вовсе отбили у них желание помочь ему. Между тем это не было с его стороны ни излишней придирчивостью, ни легкомысленной игрой. Просто молодой человек нарисовал в уме ярко и отчетливо образ женщины и внушил себе, что именно такой должна быть его половина. О замене он не хотел и думать. Однако, сколько ни искал он, все было напрасно, сколько ни ходил – все зря...

И вот однажды вечером, совсем отчаявшись, инженер обратил свой взор к небу и воскликнул: «О судьба! Я устал... Теперь слово за тобой. Я закрою глаза и протяну руку – положи в нее что хочешь!»

На следующий день, едва забрезжило утро, он послал за свахой Умм Шелеби. А что другое оставалось делать? Раз уж ему пришлось отказаться от своего идеала и довериться судьбе и ее скрижалям, то почему бы не позвать сваху? Чем Умм Шелеби не посредница судьбы, не ее орудие? Кто знает! Может быть, она и есть тот перст, которым судьба укажет ему свой выбор? Может быть, у судьбы нет другого средства выразить свою божественную волю?

И вот перед ним предстала эта женщина, большая и тучная как слон. И разве можно было ожидать, чтобы перст судьбы оказался меньше по объему?

Инженер изложил свою просьбу и объяснил, как мог, чего он хочет. Сваха ушла, а через несколько дней вернулась, притащив длинный список фамилий и большой носовой платок, в который было завернуто множество женских фотографий – на все вкусы. Жених совсем растерялся: как разобраться во всем этом, кого выбрать? Между тем сваха начала перечислять достоинства невест. Среди них одна, по ее мнению, больше всего подошла бы ему. «Только вот ведь жалость какая! К ней уж посватался один хороший человек, и ему трудно будет отказать...»

- Она подошла бы мне? А где ее фотография?

И инженеру вдруг показалось, что эта девушка и есть его мечта, его идеал, его половина... Он непременно должен отбить ее у своего соперника. Однако где же фотография?

Сваха объяснила, что семья девушки наотрез отказалась дать какое-нибудь ее изображение. Но она красива, ох, как красива!

Инженер вцепился в подол платья Умм Шелеби и закричал: «Достань мне ее фотографию во что бы то ни стало!»

Сваха подумала, потом посмотрела на него с хитрецей, свойственной женщинам ее профессии. Хорошо, она достанет господину фотографию этой девушки. Она видела ее портрет в зале на стене, когда была у них. Сейчас она пойдет туда, чтобы рассказать о его намерениях, и, выбрав удобный момент, снимет фотографию со стены и принесет ему. С этими словами женщина поднялась и поспешно вышла, оставив молодого человека во власти его нового чувства. Да, это она! Это она! Наконец-то он нашел ее!... А, собственно говоря, откуда у него эта уверенность? И почему ее окружает такая тайна? Он никогда ее не видел, а уже собирается отнимать у кого-то... Какова она?.. Сможет ли он еще добиться ее? И все же... Он уверен, что ее портрет – это портрет женщины, которую он ищет.

И он продолжал думать об этом весь вечер. Наступила ночь, инженер лег спать, но сон не приходил. Тогда он включил маленькую электрическую лампочку над головой и взял книгу, чтобы забыться и немножко успокоиться чтением. Рассеянно перелистывая страницы, он наткнулся на старинную сказку о человеке из страны Синд, который так же, как и он, искал девушку, нарисованную им в своих мечтах. Все его поиски были бесполезны, и он совсем уже отчаялся, но ему сказали: «Не теряй надежды, ищи повсюду, хотя бы даже в Китае!» И он тут же отправился в Китай. Однако корабль, на котором плыл этот человек, разбился и потонул в море. Спаслось лишь несколько человек, удержавшихся на деревянной доске, оставшейся от корабля. Море выбросило их на берег, но никто из них не знал, куда они попали. Так они провели несколько дней, не имея никакой пищи. Когда несчастные почувствовали, что смерть их близка, один из них предложил: «Пусть каждый из нас даст какой-нибудь обет Аллаху. Может быть, Аллах сжалятся над нами и спасет нас!» Второй подхватил: «Я буду поститься каждый год в течении двух месяцев». Третий продолжил: «А я в течение каждого часа буду совершать по два раката». Так все они обещали что-нибудь, а человек, пустившийся на поиски жены, молчал. «Что же ты ничего не обещаешь?» - сказали они ему. Но он растерялся и не мог придумать никакого ответа. Вдруг с языка его

сорвались слова: «Я никогда не буду есть мясо слона». – «Как ты смеешь шутить в такое время?» - набросились на него товарищи. «Да я и не шу-чу, клянусь Аллахом! Я все искал, что бы я мог принести в жертву, и не мог найти ответа лучше того, который я произнес...»

Через некоторое время один из потерпевших кораблекрушение предложил: «Давайте разобьемся на группы и побродим по округе. Если кто найдет что-нибудь годное для еды, пусть он оповестит остальных, и мы все сойдемся у этого дерева». Они разошлись в разные стороны, а вскоре один из них вернулся, волоча маленького слоненка. Он позвал товарищей, все сбежались, придумали способ изжарить слоненка и стали его есть. «Иди и ты к нам», - пригласили они человека, искавшего себе жену. «Разве вы забыли, что я обещал Аллаху не есть мясо слона? Я никогда не нарушаю своих обетов! Пусть лучше я умру от голода...»

Наступила ночь. Несчастный и голодный, он нашел себе приют у корней огромного дерева; остальные улеглись, кто где мог. Но не успели они заснуть, как тишину нарушил страшный рев, и огромный слон появился перед ними. «Это пришел конец!» - закричали люди. Некоторые упали на колени и начали молиться, перебирая четки, другие бросились в разные стороны, ища спасения. Но слон стал преследовать их, настигая одного за другим. Настигнув кого-нибудь, он принимался обнюхивать его с ног до головы, потом наступал на него ногой и отбрасывал в сторону тело своей жертвы, словно кусок теста. Так он поступил с первым, и со вторым, и с третьим, и со всеми последующим до тех пор, пока не подошла очередь человека, давшего такой необычный обет. Тот сидел, выпрямившись и смотрел не все, что происходит вокруг, то взывая к аллаху и моля его о прощении, то посылая проклятия на голову того, кто дал ему злополучный совет покинуть свою страну и отправиться на поиски... Слон приблизился, и человек бросился на спину, встречая смерть. Слон обнюхал его, как он делал это с остальными, потом обнюхал еще раз... и еще... Несчастный едва не умер от страха. Слон обвинил его своим хоботом и поднял в воздух. Человек решил, что слон убьет его другим способом, и приготовил свое последнее «господи помилуй!» Но слон посадил его к себе на спину и двинулся прочь, то ускоряя, то замедляя шаг. Так он шел до тех пор, пока не занялась на востоке заря. Тогда он опустил свою ношу на землю у ворот прекрасного дворца, а сам повернул назад. Человек же остался

лежать на месте, потеряв сознание от пережитого им ужаса.

Очнувшись, он увидел, что лежит внутри замка, на мягком ковре, в новых одеждах, а рядом с ним – девушка, подобная луне. Это была дочь хозяина дворца. Она приводила его в чувство, а он смотрел на нее и шептал: «От смерти – к жизни? И к какой жизни! Ведь это – она... она!» Да, это был предмет его мечтаний. Это была та девушка, ради которой он преодолел трудности и опасности своего путешествия. Потом он женился на ней, и она стала ему прекрасной женой, другом и товарищем...

Инженер кончил читать эту старинную сказку и задумчиво произнес: «Умм Шелеби... Кто знает, может быть она и есть тот слон, только в образе человека... Может быть, она тоже приведет меня завтра в семью, где я встречу ту девушку, которую ищу...»

Наступило утро... потом полдень... Наконец сваха явилась. Под своим покрывалом она принесла портрет в рамке. Инженер, волнуясь, схватил его и долго, пристально вглядывался. Потом заговорил, словно обращаясь к самому себе: «Да, действительно, мне нужна именно такая жена!»

Умм Шелеби мягко забрала портрет из его рук, говоря, что она должна вернуть его, пока там не заметили пропажу. Ей, мол, нужно пойти и повесить портрет на место, иначе она попадет в затруднительное положение; а он, если девушка понравилась ему, пусть немедленно отправится к ее родным и расскажет им о своем желании, прежде чем они будут окончательно связаны с другим женихом. Если он хочет, она может устроить встречу с отцом девушки в самое ближайшее время...

- Да, поторопись, - ответил инженер, - и да поможет тебе Аллах в этом добром деле!

На следующий день Умм Шелеби вернулась и, задыхаясь, сообщила ему, что он может посетить отца невесты сегодня вечером.

- Не тяните и не откладывайте, - советовала она. – Сначала семья девушки и слышать не хотела о новом женихе. Они были довольны первым и не видели причин держать дверь открытой для следующих. Мне пришлось пойти на уловки и приложить величайшие усилия, чтобы убедить их в необходимости встречи. Я им говорила: «Кто может знать, какова судьба? Что вы потеряете, если к вам зайдет ненадолго молодой способный инженер...» Я сделала все, что могла, чтобы открыть этот путь... Вам остается лишь убедить отца девушки. Это –

почтенный старик, отставной военный. Он – человек, твердый в решениях, и любит точность. Не опаздывайте.

- Хорошо, я буду там ровно в пять часов, не беспокойся! – заверил ее инженер. И он сдержал слово: не было еще и половины пятого, а он уже закончил все приготовления и стоял перед зеркалом, стараясь положить шелковый платок в нагрудный карман своего нового костюма так, чтобы кончик выглядывал оттуда изящно и кокетливо. Оставшись доволен своим внешним видом, он отправился к невесте.

Молодой человек шел по улице, и все, что встречалось ему на пути, вызывало радость и наполняло сердце чувством уверенности. Сомнения рассеялись. Судьба выбрала ему подругу, и не остается ничего иного, как взять ее с благодарностью. О, как жалок человек! Сколько перед ним задач, которые он не может разрешить, если решение не упадет к нему с неба! Как часто он, не решаясь выбрать себе дорогу до тех пор, пока не почувствует толчок в спину: это судьба подсказывает ему путь. Мысли, подобные этой, бродили в голове инженера, когда он подошел к перекрестку у площади Сулеймана-паши. Здесь он вдруг почувствовал сильный толчок в спину, который швырнул его на землю, и ему показалось, что он очутился под колесами. Это было последнее, что он запомнил...

* * *

- Не шевелитесь! – услышал инженер, очнувшись. Он не знал, сколько прошло времени с момента его обморока. Это была больница, он лежал в мягкой постели, весь перевязанный бинтами. Обратив взор к говорившему, он увидел врача, сестер и санитаров в белых халатах. И тут инженер узнал, что ему сделали операцию, что у него сломано ребро, что в больнице он уже несколько дней; положение его вызывало опасения, но теперь опасность миновала, и он на пути к выздоровлению.

Больной начал задавать вопросы, просить объяснений, однако врач велел молчать, сказав, что ему нельзя волноваться. Он только позволил ему ответить на несколько кратких вопросов чиновников полиции, которые хотели выяснить обстоятельства несчастного случая. Но он сказал, что ничего не видел: ни машины, которая сбила его, ни ее цвета, ни водителя.

Чиновники написали протокол и ушли, а он задумался о своем положении: «Сломанное ребро! Вот все, чего я добился! Теперь я действи-

тельно дробь. А ту, которая составила бы со мной одно целое, так и не встретил...» Потом ему вспомнился конец дня, когда он был еще здоров и направлялся к дому невесты... Как бы это узнать, чем все завершилось? Интересно, встревожила ли девушку его участь? Или первый жених опередил его, пока он лежит тут, поверженный судьбой, подобно коню, упавшему во время скачек? Если бы можно было послать за Умм Шелеби и узнать у нее... Но как перехитрить этого врача, который запретил ему двигаться и разговаривать? Придется, видно, подождать день-два. Как горька его доля, если он потерял из-за этого происшествия свою половину, на которую только что наткнулся? Ведь для него это несчастье гораздо большее, чем сломанное ребро. Горе преступнику, наехавшему на него! Он никогда не простит ему этого! И тут больной заметил вокруг себя вазы с букетами роз, флаконы дорогих духов, роскошные переплеты книг, коробки конфет и пачки сигарет – одним словом, все то, что дарят человеку, избалованному богатством. Странно! Кто это заботится об его уюте и проявляет к его персоне столько внимания?

- Кто принес это? – спросил он врача, показав глазами на подарки.

- Госпожа, - ответил тот кратко, как говорят о само собой разумеющемся, и повернулся к своим подчиненным, отдавая им последние распоряжения перед уходом.

Все вышли из комнаты, оставив больного в крайнем изумлении. Госпожа? Какая госпожа?

Вернулась одна из сестер со шприцем в руке, собираясь сделать больному укол. Подождав, пока она закончит, он попросил рассказать немножко о «госпоже». Сестра оказалась болтливой и охотно принялась описывать эту самую красивую, самую благородную госпожу из всех, каких она когда-либо видела. Инженер узнал несколько интересных и удивительных подробностей. Эта красивая госпожа каждый день приходит и расспрашивает о его здоровье, и каждый раз она приносит чудесные цветы и щедро раздает санитарам деньги, умоляя их уделять ему особое внимание. В часы первой опасности она несколько раз глубокой ночью справлялась по телефону о его состоянии. Во время операции она ждала в соседней комнате, чтобы узнать об ее исходе. Это она накануне операции добилась созыва консилиума врачей, без колебаний оплатила эту операцию и, более того, взяла на себя все расходы, связанные с его пребыванием в больнице, в этой великолепной палате, где его окружают

комфорт и роскошь. Деньги текут у нее между пальцами, как вода. И все ради него. Она полна одной заботой, одной мыслью – любой ценой спасти ему жизнь! Эти слова она повторяет ежедневно и ежечасно каждому, кого встречает из врачей или санитаров.

- Ведь это естественно, что жена так беспокоится о вашем здоровье и ничего для вас не жалеет, - простодушно закончила сестра. – Теперь, если угодно Аллаху, я обрадую ее приятной новостью... - И с этими словами она вышла.

- Жена? – повторил инженер в замешательстве. Он долго раздумывал, пытаясь найти решение загадки, и пришел наконец к следующему логическому выводу: эта «госпожа», которую все здесь считают его женой, не кто иная, как та самая девушка, к которой он шел свататься... Очевидно, она узнала о случившемся, и то, что несчастье произошло с ним в тот момент, когда он шел к ней, взволновало ее. Это сильное, искреннее волнение, вероятно, и является причиной ее забот и внимания. Если это так, то она действительно та, которую он искал! Как благородна ее душа! Как он будет счастлив с такой подругой!.. Но почему же все-таки она взяла на себя расходы по лечению. Может быть, она считает себя его женой уже только потому, что он шел просить ее руки? Если она так решила, он благословляет ее решение. С этих пор он тоже будет считать ее своей женой. Нет! Не с этих пор, а с того момента, когда он попал из-за нее под машину! Что за славная жизнь! Он попытался восстановить в памяти ее лицо, которое видел на портрете, - и не мог: черты лица стерлись, смешались в его голове...

Необходимо увидеть ее немедленно! Чтобы поблагодарить по крайней мере... Он подождал, когда придет сестра, и попросил:

- Я хочу видеть... мою жену!..

Сестра объяснила, что госпожа еще не была сегодня, и пообещала проводить ее к нему, как только та появится. И больной стал ждать. Проходили минуты... часы... Наступила ночь... Потом день, второй, третий, четвертый. Он ничего не мог узнать у сестры.

Та только удивлялась без конца тому, что госпожа теперь вдруг исчезла, тогда как раньше она приходила обычно в больницу по два раза в день.

Инженер грустил и тревожился. Кроме того, его смущала и беспокоила необходимость объяснять как-то сестре и остальным странное

поведение его мнимой супруги. Он старался ни с кем не говорить о ней, однако в течение нескольких дней все еще не терял надежды разгадать эту тайну.

Одна случайная фраза врача немного помогла ему. Однажды после осмотра больного он сказал:

- Состояние ваше теперь значительно лучше. Разрешаю вам сидеть, опершись на подушки. Можете разговаривать сколько хотите и читать эти книги, газеты и журналы, которые посылает вам госпожа...

- Госпожа? Где она? – закричал больной, ухватившись за это слово, как утопающий хватается за соломинку... Врач улыбнулся.

- Теперь госпожа успокоилась, после того как неделю тому назад ей стало ясно, что всякая опасность миновала...

- Да... Но я... Я имею в виду... Она сама пришла?

- Нет. Она сказала мне в последний раз, что не видит больше необходимости приходить, поскольку опасность миновала... Теперь она только звонит по телефону раз в два-три дня и спрашивается о вашем здоровье.

- А скажите, не могу ли я попросить кого-нибудь позвать ее к телефону?

- Конечно. Дайте сестре номер телефона, и она сделает это, как только вы захотите.

- Номер телефона госпожи здесь, конечно, известен?

- Не думаю... Она всегда звонит нам сама. А, разве вы не знаете ее номера?

- О, да... разумеется... - и инженер засмеялся, стараясь скрыть свое смущение. Врач ушел, оставив его в темноте неведения, более густой, чем та, которая окружала его прежде.

Кто эта госпожа, которая проявляла к нему столько внимания, когда он был в опасности, а теперь, когда опасность миновала и ему стало лучше, удалилась с таким безразличием, как будто вовсе и не знает его?... Как ему теперь встретиться с ней?

Он позвал сестру и попросил, чтобы она поискала в управлении больницы и вообще везде, где только можно, адрес «госпожи» или номер ее телефона... При этом он дал понять сестре, что жена умышленно скрывает от него свое местонахождение и что она имеет особые причины на то, чтобы так вести себя по отношению к нему.

Но сестра не нашла ни адреса госпожи, ни номера ее телефона. Та приходила и справлялась о нем, никому не называя своего имени, - вот все, что было о ней известно в больнице. В конце концов больному ничего не осталось, как пойти на какую-нибудь хитрость. Придумав ее, он издал возглас радости и облегчения.

- Послушайте, - обратился он к сестре. – у меня к вам просьба: когда в следующий раз госпожа спросит обо мне по телефону, скажите, что наступил рецидив и что я не проживу и двух часов.

Женщина было заколебалась, но почувствовав вдруг в своей руке ассигнацию, позволила себя убедить пойти на небольшой риск – дать ненадолго ложные сведения.

Через два дня она поспешно вошла к нему в палату и, задыхаясь, выговорила:

- Сказала!

- Правда? Сказали?

Сердце его чуть не выскочило из груди.

Сестра сообщила, что «госпожа» звонила сейчас по телефону, чтобы узнать о нем.

- Я сказала ей, как мы договорились. Она страшно испугалась и бросила трубку... Через две минуты она будет здесь...

Больной не знал, что делать от радости... Рука его машинально потянулась к одеколону... Он стал умолять сестру, чтобы она ввела к нему госпожу немедленно и чтоб не забыла еще, что он при смерти.

Сестра вышла встретить посетительницу.

Через некоторое время инженер услышал голоса двух приближающихся женщин. Он прикрыл глаза и лежал неподвижно, изображая умирающего. И вот вошла его предполагаемая «жена». Остановившись на пороге, она посмотрела на него. Лицо ее побледнело... А мнимый умирающий едва не умер на самом деле. Кто эта женщина? Это не та, что была на фотографии! Он был готов встретить «жену», у которой ему знакомы по крайней мере черты лица...

Но перед ним стояла совсем чужая девушка! Он ее никогда не видел... И ничего не знает о ней... В один миг разрушилось все, что он построил в своем воображении. Нет, это не его невеста, к которой он шел свататься. Ее заботы и тревога о нем вызваны не теми причинами, которые он тогда придумал и объяснил. Она чужая ему, чужая его уму и памяти.

Без сомнения, он не видел ее в прошлом и не встречался с ней ни в мечтах, ни наяву. Кто она? Откуда она его знает? В чем тайна ее забот, волнения о нем, ее тревоги в часы опасности? Почему она взяла на себя все расходы?

Никогда в жизни ему не приходилось решать задач более сложных, чем эта...

Но как она красива!... Она, которую он не знает и никогда не видел. Когда-то он мечтал, чтобы и его жена была красива, - у него даже был свой идеал ее внешности. Однако красоты, подобной этой, он не мог даже вообразить себе. Она слишком совершенна для него, эта красота! И как идет ее лицу эта бледность!.. а ведь она побледнела от тревоги за него! Не сон ли это? Но что он видит? О, чудо! Слезы! Слезы, подобные каплям росы, увлажнили ее глаза!

Между тем незнакомка, видимо, не в силах больше выносить горя, выбежала из комнаты, смахивая слезы ярко-красными кончиками пальцев. Сестра вышла вслед за ней, а больной не сделал ни одного движения, не произнес ни единого слова, - так он был поражен всем виденным.

Он оставался в этом состоянии крайнего изумления и растерянности до тех пор, пока сестра не вернулась. Она пришла одна, твердо надеясь убедить его отказаться от этого обмана. Пусть он позволит ей рассказать госпоже правду, а то все откроется... дойдет до больничной администрации... ей тогда не избежать наказания! Ведь госпожа будет настаивать на созыве нового консилиума... Она приложит все силы, чтобы спасти его от смерти...

Не дожидаясь ответа, сестра подошла к нему, помогла сесть, приподняв немного на подушках, дала один из иллюстрированных журналов и объявила, что пойдет сообщить «госпоже» правду и приведет ее обратно: пусть посмотрит, как он выглядит на самом деле.

И она вышла. А больной лежал, как беспомощный ребенок, готовый ко всему. Взяв в руки журнал, он стал машинально перелистывать страницы; вдруг взгляд его упал на портрет, показавшийся ему знакомым. Вот чудо! Ведь это невеста, которую он видел на фотографии в рамке... Да, это она в белом свадебном платье! А рядом с ней юноша во фраке; под снимком подпись: «Блестящая, радостная свадьба».

Так, значит, она вышла за своего первого жениха... И хорошо сделала! Теперь он нисколько о ней не жалеет. И затаив дыхание,

больной кинул нетерпеливый взгляд на дверь. Вошла сестра, ведя за руку растерянную незнакомку, придвинула ей кресло к кровати больного и удалилась.

Все это произошло очень быстро. Оставшись наедине, молодые люди смущенно молчали, не зная, с чего начать разговор. Неловкое молчание затягивалось. Наконец девушка, облегченно вздохнув, сказала:

- Слава Аллаху, вы здоровы! Я едва не упала в обморок сейчас, когда мне сказали, что вы умираете.

Он смотрел на собеседницу, на ее губы, произносящие эти слова, не веря, что они обращены к нему. Потом, придя немного в себя, спросил:

- Моя жизнь так много для вас значит?

- О да!

- Этому можно найти только одно объяснение: я уже умер и попал в рай, а вы не кто иная, как гурия, чья обязанность – ласково обращаться со мной. Но где же тогда деревья, плоды и райские реки? И зачем эта постель, и сестра, и больница?

- Нет, нет... К счастью, вы живы. Ведь если бы вы умерли и попали в рай, то я попала бы в тюрьму.

- В тюрьму? За что?

- Пришло время рассказать вам о моем преступлении. Это я сбила вас машиной. Я, конечно, очень сожалею... Но такова уж судьба. Она сильнее нашей воли и наших желаний. Я очень торопилась... И в этом моя вина, без сомнения... Но я сгорала от нетерпения купить себе шелковое платье, которое видела утром, и боялась, что кто-нибудь другой опередит меня. И когда колеса проехали по вашему телу, я не остановилась, а продолжала мчаться с той же скоростью... Не из-за жестокости и не от недостатка совести, а из-за сильного страха, овладевшего мною. Я бежала от вашего тела, распростертого на земле, как бегут от призрака.

Я тотчас же вернулась к себе домой и была как безумная. Мать сразу заметила мое смятение. Я рассказала ей о случившемся, и она посоветовала пойти к отцу – он ведь судья. Выслушав мой взволнованный рассказ, отец тоже не знал, что делать. Если заявить о несчастье в полицию, то в случае смерти пострадавшего дело будет передано в суд!

А если не заявлять – значит, всю жизнь испытывать угрызения совести... Как судья, он не мог посоветовать кому бы то ни было, - будь то даже его собственная дочь, - бежать от правосудия. А как отец, он не

мог толкнуть в тюрьму свое единственное детище. Он так ничего и не решил, предоставив мне свободу действий, но прежде чем отпустить, он долго отчитывал меня за любовь к большим скоростям, объяснял, какие последствия может вызвать мой проступок, а потом посоветовал по крайней мере следить за состоянием раненого и сделать, что можно, для его спасения и лечения. Ведь если он выздоровеет, то последует наказание в виде штрафа и все... Поэтому я стала расспрашивать полицию о пострадавшем в автомобильной катастрофе в тот день на площади Сулеймана-паши и расспрашивала до тех пор, пока не отыскала вас...

Инженер слушал ее, чувствуя как тихо-тихо спускается с облаков на землю.

- Как велико ваше преступление! – прервал он ее. – Вы сломали мне ребро, заставили потерять невесту, рассеяли мои мечты! И за все это полагается только штраф!

- Потому что вы выздоровели, слава Аллаху!

- Выздоровел! А какова цена моего выздоровления! Для меня теперь смерть милее жизни. Ведь, значит, все ваше сочувствие, и слезы, упавшие из глаз, и бледность на вашем лице – все это не ради меня, не от тревоги за меня, а из страха перед тюремным заключением! Послушайте, девушка... Или нет, - госпожа, нет, жена...

- Жена?

- Конечно. А как вы думаете, кем они могут считать госпожу, которая заботилась обо мне так, как вы? Скорее моей женой, чем моей убийцей.

- Не называйте меня убийцей! Ведь теперь вы здоровы!

- О! Как бы я хотел умереть, чтобы вы попали в тюрьму!

- Вы так ненавидите меня?

- А властям уже известно, что вы совершили преступление?

- Еще нет... Я решила подождать, пока вы выздоровеете.

- А если бы я умер?

- Тогда бы я предалась в руки полиции.

- А почему, собственно, вы так уверены, что в случае моей смерти вас приговорили бы к тюремному заключению?

- Это неизбежно – я рецидивистка.

- Вы? Рецидивистка?

- Да... в автомобильных катастрофах... Летом прошлого года я наехала на осла, который тащил дрова на нашу ферму, а шесть месяцев назад я задавила другого осла, который вез по дороге тростник.

- Э-э, так, значит, специальность вашей милости – давить ослов?

Она посмотрела на него, перевязанного бинтами, и засмеялась, а он, не поняв всего смысла своей шутки, продолжал говорить:

- О преступница... Поскольку я пострадавший, вы должны выслушать и мое мнение о себе! Чей приговор вы предпочитаете – мой или приговор суда?

- Ваш.

- Так вот, я приговариваю вас к заключению!

- Вы хотите заключить меня в тюрьму?!

- Нет! В супружеские объятия.

Она посмотрела на него и улыбнулась, как улыбается подсудимый, который доволен вынесенным ему приговором и не собирается ни опротестовать его, ни обжаловать.

Прошел год, и инженер понял, что судьба действительно знала, как привести его к своему кувшину, к его части, к его половине, к его идеальной жене... И он поверил, что у судьбы бывают такие средства, которые никогда не придут в голову человеку. Вот разве он, например, мог вообразить, что встретит свою подругу таким образом?..

Когда вечером собрались гости, чтобы отпраздновать первую годовщину их свадьбы, он прошептал на ухо жене:

- Адам ради Евы пожертвовал своим ребром. И ты тоже сломала мне ребро, чтобы я нашел тебя!

Перевод А.Пайковой и К.Юнусова.

НЕУДАВШАЯСЯ ИНСЦЕНИРОВКА

Когда я был назначен прокурором в Н-ский район Н-ского губернаторства, меня предостерегали:

- Берегись тамошнего маамура. Если он поздоровается с тобой за руку, поспеши удостовериться, все ли пальцы на месте. Учти, даже здороваясь, он может незаметно оторвать тебе палец.

Я же уверенно ответил:

- Будьте спокойны!

К месту нового назначения я прибыл поездом. Вдруг вижу: встречает меня на станции сам маамур вместе с районными чиновниками, служащими – словом, со всей своей свитой. Встречают пышно, торжественно, как знатного вельможу.

С самого своего приезда я постоянно ощущал внимание и заботу маамура. Дня не проходило, чтобы в мою честь не устроили банкет с приглашением одного из многочисленных старост. Каждый из них считал своим долгом нарезать для меня индюка. Банкеты эти назывались то встречами для знакомства с чиновниками, то заседаниями для примирения враждующих сторон, то собраниями по вопросу о соблюдении порядка и сохранении спокойствия общества.

Однажды, когда мы с маамуром остались наедине я шепнул ему на ухо:

- Скажите, уважаемый господин маамур, зачем вся эта шумиха?

- Какая шумиха?

- Со всякими там угощениями, индюками и прочим...

- Что вы, что вы? Побойтесь бога! Это еще далеко не все, что нам следовало бы сделать, чтобы хоть как-нибудь выразить свою радость по поводу приезда вашей милости!

- Понимаю вас. Но, видите ли, все это чересчур затянулось и переходит всякие границы!

- Нет, нисколько. Вы так добры к нам и столь благородны, что без вас нам кусок не сладок.

- Что вы говорите? При наших с вами должностях индюк – невольнительная роскошь.

- Мы же в провинции, господин бек, - спокойно возразил маамур.
- А здесь столько всякой живности!

- Все это так. Но вы ведь покупаете индюшек. Вам их не дарят?

Маамур насторожился. Проницательность и многолетний опыт, видимо, подсказали ему, что я не из тех, кто, заметив неполадки, будет молчать. И он не замедлил ринуться в наступление:

- Вам что-нибудь наговорили обо мне?

- Представьте, ничего, кроме самой высокой похвалы в ваш адрес, я не слышал.

Я постарался произнести это как можно искренней. Переведя дух, он продолжал:

- О, я хорошо знаю свою слабость: сам люблю повеселиться и для других мне ничего не жаль.

- Чего именно не жаль? - с многозначительной улыбкой спросил я.

Он драматически воздел руки и воскликнул:

- О Аллах!

Я же продолжал гнуть свою линию:

- Давайте вернемся к индюкам.

Он пододвинул ко мне свой стул и зашептал на ухо:

- Вы что-нибудь слышали о них? Прошу вас, скажите ради Аллаха. Кто же это вам рассказал? Уж не сын ли сторожа Саадави?

- Не знаю я никакого Саадави. И никакой сторож мне ничего не говорил. Я нюхом чую. Ведь у индюков свой особый запах!

Маамур вскочил со стула.

- Вы говорите, что почувствовали запах? Теперь я точно знаю, что этот пес Саадави наговорил вам тут невесть что! Но я здесь ни при чем. Просто каждый день умирало по индюку!

Я не понял, что он имеет в виду, и посмотрел на него с удивлением.

- О чем это вы?

В ту же минуту, громыхая своими огромными башмаками, вошел старик Саадави. Он молодецевато козырнул, правую руку приложив к высокой войлочной шапке с медной бляхой, а в левой держал мертвого индюка, от которого шел резкий неприятный запах. Быстро, как хорошо заученную фразу, сторож произнес:

- Эфенди, этого индюка задушили. Акт составили по всей форме.

И, не дожидаясь ответа, сторож быстро удалился вместе со зловонным индюком. Но маамур все же ухитрился дать ему подзатыльник и тихонько обругать.

- Эх ты, чучело безголовое. Ну-ка проваливай отсюда, а падаль эту зарой в солону.

Обернувшись ко мне, маамур увидел, что я держусь за живот и едва сдерживаю тошноту.

- Нас такими же кормили? – с трудом выговорил я.

- Упаси Аллах! – начал было маамур, но, почувствовав на себе мой укоризненный взгляд, замолчал и, поняв, что деваться некуда, с виноватым видом подошел ко мне. Вероятно, желая рассеять все мои сомнения, он сказал, что по случаю рождества распорядился заготовить индюков для английской оккупационной армии. Проявив энергию и старание, он собрал в деревнях, находящихся в его ведении, сотни индюков. Несколько дней назад окошел этот проклятый индюк, о чем был, как положено, составлен акт. Съесть индюка нельзя, земле его тоже не предашь. Вот он и хранится на складе. И с тех пор каждое утро сторож приносит его как вещественное доказательство для составления акта, удостоверяющего «гибель» еще одного индюка: мол, так и так, при особых обстоятельствах окошел индюк. Между тем целого и неувредимого доставляют в дом господина маамура и режут.

- Значит, этот зловонный индюк... - начал я.

Но маамур с улыбкой перебил меня:

- Всего лишь актер... - Маамур сделал паузу и добавил: - Каждое утро он должен исполнять одну и ту же роль – мертвого индюка.

- А это допустимо? – спросил я с притворным удивлением. – Ведь его выдают за живого!

Маамур вздохнул:

- Скажите, разве нельзя себе представить, что из многих сотен индюков каждый день один погибает от удушья? Чем индюки лучше людей? Возьмите хотя бы статистику смертности в Египте. А официальной статистике я обязан верить.

- Но ведь на самом деле у вас не умирает в день по индюку, - не унимался я.

- Согласитесь, вполне логично предположить, что из такого количества хоть один непременно умрет.

- Меня сейчас интересуют не законы логики, - стоял я на своем.

Но он перебил меня:

- Хвала аллаху! Единственный раз в жизни администрация позволила себе поступить, сообразуясь с логикой, как тут же оказывается, что ее действия никого не интересуют.

Я рассмеялся.

- Хорошо хоть, что эти действия не стали предметом судебного разбирательства. Единственное, что я сейчас хочу, так это избавиться от необходимости бывать на банкетах.

С тех пор я почти не встречался с маамуром, если не считать служебных дел. Он пытался убедить меня, что случай с индюком – досадное недоразумение, что вообще-то он человек рассудительный и простодушный, что совесть у него чиста. Я в свою очередь не замечал ничего, что могло бы бросить на него хоть какую-нибудь тень.

Отличительными его чертами были исполнительность, серьезность и расторопность.

Маамур уже почти завоевал мое доверие, как однажды ночью произошло событие, нарушившее мир в округе. Я получил телефонограмму, из которой узнал, что огнестрельным оружием убит сын одного из знатных граждан. Убийца неизвестен. Я вызвал маамура, но мне сказали, что он уже давно отправился к месту происшествия. «Маамур старается», - подумал я и сам поспешил вслед за ним. Но опоздал. Оказалось, что он уже успел все сделать. Более того, он даже задержал убийцу, конфисковал ружье, которым было совершено преступление, и нашел очевидцев. Мне оставалось лишь составить протокол и записать, что преступление раскрыто, что дело представляется достаточно ясным и все улики налицо. Убитый, сын известного в этой местности богача, находился на гумне вместе со старостой, начальником полицейского участка и телефонистом. Они грелись у костра, когда вдруг раздался выстрел, и юноша был убит наповал. Свидетели видели все собственными глазами. Показания дали одинаковые, исчерпывающие, чистосердечные. Все шло без сучка и без задоринки. На мой вопрос:

«Как вы разглядели убийцу, когда сейчас такие темные ночи?» - они в один голос ответили: «Мы увидели его при свете огня костра!»

Я решил на следующий же день в это время провести экспертизу. Не знаю, что именно, но что-то заставило меня усомниться в показаниях старосты, начальника стражи и телефониста, хотя казалось, что дело раскрыто: показания свидетелей достаточно полны и не вызывают сомнений, отдан приказ взять убийцу под стражу – и в этот вечер я мог бы вернуться домой, воздав хвалу усердию маамура.

С самого утра к нам прибыл известный адвокат (впоследствии министр). Он сообщил мне, что ему известно о совершенном преступлении и что у него есть довольно веские основания сомневаться в проведенном маамуром следствии. Оказалось, что у маамура и у отца убитого были какие-то совместные дела. Рассказал мне адвокат и о тайных пружинах убийства. Маамур задолжал богачу довольно крупную сумму и, когда последний решил затребовать ее через суд, задумал избавиться от него. Именно он и совершил преступление; что же касается свидетелей, то они ничего и никого не видели. К тому же в первой телефонограмме, отправленной вскоре после убийства, было сказано, что «убийца неизвестен». А староста, начальник стражи и телефонист наверняка подставные лица, которые ловко разыгрывают предназначенные им роли.

- Не беспокойтесь, - заметил я адвокату, - сегодня ночью я устрою проверку. Поставим свидетелей у костра, а затем проведем две группы людей на некотором удалении друг от друга и посмотрим, узнают ли они кого-нибудь.

Адвокат был терпелив. Дождавшись ночи, я вызвал маамура. Но его нигде не было. Наметишь что-нибудь, а получается не так. Мне сообщили, что маамур опередил меня и уехал к месту преступления на служебном «форде», чтобы все подготовить к проверке. Я отправился на автомобиле вместе с секретарем прокуратуры. Еще издали мы видели огромные языки пламени и дым, густыми клубами поднимающийся к небу, и не на шутку встревожились.

«На все воля аллаха. В деревне вспыхнул пожар», - прошептал я с ужасом и велел шоферу поддать газу. Через несколько минут мы подъехали к гумну. Здесь мы увидели нечто поразительное. Горел целый шта-

бель сухих дров высотой и шириной в метр. Свидетели стояли вокруг костра с протянутыми руками, будто хотели согреться. На лбу у них выступил пот, лица почернели от дыма. Свет гигантского костра выхватывал из темноты ночи пространство размером никак не меньше площади Оперы в Каире. Позади, недалеко от свидетелей, стоял маамур, который то и дело вытирал платком пот.

- Что это? – обратился я к нему.

Кашляя от дыма, он ответил:

- Костер.

Я возмутился:

- Разумеется, вы разложили его, чтобы согреться, не правда ли? Подумать только, такой костер! Вы всегда так сообразительны, господин маамур. Вы что же, этот пожар считаете костром?

Я велел немедленно погасить огонь. Затем подозвал феллаха, показавшегося мне наиболее добросовестным, и приказал ему разжечь костер. Он развел его, как обычно. Но свидетели стали возражать. Я велел увеличить пламя. Они все равно остались недовольны. Так повторялось несколько раз. В конце концов пришлось согласиться, чтобы костер горел ярче обычного. Я расположил две группы феллахов на определенном удалении от костра, и ни один из свидетелей не смог их опознать: ничего не было видно во мраке при слабых отблесках костра, в то время как сами они оказались на свету. Выходило, что преступник мог их видеть, а они его нет. Видимо, именно так и было на самом деле. Теперь у меня не оставалось никакого сомнения в том, что так называемые свидетели обвинения в действительности ничего и никого не видели. Просто они блестяще справились со своей ролью. Я вернулся в прокуратуру, отдал распоряжение об освобождении ложно обвиненного и, улучив минуту, сказал маамуру:

- Вы сделали индюка актером. Возможно, это уместно. Но не слишком ли дерзко превратить в актеров старосту, начальника стражи и их помощников?

Маамур пытался мне доказать, что ко всему происходящему не имеет ни малейшего отношения, что во всем виноваты одни свидетели.

- Надо же, как здорово получилось, - говорил он смеясь. – пламя костра моментально разоблачило их! Задумано было хорошо, но инсценировка им не удалась.

Точнее было бы сказать: «Нам не удалась». Маамур хотел выкарабкаться, выйти сухим из воды. Я делал вид, что верю ему: ставить его в затруднительное положение в сложившейся ситуации было бесполезно. После этих событий мое пребывание в этом районе длилось недолго.

И вот я сажусь в поезд. На этот раз уезжаю обратно. Провожают меня так же, как и встречали: все ответственные чиновники в сборе. Они желают мне всего наилучшего и не отпускают моей руки, пока не отходит поезд. Наконец я остался в вагоне один и тотчас вспомнил, как меня предостерегали, когда я ехал сюда: «Если он поздоровается с тобой за руку, поспеши удостовериться, все ли пальцы на месте: он может незаметно оторвать тебе палец!»

И я поспешно взглянул на руку, чтобы удостовериться, со всеми ли пальцами я возвращаюсь домой.

Перевод Н.Усманова и В.Шагала

РОЖДЕНИЕ МЫСЛИ

- Кто так стучит у меня в голове?

- Мысль!

- Чего ты хочешь?

- Выпусти меня!

- Сейчас, ночью? Когда все люди спят и мои глаза слипаются от сна?

- Да, немедленно... Если я не выйду сейчас, то не выйду никогда!

- Будто ты не видишь, что я не могу сдержатъ зевоту. Неужели нельзя подождать до утра?

- Я не могу ждать... Мне нужно явиться сейчас же...

- Но почему ты выбрала именно это время, когда я уже было уснул?

- Я не из тех, кто выбирает. Я созрела в твоей голове, как созревает плод в утробе матери, и теперь я должна родиться.

- Тогда почему же я ничего не знал о тебе раньше? Я чувствовал только, что голова моя пуста, как дырявый бурдюк.

- Я возникла незаметно для твоего сознания, и уже давно. А теперь я созрела, и пришло время выйти.

- Но куда ты собираешься выйти?

- В жизнь, на бумагу! Вставай скорее, лентяй, бери бумагу, пиши, сообщи обо мне всем.

- Однако как ты много о себе воображаешь! Ну, допустим, ты сейчас появишься на свет, а что от этого изменится в жизни?

- Кто знает... быть может, жизнь станет другой лучше, красивее... или, быть может, произойдет какой-нибудь важный переворот, который изменит всю ее сущность

- Это из-за такой-то, как ты?

- Да, из-за такой, как я... Мне не раз уже приходилось делать это. Вон те пирамиды, которые виднеются из твоего окна, - они ведь тоже сначала были только мыслью... И электричество, освещающее твою комнату, и радио, позволяющее тебе слушать голоса всего мира, - все это тоже сперва было мыслью... Мысль двигает вперед народы, мыс-

лью созданы религии, которые возвышают души людей, и искусства, которыми они наслаждаются... Вся культура на земле рождена мыслью. Мысль отличает род человеческий от мира животных, ибо она рождается только у людей, а у животных – никогда. Вставай же, отбрось лень! Радуйся, что в твоей голове мысль!..

- Так неужели я единственный, у кого она появляется? Разве не полны ею миллионы человеческих голов?

- Да, но среди этих миллионов очень мало тех, у кого она выходит наружу.

- Значит, вся твоя ценность в том, что ты выйдешь?

- Да, и буду жить потом. Это очень редко случается на земле. Если тебе хоть немного известна арифметика, возьми перо и бумагу, и ты узнаешь удивительные вещи: на свете живут тысячи миллионов людей, и если допустить, что только у одного миллиона каждое столетие рождается на свет по одной мысли, то на каждые сто лет в мире было бы миллион живых мыслей! А этого не бывает никогда. Век, когда рождается хотя бы десять мыслей, продолжающих жить и приносить пользу людям, - такой век называют веком прогресса или золотым веком человечества!

- Значит, еще недостаточно, чтобы ты вышла из моей головы?

- Нет, этого недостаточно... Каждый день из голов философов, поэтов, артистов, ученых выходит великое множество мыслей, особенно теперь, когда их производству посвятило себя такое большое число людей. Эти люди наводняют мыслями книги и газеты, утверждая, что изрекают вечные истины, тогда как пользы от них не больше, чем от капли масла с пирожка, который ты съедаешь каждое утро!

- А я раньше думал, что важно только твое появление на свет...

- Важно, чтобы я продолжала жить после этого.

- Тогда, может быть, дело не столько в самой твоей жизни, сколько в ее продолжительности!

- Да, ты прав. Для меня прожить всего один год, как живет мода или какая-нибудь новинка, значит не жить совсем!

- И сколько же лет ты собираешься жить, когда явишься на свет?

- Во всяком случае, дольше чем ты сам, дольше по крайней мере раза в два. Твои кости уже сгниют в земле, а я буду еще в полном расцвете и блеске!..

- Да проклянет Аллах тебя и твои желания!

- Как, тебя не радует, что я буду жить после твоей смерти?

- Нет, конечно! Мне было бы радостно пережить тебя хотя бы на час!

- Зачем жить, когда мысли твои уже умерли? Какая радость в жизни отцу, который потерял всех сыновей и влачит свои дни в одиночестве.

- Да, это истина, грустная истина. Но пусть об этом заботится тот, кто произвел на свет детей. А я еще пока в силах воспрепятствовать твоему рождению. И я не вижу причины, почему бы мне не сделать этого, раз с твоим появлением у меня возникнет столько осложнений.

- Но в моем рождении есть и преимущества!

- Какие же?

- Я явлюсь в зрелом и совершенном виде, стану сокровищницей всего лучшего и благородного в тебе, продолжением твоего существования. Я буду приносить людям пользу, может быть вызову их восторги, и твое тщеславие будет удовлетворено.

- Да, уж действительно, только наше тщеславие и позволяет таким, как ты, выходить на свет божий!

- Вот я и хочу воспользоваться этой вашей слабостью. Выпусти меня!

- Но ты еще не сказала, какая польза тебе самой от твоего появления.

- О, как глуп твой вопрос! Спроси у личинки, в чем смысл ее существования. Ведь стремление к жизни лежит в самой нашей природе!

- Значит, ты сейчас находишься в моей голове?

- Ну да... И я прошу тебя, умоляю, требую: пусти меня жить!

- Подожди еще немного, я поищу карандаш и бумагу.

- Только не мешкай!

- А что случится?

- Дыхание мое слабеет... Мой свет угасает. Ты очень долго спорил со мной, и силы мои иссякли – я устала, не успев родиться.

- О несчастье! Я забыл, где мой карандаш... И бумаги не могу найти, вот только этот листок на столе... В него завернуты пирожки, которые я приготовил на завтрак. Это ничего, что ты меня разбудила, ведь поесть – тоже важно. Что пользы в полной голове, если желудок пуст! Будь любезна, потерпи еще немного, вот я сейчас наполню рот, а потом и тобой займусь. Не беспокойся, я потороплюсь и не заставлю тебя долго ждать. Пока я жую, я буду искать пропавший карандаш. Вот я уже ищу его. А! Вот он, на столе... ну, теперь ты можешь выйти... Эй, мысль! Иди... говори... выходи же! Странное дело, что с тобой? Почему ты молчишь и ничего не отвечаешь? Куда ты девалась? Где твоя болтовня, которая разбудила меня? Эй, мысль, произнеси же что-нибудь! Не застревай куском в моем горле! Где ты? Ты ушла?.. Ты умерла?.. Какая досада! Она умерла, не успев родиться!...

Да, без сомнения, она умерла у меня в голове, не успев родиться! Ну, подумайте, неужели я замешкался, неужто это мой грех? Может быть, она сама виновата?.. А, черт с ней, пусть проваливается в глубины ада! Сейчас покончу с едой – и снова в постель. Не первый раз и не со мной одним это случилось... Воистину, мысль родилась и умерла или умерла и не родилась – так же, как и миллионы других мыслей, которые стучатся в головы миллионов людей миллионы раз в миллионы мгновений...

Перевод К.Юнусова.

ПОВЕСТЬ

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ

Почему я веду дневник? Может быть, потому, что я счастлив? Нет! Счастливую жизнь не описывают в дневниках, ею наслаждаются! А моя жизнь связана неразрывной цепью с преступлением: оно всегда рядом со мной – как друг, как жена. Но разве такой друг будет твоим неизменным собеседником?

Здесь, в этих заметках, я рассказываю о преступлении и о себе, рассказываю обо всем...

О страницы, которые никто, никогда не увидит! Вы для меня – глоток свежего воздуха, единственная возможность в тяжелый час дать волю своим чувствам...

11 октября...

Вчера я рано лег спать. Разболелось горло – у меня часто бывает ангина. Я обмотал шею шерстяным шарфом, потом зарядил три мышеловки засохшими корочками сыра и расставил их вокруг кровати. Так ставят заградительные мины вокруг корабля Красного Креста. Потушив керосиновую лампу, я закрыл наконец глаза и вознес страстную мольбу к Аллаху: «Пусть уснут все дурные человеческие инстинкты в нашем маркезе¹ хоть на несколько часов! Да не свершится преступление, из-за которого меня – больного – поднимут ночью!»

Едва голова моя коснулась подушки, я заснул как убитый.

Разбудил меня голос гафира². Он барабанил в дверь и кричал моему слуге: «Проснись, Досуки!» Итак, преступление все-таки свершилось! Человеческие инстинкты не пожелали уснуть только оттого, что мне хотелось спать. Я встал и зажег лампу. Вошел слуга, на ходу протирая глаза, и подал мне телефонограмму. Я поднес бумагу к свету и прочел:

¹ Маркез — район, а также его административный центр.

² Гафир — стражник.

«В восемь вечера близ селения Даир в Камар ад-Дауля Альвана выстрелили из зарослей тростника, когда он шел по мосту. Стрелявший – неизвестен. Раненый в тяжелом состоянии, на вопросы не отвечает. О чем уведомляю. Омда¹».

Ну, это не страшно. Случай простой, отнимет у меня не более двух часов. Стрелявший неизвестен, а пострадавшему не до разговоров. Свидетель, конечно, гафир. Услышав выстрел, он трусливо приблизился к месту происшествия. Там его, без сомнения, никто не ожидал, он нашел только неподвижное тело. Омда, как это водится, будет клясться головой, что преступник не из их деревни. Родственники убитого, как всегда, постараются скрыть от меня истину, чтобы самим отомстить преступнику.

Узнав у слуги который час, я пометил на донесении: «Получено в десять часов. Отправляемся на расследование». Затем я оделся с быстротой пожарного, велел вызвать секретаря следственной комиссии и служебный автомобиль, послал разбудить моего нового помощника. Этот мягкосердечный юноша еще только начинал работать и просил меня брать его с собой для практики и стажировки. Вскоре я услышал сигнал подъехавшего полицейского фордика. В нем сидели мамур², его помощник и несколько солдат. Подойдя к своей машине, я убедился, что все в сборе, кроме секретаря. Ничего удивительного в этом не было. Я опаздывал к месту преступления в любом городе или районе всегда только по вине секретарей. Я спросил гафира:

– Ты уверен, что предупредил Саида-эфенди?

В темноте послышался скрип тяжелых сапог, я увидел руку, поднявшуюся к высокой войлочной шапке с медной кокардой, и рот под густыми черными усами, напоминающими кошачий хвост.

– Бек, он надевал рубашку при мне, – услышал я.

Мы решили подъехать к дому секретаря. Я, мой помощник и мамур сели в служебную машину. На подножке, показывая дорогу, стоял гафир. У старого дома на краю селения он крикнул:

– Выходите, Саид-эфенди.

¹ Омда — деревенский староста.

² Мамур — начальник районного управления полиции.

Секретарь в одной ночной галабие¹ выглянул из окна и спросил:

– Происшествие?

– Преступление, с огнестрельным оружием!..

Я увидел, как мамур высунул руку из окна автомобиля и ударил гафира по затылку:

– Так ты, сукин сын, сам видел, как надел рубашку?

– Клянусь вашей головой, бек, он был в рубашке!

Я не считал нужным разбираться, одно из двух: или гафир не знает, что такое рубашка (в этом нет ничего удивительного), или Саид-эфенди снял рубашку и снова улегся спать (в этом также не было ничего удивительного). Во всяком случае, отвечать за дальнейшее опоздание из-за их препирательств пришлось бы мне. И браниться с Саидом-эфенди – бесполезно. У меня только разболится голова. А сегодня мне особенно нужно побереечь себя, чтобы сохранить силы и горло для настоящего дела, ради которого я терплю все эти невзгоды.

Усталость сморила меня. Я предупредил своих спутников, что до места происшествия около тридцати километров, и прикорнул в углу машины. «Ничего не случится, если я продремлю всю дорогу», – подумал я и закрыл глаза.

Машина тронулась. Следом за ней двинулся фордик, в котором сидели секретарь, помощник, сержант и солдаты. Еще не выехав на проселочную дорогу, мы услышали пение, доносившееся откуда-то из темноты. Мамур высунулся из машины и крикнул:

– Господин помощник! Мы забыли шейха Усфура.

Наш маленький караван остановился. Песня все ясней слышалась из тростниковых зарослей на краю поля:

Ресницы глаз моей любимой
Покроют весь феддан² собой.

Помощник крикнул:

– Сюда, шейх Усфур, преступление!

¹ Галабие — длинная рубаха.

² Феддан — мера земельной площади, равная 0,44 га. Здесь и дальше стихи в переводе А. Городецкой.

И из тьмы вынырнула фигура шейха Усфура. Это был странный человек. Не зная сна, днем и ночью бродит он повсюду, распевая свою песню, всегда что-то бормочет, а иногда даже пророчествует. И люди слушают его. Ничто так не радует этого человека, как поездка на расследования происшествий. Заслышав сигнал полицейского фордика, он бежит за ним вслед, словно охотничья собака за хозяином. Почему? Я часто задумывался над этим. Может быть, у этого человека есть какая-то тайна?

Усфур подошел к нам и сказал обиженно:

– Вы хотели уехать без меня?

Сержант ответил улыбаясь:

– Вовсе нет! Если бы мы знали твой адрес, то непременно известили бы тебя.

– Ну ладно, дайте сигарету.

Сержант предостерегающе подмигнул ему и шепнул:

– Тише, тебя может услышать господин мамур.

– Все равно дайте закурить, господин сержант. Сегодня ночью я буду вашим главным проводником.

Он срезал стебель тростника и, держа его в руке словно жезл, важно уселся в машину с таким видом, будто это не обыкновенный фордик, а роскошный роллс-ройс.

Машины снова трогаются, дорога идет между возделанными полями. Природа спит, кругом полная тишина. Лишь иногда слышится кваканье лягушек, стрекот цикад да пение шейха Усфура. Я начинаю дремать, как всегда, когда еду на расследование. Сквозь дремоту до меня доносятся голоса спутников. Мой помощник очень встревожен. По-видимому, его что-то удивляет, ему хочется о чем-то спросить, но он боится разбудить меня. Он поворачивается к мамуру, и между ними завязывается бесконечный разговор. Под этот разговор я и проспал всю дорогу. Прошло довольно много времени, машина остановилась, и я проснулся. Мы находились на берегу канала, где нас уже ждал паром, чтобы переправить на другую сторону.

Покинув машины, мы забрались на паром и облепили его, словно утопающие спасательную лодку, отчего он сразу стал похож на одну из барж, что медленно плывут с Верхнего Египта, всегда тесно устав-

ленные кувшинами по палубе. Паром тронулся, нас обступил безмолвный мрак ночи, нарушаемый лишь ударами каната по воде. Когда мы приблизились к противоположному берегу, до нас донеслось ржание лошадей. Мы высадились. Нас ждали верховые лошади из местного полицейского управления и ослы, которых привел староста, чтобы доставить нас к месту происшествия.

Ох уж эти лошади! Солдат подвел мне великолепного коня, подобающего моему чину. Конь беспокойно рыл землю копытом и не стоял на месте. Я подумал, что обязательно свалюсь с него. Сколько раз уже я чуть не падал с этих гарцующих красавцев, на которых может удержаться только искусный наездник, а не такой засыпающий на ходу человек, как я. Моему сердцу всегда были милы спокойные ослики. Однако все начальство уже сидело на лошадях, а осликов оставили для подчиненных. Шейх Усфур уже залез на серого осла, ткнул его своей зеленой тростью и пристроился позади всадников. Я постеснялся последовать его примеру, положившись на милость Аллаха, взобрался на коня и как начальник поехал впереди, еле держась в седле от страха и усталости. Наконец сон опять одолел меня, и я уже ни о чем не мог думать.

Вдруг я почувствовал, что куда-то проваливаюсь. Случилось то, чего я боялся. Оказывается, конь, перескакивая через канаву с водой, стряхнул меня со спины. Я крикнул гафиру:

– Эй, ты, лови коня!

Процессия остановилась, и все спуталось. Мамур с криком и руганью набросился на гафиров, раздавая на ходу подзатыльники и приказания. В конце концов меня водрузили обратно в седло. Стараясь скрыть смущение, я бормотал, что лошадь, по-видимому, испугалась пробежавшей лисицы и понесла, а возможно, просто уснула на ходу.

Я попросил вести моего коня под уздцы. Гафир взял поводья и пошел рядом со мной неторопливой, ровной походкой. Я успокоился, снова задремал и проснулся лишь у цели нашего пути. Впереди показался свет факелов и фонарей, их держали жители, столпившиеся вокруг жертвы преступления. Раздавались приглушенные голоса: «Следователи приехали!»

Сон как рукой сняло, усталость мгновенно покинула меня, – вот так, наверно, сова покидает гнездо при вспышке света. Я соскочил с коня, пробрался через толпу к распростертому на земле телу и принялся рассматривать лицо жертвы, забрызганное грязью и кровью. Да, такой уже ничего не скажет! Рядом расположился полицейский, занятый составлением протоколов. Для меня такие протоколы не представляют никакого интереса. Следовательно всегда приходится все начинать сначала.

Прежде всего подробнейшее описание места происшествия. Секретарь приготовил бумагу, ручку и подошел ко мне. Я начал с обычного вступления: «Мы, следовательно такой-то и секретарь такой-то, ночью в такое-то время получили телефонограмму за номером таким-то, текст такой-то. Мы тотчас же отбыли на автомашине в указанное место. Прибыли туда к такому-то часу и приступили к составлению протокола...» – и так далее и тому подобное.

Я всегда очень тщательно составляю протокол в раз и навсегда установленном порядке, придерживаясь логики, присущей только ему одному. Протокол для начальства – все. Для начальства этот документ свидетельствует об искусстве и исполнительности следователя. А задержание преступника – дело второстепенное, этим никто особенно не интересуется.

В описании жертвы, одежды и места, где было совершено преступление, мы также ничего не упустили. Я стал диктовать секретарю результаты осмотра огнестрельной раны, зиявшей в плече пострадавшего. Мы записали калибр винтовки, отметили, что выстрел был произведен с небольшого расстояния. Пуля пробила мышцы плеча и вызвала кровотечение. Затем мы подробно описали внешность жертвы. Это был мужчина лет сорока, очень привлекательный, настоящий образец мужественной деревенской красоты. Все говорили о том, что до несчастья он был здоровым и сильным. Мы не забыли упомянуть о птице, вытатуированной над его виском, отметили рыжеватый цвет усов и перешли к описанию его одежды. Мы перечислили все: деревенский плащ, домотканый простой джильбаб¹ и белые коленкоровые шарова-

¹ Джильбаб — вид деревенский рубахи.

ры с красным поясным шнурком, а в них нетронутый кошелек с деньгами. Да, мы не забыли даже шнурка на шароварах и названия ткани! Ведь перечисление всех этих мелочей свидетельствует о нашей наблюдательности и точности.

Вот так мы и ведем следствие... Вспоминаю, как однажды, прибыв на место преступления, когда пострадавший уже находился в агонии, я принялся подробно описывать шаровары со шнурком, деревенские башмаки и войлочную шапку.

Только закончив это описание, я собрался спросить его – кто преступник. А за это время пострадавший взял да и помер.

Покончив с портретом жертвы, мы перешли к описанию места происшествия – узкой дороги между посевами сахарного тростника.

Нечего удивляться: каждому посеву – свое преступление. Как только вырастают кукуруза и сахарный тростник, наступает сезон убийств из огнестрельного оружия. Когда пожелтеют пшеница и ячмень, начинают из мести поджигать поля: солома, облитая керосином, – лучший материал для этого! Зазеленеет хлопок, тут уж жди, что его примутся выдергивать и топтать.

Описание жертвы преступления закончено, и судьба пострадавшего нас больше не интересует. Несчастный остается лежать в луже крови под охраной полицейского, пока карета скорой помощи не забереет его в больницу. В доме старосты для нас приготовлен кофе, и мы спешим туда. Знаете ли вы, что такое кофе старосты! Я называю его хлороформом, так как он не бодрит, а усыпляет меня. Я слышал однажды, как, предлагая нам кофе, староста крикнул слуге: «Принеси, мальчик, кофе «бунн»¹. Я так и не понял смысла добавления «бунн» к слову «кофе». Быть может, староста хотел этим подчеркнуть его качество или же показать свое уважение к нам. Во всяком случае, я убедился, что кофе, хотя он и упоминался в приказании старосты дважды, вовсе отсутствовал в поданном нам напитке.

Итак, мы расположились в приемной старосты, на потертом, вылинявшем коврике. Секретарь разложил свои бумаги на разбитой мра-

¹ Бунн — кофе в зернах.

морной доске низкого столика, под большим мигающим и потрескивающим светильником, вокруг которого кружились ночные бабочки.

Я приказал вызвать свидетелей. Прокричав: «Соберите свидетелей, господин помощник!» — мамур развалился на широком диване в углу комнаты, и я понял, что теперь от него, кроме храпа, ничего не услышишь. Мой помощник сел около меня, веки его смыкались: сон играл его ресницами, как ветерок играет листьями деревьев.

Среди свидетелей был, конечно, гафир, который услышал выстрелы и первым оказался на месте преступления. Как и следовало ожидать, он не мог сообщить ничего интересного, кроме того, что слышал два выстрела. Однако в полученном мной донесении говорилось лишь об одном выстреле, да и у жертвы была только одна рана. Все свидетели утверждали, что слышали один выстрел. Зачем же этому человеку лгать? Непонятно! И, отложив разбор дела по существу, мы занялись вопросом о выстрелах. Сколько их было? Два или один? Я снова опросил присутствующих, и снова все показали:

— Один выстрел, бек¹.

— А ты сколько слышал? — спрашиваю гафира.

— Два выстрела, бек.

— Так ли?

— Два выстрела, бек.

В таких случаях трудно и неприятно вести следствие. Когда лжет обвиняемый — это его естественное право, и я никогда не тешил себя надеждой, что кто-нибудь из обвиняемых в чем-то признается. Но что заставляет свидетеля скрывать истину, вызывать сомнения и путать дело?

Следствие безнадежно зашло в тупик. Никто не знал преступника. Никого не подозревали. У пострадавшего была в деревне только больная, хромая, почти слепая мать, настолько дряхлая, что она уже не могла говорить, да маленький ребенок. Жена умерла два года назад. С ребенком ведь тоже не поговоришь! Никто не знал, была ли у этого крестьянина с кем-нибудь вражда, которая могла бы привести к преступлению. Не мог же сам шайтан вылезти из ада и застрелить беднягу?

¹ Бек — господин.

Никто ничего не знал. Все было именно так, как я и предполагал, когда получил донесение. Безднадежное, мертвое дело, и мое расследование не оживит его. Если свидетели не говорят правды, а жители деревни не хотят мне помочь, то и никакие протоколы не помогут раскрыть это преступление, даже в будущем.

Пришла очередь давать показания старосте. Он принес присягу, и допрос начался, но дело не продвинулось ни на шаг, и мы все еще топтались на месте. Вдруг в комнате раздался храп, заглушивший все голоса. Я обернулся к мамуру, слегка прикорнувшему на диване. Староста с моего разрешения подошел к нему и осторожно разбудил.

– Пожалуйте, бек, прилягте на постель. – И он с великим почтением и осторожностью повел мамура в другую комнату.

Вернувшись ко мне, староста продолжал свои показания на официальном языке должностного лица. Манера говорить и язык всех старост почти не отличают их друг от друга. Во всяком случае, от их разговоров нет ни вреда, ни пользы. Он спокойно изложил случившееся. Едва господин староста поставил корявую, словно след куриной лапы, подпись под своими показаниями, как дверь соседней комнаты распахнулась и в ней появился мамур. Он почесывался и что-то брезгливо стряхивал пальцами со своего мундира.

– Постель! Не приведи Аллах! Это ты, староста, ты? – загрохотал он.

Поняв, что случилось, и посмеиваясь про себя, я притворился погруженным в дело и не поднимал головы от бумаг. Мамур уселся на свое место, и было ясно, что сон окончательно покинул его. Он крикнул старосте:

– Эй, ты, принеси-ка нам кофе! И свари его как следует! Заклинаю тебя твоими глазами!

Он спросил меня:

– Ну как, дело в петле?

Ему не терпелось узнать, как идет расследование, есть ли у него надежда отправить обвиняемого на виселицу. Я ответил тихо, не глядя на него, как бы разговаривая сам с собой:

– Нет, дело в постели!

Неожиданно мамур вскочил, словно нашел ключ к разгадке тайны, и крикнул:

– Шейх Усфур!

Из темного угла комнаты показалась голова этого странного человека. Он поднял свой зеленый скипетр, как бы говоря: «Здесь!»

– Что ты скажешь, шейх Усфур?

Мне стало не по себе. Не хватало еще советоваться во время следствия с полоумными! Я многозначительно посмотрел на мамура. Он подошел ко мне и сказал:

– Шейх Усфур почти святой. Однажды он нашел ружье, спрятанное преступником на дне канала!

– Господин мамур, вместо того чтобы допрашивать шейха Усфура или шейха Тартура, потрудитесь отправиться с вашим помощником и солдатами в деревню и обыскать там дома подозрительных лиц!

Мамур тотчас гаркнул:

– Господин помощник!

Помощник вошел в комнату. Он слышал мои слова и вручил своему начальнику протокол обыска в одном экземпляре.

– Обыск уже произведен, эфенди!

Не читая протокола, мамур сунул его мне. Я пробежал глазами многословный текст и остановился на привычной фразе: «...Оружия или чего-либо запрещенного не обнаружено».

Сделав внизу пометку: «Приобщить к делу», – я задумался, опустив голову на руки. Что еще можно предпринять при создавшемся положении? Кого допросить, чтобы протокол разбух хотя бы до двадцати страниц?

Мне хорошо запомнились слова начальника следственного отдела. Однажды, принимая от меня протокол в десять страниц, он спросил: «Правонарушение? Проступок?» Когда же я объяснил, что дело идет об убийстве, он удивленно воскликнул:

– Дело об убийстве, а протокол всего в десять страниц! Убийство человека! Убийство человека на десяти страницах?

Я возразил ему:

– Но ведь нам удалось задержать преступника при помощи этого ничтожного количества страниц.

Однако он не обратил на мои слова никакого внимания и продолжал оценивать протокол со своей точки зрения, взвешивая его на руке:

– Кто же поверит, что это протокол об убийстве человека?!

Тогда я заверил его:

– Если пожелает Аллах, в дальнейшем мы будем придерживаться требуемого веса.

Пока я сидел задумавшись, все это воскресло в моей памяти. Вдруг в зале раздался голос Усфура. Полоумный шейх пел:

Спросите женщин вы, мужчины,
Печали им ясна причина.
Ресницы глаз моей любимой
Покроют весь феддан собой!

Я не рассердился и не прогнал шейха, хотя своим пением он проявил неуважение к следствию. Я задумался над словами песни, а вдруг в них есть какой-нибудь смысл. Собственно говоря, внимание мое привлекло слово «женщины». Уж не хотел ли он сказать, что виновных надо искать не среди мужчин, а среди женщин? Но кого же именно? Пока нет никаких указаний на участие женщин. Пострадавший после смерти жены жил один. У него никого нет, кроме старухи матери, которую вряд ли можно считать женщиной. Нет, Усфур не соображает, что говорит. Этот безумный старик явно из породы попугаев. Повторяет слова бессмысленной песенки. Однако подожди, не торопись! У жертвы преступления есть ребенок. Разве больная, дряхлая старуха может нянчить ребенка?

– Эй, староста, сюда!

И я задаю старосте этот вопрос.

– Ребенка нянчит девочка, – глупо ухмыляясь, отвечает староста.

– Какая девочка?

– Сестра его умершей жены.

– Она большая?

– Совсем еще дитя.

Я взглянул на помощника и приказал немедленно доставить девочку сюда. Прошло немного времени, и появилась стройная девушка

лет шестнадцати. Никогда еще глаза мои не видели в деревне такого изящно очерченного, словно выточенного из слоновой кости, красивого лица, такого стройного девичьего стана. Девушка в длинном черном платье замерла на пороге, словно изваяние из черного дерева. Староста подбодрил ее:

– Входи, невеста.

Девушка вошла в комнату, смущенно потупя взор. Она не знала, к кому из присутствующих ей следует подойти. Староста направил ее ко мне. Она остановилась передо мной и вскинула ресницы. Впервые за всю мою практику следователя я почувствовал волнение и, растерявшись, не знал что спросить. Секретарь не видел девушки – он сидел к ней спиной. Удивленный моим молчанием, и, по-видимому, решив, что я уснул, он обмакнул перо в чернильницу и повернулся к свидетельнице.

– Как тебя зовут, девочка?

Но стоило ему увидеть ее, как он уже не мог отвести от нее глаз, совершенно забыв про свои бумаги. Я поглядел на окружающих меня людей: мой сонный помощник очнулся, зашевелился и, широко раскрыв глаза, уставился на девушку; мамуру теперь уже не нужны были ни кофе, ни «бунн»; шейх Усфур подполз и, словно собака, улегся у моих ног, устремив взгляд на красивую крестьянку и разинув рот. Поистине велика власть женской красоты...

Усилием воли я овладел собой и, стараясь не выдать обуревавшего меня чувства, не глядя на нее, спросил красавицу:

– Как тебя зовут?

– Рим¹.

Она произнесла свое имя таким голосом, что я задрожал, словно струна от прикосновения тонких пальцев. Боясь, что дрожь в голосе выдаст мое волнение, я замолчал. Да, положение становилось щекотливым. Если после каждого ответа Рим голова у меня будет кружиться все сильнее – допрос затянется. Я собрался с духом и засыпал ее вопросами. Затем попросил ее рассказать все, что она знает, и стал любоваться ею. Я узнал от нее удивительные вещи! Оказывается, она еще

¹ Рим — по-арабски: газель.

не слыхала о преступлении. Ее разбудили и привели сюда, не сказав в чем дело. Я решил пока ничего ей не говорить – так мне подсказывало чутье следователя.

Я спросил Рим, сватались ли к ней женихи? «Да», – ответила она. Последний раз сватался красивый юноша, и она согласилась выйти за него, но муж сестры, ее опекун, не хотел дать согласия на этот брак. Впрочем, он всегда был против, когда ей предлагали руку. Видно, многие простирали к ней руки, как верующие простирают руки во время молитвы.

– И ты сердишься на него за это? – спросил я.

– Нет, – горячо воскликнула она. И в этом возгласе прозвучала необычная страстность.

– А ты встречалась с женихом?

– Да, всего только два раза, около нашего дома.

Жених ей нравится, но она не хочет противоречить опекуну. А опекун? Почему он отвергает всех претендентов? Оберегает ее покой? Или считает их недостойными ее? Она не знает причины, не понимает. Ей очень хочется понять, в чем здесь дело. Иногда она даже плачет. Она хочет знать... Что знать? Ничего. Она не может объяснить. Ведь умение выражать словами свои чувства и желания – дар, которым обладают не все.

Чтобы выразить свои чувства, надо понимать, что творится в твоей душе. И мне показалось, что душа этой девушки подобна зарослям бамбука или тростника. Тонкий луч света проникает в заросли, только когда тростник колыхнется. Да и тогда этот световой зайчик прыгает и скользит, как маленькая неуловимая серебряная монетка.

Тем не менее слабый луч замелькал и между строк моего протокола. Я начал нащупывать пульс дела, мне было приятно смотреть на Рим, и я вдруг заинтересовался следствием. Только я собрался было попросить еще чашечку кофе, как вдруг мой помощник спросил полицейского, появившегося в дверях:

– Прислали машину за пострадавшим?

– Давно уже.

И девушка все поняла. У нее вырвался крик, но она подавила его. Я не сомневался: крик вырвался из глубины души.

Я хотел продолжать следствие, но девушку словно подменили. Теперь она давала только односложные и бесполезные ответы. Я решил отложить допрос.

– Отдохни, Рим, – и, взглянув на мамура, добавил: – Лучше продолжим следствие утром.

Я показал на окно – уже светало. В комнате горел светильник, и мы не заметили приближения дня.

Я поднялся из-за стола и сразу вспомнил, что сегодня у нас заседание суда, – ночью я об этом совсем забыл и не попросил никого из коллег заменить меня на суде. Поэтому нужно немедленно отправляться обратно, чтобы успеть на заседание вовремя.

– Господин помощник! Посадите девушку в фордик!

Я захлопнул папку с протоколом. После заседания мы продолжим допрос в моем кабинете.

Подали оседланных лошадей, и все отправились в обратный путь. Шейх Усфур ехал позади нас. Он нервно вертел в руке свою зеленую палку и возбужденно кричал:

– Это она! Это она!..

– Опомнись, – оборвал его мамур.

– Это она, она! Ее ресницы! Я узнал ее, узнал ее ресницы!

– Опомнись, шейх Усфур, не вертись, а то упадешь с осла!

Усталость одолевала меня, я с трудом держался в седле. Слава Аллаху, свежий утренний ветерок, слегка касаясь моего лица, будто дуновение веера красивой проказницы, вернул мне бодрость, и я обрел способность размышлять. Вдруг шейх Усфур запел так отчаянно, точно у него разрывалось сердце:

Ресницы глаз моей любимой...

Затем мы услышали, как что-то шлепнулось о землю. Шейх Усфур лежал в своих лохмотьях на земле. Гафиры подбежали к нему, подняли и снова посадили на осла. Он уселся, отряхнул с себя пыль и закончил куплет:

...Покроют весь феддан собой.

Мамур и мой помощник весело рассмеялись. Затем мамур стал отчитывать полоумного старика: «Будь осторожен! Прошло всего два года, как твою подругу унес ветер».

А я все думал о девушке в черном платье и ее тайне, которую еще не разгадал. Ведь ее тайна – тайна всего дела. Однако мое желание проникнуть в тайну этой девушки уже не имело никакого отношения к следствию. Я просто хотел знать...

Наш караван остановился у широкого полноводного канала. Через него был перекинут ствол пальмы, шириной не более полуметра. Подошел гафир, чтобы провести моего коня по бревну через канал. Я испуганно закричал:

– Эй ты, сумасшедший! Да разве можно здесь проехать верхом?

Лицо гафира выразило удивление.

– Раньше вы здесь проезжали на этом коне даже ночью, бек.

Я с опаской посмотрел на бревно.

– Я переехал по этому бревну, да еще ночью? Верхом? Не может этого быть!

– Мост широкий, бек, а лошадь – умное животное.

Я не хотел больше слушать гафира. Если, по его мнению, «мост» достаточно широк, то он безусловно сумеет попасть в рай даже верхом на верблюде¹! А об уме коня легко говорить, когда не сидишь на нем сам. Зачем мне ехать через канал верхом? Я спрыгнул с коня и зашагал по бревну, опираясь на свою трость.

12 октября...

Когда мы вернулись в город, пора было начинать заседание. Наша машина подъехала к зданию суда, входную дверь, словно мухи, облепили крестьяне. Мой помощник проспал как убитый всю дорогу. Впрочем, я не собирался брать его с собой на заседание. Он вконец измотался на следствии и вряд ли мог быть мне чем-либо полезен. Юноша еще не привык работать весь день после бессонной ночи. Хватит с него и этой «прелестной» ночи! На первых порах его следует пожа-

¹ Согласно верованию мусульман, дорога, ведущая в рай, очень узка, как лезвие меча.

леть. Поэтому я велел шоферу доставить помощника домой. Попрощавшись с мамуром, я вышел из машины и смело двинулся к входу, прокладывая себе дорогу в густой толпе мужчин, женщин и детей. Войдя в комнату для совещания, я увидел ожидавшего меня судью и пришел в отчаяние.

Дело в том, что в нашем суде работают посменно двое судей. Один из них живет в Каире и приезжает оттуда с первым поездом только в дни заседаний. Он всегда торопится рассмотреть дела, чтобы успеть на одиннадцатичасовой поезд в Каир. И как бы сложны ни были эти дела, сколько бы их ни было, судья никогда не опаздывает на этот поезд. Второй же судья просто одержимый: живет он с семьей в маркеше, дела рассматривает медленно, то ли боясь ошибиться, то ли желая развеять провинциальную скуку и убить время. Ведь ему не надо спешить на поезд! С раннего утра восседает он за судейским столом, словно прирастает к нему, и расстаётся с ним только под вечер. А иногда он трудится даже вечером. Судебные заседания с ним причиняют мне жестокие страдания: ведь это же настоящая каторга – неподвижно просиживать здесь целые дни, словно прикованный. А цепь мне заменяет моя судейская зелено-красная перевязь. Может быть, все это месть Аллаха за тех невиновных, которых я по долгу службы отправил в тюрьму? Наверно, мы расплачиваемся за наши ошибки в течение всей жизни, сами того не подозревая.

Итак, увидев судью, я был потрясен: от этого человека нечего ждать пощады даже после бессонной ночи. А я-то считал, что сегодня очередь судьи, который всегда торопится.

* * *

Войдя в зал заседаний, я прежде всего просмотрел список дел: увы, сегодня нам предстояло рассмотреть семьдесят правонарушений и сорок проступков. Слава Аллаху, вполне достаточно, чтобы просидеть с таким судьей целый день! У местного судьи всегда больше дел, чем у каирского гастролера, и по самой простой причине: за нарушение он назначает штраф не больше двадцати пиастров, тогда как другой судья – пятьдесят. Зная об этом, нарушители и обвиняемые только

и думают, как бы избавиться от любителя больших штрафов и попасть к тому, который обходится дешевле. Судья часто выражает недовольство и жалуется, что с каждым днем у него становится все больше работы. Он не понимает, в чем тут дело, а я усмехаюсь про себя: «Повысь штрафы, и тебе сразу станет легче».

Пристав Кызман-эфенди начал вызывать обвиняемых по списку, который держал в руке. Наш пристав пожилой мужчина с седой головой и усами, его манеры и фигура достойны председателя верховного суда. При вызове обвиняемых он всегда приосанивается и, обращаясь к привратнику, говорит тоном, не допускающим возражения. Привратник повторяет имя вызываемого гнусавым голосом, растягивая слова, как это делают уличные продавцы. Заметив это, судья однажды сказал ему:

– Шаабан, ты вызываешь на суд нарушителей и преступников или предлагаешь покупателям картофель и свежие финики?

На что привратник тут же ответил:

– Преступления, нарушения или свежие финики – все одно хлеб наш насущный.

Перед судьей, утопающим в бумагах, предстал первый нарушитель. Судья поднял голову, водрузил на нос свои массивные очки и сказал ему:

– Ты нарушил правила, зарезав барана не на бойне.

– Господин судья, баран... да, мы зарезали его, не взыщите... зарезали в радостный вечер после обрезания сына... пошли Аллах и вам того же...

– Штраф двадцать пиастров! Следующий...

Пристав все вызывал и вызывал людей. Дела следовали одно за другим и были похожи, как близнецы. Я предоставил судье творить суд, а сам принялся разглядывать крестьян, набившихся в зале заседания... Они заняли все скамейки, заполнили проходы, расположились на полу, сидя на корточках, и покорно смотрели на судью, выносившего приговоры. Ну прямо стадо перед своим пастухом!

Скоро судье наскучило однообразие нарушений, и он воскликнул:

– Объясните мне, в чем дело! Одни бараны, зарезанные не на бойне! – И через очки, вздрагивающие на кончике носа, он уставился на людей маленькими, как горошины, глазками.

Никто, да и он сам, не понял, как оскорбительно прозвучали его слова.

Пристав продолжал вызывать. Характер правонарушений несколько изменился. Пошли дела иного сорта. Судья сказал следующему нарушителю:

– Ты обвиняешься в том, что стирал свою одежду в канале.

– Ваше превосходительство господин судья, пошли Аллах вам повышение по службе! Неужели вы оштрафуете меня за стирку собственной одежды?

– За то, что ты стирал ее в канале.

– Да где же мне ее стирать?

Судья запнулся и ничего не ответил. Он знал, что эти бедняки не имеют в своих деревнях ни водоемов с чистой фильтрованной водой, ни водопровода и вынуждены всю свою жизнь прозябать в грязи, как скот. Тем не менее от них требуют, чтобы они подчинялись новейшему закону, вывезенному из-за границы.

Судья обратился ко мне:

– Что скажет прокуратура?¹

– Прокуратуре нет дела, где этот человек стирал свою одежду. Прокуратура следит за тем, как соблюдается закон!

Судья отвернулся от меня, потупился, покачал головой, а затем быстро, будто сбрасывая тяжесть с плеч, пробормотал:

– Штраф двадцать! Следующий...

Пристав назвал женское имя. Вошла деревенская проститутка: брови ее были подведены жжеными спичками, щеки так ярко накрашены, что напоминали этикетки на коробках табака «Самсун». На обнаженной руке женщины красовалась татуировка, изображающая пронзенное стрелой сердце, на ее запястьях позванивали металлические браслетки с цветными стекляшками. Судья взглянул на нее:

– Ты обвиняешься в том, что стояла у дверей своего дома.

Она подбоченилась и ответила:

– А что, душа моя, разве стоять у дверей своего дома грешно?

– Ты там стояла, а это уже соблазн для джумхура.

¹ В Египте следователь на суде является представителем прокуратуры.

– Сожалею и раскаиваюсь! Клянусь твоей бородой, господин судья, я вовсе не видела Джумхура, перед нашим домом не проходил никакой Джумхур...¹

– Штраф двадцать... Следующий.

Кызман-эфенди вызвал следующего обвиняемого.

Вошел пожилой мужчина, земледелец. На нем была синяя цветистая шаль, яркая чалма, кашемировая рубаша, аба² из сукна «империял» и ярко-желтые штиблеты. Видно было, что это человек солидный, с положением. Едва он предстал перед судьей, как тот произнес:

– Вы, шейх³, обвиняетесь в том, что не зарегистрировали свою собаку в сроки, установленные законом.

Человек кашлянул, покачал головой и забормотал, как будто прося прощения у Аллаха или читая заупокойную молитву.

– До чего мы дожили! Собак регистрируют, как землю, словно они имеют какую-то ценность!

На всех обвиняемых сыпались одинаковые приговоры. И мне казалось, что ни один из них не верил в то, что действительно совершил какой-то проступок. Им представлялось, что это просто какая-то подать или беда, неожиданно свалившаяся на них с неба, такая же, как все подати и беды. Закон требует: «Плати!» – и они платят. Я часто задавал себе вопрос: в чем смысл такого суда? Какое он имеет воспитательное значение? Ведь «правонарушители» абсолютно не понимают своей вины.

Наконец дела о правонарушениях были рассмотрены, и пристав объявил:

– Дела о проступках.

Просмотрев список, судья вызвал Умм ас-Саад – дочь Ибрагима аль-Джурфа. Появилась старуха крестьянка. Она медленно пересекла зал заседаний, дошла до судейского стола и остановилась перед приставом Кызман-эфенди. Тот указал ей на судью. Женщина повела подслеповатыми глазами в сторону судьи и осталась стоять перед стариком приставом. Не поднимая глаз от бумаг, судья спросил ее:

¹ Женщина не поняла литературного слова джумхур (публика) и решила, что это имя мужчины.

² Аба — шерстяной плащ.

³ Шейх — в данном случае обращение в знак уважения.

– Твое имя?

– Ваша покорная слуга Умм ас-Саад, – сказала она, обращаясь к приставу.

Кызман-эфенди снова указал ей на судью.

– Твоя профессия?

– Моя профессия – женщина.

– Ты обвиняешься в том, что укусила за палец шейха Хасана Ам-мара.

Старуха отвернулась от судьи и опять обратилась к приставу:

– Клянусь твоими сединами и твоим достоинством, я не сделала ничего постыдного. Я поклялась, что выкуп за мою дочь будет не меньше двадцати бинту...¹

Судья поднял голову, поправил очки, поглядел на женщину и крикнул:

– Подойди сюда и отвечай мне! Я судья! Укусила или нет? Одним словом: да или нет!

– Укусила? Упаси Аллах! Я грешница, правда, но не кусаюсь.

Судья приказал ввести истца. Вошел пострадавший, у него был забинтован палец. Задав обычный вопрос об имени и профессии, судья привел его к присяге и попросил изложить суть дела. Пострадавший сказал:

– У меня, господин судья, нет доли ни в воле, ни в муке². Ведь я был только посредником... – И он умолк, словно уже все разъяснил.

Судья уставился на него, еле сдерживая гнев, потом закричал, чтобы он рассказал все подробно. Истец снова заговорил. Выяснилось следующее:

У обвиняемой Умм ас-Саад есть дочь по имени Ситт Абуха. К этой Ситт Абухе посватался феллах ас-Сейид Хариша и предложил выкуп в пятнадцать бинту, но Умм ас-Саад требовала двадцать. Сговор не состоялся. Вдруг брат жениха, мальчишка по имени аз-Занджар, явился к родным невесты и солгал им, что жених принял их условия, а придя домой, сказал брату, что родные девушки согласились на его условия и снизили сумму выкупа. Вот так, стараниями этого коварного

¹ Бинту — денежная единица.

² Поговорка, означающая «ни в чем не заинтересован».

мальчишки, решившего пошутить, согласие было достигнуто и назначили день для чтения аль-Фатихи¹ в доме невесты. Жених послал шейха Аммара и шейха Фараджа свидетелями со своей стороны. Все собрались. Отец девушки зарезал гуся, и когда зажаренная птица была уже подана гостям, вспомнили о выкупе. Тут-то и выяснилось, что никто своего решения не менял. Между сторонами разгорелся спор. Мать невесты начала причитать на всю деревню: «О, горе нам! О, как будут злорадствовать наши враги! Клянусь пророком, я не отдам свою дочь меньше чем за двадцать бинту». Как сумасшедшая бросилась она к мужчинам, чтобы не дать им, чего доброго, договориться между собой.

Шейх Аммар так и не притронулся к еде. Побуждаемый добрыми намерениями, он подошел к старухе и принялся ее уговаривать. Тем временем его товарищ шейх Фарадж запустил руку в блюдо с гусем и начал жадно поедать жирные куски, решив не ввязываться в спор. Страсти разгорались, запахло дракой, и вдруг рука шейха Аммара, потянувшаяся было за гусем, оказалась во рту старухи. Шейх дико закричал, начался переполох! Шейх Аммар силой оторвал своего товарища от блюда с жарким и ушел в страшной злобе, – ведь шейх Фарадж не сказал ни слова и знатно полакомился, а он, Аммар, старавшийся ради блага других, ушел с пира несолоно хлебавши. К тому же еще старуха съела его палец!..

Пострадавший продолжал разглагольствовать в том же духе... Вдруг судья беспокойно заерзал на месте и недоверчиво поглядел на истца. Он прервал его и встревоженно пробормотал, видимо обращаясь к самому себе: «А привел я истца к присяге?» Так и не вспомнив, он обратился ко мне: «Господин следователь, я приводил истца к присяге?» Я стал припоминать. Судья, обуреваемый сомнениями, воскликнул: «Поклянись! Скажи: клянусь великим Аллахом, я говорю правду». – Истец поклялся, и тогда судья сказал ему: «А теперь повтори все сначала».

Видно, мы никогда не кончим. Мне все страшно надоело. Я начал зевать, развалился в кресле, меня одолела дремота. Не знаю, сколько прошло времени. Вдруг я сквозь сон услышал крик: «Следствие! Чего

¹ Аль-Фатиха — первая сура Корана; читается при заключении брака.

требует следствие?» Я открыл покрасневшие от бессонной ночи, слипающиеся глаза. Судья сообщил мне, что, согласно заключению медицинского эксперта, истцу нанесено серьезное увечье – «потеря сустава безымянного пальца». Я выпрямился в кресле и потребовал, чтобы было вынесено решение о некомпетентности состава суда.

Судья обратился к старухе:

– Проступок твой оказался преступлением, и разбор этого дела входит в компетенцию уголовного суда.

Было видно, что женщина ничего не поняла. Для нее укус остался укусом. Что же превратило его из проступка в преступление? Хороши, видно, законы, если их не понимают бедняки!

Объявили следующее дело. Это была драка дубинками между отцом невесты Ситт Абухи и родными жениха ас-Сейид Хариша. Оказалось, что в конце концов стороны все-таки договорились о браке. Жених послал своих родственников, чтобы они привезли на верблюде невесту из дома ее отца. Увидев верблюда, отец страшно рассердился и закричал:

– Что? Верблюд? Моя дочь поедет на верблюде? Да ни за что! Только на кумбиле¹.

Стороны заспорили о том, кто будет платить за это новшество, которое обрушила на их бедные головы современная цивилизация. В результате в ход пошли дубинки, и было пролито несколько капель крови, что, впрочем, неизбежно в подобных случаях. Дело кончилось тем, что нашелся благодетель, который не пожалел реала² из собственного кармана и нанял автомобиль, проезжавший как раз мимо дома, по проселочной дороге. Наконец судья закончил чтение приговора по этому делу и громко произнес:

– Итак, мы благополучно покончили со свадьбами и свадебным весельем. Следующий!

Пристав возгласил своим зычным голосом: «Уголовные дела!» – и вызвал одного из арестованных. Раздался звон цепей, и из группы людей, одетых в дерюги, вышел мужчина. Стражник снял с него наручники.

¹ Искаженное «автомобиль».

² Реал — крупная денежная единица.

Поднялся пузатый господин (его живот очень был похож на раздувшийся бурдюк) и заявил: «Я защищаю обвиняемого».

«Дело с защитником? – подумал я, – Ну, этот уж воспользуется свободой защиты и не отвяжется от нас, пока не забьет наши головы всякой чепухой. Лучше, пожалуй, я снова закрою глаза. Нужно же отдохнуть после бессонной ночи!» До меня донесся голос судьи:

– Ты обвиняешься в том, что украл керосинку.

– Господин судья, я, правда, видел керосинку у порога лавки, но не крал.

Судья сказал приставу: «Введи истца». Появился мужчина в белой войлочной шапке, с платком на плечах. Он принес присягу и рассказал, что зажег керосинку, чтобы приготовить чай для клиентов, сидевших в лавке. Он мелкий деревенский бакалейщик, продает сахар, кофе, чай, табак. Иногда у него в лавке, как в кофейне, собирается несколько человек. Поставив зажженную керосинку у порога, он вошел в комнату за чайником. А когда вернулся, увидел человека, убежавшего с его зажженной керосинкой. Бакалейщик подробно описывал все происходившее, ссылаясь на посетителей лавки, на тех, кто помогал ему ловить вора...

Судья сидел, опустив голову. Я видел, что он не слушает истца и думает о другом. Вдруг он взглянул на меня и пробормотал, словно обращаясь к самому себе:

– Я привел истца к присяге?

– Слава Аллаху, – нетерпеливо крикнул я. – Я слышал, как истец присягал.

Но судья все еще сомневался.

– Вы уверены?

Я почувствовал, что теряю самообладание.

– Хотите, чтобы я вам в этом присягнул?

Судья, по-видимому, успокоился и остальных свидетелей слушал молча и внимательно. Вдруг обвиняемый не выдержал и завопил:

– Господин судья! Да где же это видано, чтобы крали зажженные керосинки?

Судья возмутился и жестом велел ему замолчать.

– Ты спрашиваешь меня? Меня? Да я никогда в жизни не занимался воровством!

Он посмотрел на защитника, тот встал и начал свою речь:

– Господин председатель! Нам не попадалась керосинка, мы не видели керосинку и не проходили по дороге мимо керосинки. И вообще все это дело вымышлено от алифа до ба¹.

Видно было, что защитник сейчас разойдется, будет рвать и метать, но судья остановил его:

– Терпение, устаз². Обвиняемый признался, что видел керосинку у порога лавки.

Защитник стукнул кулаком по столу и воскликнул:

– Мой подзащитный плохо себя защищает.

Судья спокойно ответил:

– Вы хотите, чтобы я поверил вашей хорошей защите и не поверил показаниям виновного перед лицом суда!

Защитник запротестовал и повысил голос. Но я знал, что ему важно только одно: чтобы голос его гремел, чтобы пот катился с него градом, а он вытирал его платком, поглядывая на своего подзащитного. Ему надо продемонстрировать свою преданность, свое усердие. От усталости, скуки и неподвижного сидения за столом я не в силах был следить за процессом и не понимал, что происходит вокруг. Оставалось только уткнуться в какие-то лежавшие предо мной бумаги и забыться в дремоте.

13 октября...

К вечеру заседание наконец закончилось. Когда я вышел из зала суда, нервы у меня совсем расходились. Прощаясь с судьей, я увидел солдата, нагруженного кипой исполнительных листов, предназначенных для подписи. Я стал машинально подписывать бумаги, которым не предвиделось конца. Моя подпись не давала никакого представления о моем имени. Мне приходилось подписывать такое огромное количество бумаг, и я делал это так быстро, что буквы сливались в какие-то закорючки. Когда

¹ Алиф, ба — первая и вторая буквы арабского алфавита. Идиоматическое выражение, обозначающее: «От начала до конца».

² Устаз — вежливая форма обращения.

огромная пачка бумаг была подписана, пот лил с меня ручьем. За моей спиной послышались звонкие шаги по асфальту¹. Я оглянулся и увидел гафира, который, отдав честь, громко доложил:

— Наверху в следственной комиссии ожидают дело о выстреле.

Есть же предел человеческим силам! Ведь с позавчерашнего дня у меня во рту и крошки не было, я так и не ложился. Не выдержав, я сказал:

— Чтоб тебе в глаза выстрелило! Будь мы сейчас в окопах или на Дарданеллах², нам бы сочувствовали, заботились бы о нашем здоровье...

Впрочем, в чем виноват гафир, к которому были обращены мои слова? Оставив его в покое, я пошел своей дорогой. Поднявшись на второй этаж, где находился мой кабинет, я увидел девушку Рим под охраной стражников. Они ждали меня. Рядом с ней, опираясь на свою зеленую палку, стоял шейх Усфур. Я никак не мог понять, зачем он-то меня ждет. Присутствие девушки слегка оживило меня, как капли росы оживляют увядшую траву.

У себя в кабинете я нашел мамура, помощника и секретаря. Вид у всех был бодрый. По-видимому, они уже побывали дома, хорошо выспались и сейчас готовы заняться этим делом, чтобы скоротать время. Ведь это все-таки куда интереснее, чем играть в нарды³ или жевать сахарный тростник около аптеки.

Но я сейчас ни на что не годился. Чтобы стать работоспособным, мне нужно было проспать не менее семи часов. Я заявил, что хотел бы отложить следствие на завтра. Все с этим согласились. Но тут перед нами возникла сложная проблема, о которой сначала никто не подумал: где переночует сегодня эта девушка? Ведь ее деревня далеко. Нечего было и думать отпускать ее на ночь домой, чтобы утром возвращаться обратно. Там, чего доброго, кто-нибудь из родственников, частных к делу, научит ее, как надо вести себя, что отвечать на допросе. А здесь она никого не знает, у нее нет родственников...

¹ В арабских странах полы в домах асфальтированы или выложены плитами.

² Дарданеллы — пролив, соединяющий Мраморное и Средиземное моря. В первую мировую войну на Дарданеллах происходили ожесточенные сражения между турецкими и английскими войсками.

³ Нарды — игра, распространенная на Востоке.

Как быть? И вдруг раздался голос мамура – он нашел удачный выход:

– Очень просто. Девушка переночует в моем доме.

Все в ужасе взглянули на него, но быстро овладели собой, стараясь скрыть замешательство. Каждый из нас подумал и почувствовал одно и то же. Даже в глазах шейха Усфура, пробравшегося в кабинет следом за мной, мелькнула тревога. Однако всякое возражение с нашей стороны означало бы сомнение в намерениях господина мамура.

Все молчали, о чем-то думая. Желая успокоить нас, мамур сказал:

– Я заинтересован в том, чтобы Рим находилась в надежном месте, с моей женой и детьми.

Пришлось с этим согласиться.

Наконец я отправился домой. Наскоро поев, я лег в постель и мгновенно заснул.

Проснулся я только в полночь, испытывая сильную жажду. Выпил воды из глиняного кувшина, стоявшего на окне, и вдруг сразу вспомнил о девушке. Как только я представил себе ее в доме нашего друга, сон покинул меня. Я мечтал о каком-нибудь происшествии, которое вытащило бы мамура из дома. Но происшествия как кошки: их зовешь – они не подходят, а стоит прогнать – они возвращаются и трутся у твоих ног. Я не знал, что делать, душу терзали сомнения. Ночь казалась бесконечной, я торопил рассвет. Решил отвлечь свои мрачные мысли дневником, но перо валилось из рук. Взгляд мой упал на гору дел о правонарушениях, преступлениях и проступках, накопившихся на моем столе за последние два дня. Их посылали, чтобы я, ознакомившись с ними, составлял обвинительные заключения и направлял на рассмотрение. Но сейчас у меня не было ни малейшего желания работать.

Я открыл окно и вдохнул влажный ночной воздух. Звезды, словно всевидящие очи, проникающие во все тайны жизни, смотрели на наш городок, погруженный в глубокий сон. А кругом – ночная тишина.

Вдруг мне пришла в голову безумная мысль выйти на дорогу и побродить вокруг дома мамура. Неужели я это сделаю? А если меня задержит полицейский? Конечно, он узнает меня и извинится, но потом расскажет об этом всем, молва распространится, и имя мое будет

покрыто позором. Нет, надо ждать утра и всего, что оно принесет с собой...

Но Аллах все же сжалился надо мной: принесли телефонограмму. Я быстро прочел ее. В ней сообщалось об одном из тех пустяковых случаев, из-за которых мы ночью обычно не выезжаем:

«...Когда товарный поезд № 209 проходил вдоль дельты реки, на участке 17 км, на железнодорожном полотне был найден болт. Злоумышленник не установлен...» На телефонограмме стояла резолюция мамура: «Помощнику начальника канцелярии! Доложить заместителю следователя». Значит, мамур считает, что ни ему, ни мне незачем вставать ночью из-за такого пустяка. Но разве мог я упустить случай, посланный мне небом! Ведь я так страстно хотел нарушить покой господина мамура и свой собственный в эту ночь! Я мгновенно оделся, вызвал машину и отправился к дому нашего друга. Приехав, я послал человека сообщить о моем прибытии. Мамур появился в окне и закричал:

— Из-за какого-то паршивого болта мы все должны вставать ночью!

Высунув голову из окна машины, я ответил:

— Даже из-за иголки. Ведь подобные случаи считаются уголовным преступлением. Этот болт мог привести к крушению поезда, к самому страшному уголовному преступлению в мире! Ваше присутствие необходимо, господин мамур.

— Я... я послал помощника начальника канцелярии.

— Необходимо ваше личное присутствие.

— Ночью... Невозможно... Я устал...

— Все мы одинаково устали! Это наш долг!..

Не зная, что ответить, мамур умолк. Видя мою решимость и готовность к самопожертвованию, он побоялся возражать: дело шло о нашей работе. Извинившись, он попросил меня подождать, пока оденется. Вскоре он, задыхаясь от ярости, сел рядом со мной в машину. Я обратил внимание на отсутствие шейха Усфура. Несмотря на наши гудки, он не показывался. Мысли мамура были далеко, и на этот раз он не заметил отсутствия шейха. Наконец он нарушил продолжительное молчание:

– Да! Наш долг... Однако надо же!.. Болт?!

Я закрыл глаза, не желая отвечать. Он продолжал:

– Да пошлет Аллах твоему предшественнику всяких благ! Он, бывало, допросит по делу об убийстве не больше двух свидетелей и шепнет мне на ухо: «Что, разве убитый наш отец или брат? Пойдем, старина, промочим горло!»

Я ничего не ответил и за всю дорогу не произнес ни слова. Наконец мы приехали на 17-й километр и увидели рабочих ремонтной бригады, товарный поезд и машиниста. Помощник старосты подал нам болт и показал рукой на вагон, груженный мешками с хлопком, едва не сошедший с рельсов. Я взял болт и тщательно осмотрел его. Мамур, стоявший позади меня, спросил улыбаясь:

– А где был кочегар, когда паровоз разлетелся на части?

Я понял, что он в шутку повторил слова из песни, очень популярной лет тридцать назад, когда ее исполняла коптская певица Шафика. Услышав эти слова, машинист подошел к нам и сказал:

– Поезд не разбился и ничего такого не случилось, бек! В момент происшествия я находился у тормоза и сразу же остановил...

Он стал выкладывать свои соображения. Рассказал нам, что местные жители очень наивны и, возможно, являются потомками тех крестьян, которые, впервые увидев паровоз, пригласили его на угощение. Вполне возможно, что преступник – из этой знаменитой деревни и именно по наивности или из любопытства положил болт на рельсы. Наверно, ему захотелось посмотреть, что станет делать паровоз, как он поступит – обойдет болт или двинется прямо на него.

В это время к нам подошел один из рабочих ремонтной бригады и заявил, что дело тут вовсе не в наивности или тупости. Преступление совершено из мести. Население этого района живет добычей камня в горах, привозит его с гор на ослах и верблюдах и продает подрядчикам. Когда английская железнодорожная компания появилась в районе дельты и проложила железнодорожную линию, то она сама стала перевозить камень, отняв у бедных, голодающих людей последнюю возможность прокормиться.

Но какова бы ни была причина преступления, преступник скрылся и вряд ли будет обнаружен.

Мы забрали болт как «вещественное доказательство», положили в коробку, запечатали ее сургучом и приобщили к бумагам... Это и был весь наш обвинительный материал.

Вдруг полил дождь. Мамур стал требовать, чтобы мы отправились составлять акт в дом старосты. Я спросил, далеко ли до него, и помощник старосты ответил:

– Рукой подать, господин!

Поверив ему, мы отправились туда пешком. Идти пришлось так долго, что мы еле дотащились, кости наши ныли от усталости. Уже рассвело и муэдзин прокричал эзан, призывая на утреннюю молитву. Предоставив мамуру «намыливать голову» помощнику старосты за его «рукой подать», я занялся составлением протокола и опросом свидетелей. Покончив с этим, я хотел уже подписать протокол, но вдруг обратил внимание на какую-то странную суетню в комнате. Мамур то сидел за стол, то вставал, то выходил из комнаты, то возвращался обратно. Я никак не мог понять, чем он занят. Наконец я услышал, как, отведя старосту в сторону, он стал говорить ему:

– Послушай, староста, господин следователь не любит, когда ему подают на завтрак барашка, петуха или что-нибудь в этом роде. Хорошо будет, если ты подашь ему молодых голубей с рисом, а к ним – хрустящий пирожок и пресную лепешку. И недурно бы еще парочку жареных цыплят. От них вреда не бывает. Ну и конечно, кислого молочка – это очень полезно для здоровья. Да еще бы яичницу из нескольких яиц, зажаренных со сливками. Ну вот пожалуй что и достаточно. Смотри, староста, больше ничего не давай! Господин следователь мало кушает. А если у тебя есть сотовый мед, то и его не мешало бы подать на стол. Не плохо бы еще два кружочка сыра да курабие¹... Главное, чтобы завтрак был легкий и приятный, а ты в этих делах мастер!

Услышав все это, я растерялся, покраснел, но ничего не сказал. Лучше всего – как можно скорее уйти! Я быстро сложил свои бумаги, но, заметив это, мамур разгадал мое намерение и подошел ко мне:

– Следствие закончено?

¹ Курабие — печенье.

– Давно!

Он бросил взгляд на еще пустой стол и снова посмотрел на меня:

– Все свидетели дали показания?

– Все.

– Не осталось ни одного свидетеля?

– Даже четверти свидетеля.

Мамур быстро вышел и вернулся, таща за пояс молодого феллаха, одного из жителей деревни. Подтолкнув его ко мне, он сказал:

– Вот важный свидетель, у него есть ценные показания.

Я выразил сомнение в ценности показаний этого человека и желание ограничиться теми свидетелями, которых уже допросил. Но мамур настойчиво просил меня выслушать этого свидетеля, уверяя, что у него имеются очень важные сведения.

Пришлось снова вытаскивать бумаги, но не успел я открыть рта, чтобы задать вопрос, как появился староста в сопровождении слуг. Они стали накрывать на стол. Громкий голос хозяина пригласил нас к завтраку. Я извинился, сославшись на плохое самочувствие, и объяснил, что утром обычно ничего не ем. Но староста начал взывать к Аллаху, пригрозил мне, что вместе с мамуром они на руках отнесут меня к столу. В результате их заговора я оказался во главе стола. Мне ничего не оставалось, как подчиниться и целый час созерцать этих людей. Они жевали, глотали, чавкали и, занятые этим процессом, даже не заметили, что я почти ни к чему не притронулся.

Наконец я встал, пробрался между ними, сел на прежнее место и начал перелистывать протоколы. Сидевшие за столом набили животы, уничтожив все, что им было подано, и принялись вытирать руки о скатерть, которая не стиралась, вероятно, не менее двух лет. Мамур подошел ко мне и, громко рыгая, сказал:

– Я думаю, нам пора возвращаться. Ведь следствие закончено.

Я указал ему на свидетеля, которого он привел ко мне и о котором уже забыл:

– А когда же мы будем допрашивать этого ценного свидетеля?

Мамур быстро ответил:

– Ничего ценного он не знает. Да нам ничего и не нужно.

Он отошел от меня и обратился к феллаху:

– Ты можешь что-нибудь сказать, мальчик?

Феллах ответил:

– Ни.

Это означало «нет». Обернувшись ко мне, мамур воскликнул:

– Вот он, молодой осел, что пасется в клевере! Конечно, он ровно ничего не знает! Поднимайтесь, господин следователь, надо возвращаться в город!

Мы пустились в обратный путь. Солнце уже взошло. В управлении маркеза нас встретил полицейский с сообщением из государственной больницы, что раненый Камар ад-Дауля Альван пришел в себя и сейчас его можно допросить. Мы стремглав бросились в больницу, опасаясь, что больной снова потеряет сознание или положение его настолько ухудшится, что мы никогда не сможем вырвать из его уст тайну преступления.

В больнице мы потребовали главного врача. Нам сказали, что он в операционной, и мы направились туда. По пути нам попадались носилки на колесиках и операционные тележки, похожие на тележки носильщиков на больших станциях. В комнате перед операционной стояли стерилизаторы, от которых шел пар. Сновали санитары в белых халатах, увозя людей на своих тележках... в небытие. Они спокойно и деловито входили в операционную или выходили из этого страшного зала, их равнодушные лица были безучастны и к смерти и к жизни.

Я остановился, какие-то обрывки мыслей блуждали в моей голове, мне казалось, что я стою на станции в ожидании поезда... В самом деле, разве это не станция, откуда больной отправляется в иной мир?..

Я посмотрел в окно, взор мой случайно упал на большую входную дверь в больницу. Я увидел сторожа, который пытался отогнать толпу собравшихся у входа женщин в черных платьях и синих накидках. Слышались тревожные голоса, сдержанные рыдания. Я понял, что женщины ждут, когда сторож выдаст им труп умершего. Из больницы ежедневно выносили один или два трупа. За дверью их подстерегало горе, страшное, синее, с когтями, выпачканными глиной и землей...

Из операционной вышел санитар с ведром, наполненным какими-то кровавыми кусками, похожими на внутренности животного. Заметив мой пристальный взгляд, санитар пояснил, что только что кончи-

лась операция и больная лежит еще на операционном столе под наркозом. Я окаменел. Мамур потребовал от моего имени немедленного свидания с главным врачом. Санитар ушел, но скоро вернулся и распахнул перед нами дверь в операционную. Собравшись с духом, я вместе с мамуром и секретарем вошел в эту страшную комнату. Главный врач в белом халате встретил меня улыбкой. Он стоял, склонившись над операционным столом, на котором лежало что-то бесформенное. Рукава его халата были засучены, в руке он держал инструмент, напоминающий щипцы... Врача окружали какие-то люди, совсем не похожие на врачей. По их костюмам я безошибочно угадал в них знатных лиц – вероятно, это были друзья главного врача. Подойдя поближе, я взглянул на операционный стол. Там лежала девушка. На ее теле зиял разрез, тянувшийся от груди до нижней части живота. Своим инструментом врач стягивал разрезанную кожу и скреплял ее чем-то вроде маленьких гвоздиков. Он проделывал это с поразительной быстротой, не переставая беседовать с друзьями и отпускать шутки. Легкостью своих движений он напоминал фокусника, демонстрирующего ловкость рук и виртуозность своей работы. Я посмотрел на бледное лицо девушки, оно казалось мертвым. Взгляд мой скользнул по ее животу, и я увидел кожу, унизанную длинным рядом гвоздиков. Словно кожа ботинка в руках сапожника! У меня закружилась голова. Чтобы не упасть, я облокотился на край операционного стола. Заметив, что я сильно побледнел, врач оставил больную и с тревогой посмотрел на меня.

– Я жду вас, доктор, после операции, – пробормотал я слабым голосом и поспешно вышел из операционной.

Мамур спросил, что со мной случилось, но я ничего не мог объяснить. На своем веку я видел немало вскрытых трупов и вспоротых животов, такие картины меня нисколько не волновали. Ведь то были мертвые тела, тела без всяких признаков жизни. Может быть, меня так потрясло то, что с живым человеком обращаются, как с неодушевленным предметом? Или же мне стало дурно от запаха хлороформа, пропитавшего воздух операционной?

Свежий воздух вернул мне силы.

По распоряжению старшего санитаря нам подали кофе в кабинет главного врача, и мы стали ждать. Врач скоро пришел и любезно провёл нас в палату к пострадавшему.

Мы шли по коридорам, сплошь заставленным кроватями – видно, не хватало палат, чтобы вместить всех этих несчастных. Здесь лежали выздоравливающие. Это были бедные крестьяне, те, что носят грубые синие плащи. Они жадно ели похлебку из маленьких алюминиевых чашек и смотрели на нас, на главного врача, как обезьяны в зоологическом саду смотрят на сторожей, сопровождающих знатных посетителей.

Мы подошли к постели Камар ад-Дауля. Он лежал неподвижно. Врач снял со спинки кровати карточку с историей болезни и прочел нам диагноз. Не проявив к нему на этот раз должного интереса, я спросил:

– Можем мы его сейчас допросить?

Врач спокойно ответил:

– Полагаю, что можете, если это не займет много времени.

Он наклонился к пострадавшему и тихонько позвал его. Раненый открыл тусклые, лишённые блеска глаза. Его взгляд блуждал – казалось, он ничего не видит. Я приблизился к кровати и спросил:

– Камар ад-Дауля! Кто в тебя стрелял?

Он молчал. Я повторил свой вопрос. Губы больного зашевелились, но он ничего не произнес. Я упорно продолжал добиваться ответа. Сделав над собой усилие, больной наконец прошептал:

– Рим!

Я был потрясен. Оглянувшись, я увидел, что мамур и секретарь тоже удивлены и заинтересованы. Пристально вглядываясь в лицо пострадавшего, я сказал:

– Объясни, что ты хочешь сказать, Камар!

Но он не ответил.

– Ты хочешь сказать, что Рим сама...

Больной не шевелился...

– Камар Альван, говори же! Ты должен говорить. Одно только слово! Кто? Кто в тебя стрелял?..

Но мы требовали невозможного. Он закрыл глаза, на лбу его выступил пот. Врач взял меня за руку и отвел в сторону:

– Довольно!

Я в отчаянии посмотрел на мамура:

– Довольно?

Да разве мы чего-нибудь добились? До того, как мы вошли в эту комнату, дело казалось нам яснее, чем сейчас. Имя, которое после таких усилий прошептали запекшиеся губы Камара... Лучше бы он не произносил его!..

14 октября...

Мамур ушел по делам, а я вернулся в свой кабинет. Узнав о моем возвращении, пришел помощник. Бедняга очень обрадовался, но все-таки упрекнул меня, что я не взял его ночью на расследование. И правда, я совсем про него забыл, забыл обо всем, желая во что бы то ни стало вытащить в эту ночь мамура из дома. Да и происшествие-то было пустяковым. Пользу оно принесло только желудку господина мамура, а вред – карману старосты. Тяжеленько приходится этим старостам, иногда мне их даже жалко.

Вошел хаджи¹ Хамис, прислуживающий в здании суда. Попросив у него стакан жидкого чаю, я повернулся к помощнику, которому не терпелось поговорить. Он говорил, лишь бы говорить, словно изголодался по человеческому голосу. Пока меня здесь не было, молодой человек в одиночестве чуть не умер.

Оказывается, провинция уже успела ему наскучить. Ведь в маркезе нет даже приличного кафе, куда мог бы заглянуть вот такой юноша. Разве только лавка бакалейщика – грека Танаши, перед которой расположились два деревянных столика да два плетеных стула. Жители прозвали эту лавку кабачком. Но и грек Танаши давно уже разгуливает в крестьянском джилъбабе, и ничто, кроме цвета волос и глаз, не напоминает в нем европейца. Куда же ходить, где коротать время молодому человеку, только что приехавшему из сверкающей огнями, шумной и веселой столицы.

¹ Хаджи — мусульманин, совершивший «хадж», паломничество в Мекку.

Теперь перед ним жалкий городишко: несколько домов, готовых вот-вот развалиться, да крытые стеблями хлопка и кукурузы глиняные норы, в которых прозябают феллахи. Смотришь на скопище вот таких лачуг в деревнях или на одинокие хижины среди полей, на бурую глину и навоз, которыми обмазаны их стены, и тебе начинает казаться, что на необъятных пастбищах пасутся стада, стада домов, а в чреве каждого дома копошатся несчастные феллахи, словно клубок червей...

А после захода солнца делается еще тоскливее, еще страшнее от тишины, опускающейся на землю. С наступлением темноты жизнь замирает, лишь изредка слышится мычание буйволов, лай собак, крик ослов да скрип оросительных колес и шадуфов¹. И иногда среди глубокой ночи раздаются одинокие выстрелы. Это стреляют частные или казенные сторожа, чтобы подбодрить себя и утешить других.

Мой помощник жаждет лекарства от провинциальной тоски. Чтобы избавиться от давящей скуки, нужно жениться, или распутничать, или, как делаю я, читать и вести дневник, когда есть свободное время. Юноша сообщил мне, что решил посещать местный «клуб». Если бы он имел представление о нашем «клубе»!

На верхнем этаже старого дома, куда надо подниматься по деревянной лестнице, находится обыкновенная комната. Помещение освещается газовой лампой – это, пожалуй, единственное, чем знаменит «клуб». Что касается завсегдатаев «клуба», то здесь, конечно, можно встретить местную «знать»: представителей администрации, районного врача, нескольких чиновников и владельца аптеки. Развлекаются в «клубе» игрой в карты или нарды да сплетнями.

Но разве прилично представителю прокуратуры в маркезе водиться с такой компанией? Я сказал юноше, что, по-моему, работник прокуратуры должен держаться подальше от таких развлечений, если хочет пользоваться уважением. Я надолго запомнил, как местная «знать» пригласила меня и судью в «клуб» на ужин по случаю отъезда моего коллеги, переведенного в другой район.

Отговориться было невозможно, пришлось пойти. Стол был уставлен бутылками виски и блюдами с закуской. Нам с судьей наполнили

¹ Шадуф — примитивное приспособление для подъема воды, похожее на наш «журавль».

бокалы. После первого же бокала судья разошелся, его нельзя было удержать. Он опрокидывал рюмку за рюмкой, болтал глупости и смеялся без причины... Наконец мамур, тоже изрядно уже выпивший, наклонился ко мне и, посмеиваясь, шепнул: «Бек, судья роняет свое достоинство». Я не выдержал, с меня было достаточно, и, стараясь не привлекать к себе внимания, я потихоньку вышел и отправился домой. В пылу веселья компания не заметила моего ухода. Больше я в «клуб» не ходил.

Мой рассказ, кажется, убедил помощника. Я хотел ему еще кое-что порассказать, чтобы предостеречь, но вошел хаджи Хамис. Увидев в его руке стакан, я воскликнул:

– Лучше бы ты напоил меня чернилами! Разве это жидкий чай?

– Помолитесь за пророка, бек! Уже двадцать лет, как я служу в суде. За это время бывали у нас всякие судьи и чиновники. Клянусь Аллахом, поверьте, в судах только горький чай и помогает.

Ничего не поделаешь! Я сказал со вздохом:

– И чай в суде, и работа в суде, все – одна горечь. Ладно уж, давай!

Слуга поставил стакан и ушел, но не успел я притронуться к чаю, как дверь отворилась, и вошел Абд аль-Максуд, начальник уголовного отдела. Этот человек мне неприятен, кажется, я даже тени его не могу видеть.

– У нас четыре неясных дела, – сказал он.

– Давай сюда.

Он вышел и прислал солдата с протоколом и арестованными. Прежде чем вызывать арестованных, мы разобрались в бумагах. Я отобрал для себя три дела, а четвертое – маленькое – передал помощнику.

– Кража кукурузного початка, – сказал я, – не найти дела легче! Допроси это создание, и ты увидишь, что он мигом признается. Помоги тебе Аллах!

Помощник явно волновался: ведь он впервые будет допрашивать человека. Взяв протокол, он принялся старательно его изучать, вчитываясь в каждое слово. А было в этом протоколе не больше пяти абзацев. Когда я закончил просматривать дела, юноша все еще сосредоточенно изучал документ, делал бесконечные выписки, пометки. Он подготавливал вопросы к обвиняемому так тщательно, словно это были бом-

бы, которые он намерен бросить в похитителя кукурузного початка. Я с трудом удержался от смеха.

В начале своей юридической деятельности я поступал точно так же. Но ко мне судьба была более жестока, чем к этому юноше. В самом начале моей следственной работы мне пришлось разбирать одно очень запутанное дело о подделке. С каким волнением я приступил к нему! Передо мной предстал бывалый, выдавший виды, бойкий на язык обвиняемый. Уже не в первый раз стоял он перед судом. Все заранее подготовленные вопросы вдруг выскочили из головы, я не знал, что сказать преступнику. А он стоял и преспокойно ждал, когда же я соизволю открыть рот, когда Аллах сжалится надо мной и ниспошлет мне дар речи. Пот прошиб меня, когда я увидел, что обвиняемый так хладнокровен и настолько лучше меня владеет собой. Мне казалось, что в глубине души он насмехается надо мной. Секретарем следствия был пожилой человек с большим опытом, который за свою жизнь видел не один десяток таких молодых помощников, как я. Поняв мое состояние, он поспешил мне на помощь и подсказал, с каких вопросов мне следует начать. Надменно и высокомерно принял я его помощь. А ведь как много у нас таких опытных секретарей, к которым относятся свысока и заслуги которых никому не известны!

Однажды вот такой секретарь сказал мне, указывая на высокопоставленных судейских чиновников:

– Это мы научили их работать. Благодаря нам они так выросли и продвинулись по службе. Теперь они судьи и советники, а мы все сидим на том же месте. Каждый из нас похож на осла, которому суждено вечно возить навоз.

Я вспомнил все это, глядя на своего помощника, и решил помочь ему:

– Оставь свои выписки и вызовы привратника.

Он повиновался. Появился привратник, и я приказал ввести обвиняемого.

Перед нами предстал пожилой крестьянин, на его груди росли седые, как у старой гиены, волосы. Я велел помощнику задавать приготовленные им вопросы и действовать смелее – если будет нужно, я по-

могу ему. Молодой человек покраснел от волнения, но взял себя в руки и обратился к обвиняемому:

– Ты украл кукурузный початок?

Ответ последовал немедленно:

– От голода.

Голос старика, казалось, шел из глубины израненного сердца.

Помощник посмотрел на меня и сказал торжествующе:

– Обвиняемый сознался в краже.

Но старик спокойно возразил:

– А кто сказал, что я не хочу сознаваться? Я и вправду пришел на поле голодный и сорвал себе початок.

Перо замерло в руке помощника. Он явно не знал, что делать дальше, и повернулся ко мне, ища поддержки. Пришлось и мне включиться в допрос:

– Почему ты не работаешь?

– Дайте мне работу, бек, и да падет позор на мою голову, если я опоздаю хоть на минуту. Но у такого бедняка, как я, один день есть работа, а десять – ничего, кроме голодного брюха.

– Согласно закону ты обвиняешься в краже.

– Закону, бек, мы подчиняемся со смирением. Но закон должен видеть и знать, что я из плоти и крови и мне нужно есть.

– Есть у тебя поручитель?

– Я один перед лицом Аллаха!

– Внесешь залог?

– На эти деньги я бы поел.

– Если внесешь пятьдесят пиастров залога, будешь немедленно освобожден.

– Пятьдесят пиастров! Клянусь твоей головой, я не видел никаких денег уже два месяца. Забыл, как выглядит даже тарифа¹. Не знаю, есть ли в ней теперь дырочка посередине, или уже нет.

Повернувшись к помощнику, я продиктовал ему текст решения: «Подвергнуть обвиняемого предварительному заключению на четыре

¹ Тарифа — мелкая монета.

дня. Если не внесет залог – возобновить срок. Взять отпечатки пальцев и записать приметы».

– Уведите его! – сказал я в заключение.

Старик поцеловал свои ладони, воздавая хвалу Аллаху, произнес:

– Ну что ж, в тюрьме не так уж плохо... По крайней мере там будет верный кусок хлеба. Мир вам!

Он вышел, еле передвигая ноги. На руки ему надели наручники. Как только старика увели, мой помощник облегченно вздохнул. Он успокоился, и мы приступили к следующему делу. Двое солдат, распахнув настежь двери, ввели большую группу мужчин, женщин и детей. Их было не меньше тридцати человек, все они были привязаны друг к другу джутовой веревкой. По-видимому, не хватало наручников. Я воскликнул:

– Аллах всемогущий! Вы что, гоните скот на субботний базар, что ли? Развяжи веревку, солдат!

Конвойный объяснил, развязывая зубами узлы на веревке:

– Бек, при обыске в их домах были обнаружены недозволенные вещи¹. Сейчас полиция с отрядом верблюжьего корпуса² продолжает обыски и аресты в районе.

Рассматривая эту толпу, я вспомнил, что уже знакомился с их делом.

– Значит, недозволенные вещи? – повторил я.

Конвойный поправился:

– Недозволенная одежда, эфенди.

Дело заключалось в том, что грузовая машина с тюками хлопчатобумажных и шерстяных пальто, пиджаков, шаровар и обуви, принадлежащими крупному торговому предприятию в Каире, проезжала ночью по территории района. При переправе через канал один тюк с вещами свалился в воду и пролежал на дне, пока не спала вода. Обнаружив вещи в канале, вся деревня кинулась к этому необычному кладу. Толпа раздетых феллахов набросилась на тюк, лежавший в вязкой глине, каждый тащил из него то, что попадалось под руку. Шерстяные ша-

¹ Недозволенные вещи — то есть вещи, подлежащие конфискации, как незаконно присвоенные.

² Верблюжий корпус — войсковая единица египетской армии.

ровары немедленно надевались поверх рваных штанов, суконное пальто – на почти голое тело, лакированные ботинки – прямо на босу ногу. Нищие феллахи прославляли Аллаха, радостно щеголяя в обновках по улицам своей деревни. «Вещи в воде! Вещи в воде!» – разнеслось по округе. Полиция, конечно, обратила на это внимание и быстро дозналась, в чем дело. Необходимо было принять меры, феллахам слишком уж повезло. Тогда объявили все найденные вещи «недозволенными».

Я решил задать всем сразу один вопрос. Может быть, они признают свою вину и облегчат мою задачу. Окинув толпу несчастных взглядом, я спросил:

– Вы украли одежду?

Мне ответил глубокий, степенный мужской голос:

– Никак нет, клянемся Аллахом, мы не крали, да и не умеем красть. Река послала нам этот мешок, каждый получил свою долю.

Я возразил:

– Свою долю? Разве этот мешок собственность реки? Разве у него нет хозяина?

Ответил тот же спокойный голос:

– Мы забыли, что у него есть хозяин, бек. Пошли Аллах вам повышение! Сжальтесь над несчастными феллахами!

– Дело не во мне, а в законе. В законе ясно сказано: «Всякий, кто нашел что-либо, принадлежащее другому, и присвоил найденное, рассматривается как вор». Понятно?

– Понятно, бек. Но... ведь... одежда лежала перед нашими глазами, ее послала нам река, а мы все, прошу прощения, совсем голые!..

– Так ты полагаешь, что у нас анархия? Или у нас есть законы и правительство?

Мужчина не утерпел:

– Значит, правительство такое, что ничего не дает, а только берет. Оно нас не одевает и самим одеваться не дает.

– Я обязан отправить вас в тюрьму.

– Бек, ведь наши дома уже обыскали, и все вещи у нас отобраны. Радость людей сменилась слезами. Нам никто ничего не должен, и мы теперь никому ничего не должны. За что же тюрьма?

– Я могу освободить вас только под денежный залог.

– Денежный залог? Да мы голы, господин следователь!

– Уходите, ради Аллаха! От спора с вами у меня голова разболелась. С вами спорить – только время терять. В законе все ясно сказано, а я связан статьями закона покрепче, чем вы веревками. Закон суров, но это закон. Подвергнуть всех обвиняемых предварительному заключению на четыре дня. Если не заплатят, возобновить срок. Взять отпечатки их пальцев и записать приметы. Уведи их, солдат.

Люди вышли длинной вереницей. Последним шел мужчина, отвечавший мне. Он тихо произнес:

– Сажают в тюрьму за то, что Аллах одел нас!

Наступила тишина. В комнате невозможно было дышать, от скопища людей воздух стал тяжелым. Я велел привратнику открыть окна. Он повиновался, проклиная глухим голосом этих «белых буйволов» – крестьян, которых не следует даже пускать в зал заседаний.

Случайно я посмотрел на моего помощника. Он, пригорюнившись, о чем-то размышлял. Интересно, о чем он задумался? Что творится в его душе? Чем он расстроен? Может, в нем еще живы чуткость, жалость к людям – человеческие чувства, которые всякий новичок приносит с собой, когда начинает работу в суде? Или все это уже забыто, отмерло?..

Раздался резкий стук в дверь, вбежал запыхавшийся мамур.

– Девушка Рим!..

– Что с ней?! – спросил я с волнением.

Мамур повалился на стул. Я нетерпеливо смотрел на него, но он повернулся к привратнику:

– Принеси воды, заклинаю тебя твоими глазами.

Вытащив из рукава шелковый платок, он принялся вытирать пот с лица и головы. Я сидел как на горящих углях. Наконец он выпалил:

– Скрылась!

Я уставился на него.

– Ты это серьезно?

– Убежала с собакой – шейхом!

– С шейхом Усфуром?

– Да будет день его черным!

– Вы что-нибудь предприняли?

– Я приказал верблюжьему отряду обыскать все проселочные дороги и найти их.

Мы сидели молча. Каждый думал о своем...

15 октября...

Мамур пробыл у меня недолго и ушел, неизвестно куда. Несколько раз я звонил в управление маркеза, но никто не мог сказать, где находится мамур. Мне удалось только узнать, что он вместе с помощником куда-то уехал на своем фордике и еще не вернулся. Я прождал его весь день...

Наступил вечер, солнце село. Терпение мое лопнуло, и я решил собственной персоной отправиться в управление маркеза. Напрасно, там мне сказали: «Может быть, мамур зашел в клуб. Обычно он в это время в клубе». Не раздумывая, я направился туда. Клубные завсегда-таи были удивлены моим появлением, однако мне поспешно предложили, кажется, единственный в комнате целый стул, подчеркивая этим уважение к моей особе. Я спросил о мамуре. Никто не видел его сегодня, все были очень удивлены: ведь в этот час он всегда здесь. Узнав, что он еще утром уехал вместе с помощником и до сих пор не возвращался, посетители клуба в один голос воскликнули:

– На все воля Аллаха!

Кто-то сказал:

– Пропали мы, пропали наши денежки! Да поможет нам Аллах!

Сначала я не понял смысла этих жалоб, но потом, заметив на столе лежащие в ожидании игроков карты, я сообразил в чем дело. Мне еще раньше рассказывали, что мамур в этом клубе никогда не бывает в проигрыше. В начале каждого месяца он выигрывает у чиновников все их жалованье, а затем на протяжении месяца дает им взаймы понемногу, лишь бы не умерли с голоду до следующего жалованья. Потом все начинается сначала! История повторяется: мамур опять забирает их жалованье и снова дает взаймы. Чиновники привыкли к такой жизни и, по-видимому, даже довольны ею, а для самоутешения говорят: «Не все ли равно, где лежат деньги: у нас в кармане или в кармане господина мамура? Результат один и тот же...»

Вот и сейчас их волновало и пугало только одно: мамур мог отправиться играть в другой маркез. Когда ему надоедало играть с этими банкротами, он выбирал несколько лучших игроков и отправлялся с ними в соседний район. Иногда мамур один или с помощником уезжал в ближайший городок, чтобы сыграть там несколько партий. Бывало и так, что они встречались в своем клубе с какой-нибудь «сборной», приехавшей из другого местечка. Наши чиновники не любили этих жарких сражений с приезжими, ведь тогда подвергался опасности карман мамура или, вернее, жалованье служащих района.

Я постарался успокоить членов клуба и сказал:

– Вероятно, мамур ушел по делу, которым все мы сейчас заняты.

Мои слова подействовали, волнение улеглось, и некоторое время все сидели тихо. Но потом за чашкой кофе языки развязались, кто-то громко сказал:

– Аллах вознаградил нас наконец визитом господина следователя, оказавшего нам честь. Ведь господин судья уже давно порвал с клубом... из-за недоразумения!..

Я вопросительно посмотрел на говорившего, и тот повторил:

– Да, да, между господином мамуром и господином судьей произошло недоразумение... – и добавил, что все произошло из-за ссоры между их женами; жена судьи не ладит с женой мамура.

Я упорно молчал. Приняв мое молчание за поощрение, один из картежников решил сообщить все подробности.

– Я расскажу, что произошло, – начал он. – Обе женщины часто забираются на крышу¹ и поносят друг друга самыми грязными словами. Однажды жена мамура, разозлившись на соседку, надела мужнин мундир с короной и щитом, покрыла голову, прощу прощения, женским покрывалом с блестками и принялась кричать сопернице: «Вы ничего собой не представляете! Вас охраняет один только калека Раба-бика с крашеными волосами. А в нашем подчинении весь район, вся охрана, все военные, все отдают Нам честь!» Тогда жена судьи нацепила на свое роскошное розовое платье красный орден «За верность правительству» и, поднявшись на крышу, закричала: «Да вырвет Ал-

¹ В арабских странах дома с плоской крышей; по вечерам на крыше отдыхают, иногда даже спят.

лах твой язык, наглая! Вот вы-то и вправду командуете лишь двумя глупыми гафирами. А кому во всем районе, кроме нас, дано право сажать в тюрьму, вешать и говорить: «Суд вынес решение?..»

Мне стало стыдно слушать весь этот вздор. Наскоро допив свой кофе, я осторожно поставил чашку на стол, поднялся и, простившись, ушел.

Я брел домой, погруженный в свои невеселые мысли. Шел я очень медленно, мне так не хотелось сидеть в четырех стенах, уткнувшись носом в кучу просроченных кассационных жалоб. Мысли мои по-прежнему вертелись вокруг исчезновения мамура. Нашел ли он Рим? Куда он с ней делся? И где шейх Усфур? Не странно ли, что такой воробей¹ сумел похитить эту газель, а мы проморгали ее. Мы действительно не знали этого человека. Как легко и ловко выхватил он девушку из-под носа у мамура! Да, у мамура, а не у меня. Самое странное, что девушка покорила ему и пошла с ним. О насилии тут не могло быть и речи. Но откуда у него такое таинственное влияние на нее? Ведь он ее почти не знает, наверно они раньше встречались лишь мельком. Неужели он уговорил ее бежать? Что же ее заставило пойти за ним? Значит, она все-таки преступница? Не может быть, чтобы такая красавица была способна на преступление. Нет, преступно даже подозревать зло в такой красоте!

Трудно представить женскую красоту, лишенную добродетели. Подлинная красота и истинная добродетель – едины. Однако Камар ад-Дауля произнес только одно имя. Оно все еще звучит у меня в ушах, как неясный звук далекого колокольчика: «Рим».

Почему же девушка вскрикнула, растерялась, услышав о преступлении? Притворство? Лицемерие? В тот вечер крик ее, казалось, ранил мое сердце. Я видел, что и мамур – а он-то на своем веку уж знал наверно немало деревенских женщин – был взволнован не меньше меня. Если прекрасной девушке удалось провести таких, как мы, то нас следует держать в коровнике, а не доверять нам человеческие души, не поручать разгадку их тайн.

¹ Усфур — по-арабски воробей.

Я шел, поглощенный этими мыслями, и не заметил, как ноги привели меня к больнице. Когда я проходил мимо входной двери, мой взгляд рассеянно скользнул по толпе собравшихся здесь родственников больных. Женщины и дети, поджав ноги, сидели около стены целыми днями. Сначала привычная картина не приковала моего внимания. Но не ушел я миновать эту толпу, как вдруг остановился, пораженный. Немного поодаль, у стены, я увидел шейха Усфура. Он тоже расположился на земле, молча разгребая ее концом своей палки. А рядом с ним, устало прислонившись головой к стене, сидела Рим. Измученная, бледная, печальная...

Я все понял. Она пришла в больницу узнать о пострадавшем. Шейха она взяла с собой как проводника, помощника и защитника. Нам давно следовало проявить больше проницательности и искать их здесь, совсем рядом.

Что же теперь делать? Ведь не мог же я задержать их без стражника. Надо немедленно вернуться в управление маркеза и послать солдата. Я почти побежал, боясь, что они скроются, догадавшись, что я их видел.

Конечно, шейх Усфур уже знает все таинственные подробности дела. Сверкающие глаза шейха проникли в душу девушки, чтобы узнать ее тайну. Но скажет ли он нам хоть что-нибудь? Ведь и сам он окутан какой-то таинственностью, я не знаю даже, действительно ли он глуп, или только прикидывается дурачком.

У дверей управления я увидел фордик. Значит, мамур наконец вернулся. Я вихрем ворвался в его кабинет. Он лежал на диване без тарбуша¹ и пил из глиняного кувшина. По лицу его струился пот. Увидев меня, он воскликнул:

— Клянусь твоей жизнью, в это дело замешано колдовство! Собака-шейх околдовал девчонку! Представь себе, мы с самого утра обыскивали весь район. Мы не пропустили ни одного кукурузного поля, ни тростника, ни сакии², ни мельницы, ни одной завалящей деревушки или двора, ни канала, ни земли, ни неба, ни проселочной дороги. Мы побывали даже в преисподней. Если бы они превратились в птиц на

¹ Тарбуш — головной убор, феска.

² Сакия — колесо оросительного приспособления.

дереве или рыб в море, мы и тогда нашли бы их. Но вот несчастье, они...

Не выдержав, я прервал его:

– Все несчастье в том, что они в нескольких шагах отсюда, господин мамур!

Поставив кувшин на пол, он посмотрел на меня разинув рот:

– Что?

Я резко сказал:

– Птицы! Рыбы! А мужчина и девушка сидят в эту минуту у дверей больницы.

– Государственной больницы?

– Встань и прикажи кому-нибудь из стражников привести их...

Мамур радостно подскочил и заорал на все управление:

– Эй, сержант Абд ан-Наби!

Со стороны конюшен к нам приблизился гигант в белой рубашке и белых шароварах. Отдав честь, он спросил:

– Что прикажешь, бек?

– Немедленно бери двух солдат и отправляйся к государственной больнице. Возьми с собой наручники...

Сержант повторил приказ и нерешительно добавил:

– Но ведь конюшня открыта, бек, солдаты кормят лошадей и меняют подстилки.

Мамур прикрикнул:

– Сам ты лошадь! Выполняй приказ! Если пожелает Аллах, лошади как-нибудь не подохнут за ночь. Сказал тебе, иди сейчас же!

– Слушаюсь, бек!

Предоставив мамуру отдавать дальнейшие распоряжения, я пошел к себе. Арестованных я велел привести в мой кабинет. Не люблю вести следствие в управлении маркеза; это не мой дом, хозяин здесь мамур. Мне неприятно находиться во время работы под его кровом, особенно теперь, при разборе этого дела и в присутствии девушки. Я послал за секретарем. Потом сел за свой стол и принялся ждать, уставившись на дверь с таким нетерпением, словно впереди любовное свидание.

Раздался легкий стук в дверь. Вошел мамур и спросил, не приводили ли кого-нибудь. Я ответил, что еще никто не приходил. Он сел и сообщил мне, что пошли за ними уже давно, потом, так же как и я, уставился на дверь и принялся крутить ус. Секретарь принес бумаги и положил их передо мной. Мы были готовы начать следствие.

В зале послышался шум, тяжелые шаги и звон железа. В дверь постучали, она открылась, и перед нами предстал шейх Усфур, один, в наручниках. Вслед за ним вошел полицейский сержант. В руке он держал длинную палку шейха. В тревожном предчувствии сжалось мое сердце, и я почувствовал, что такая же тревога закралась и в душу мамура. Не дав сержанту открыть рот, он закричал:

– А девушка?

– Мы нашли только мужчину и арестовали его, бек.

– Одного его?!

Эти слова мы произнесли одновременно. Наши сердца были полны разочарования, удивления и гнева. Мамур вскочил и вне себя закричал в лицо шейху Усфуру:

– Где девушка?

Шейх даже не шевельнулся, тихо и спокойно он ответил:

– Какая девушка?

Мамур искоса посмотрел на него и сказал:

– О ты, человек, курящий гашиш! Я прекрасно знаю, что значит курить гашиш!..

Он замахнулся на шейха своим здоровенным кулаком, но я удержал его руку. Приказав шейху подойти поближе, я мягко спросил:

– Рим была с тобой?

Он не колеблясь ответил:

– Со мной никого не было.

Зоркий глаз шейха, наверно, заметил меня, когда я проходил мимо больницы. Поняв, что будет дальше, он быстро куда-то упрятал девушку. А может быть, все было совсем не так, и глаза обманули меня? Может быть, рядом с шейхом сидела совсем не Рим? Может быть, я был настолько поглощен мыслями об этой девушке, что невольно передо мной возник ее образ, и я принял за нее одну из тех крестьянок, что ожидают у дверей больницы? Возможно...

Но где же она? И почему я обвиняю свое зрение, а не этого обманщика – шейха? Да кто же такой этот человек. И я прикрикнул на него:

– Эй, ты, подойди сюда!

– Ваш покорный слуга!

– Кто ты?

Он посмотрел на меня, словно не понял вопроса. Я снова громко и резко повторил свой вопрос. Шейх сказал:

– Я... я воробей! Ключу зернышки на земле и поклоняюсь Аллаху!

– Отвечай серьезно. Как тебя зовут?

– Усфур.

Он протянул мне руки, закованные в цепи, и воскликнул:

– Освободи меня! Почитающий пророка должен освободить меня...

Я приказал солдату снять с него наручники и строго спросил его:

– Твоя профессия?

Шейх молчал. Вдруг из глубины его души вырвался возглас «ах!». Он откинул голову, глаза его остановились, словно он увидел что-то за пределами осязаемого мира, и громко запел:

Я был искусным рыбаком,
Ловить мне рыбу нравится.
Пошел за рыбой в море я,
Но в сеть поймал красавицу.

Я восхищался красотой
И формой рыб морских,
Одни сверкали серебром,
Как воды Нила – цвет других...

Прервав его, мамур воскликнул:

– Понятно, понятно! Та рыба, что два года назад попала в воду главного канала, была серебристая или цвета вод Нила?

Не ответив и даже не взглянув на него, шейх продолжал:

Одна сверкала серебром,
Как воды Нила – цвет другой,
А эта – взор приворожила
Гребцов на лодке расписной...

Последнюю строфу шейх пропел с такой страстью, с таким вдохновением, полным какого-то особого значения, что я вздрогнул. Украдкой взглянув на мамура, я увидел, что веки его дрожат. Через мгновение он взял себя в руки и спросил шейха:

– А кто такие эти гребцы?

Но шейх погрузился в глубокое молчание.

Может быть, это было всего лишь моей фантазией, но мне показалось, что шейх знал и понимал все наши мысли с самого начала...

16 октября...

Нам так ничего и не удалось узнать от шейха Усфура. Не могли мы и арестовать его – ведь он не совершил ничего противозаконного. Пришлось его отпустить. Хотели было поручить агенту следить за ним, в надежде раскрыть убежище девушки... Но где найти агента, которого бы не заметил шейх Усфур? Ведь он прекрасно знал всех. Именно он, сопровождая их сотни раз, коротая с ними вечера, вместе ел, пил, пел и наводил их на след преступника или помогал отыскивать спрятанное оружие. В общем, он сам был первым помощником у агентов и стал уже чем-то вроде полицейского...

Шейху дали возможность уйти с миром. Разгневанный мамур ограничился тем, что проводил его до дверей и стукнул по затылку, давая выход своему бешенству.

Мы разошлись каждый по своим делам: мамур отправился в клуб, а я – домой. Раздевшись и оставшись наконец наедине с самим собой, я мог открыть дневник. В этом захолустье не было ни одного человека, с которым я мог бы поделиться всем, что творится у меня на душе. Перо – счастье для тех, кто, как я, обречен на одиночество. Но перо подобно свободной птице или норовистому коню: то летит, а то упрямится, не двигаясь с места, словно путь преградила змея, готовая ужалить.

Вот и сейчас перо не слушается меня, дрожит в руке, как будто его что-то пугает или удерживает...

Я рассеянно поглядел на платяной шкаф и вдруг увидел на нем черную мышь, деловито грызущую дерево. Я стал пристально смотреть на нее, надеясь спугнуть, но она не уходила. Прошел час, а она все еще сидела на своем месте, как и я – на своем. Каждый из нас был занят своим делом. Мышь не обращала на меня никакого внимания, но развлекала меня, и я с удовольствием наблюдал, как она моет мордочку своими крошечными лапками.

Наконец я оторвал взгляд от маленького плотника, который своей тонкой пилочкой портил мой шкаф, взял книгу и перебрался на кровать. Я опустил полог от москитов и крепко связал его концы, чтобы обезопасить себя от назойливого посещения этого непрошеного гостя, если ему вдруг вздумается порезвиться на моих голых ногах. В мышеловках я уже не видел никакого прока. Ведь их надо заряжать и следить за результатами. Наверно, самое неприятное и бесполезное – это терять время, пока жертва обманывается и хитрит, не попадаясь в ловушку, выводя нас лишь из терпения. Кроме того, сколько ни лови мышей, их визиты все равно не прекращаются. Так оставим же их в покое, пусть себе бегают и радуются, а мы уж сами побережемся! У меня, слава Аллаху, нет никаких вещей, кроме дешевой мебели, уже давно поломанной из-за постоянных переездов с места на место. Вряд ли эти маленькие зубки смогут нанести ей еще какой-нибудь вред...

На следующий день заседал судья, который всегда торопился и быстро решал дела. Я предложил своему помощнику присутствовать на этом заседании вместе со мной. Пора было приучать его к заседаниям и ко всем судебным процедурам. Утром я отправился в суд. Мой помощник уже ждал меня в зале заседаний, держа под мышкой свернутую судейскую перевязь.

Вскоре с вокзала прибыл и судья. Следом за ним шел привратник Шаабан. Вытащив на ходу деньги из кармана, судья передал их привратнику и сказал:

– Мясо возьми грудинку, чтобы было от местных коров. Раздобудь яйца, масло и сыр. Всю провизию сложишь, как всегда, в мою

корзинку и подождешь на станции. Я поеду, как обычно, с одиннадцатичасовым. Сейчас же иди на базар, работой пока займется пристав.

Привратник быстро ушел. Судья поздоровался с нами и сказал:

– Полагаю, можно начать заседание?

Он хлопнул в ладоши:

– Пристав! Готовь заседание! Заседание!

Бросив белое дорожное пальто на стул, судья вытащил из портфеля красную перевязь и надел ее. Слуга принес ему кофе, и он выпил его стоя, в два глотка. Пристав провозгласил:

– Суд идет!

Судья заглянул в папку с бумагами.

– Дела о правонарушениях. Мухаммед Абд ар-Рахим ад-Данаф не очищал хлопок от червей. Заочно приговаривается к штрафу в пятьдесят пиастров. Шахами ас-Сайид Унейба не сделал сыну прививку. Заочно – пятьдесят пиастров. Махмуд Мухаммед Кандиль без разрешения приобрел винтовку. Заочно приговаривается к штрафу в пятьдесят. Винтовку конфисковать... Заочно – к пятидесяти... Приговаривается к пятидесяти...

Судья метал приговоры, как стрелы, полет которых уже ничто не могло остановить. Чтобы поспеть за ним, пристав вызывал обвиняемого только один раз. Тот, кто не слышал вызова, считался отсутствующим и приговаривался заочно. Тому, кто случайно слышал свое имя и бегом являлся в зал, судья немедленно задавал только один вопрос:

– Ты оставил своих овец пастись на поле соседа?

– Бек, дело было вот как...

– У нас нет времени слушать, как было дело... пятьдесят... Следующий!

Дела о правонарушениях закончились в мгновение ока. Наступила очередь дел о проступках. По ним допускалась защита и допрашивались свидетели. На это уже требовалось некоторое время и даже терпение. Судья вытащил часы, положил их перед собой и сказал приставу:

– Первое дело, живо!..

Пристав объявил:

– Салим Абд аль-Маджид Шакраф.

Заглянув в бумаги и бегло ознакомившись с обвинительным актом, судья повернулся к входящему в зал обвиняемому и воскликнул:

– Побил женщину? В чем дело, говори кратко... Живо!

– Бек, разве найдется мужчина, который посмел бы ударить женщину!

– Философствовать запрещается. Говори кратко. Бил? Да или нет? Живо!

– Нет!

Судья крикнул приставу:

– Он отрицает обвинение. Давай истицу!

Путаясь в длинном черном малясе¹, показалась пострадавшая. Не ожидая, пока она войдет в зал, судья крикнул ей:

– Он ударил тебя?

– Главное, бек, да сохранит тебя Аллах...

– Никакого «главного». Ударил или нет? Только одно слово!

– Ударил!

– Достаточно. В вызове свидетелей необходимости нет. Что ты скажешь, обвиняемый?

Обвиняемый откашлялся и начал защищаться. Судья его не слушал, он был занят: писал карандашом приговор по делу. Закончив, он поднял голову и, прервав объяснения обвиняемого, не глядя на него, прочел:

– Месяц принудительных работ... Следующий...

– Господин судья, у меня есть свидетели, что я не ударил эту женщину. Приговор несправедлив. О люди, приговор несправедлив!..

– Молчать! Стражник, выведи его.

Стражник увел осужденного. Объявили следующее дело. Опираясь на палку, появился дряхлый, сгорбленный старик с белой бородой. Судья встретил его словами:

– Ты съел пшеницу, на которую наложен арест?

– Эта пшеница – моя, господин судья. Ее ела моя семья.

– Он признался. Месяц тюрьмы и принудительных работ.

¹ Маляс — женская одежда.

– Месяц! О мусульмане! Это – моя пшеница, мой посев, мои деньги...

Стражник его вывел. Несчастный старик смотрел на всех помутившимся взором. Казалось, он не верит, что услышанный им страшный приговор – действительность, он думал, что слух обманул его. Все присутствующие знают истину, – ведь он не крал пшеницы. На его урожай был наложен арест, пока он не уплатит налоги, и его же назначили хранителем собственной пшеницы. Но семья голодала, и они съели свой хлеб. Как же можно считать за это воров и наказывать как за воровство? Ведь он воспользовался только плодами собственного труда. Такие преступления предусмотрены законом, за них карают, чтобы защитить доходы правительства или кредиторов. Но разве в глазах феллаха это настоящее преступление? Крестьянину с его наивной интуицией они были непонятны. Он знал, что драка, убийство, кража – это преступления. Здесь феллах видел открытое посягательство на чужую жизнь или имущество: нарушение моральных основ – очевидно и всем понятно. Но растрата собственного имущества... это ведь преступление только с точки зрения закона.

И старик не верил в существование подобных преступлений. Он принял кару, полагаясь на волю Аллаха, и когда его брали под стражу, он только сказал: «Да будет воля Аллаха!»

Пристав объявил следующее дело. Едва он произнес имя обвиняемого, как судья взвесил «дело» в руке и немедленно нашел его слишком тяжелым, а количество свидетелей – слишком многочисленным. Потом судья посмотрел на часы, окинул взглядом места защиты и сказал, что не видит защитника обвиняемого. Я понял, что он хочет отложить дело. Мое предположение оправдалось. Обращаясь к нам, судья спросил:

– Следствие требует отложить дело?

Мой помощник неуверенно посмотрел на меня, и я поспешно сказал:

– Наоборот. Следствие возражает против отсрочки.

Скрыв недовольство, судья пробормотал:

– Ну что же, покончим с ним!

По этому делу был раньше вынесен заочный приговор, и обжаловать его можно было в течение трех дней. Проверив даты, судья облегченно вздохнул и выпалил:

– Обвиняемый, жалоба отклонена, потому что подана позднее установленного срока.

Одетый в лохмотья феллах ничего не понял. Он спросил:

– Как же теперь быть, господин судья?

– Приговор о тюремном заключении вступает в силу. Стражник, уведи его!

– Неправильно сажать меня в тюрьму, бек, несправедливо! Ведь еще ни один судья меня не выслушал и прокурор не задал мне ни одного вопроса!

– Молчать! Твоя жалоба подана после установленного срока.

– Ну и что же?

– Закон предоставил тебе для обжалования только три дня.

– Бек, я темный человек, не умею ни читать, ни писать. Кто растолкует мне закон и скажет сроки?

– Видно, я терпелив не в меру. Ты, животное, обязан знать закон. Забери его, стражник!

Человека подвели к остальным арестованным. Он озибался по сторонам, ища в людях поддержки, стараясь догадаться, один ли он ничего не понял...

На мгновение я задержал свой взгляд на лице этого создания, следя за его выражением. Бедняга, оказывается, должен знать еще и законы Наполеона¹.

Наконец заседание кончилось. Судья моментально вскочил, кинулся в совещательную комнату и снял свою перевязь. Поезд в Каир стоит на станции всего семь минут. Но судья привык вскакивать в него в последнюю минуту и, несмотря на вечную спешку, никогда не терял спокойствия и присутствия духа. Он перекинул свое белое пальто через руку. Торопливо попрощался с нами и исчез.

В комнату вошел секретарь с папками бумаг. Следом за ним гафир тащил арестованного.

¹ Наполеоновский кодекс законов был принят за основу почти всех кодексов других стран.

– Судья уже ушел? Тут есть еще жалоба по делу этого обвиняемого.

Я быстро посоветовал:

– Догоняй судью на станции, пока он не сел в поезд.

Секретарь крикнул стражнику:

– Забирай арестованного, сержант, бежим скорее на станцию.

И все бросились бежать: секретарь, гафир и арестованный, привязанный к своей охране цепочкой, как собака. Они мчались за убегающим судьей. Жители нашего городка уже привыкли к такому зрелищу. Просроченные жалобы и дела о возобновлении срока ареста рассматривались в буфете станции, за две минуты до отхода поезда. Поезд вот-вот тронется, одной ногой судья еще на платформе, а другую уже поставил на ступеньку последнего вагона.

– Жалоба отклонена, обвиняемый остается в тюрьме, – диктует судья.

Пока секретарь, склонившись над мраморной доской буфетного столика, записывает последнее решение, судья в это время выхватывает у привратника, бегущего за уже тронувшимся поездом, корзину с яйцами и мясом. Привратник громко кричит:

– Мясо, бек, – лопатка и почки!..

После заседания мы с помощником поднялись в мой кабинет. У помощника мрачное лицо. Он считает, что следователь должен по каждому делу излагать свои взгляды на предъявленные обвинения. Поэтому он подготовил длинные речи, записав их красивым четким почерком на аккуратных листах линованной бумаги. И вот заседание кончилось, а он так и не раскрыл рта. Приговоры мчались один за другим без остановки, как проходящие поезда; правосудие свершалось в мгновение ока, не задерживалось ни на каких анализах, разъяснениях, доказательствах и выводах, то есть на всем том, на что мой помощник тратил ночи напролет, исписывая свои бумаги.

Только ушел помощник и я остался в кабинете один, как явился начальник уголовного отдела и принес почту, чтобы вскрыть свои пакеты, как это делалось у нас каждое утро. Когда мы распечатали несколько конвертов, во дворе послышался шум, и я узнал голос шейха Усфура. Я послал выяснить в чем дело, – мне доложили, что мамур

прислал арестованного шейха, составив на него протокол и обвинив в бродяжничестве. По-видимому, он все еще был уверен, что шейх похитил девушку. Ненависть к старику заставила мамура прибегнуть к административным мерам, чтобы погубить его.

Конечно, мысль обвинить шейха Усфура в бродяжничестве была блестящей и могла прийти в голову только рассвирепевшему мамуру. И в самом деле, ведь шейх Усфур был именно бродягой. С этой точки зрения он – добыча закона. Странно только, что полиция, многие годы закрывавшая глаза на бродяжничество, решила теперь применить этот закон. Мне это не понравилось. Подобные средства всегда возмущали мою совесть юриста. Статьи закона не должны быть орудием произвола в наших руках, когда нам хочется кого-нибудь ударить... Арест шейха Усфура, несомненно, акт мести. Видя, что человека не удастся обвинить в похищении девушки, мамур придумал для него западню, из которой шейху уже не выбраться. Судебным работникам не пристало прибегать к административным методам.

Я был полон решимости освободить шейха, но прежде надо было закончить разбор почты. Абд аль-Максуд-эфенди вручил мне огромный желтый пакет. В нем находились уголовные дела, присланные моим начальством для изучения. По этим делам предстояло выступать в уголовном суде, который будет заседать в этом месяце в главном городе нашей провинции. Они состояли из сотен страниц. Разве я смогу справиться с ними один? Меня не пугала никакая работа следователя, кроме выступлений в суде по уголовным делам. Трудно было сохранить в своей слабой памяти множество фактов, характеризующих преступление, чтобы затем ясно и логично изложить их перед тремя мрачными судейскими советниками, перед притаившимися адвокатами и публикой. Ведь публика судит обо всем не по существу дела, а по эффективности движений, по звучности голоса, по замысловатости речей, а иногда и просто по изящному жесту руки, постукивающей по трибуне. Я, конечно, не могу проделывать все эти манипуляции в совершенстве. Нет, я не умею выступать в роли искусного артиста, освещенного огнями рамп. Они ослепляют меня, притупляют мой мозг, ослабляют память и лишают того душевного спокойствия, без которого я не в состоянии проникнуть в суть дела. Поэтому я решил передать эти дела

помощнику. Ведь он в том возрасте, когда подобные сцены прельщают. Вероятно, он сумеет хорошо подготовиться к этим делам. Да и кроме того, я представлял ему завидную возможность провести несколько дней в главном городе провинции, где он сможет развлечься, побывать в ресторанах и хоть на время спастись от одиночества, от скуки нашего захудалого городка. Мне понравились мои доводы, я нашел, что они вполне оправдывают необходимость свалить на него эти тяжелые папки.

Начальник уголовного отдела вручил мне еще маленький пакет, на котором красными чернилами было написано «секретно». «Выговор от генерального следователя», – подумал я, вскрывая его. В пакете оказалось анонимное письмо генеральному следователю, пересланное мне из Каира. Я внимательно прочел его, и оно сразу же завладело моим вниманием. Перечитав его еще раз, я задумался. Письмо гласило:

«Господин генеральный следователь Египта!

Доводим до Вашего сведения, что жена Камар ад-Дауля Альвана, который подвергнулся нападению и находится сейчас в государственной больнице, была задушена два года тому назад. Санитарный циркулярник¹ скрыл это дело, получив взятку, и женщину похоронили без ведома властей. Спросите у ее мужа Альвана и у ее сестры – девушки Рим, кто ее задушил. Причины преступления известны. Вы узнаете их, если лично займетесь расследованием. Тогда Вы раскроете важные тайны и накажете злодеев по заслугам. Вы восстановите справедливость, а справедливость – основа государства. Великий и всемогущий Аллах сказал: «Когда вы судите людей, судите справедливо». Великий Аллах сказал правду!

Доброжелатель».

17 октября...

Мысли мои еще долго были заняты этим письмом. Кто мог его послать? Судя по стилю, его автор какой-нибудь неудачливый азгари-

¹ До сих пор во многих провинциях арабских стран отсутствует квалифицированная медицинская помощь. Санитарный циркулярник как официальное лицо констатирует смерть.

от¹. Изречение из Корана и подпись, несомненно, принадлежали одному из тех недоучек, которые, имея кое-какое образование, пользуются полным невежеством и безграмотностью феллахов и живут тем, что составляют за плату письма, сея раздоры между людьми. Но такое письмо необходимо проверить. Если жена Камар ад-Дауля была задущена, то дело идет о двойном преступлении. Теперь даже не важно, кто автор анонимного письма, важно удостовериться в правильности такого обвинения. Надо вскрыть могилу, извлечь труп этой женщины и провести медицинскую экспертизу. Обдумывая все это, я совсем упустил из виду, какую опасность представляло для Рим это письмо.

Все выяснит осмотр трупа. Я отправил телеграмму медицинскому эксперту, предпринял все необходимые меры для вскрытия могилы и ее охраны. Еще раз перечитав письмо, я позвонил в управление маркеза, чтобы рассказать о нем мамуру. Мне ответили, что он выехал на важное заседание, созванное самим мудиром². Вскоре ко мне явился помощник мамура и спросил:

— Бек, вы, конечно, читали вечерние газеты?

— Нет, не читал.

— В стране правительственный кризис.

Тогда я догадался, какое может быть у мудира совещание, и понял, что с этого момента местные власти ничем другим заниматься не будут. Теперь для них важно только узнать что-нибудь о настроениях нового кабинета, чтобы успеть вовремя перестроиться. Так они поступали всякий раз, когда в стране формировался новый кабинет. Сторонники старого кабинета ходили подавленные, а на лицах приверженцев новых властей сияла радостная улыбка. Я ничем не выразил своего отношения к сообщению помощника. Сколько бы ни менялось кабинетов и властей, мне не следует говорить о политике. Ведь я представитель правосудия, а закон есть закон при любом правительстве. Я спокойно посмотрел на помощника:

— Надеюсь, вы поедете с нами вместо мамура?

— Обстоятельства не позволяют мне оставить маркез. Но в управлении есть инспектор. Вы, бек, можете располагать им.

¹ Азгариот — ученик аль-Азгара — высшего духовного учебного заведения в Египте.

² Мудир — губернатор провинции.

Отпустив помощника, я велел вызвать машину и стал ждать медицинского эксперта. Он уже получил мою телеграмму и сообщил по телефону, что выезжает. Вошел Абд аль-Максуд-эфенди, указал рукой на календарь, висевший на стене, и напомнил, что подошел срок ревизии тюрьмы маркеза. На следственном отделе лежит обязанность не менее двух раз в месяц производить неожиданную ревизию тюрьмы. Я велел ему напомнить мне об этом в другой раз. Он уже собрался уходить, но не сделал и двух шагов, как вернулся и подмигнул мне:

– Сформирован новый кабинет, и ходят слухи, что он намерен провести новые выборы на местах.

– Ну и что же?

– Следовательно... нужно произвести ревизию, пока не наполнится тюрьма...

Я не проронил ни слова, притворившись, что очень занят изучением бумаг. Видя, что я молчу, начальник уголовного отдела помедлил немного и нехотя направился к двери. Ясно, он пришел не только по своей воле! Я окликнул его и насмешливо спросил:

– Секретарь следственного отдела округа говорил с тобой по телефону?

Он быстро ответил:

– Конечно. Тюремные книги приведены в порядок и готовы. Протокол ревизии написан. Все закончено. Вам остается только поставить свою подпись... Не пройдет и четверти часа, как мы покончим с этой ревизией.

Я посмотрел на него исподлобья.

– Прекрасно. Значит, Абд аль-Максуд-эфенди полагает, что неожиданная ревизия будет произведена правильно?

Он слегка смутился, но ответил:

– Моя цель обеспечить, с одной стороны, ваше спокойствие, бек, а с другой – не поставить маркез в затруднительное положение при настоящих обстоятельствах.

– Хорошо, хорошо, – поспешно перебил я, услышав стук в дверь.

На пороге появился медицинский эксперт с маленьким саквояжем и попросил разрешения войти. Я встал и, поздоровавшись, провел его в кабинет. За чашкой кофе мы завели разговор на общие темы. Он

кратко повторил мне то, что я уже слышал от Абд аль-Максуд-эфенди: новое правительство у власти и готовится к выборам. Не зная настроений собеседника, никто из нас не выразил своего отношения к событиям, и мы сразу перешли к делу. Я коротко рассказал эксперту обстоятельства происшествия, и мы решили поспешить на кладбище.

Автомобиль привез нас к отдаленному от города месту в поле, где под сенью двух-трех пальм виднелись глиняные и кирпичные могилы с черными надгробными камнями, напоминавшими головы ифритов¹. Мы вышли из машины. Ее шум разбудил сторожей. Один из них спрыгнул с возвышения, устроенного на могиле подобно паланкину на верблюде, другие повскакали с разостланной перед могилой циновки, словно обезьяны. Я спросил, где полицейский инспектор. Мне указали на проселочную дорогу, по которой на сером коне важно подъезжал к нам молодой человек в военном мундире.

Мы приступили к работе. Могильщику велели вскрыть могилу, и он немедленно пустил в ход лом и топор. Медицинский эксперт спросил меня, вызвали ли мы кого-нибудь из родных умершей, кто бы мог опознать труп женщины или ее саван. Я ответил, что из родственников покойной мы не знаем никого, кроме сбежавшей из-под охраны ее сестры. Он предложил послать инспектора в деревню за кем-нибудь из женщин, соседок покойной, присутствовавших при ее омовении или на похоронах. Инспектор немедленно отправился исполнять поручение. А тем временем могильщик изо всех сил стучал и ломал, пока не проделал в стене склепа огромную брешь. Затем, отступив назад, он стал оправдываться.

— Прошу прощения, я ошибся, вход с другой стороны.

Забрав свои инструменты, он перешел на другую сторону склепа и вновь принялся колотить и долбить. Эксперт закричал ему:

— Эх ты, человек, гробница Тутанхамона² тебе здесь, что ли? Не знаешь, где вход, а еще районный могильщик!

— Да ведь могила-то старая, господин доктор!

Могильщик не ударил и двух раз, как вход открылся. Он вполз в могилу, потом вылез из нее, неся что-то завернутое в бесцветную материю. От ветхости материя рвалась в его руках.

¹ Ифрит — злой дух.

² Тутанхамон — один из египетских фараонов, чья гробница находится близ Каира.

– Посмотрите, женщина ли это, прошу прощения, – сказал он, положив останки перед нами.

Эксперт приподнял материю, посмотрел на гнилые кости и сказал могильщику:

– Тащи назад, осел. Это мужчина.

– Мужчина?

Могильщик подхватил труп, скрылся с ним в склепе и вынес другой. Взглянув на него, эксперт нашел, что это тоже труп мужчины. Могильщик продолжал таскать нам подряд все трупы, попадавшие ему под руки, и все они оказывались мужчинами. Наконец, потеряв терпение, он завопил:

– О люди! Куда же делись женщины!

Эксперт спокойно ответил:

– Короче говоря, ваша милость опять ошиблась. Это не тот склеп.

Взглянув на соседний склеп, он велел могильщику открыть его.

Забрав свои инструменты, могильщик подошел к нему, а сторожа стали стаскивать свои пожитки с первого склепа, перешептываясь:

– Видно, мы ошиблись!

Открыли второй склеп, и могильщик скрылся в нем. На дороге показался инспектор с женщиной. Ее лицо было закрыто черным покрывалом. Она голосила:

– О ты, что была светочем квартала!

– Закрой рот, тетка! – прикрикнул на нее инспектор, и она умолкла.

Эксперт подошел к женщине и начал ее расспрашивать. Оказалось, что это соседка покойницы, обмывавшая ее.

– Послушай, бабушка, покойницу при тебе завертывали в саван?

Женщина вздохнула и сказала:

– При мне, господин мой, и пусть такое горе минует тебя. И я голосила, и я била себя по лицу.

– Нас не интересует, била ли ты себя по лицу, или нет. Во сколько саванов ее завернули?

– Пусть будет завидно врагу, в целых три савана: белый, кашемировый и зеленого шелка...

Могильщик вылез из склепа с новым трупом. Эксперт осмотрел саван, в который он был завернут. От времени материя полиняла, лишь по краям сохранился зеленоватый оттенок. Можно было предположить, что раньше она была зеленой. Эксперт распорядился положить труп на две деревянные доски, из которых под тенью акаций было наскоро сооружено некое подобие хирургического стола. Он потребовал удалить собравшихся людей. Размахивая бамбуковой тростью, инспектор всех разогнал, крича:

– Проходите!.. Проходите!..

Эксперт осторожно развернул саван. Как только открылась груда костей, позади меня раздался испуганный шепот и бормотание. Я обернулся и увидел шофера, спрятавшегося за ствол дерева. Бледный, с вытаращенными глазами, он с ужасом смотрел на эту картину и, не в силах совладать с собой, бормотал:

– Нет силы и могущества, кроме как у Аллаха, поистине все мы принадлежим ему и к нему возвращаемся...

Услышав эти причитания, эксперт прикрикнул на шофера и велел ему убираться. Я тоже так заорал на него, что он юркнул в свой автомобиль и больше оттуда не вылезал.

Что с ним? Что его так испугало? Вид скелета? Мысль о смерти, навеянная этим зрелищем? Или человеческая судьба, которую он увидел перед собой воочию? Почему же вид трупов и скелетов не оказывает больше никакого действия на таких людей, как я или медицинский эксперт, на могильщиков и кладбищенских сторожей? Мне кажется, что эти трупы и скелеты утратили в наших глазах все свое символическое значение. Для нас они ничем не отличаются от кусков дерева, дров, изделий из глины или кирпича и других неодушевленных предметов. Мы сталкиваемся с ними ежедневно и привыкли думать, что их духовная сущность – самое главное в человеке – отделилась и навсегда их покинула. Но что же станет со всем великим и священным, всем важным для человечества, если мы перестанем видеть его духовную сущность? Тогда наш небрежный и поверхностный взгляд не увидит ничего, кроме голой материи, кроме камней и костей, не имеющих никакого значения. Какова же будет судьба человечества? В чем его ценность, если оно утратит свою духовную сущность? Дух

всегда ощутим и всегда нереален. Он ничто и вместе с тем – он все, в чем заключена человеческая жизнь, и все то, что есть в нас возвышенного, чем мы гордимся и что нас отличает от животных...

Мои размышления прервались, когда эксперт с хирургическими ножницами в руках, обтянутых перчатками из тонкой кожи, приступил к обследованию трупа. Наконец он заключил:

– Это без сомнения труп женщины. Продолжая вскрытие, он добавил:

– Ребра целы, черепная коробка цела, а шейные позвонки...

Я нетерпеливо посмотрел на него. Шейные позвонки! Ведь в нихто все дело! Если они сломаны, значит женщина была задушена. Для того чтобы обследовать эти позвонки, мы и извлекли труп. Эксперт показал мне позвонок и, вертя его в руке, заявил:

– Сломан.

Это слово все решило. Анонимное письмо не солгало. Чего еще раздумывать? И я объявил эксперту:

– Кончили.

Я торопился вернуться в город, чтобы поскорее принять все меры к расследованию нового преступления. Оно, несомненно, даст ключ к раскрытию тайны покушения на Камар ад-Дауля Альвана.

Эксперт кончил возиться с трупом, могильщик водворил его на место и привел склеп в порядок. А я старался разгадать, кто мог задушить женщину. Неужели муж? Но почему? А Рим – какое она имеет к этому отношение? Может быть, она знает о преступлении? Но где же она? Теперь ее обязательно нужно допросить. Как ее найти? Только шейх Усфур знает, где она, или может помочь ее отыскать.

Итак, начнем с шейха Усфура. Разговор с ним будет исходным пунктом следствия. Я постараюсь убедить его своими методами, без всяких суровых административных мер. Возможно, что его удастся взять хитростью и хладнокровием. Например, попробую дать ему понять, что в моей власти выдать Рим за него замуж... Такая мысль пришла мне по вкусу.

Мы сели в машину и пустились в обратный путь. Когда мы проезжали через деревню, до нас донеслись завывания и причитания женщин, раздававшиеся во дворе старосты. Я жестом остановил шофера.

– Омда умер?

Из окошка машины мы увидели странное и непонятное, на первый взгляд, зрелище: начальник гафиров, его заместитель и несколько гафиров выносили что-то на руках со двора старосты. Их окружила толпа мужчин, женщин и детей, прославлявших Аллаха. Женщины издавали радостные крики и били в бубны, как на свадьбе. Я и эксперт, удивленный не меньше моего, вытянули шеи, стараясь рассмотреть, что они несут. Нашим взорам предстал обыкновенный телефонный аппарат, имеющийся во всех районах. У эксперта вырвался возглас изумления:

– Они устроили для телефона торжество, как для невесты!

Я подозвал одного из гафиров и спросил в чем дело. Оказалось, что сегодня получен приказ о смещении прежнего старосты и назначении на его место другого, из соперничающей семьи. И нам все стало ясно. Эксперт, усмехаясь, наклонился ко мне.

– Видно, служебный телефон у омды наподобие скипетра.

И в самом деле, в деревне телефон является символом власти, могущества и близости к правительству, а перенос его из одного дома в другой означает падение старой власти. Вопли и плач, поднявшиеся во дворе прежнего старосты при проводах телефона, подтверждают тяжесть постигшего его несчастья. Но это несчастье, как и всякое другое, имеет свою светлую сторону – во дворе нового старосты криками радости и звоном бубнов встречают перекочевавший сюда телефон. Его появление здесь – признак счастья и преуспевания. Так в этой тёмной, забитой деревне обыкновенный телефон из стали и дерева приобрел новое важное значение.

Когда машина тронулась, эксперт, помолчав, обратился ко мне:

– По-видимому, новый омда протеже вновь сформированного кабинета.

Я ответил ему, что в этой деревне, как и в любой другой в сегодняшнем Египте, обычно имеются две-три семьи, члены которых борются за право занять место омды. Каждая из них примыкает к какой-либо партии, оспаривающей власть. Почему же он полагает, что в деревне положение иное, чем во всем государстве? Ведь деревня – это государство в миниатюре.

18 октября...

Вернувшись в свой кабинет, я сразу послал за шейхом Усфуром. Он появился передо мной растерянный и молчаливый. Я встретил его словами:

– Тебе нравится девушка Рим?

Подняв голову, он посмотрел на меня так, словно хотел своим взглядом, как кинжалом, пронзить мне сердце. Потом он снова опустил голову и ничего не ответил.

Я сказал:

– Хочешь, я приглашу муэдзина¹ и поженю вас?

Шейх не шевельнулся.

– Если бы она была здесь, можно бы...

Я изо всех сил старался заставить его заговорить, но он продолжал молчать. Вдруг шейх запел еле слышно, но очень ясно выговаривая слова:

Хотя меня ты не послушал,

– Я признаю, – ты победил...

Собачий хвост прямым не станет,

Хоть в форму ты б его вложил!..

Не сдержавшись, я крикнул:

– Замолчи, скотина!

Поняв, что от него ничего не добьешься, я прогнал его.

Лучше допросить цирюльника. Я вызвал его и спросил, как мог он допустить, чтобы задушенную женщину похоронили без разрешения властей? Он быстро ответил:

– Ваша честь, я не знал, задушена женщина или сожжена. Господин санитарный врач приказал похоронить ее как обычно.

– Не произведя вскрытия?

– Ваша честь, если вскрывать каждого покойника, то помрешь раньше них.

– Следовательно, никто не вскрывал и не осматривал труп...

– Обычно, ваша честь, цирюльники районов по телефону докладывают медицинскому инспектору о чьей-нибудь смерти, а тот, сидя в

¹ Муэдзин — духовное лицо, заключающее браки.

своем кабинете, каждый раз спрашивает о причине смерти. Ему отвечают, что человек умер своею смертью. А доктор повторяет по телефону одно и то же: хороните, хороните, хороните...

– Отлично! Отлично! Отлично!

Видно, и от цирюльника никакой пользы не будет. Я хорошо знаю этих санитарных цирюльников. Вся их обязанность заключается в том, чтобы получить от семьи умершего пять пиастров и добиться разрешения на похороны, даже не взглянув на покойника и не побывав в его доме. Но если бы они были не только похоронными маклерами, если даже допустить, что среди них нашелся бессребреник, который, сознавая свой долг, произвел бы вскрытие трупа – что мог бы обнаружить невежественный человек при осмотре тела, на котором нет заметных повреждений? Как мог бы он установить, что человек умер насильственной смертью?

Вся беда заключается в самом институте санитарных цирюльников, которых нет больше ни в одном государстве на земле.

Так же обстоит дело и с повивальными бабками. Мне запомнился случай, о котором рассказал мне однажды врач районной больницы. Его пригласили в одну деревню на тяжелые роды. Поспешив туда, он увидел лежавшую на спине женщину, из ее чрева торчала рука ребенка. Рядом с больной сидела рыжеволосая, скуластая старуха. Врачу сказали, что это – повивальная бабка Ситт Хиндийя, а женщина находится в таком положении уже третьи сутки. Он спросил старуху, чего она ждала все это время, почему не вызвала врача? Старуха ответила: «Мы ждали помощи Аллаха. Мы просили Аллаха ниспослать ей благословение». Обследуя больную, врач обнаружил во влагалище солому, мочевого пузырь был разорван. Не было никакой надежды спасти ее, а младенец погиб еще два дня назад. У ног женщины врач увидел кучу грязной соломы. Повернувшись к Ситт Хиндийе, он спросил, что все это означает. Старуха ответила: «Господин доктор, когда я вложила руку, чтобы вытащить ребенка, она наткнулась на что-то скользкое. Чтобы не скользило, я потеряла немного соломой». И она протянула врачу руку с длинными черными ногтями, всю в соломенной трухе.

Врач сказал мне: «Повивальная бабка принимает ребенка у женщины, словно это буйволица... Роженица и ребенок умерли, а меди-

цинское управление ограничилось тем, что потребовало от повитухи объяснений... И вот порядки не изменились, хотя все великолепно знают, что таким образом ежегодно погибают тысячи детей...»

Я внимательно посмотрел на этого равнодушного цирюльника и понял, что в Египте души бедных людей ничего не стоят, потому что те, кому надлежит заботиться о них, думают об этом очень мало.

Я выпроводил и этого человека. Теперь, пожалуй, самое главное узнать, кто автор анонимного письма. Я призадумался, и вдруг мне пришло в голову показать письмо шариатскому¹ судье, чтобы он спросил своих чиновников, не знают ли они этого почерка. А может быть, почерк знаком и самому судье. Я по-прежнему был уверен, что автор письма – азгариот. Значит, и надо начать с шариатского суда.

Я вызвал Абд аль-Максуда-эфенди – начальника уголовного отдела, одного из друзей шариатского судьи, и попросил его сопровождать меня. Вскоре мы прибыли в здание шариатского суда. На наш вопрос, где находится судья, нам указали на комнату, перед дверью в которую стояли деревянные башмаки. Абд аль-Максуд-эфенди шепнул мне, что господин судья, вероятно, совершает омовение перед полуденной молитвой, и тут же рассказал, как благочестив и набожен этот судья. Постучав в дверь, мы вошли. Судья, без джуббы² и чалмы, сидел на молитвенном коврике. Он поднялся нам навстречу, поздоровался и, усадив нас, велел подать инбир³. Абд аль-Максуд-эфенди решил избавить меня от необходимости самому начать разговор и, обернувшись к судье, сказал:

– У господина следователя есть дело к вашей чести...

В голосе судьи прозвучала тревога, когда он поспешно ответил:

– Дай Аллах, чтобы это была хорошая весть. У господина следователя дело ко мне лично или...

Заметив его волнение, я вспомнил, что рассказывал мне о судье мамур. Однажды губернатор предложил позаботиться о внешнем виде нашего городка, а заодно и о здоровье граждан, и разбить в центре

¹ Шариат — мусульманское религиозное законодательство — свод религиозных и бытовых правил, основанных на Коране. Кроме гражданского суда, в Египте существует шариатский суд.

² Джубба — верхняя одежда с широкими рукавами.

³ Инбир — прохладительный напиток, инбирное пиво.

бульвар. Некоторые знатные люди пожертвовали на это дело, кто сколько мог. Узнав об этом, шариатский судья явился к мамуру, сказал ему, что этот проект – безрассудство и предложил вместо бульвара построить мечеть для рабов божьих, чтобы в ней наставлять людей на путь веры и благочестия. Хитрый мамур согласился с судьей и с энтузиазмом поддержал его предложение:

– Необходимо доложить об этом господину мудиру. Я заранее уверен, что он даст свое согласие. А чтобы еще больше обрадовать его, мы поставим имя вашей чести в самом начале списка жертвователей. Я считаю, что вы пожертвуете не менее пяти фунтов.

Мамур рассказывал мне, что после этого разговора судья, по-видимому, не спал всю ночь, а ранним утром явился к нему и горестно спросил:

– Вы доложили о моем проекте господину мудиру?

Мамур, чуть улыбаясь, ответил:

– Нет еще. Но сегодня в конце дня я собираюсь встретиться с его превосходительством.

Этот случай всплыл в моей памяти, когда шариатский судья с волнением спросил: «У господина следователя дело ко мне лично?» Я прочел на его лице все, что творилось в его душе. Он явно боялся, что мы пришли за какими-то пожертвованиями. Я поспешил успокоить его, сказав, что у меня к нему служебное дело. Вытащив из связки бумаг анонимное письмо, я объяснил, чего мы от него хотим. Судья обрадовался:

– Ну, это совсем просто. Сначала выпьем инбиря... а потом посмотрим, как все устроить...

Хлопнув в ладоши, он крикнул:

– Шейх Хасанейн, поскорее пришли нам слугу!

После небольшой паузы он вторично принялся нас приветствовать.

– Добро пожаловать... Для нас такая честь...

Абд аль-Максуд-эфенди решил продемонстрировать мне, на какой короткой ноге он с судьей и как хорошо его знает. Повернувшись ко мне, он сказал, указывая на судью:

– Его честь весьма сведущ в науке.

Затем он обратился к судье:

– Я никогда не забуду, господин судья, тот день, когда вы так отчитали этого мальчишку-учителя...

Судья перебил его, воскликнув:

– Да смилуется над нами Аллах. – И продолжал: – Аллах да устыдит его... Я не могу выносить богохульства и невежества. Представьте, господин следователь, этот эфенди преподает географию в школе. Он выступил с научной лекцией об ученом христианского мира по имени Шантон и утверждал, что этот ученый знал точный вес земли и неба. Прости, о великий Аллах!

Я задумался над тем, что означает имя, названное судьей, и в конце концов пришел к выводу, что речь идет об ученом-математике Эйнштейне. Поэтому мне захотелось узнать, что же произошло. По-видимому, на лекции разгорелась борьба двух мировоззрений, борьба, которая всегда вызывает у таких людей, как я, желание быть не только ее свидетелем, но и узнать, чем она кончилась.

Заинтересовавшись, я спросил судью:

– Вы были на лекции, господин судья?

– Так пожелал Аллах, я был сначала до конца.

– И что же там случилось?

– Случилось, господин мой, что учитель встал и сказал в присутствии паши-мудира, высших чиновников и знатных лиц, что этот ученый-безбожник открыл то, что до него было никому не ведомо. Тогда я встал и крикнул ему: «Ты лжешь, господин учитель. Аллах в своей священной книге сказал: «Нет ничего такого, чего нет в этой книге». Но присутствующие заставили меня замолчать. Я умолк из уважения к господину мудиру. Если бы не он, я не стал бы молчать, клянусь господином Каабы¹! Потом учитель продолжал говорить, но в его словах не было никакой логики, так что их даже трудно передать. Он сказал, что этот ученый христианского мира при помощи всяких математических вычислений узнал точный вес земли и неба! Я не мог совладать с собой и, вскочив, закричал: «Подожди, господин, подожди. Прежде всего скажи нам, этот ученый Шантон взвешивал небеса и землю с

¹ Кааба — мусульманская святыня-храм, находящийся в Мекке.

троном или без трона?» Учитель смутился и спросил: «С каким тронном?» Тогда я напомнил ему слова из священной книги: «Его трон вмещал небеса и землю», – и крикнул: «Ответь, лживый учитель, ведь в этом самое главное: с тронном или без трона?»

Едва сдерживая смех, я серьезно спросил судью:

– И что же?..

– Ничего, господин мой... ничего особенного. Лектор не смог мне ответить, обиделся на то, что я ему мешал, и ушел. Публика подняла шум, и началась неразбериха. Господин мудир разгневался на меня и счит мое поведение оскорблением для себя. Кончилось тем, что все ушли с лекции, а ведь это для меня – самое главное. Кроме того, люди обратили внимание на мое неуважение к мудиру, многие требовали, чтобы я извинился. И я извинился. Да рассудит нас Аллах! Но, несмотря на мое извинение, с того самого дня мудир уже не благосклонен ко мне.

Помолчав, он вдруг сказал совсем другим тоном:

– Учитывая создавшееся политическое положение, я думаю, что новое правительство будет менять мудиров и всю администрацию, как это бывает обычно.

Только я хотел открыть рот для ответа, как вошел слуга, наверно шейх, судя по его чалме, хотя на нем была обычная рубаха, грязная, как рубахи всех крестьян. Ноги его были босы. Он принес нам две чашки от разных сервизов, ручки у них были отбиты. Я пил очень осторожно, заглядывая в чашку и боясь вместо сахара увидеть в ней таракана.

Покончив с беседой и инбирем, мы приступили к делу. Судья приказал принести ему образцы почерков всех своих чиновников. Мы сличили их с почерком письма и не нашли ни одного похожего. Тогда мы стали показывать письмо каждому человеку в суде, надеясь, что кто-нибудь узнает почерк. Все напрасно. Мы вышли из суда, так ничего и не добившись. Абд аль-Максуд-эфенди сказал:

– Давайте проверим заодно тюрьму, и дело с концом.

Я не возражал. Мы пошли в управление маркеза. Мамур был там. Собрав несколько старост, он разъяснил им свою новую точку зрения на существующее политическое положение. Он давал им указания с тем же воодушевлением, с каким раньше говорил о старом правительстве. Увидев меня и узнав о цели моего прихода, он поспешил мне на-

встречу и усадил на самое почетное место. Распуская свое собрание и провожая старост до дверей, он поучал их:

– Смотри в оба, олда, вот ты! И он! Кандидат правительства должен пройти на выборах. Я вам все разъяснил, теперь мое дело – сторона. Вы уж сами смотрите... Понятно?

Они в один голос ответили:

– Понятно, бек.

Один из них нерешительно произнес:

– Бек, у нас в деревне кучка смутьянов. От них чего только не жди... И их слушаются...

Похлопав его по плечу, мамур сказал:

– Смутьянов оставь мне!..

Когда они вышли, мамур вернулся ко мне и, еле переводя дух, устало сказал:

– Вот уже два дня как я этим занимаюсь.

Желая подшутить над ним и немножко попугать его, я сказал:

– Однако, господин мамур, ведь известно, что вы принадлежите к партии прежнего правительства.

Он поспешно ответил:

– Молчите, что вы! Все знают, что я всегда всем сердцем был за новое правительство. А то, что в сердце, – неизменно. О делах судят по намерениям.

Я улыбнулся:

– Оставим политику, поговорим о деле.

Я рассказал ему о результатах осмотра трупа, о сломанных шейных позвонках и попросил его помочь разыскать преступника, задушившего женщину. Он ответил:

– Эти два дня маркез не может заниматься делами об удушениях и поджогах.

– Странно, неужели у вас есть еще какие-то дела, кроме охраны порядка?

– Видно, вы ничего не поняли!..

– Нет, не понял!..

– По-вашему, надо забыть о выборах и заняться делами об убийствах?

– Разумеется.

– У нас другие инструкции!

Он отвернулся от меня и стал поигрывать наручниками и цепями, висящими на стене. Абд аль-Максуд-эфенди подмигнул мне, давая понять, что пора прекратить разговор. Желая переменить тему, он сказал:

– Господин мамур разрешает взять тюремные документы...

Я понял, что мой авторитет под угрозой, и воскликнул:

– Я сам проверю тюрьму и весь маркез.

И я решительно поднялся. Мамур смутился, немного подумал и сказал дружеским тоном:

– Пожалуйста, тюрьма к вашим услугам... Только подождите одну минутку.

Он быстро вышел и крикнул:

– Эй, сержант Абд ан-Наби!

Когда он исчез, что-то толкнуло меня посмотреть в окно, выходящее во двор. И я увидел, как мамур в сопровождении сержанта спешит к тюрьме. Отперев ворота, они выпустили несколько человек, вид которых свидетельствовал о том, что это зажиточные люди из разных районов. Их отвели в сарай, предназначенный для хранения соломы и корма для скота, и заперли за ними дверь на ключ. Тогда я крикнул Абд аль-Максуду-эфенди:

– Иди сюда и убедись своими глазами. Эта тюрьма почище Бастилии. Мамур спрятал несколько человек в сарае с соломой.

Абд аль-Максуд сказал умоляющим тоном:

– Бек, времена плохие, и у всех в городе на уме одна только политика. Незачем докапываться до истины...

– Значит, мы согласимся с тем, чтобы в тюрьме сидели люди, не совершившие никакого преступления?!

– Бек, да не будет скрыто от тебя, что мамур находится в подчинении самого министра внутренних дел и премьер-министра, тогда как мы подчиняемся только министру юстиции. Судьи и следователи, занимавшие такую позицию, какую вы сейчас занимаете, в этих политических условиях были переведены на работу в Ас-Саид¹.

¹ Ас-Саид – Верхний Египет, провинция, где очень жаркий климат.

- Значит, подписать документы маркеза и молчать?..
- Бек, разве мы лучше других?.. Есть же люди поумнее нас...
- Отлично, скорей давай документы, и с миром...

19 октября...

Я понял, что только жених, сватавшийся к Рим, сможет помочь нам распутать клубок этого дела. Но как его найти? Ведь мы не знаем даже его имени. Решили попросить районное начальство прислать к нам кого-нибудь из соседей Рим, желательно, конечно, женщину. Ведь женщина по своей природе любопытна и болтлива: может быть, узнаем от нее имя жениха. Нет таких женщин, которые не знали бы всех невест и женихов своего квартала. Но будут ли сейчас в маркезе выполнять просьбы следователя? Ведь все забросили дела и интересуются только политическим положением в стране. Мне не найти в эти дни даже гафира, который внял бы моим приказаниям. Лучше самому связаться с деревней и попросить местный полицейский участок прислать нам нужную женщину. Я позвал привратника и велел ему связаться с участком. Он снял трубку, и больше четверти часа в комнате раздавались его крики:

– Алло, участок! Участок! Слышите меня, участок? Здесь господин следователь! Алло, участок!

Но участок хранил гробовое молчание. Привратник все больше и больше распалялся и наконец принялся с такой силой вертеть ручку телефона, что чуть не оторвал ее. Это был один из тех районных телефонов, разговаривать по которым невозможно. После бесконечного надрывного крика, шума и путаницы множества голосов они, как правило, разъединяются сами собой. Ты требуешь, чтобы приехал свидетель, а тебе докладывают об обследовании ирригационных сооружений, спрашивают, на какое время открыть шлюз для того или иного участка, кто-то говорит о новобранцах тоном, не допускающим возражения.

Так бывает обычно, но сегодня телефон упорно молчал, только позвякивал под руками привратника, нещадно крутившего ручку, словно кофейную мельницу. Привратник кричал то с мольбой, то с угрозой:

– Участок! Я взываю к вашей чести! Отзовитесь хоть раз! Как вам не стыдно! Отвечайте... О...

Я не выдержал:

– Хорошенькое дело! Я просил тебя соединиться с участком, а не заигрывать с ним!

– Видно, бек, там нет ни господина инспектора, ни секретаря участка...

– На участке никого нет?..

– Ведь сейчас выборы, бек.

– А кто же работает?

– Лучше свяжемся со старостой и затребуем солдата и женщину.

– Звони!

Наконец нам удалось вытребовать одну из соседок Рим. Ее доставили под конвоем. Подошло время обеда. Меня очень утомила обычная кабинетная работа: расследование бесконечных дел о подлогах, взятках, злоупотреблениях ростовщиков и других запутанных дел, поступивших сегодня из маркеза. Больше всего было протоколов о «бродяжничестве». Обычно в бродяжничестве обвиняются люди, настроенные против правительства. Как легко заполучить против нежелательных лиц такое оружие, и как оно сильно в руках административных властей.

Вот, например, любого представителя знати очень просто обвинить в том, что он не работает. По этому обвинению его с разрешения следственных органов можно арестовать якобы для расследования на четыре дня, пока из Каира не придут сведения о личности задержанного.

А какой следователь в наши дни будет возражать против приказов об аресте, издаваемых маркезом? И я пошел обедать, подписав несколько таких приказов, угодных Аллаху и управлению маркеза.

После полудня я приступил к допросу свидетельницы. В результате длиннейшей беседы мне удалось узнать, что жениха Рим зовут Хусейном и проживает он в соседней деревне.

– Слушай, женщина, ты говоришь, его зовут Хусейн? Да ведь Хусейнов тысячи в стране. Какое у него еще имя?

– Не знаю, господин мой. Невеста сказала мне, что его зовут Хусейн. Я не спрашивала, как зовут его отца. Я ни о чем не спрашивала. Я темная женщина, и до других мне нет дела. Не приведи Аллах тебе быть на моем месте. Больше всего я ненавижу болтовню. Я, господин, за всю свою жизнь никогда не вмешивалась в чужие разговоры и не задавала никаких вопросов. Ведь говорят же: «Не суйся между луковичей и шелухой»...

– Хватит, замолчи, у меня от твоей трескотни все мозги перевернулись. Пусть перевернутся мозги того, кто тебя прислал. Если бы тебе показали этого юношу, ты бы узнала его?

– Я узнаю его, господин мой. А то как же? Что я, совсем ослепла, что ли? Я была, пусть Аллах охраняет твое положение....

– Хватит. Слава Аллаху, что ты женщина, которая не любит болтать.

– Болтать... никогда, клянусь твоей честью. Не приведи Аллах тебе с того дня...

– Хватит!

Позвав привратника, я велел ему вывести женщину и усадить ее в коридоре, пока она снова не понадобится. Я приказал также сообщить в деревню жениха Рим, чтобы оттуда прислали всех юношей по имени Хусейн, чья внешность и остальные данные соответствуют полученным нами сведениям.

В ожидании я стал раздумывать о сомнительной пользе такого опознания. Я не особенно верю показаниям деревенских женщин. Отлично помню одно дело об убийстве. Мы вызвали жену убитого и вывели к ней обвиняемого в толпе других людей. Мы привели их прямо после заседания гражданского суда. Среди них был один неудачник. Он привез целую кипу документов о совместном владении волом и остался, чтобы выслушать приговор по своим претензиям к ответчику. Волею Аллаха он очутился в длинной шеренге приведенных из зала заседания людей. Следователь вызвал поседевшую от горя женщину и попросил ее указать убийцу. Всматриваясь в лицо каждого, она непрерывно била себя в грудь и проклинала убийцу. Дойдя до человека, совершившего преступление, она, не задерживаясь, прошла мимо и оставилась около незадачливого обладателя кипы документов. Хотя он

не имел ни малейшего отношения к убийству, женщина сильно толкнула его в грудь и воскликнула:

– Вот он, мой враг!

Несчастный задрожал и, с трудом овладев собой, пролепетал:

– Бабушка, да разве вы меня знаете?

Не ответив на его вопрос, женщина продолжала выкрикивать:

– Враг мой! Кровный враг! Враг!

Человек обратился ко мне, словно к защитнику:

– Бек, помогите мне. Я в жизни не видел ни ее, ни ее мужа!..

Следовательно, а это был я сам, встал и начал задавать обычные, стереотипные вопросы. Мы знаем их наизусть, все это одна только рутина. И все же, если мы не задаем их, начальство недовольно, ибо считает эти вопросы необходимыми. Задавать эти дурацкие вопросы бессмысленно, они никому не нужны, не приносят никакой пользы, но почему-то считается, что они ставят преступника в тупик:

– Между вами существует вражда? – спросил я.

– Никогда ничего не было, господин мой! Я не знаю ее...

Я помедлил немного, чтобы задать вопрос, который задается каждым следователем и судьей, с такой уверенностью и таким хладнокровием, словно все уже было ясно.

– Так почему же она обвиняет вас?

– Откуда же мне знать? Несчастье свалилось на меня в это утро!

– Взять его под стражу!

– Меня? Арестовать? Да ведь у меня, господин наш, гражданский иск. Ради Аллаха, отпустите меня!

Человека арестовали. Поэтому он не мог присутствовать при рассмотрении своего гражданского иска, и ввиду его неявки дело было прекращено. Когда на него надели наручники, несчастный остался сидеть на корточках на асфальтовом полу. В руке он держал пачку бесполезных бумаг и размышлял о своем положении, о том, что нет у него никакой вины, и нет оправдания тому, что с ним сделали...

Вспомнив этот случай, я подумал, что не следует придавать слишком большого значения таким опознаниям. Ведь эти крестьяне – бедные люди, с гноящимися с детства подслеповатыми глазами, искони пребывающие в невежестве при любых правителях. Нельзя пола-

гаться на их показания ни в судебном разбирательстве, ни при опознании преступника.

Помню еще один судебный процесс, который я вел по делу о подлоге, применив установленную законом процедуру опознания преступника. Обвинялся один господин, и я поставил его между людьми в фесках¹. Ввели пострадавшего феллаха. Я велел ему опознать своего врага. Мельком взглянув на всех, он подошел ко мне и уставился на меня. В его глазах мелькнуло сомнение, которое легко могло смениться уверенностью в том, что он нашел наконец преступника. На этом заседании присутствовал важный инспектор прокуратуры, которому захотелось посмотреть на процедуру опознания.

Я испугался, что, если пострадавший не перестанет с сомнением рассматривать меня, так, пожалуй, у инспектора может создаться невыгодное представление обо мне. Поэтому я очень резко приказал феллаху еще раз осмотреть стоящих перед ним людей и найти среди них преступника. Его взгляд быстро пробежал по ряду и вновь остановился на мне. Он снова подозрительно осмотрел меня с ног до головы. Никогда не забуду, какая тревога охватила меня! «Да поможет Аллах тем, на кого так смотрят», – подумал я. Мне оставалось только прекратить процедуру опознания. Я быстро произнес: «Пострадавший никого не опознал», – и велел всем разойтись. Но, даже выходя из комнаты, феллах продолжал бросать на меня подозрительные взгляды. Нет, раз уж эта процедура практикуется в соответствии с новейшими законами, то необходимо, применяя их, не забывать склад ума этих людей, их кругозор и умственный уровень. Или же давайте поднимать их до уровня этих законов!

Ввели юношей, носивших имя Хусейн. Мы выстроили их в длинный ряд и позвали соседку Рим. Она подошла к ним, восклицая:

– Именем Аллаха милостивого и милосердного!..

Я перебил ее, не давая начать обычную болтовню:

– Перестань болтать, женщина! Есть среди них жених?

Она подошла к молодому феллаху, который стоял к ней ближе всех, и посмотрела на него своими подслеповатыми глазами тем взглядом, которым неграмотный смотрит на бумагу, водя по ней носом.

¹ Феллахи фесок не носят.

Женщина шепнула, стараясь, чтобы я не слышал:

– Послушай, милый, а не зовут ли тебя Хусейном?

Я понял, что это за свидетельница, и громко сказал:

– Все юноши, что стоят перед тобой, женщина, – Хусейны.

– О ужас! – воскликнула она в недоумении.

Затем она спросила следующего:

– Ты откуда, молодец?

Он спокойно ответил:

– Из Амбабы, бабушка.

Она серьезно сказала:

– О, это селение славится своими ослими, молодцы! Однажды мой муж купил там осла...

– Убирайся отсюда, некультурное животное. Постыдилась бы, сколько времени ты у нас отняла! Целый день! – раздраженно крикнул я, хотя и не в моих привычках быть грубым.

Но ведь эта женщина говорила, что видела жениха собственными глазами и тотчас же узнает его. А оказывается, она не знает ничего, кроме имени. Кто поручится, что куцее имя Хусейн – это действительно имя жениха, а не такой же вздор, как все, что наболтала глупая женщина? Я стал спрашивать молодых феллахов, знают ли они жениха. Но никто из них так и не понял, чего от них хотят...

Я отпустил их и задумался. Что же еще предпринять?

Вошел мой помощник. Он вернулся из главного города провинции, куда ездил для участия в рассмотрении дела, что я ему передал. Он сиял.

– Большие города – какая благодать! – радостно сообщил он мне. – До чего обидно, что пришлось так скоро вернуться в этот деревенский ад!

– Ты привез документы?

– Я остановился в лучшем пансионе и прожил вдвое больше, чем мне полагалось на командировку...

– Сначала ответь на вопрос о делах.

Молодой человек умолк. Он не ожидал от меня серьезного служебного разговора в первые же минуты нашей встречи. И правда, мне следовало быть с ним помягче и полубезней. Но я совсем изнервничался с

нашим делом. А может быть, во мне заговорила тайная зависть? Ведь юноша таким сверкающим цветком вернулся из городского рая и так восторженно вспоминал теперь о нем. Я же прикован цепями к этому захолустью, погряз с головой в работе и каких-то бесконечных обязанностях. Пожалев о своей грубости, я хотел приветливо улыбнуться и поговорить с ним на другую тему, но мой помощник уже начал:

– Обвиняемый приговорен к пожизненным каторжным работам. Он убил человека за плату в пять гиней. Убийца – из суданских кочевников, здоровенный детина, убийство – его профессия. На этот раз его нанял один феллах, выдавший ему вексель на стоимость человеческой души. Подхватив ружье, словно гитарист гитару, профессионал вышел на работу. Он спрятался под окном мечети. И когда его жертва – довольно дорогая душа – вошла в мечеть и опустилась на колени для молитвы, он через оконную решетку послал из своей засады лишь один поцелуй, со свистом вылетевший из его дьявольского инструмента. Работа, как видите, требует такой же твердой руки, как и работа плотника, – ведь искусный плотник забивает гвоздь с одного удара. Человек погиб, и его кровь, как это часто бывает, оказалась бы пролитой безнаказанно, если бы не разгорелась ссора между наемником и нанимателем. Убийца сдал готовый «товар», но покупатель тянул с оплатой. И разозленный преступник выдал себя: не обращая внимания на судей, он крикнул своему хозяину во время заседания: «Ты хотел, чтобы я убил его бесплатно!» Потом, отвернувшись от него, он обратился к суду: «О люди, будьте свидетелями этого бесчестия! Верно, я заслуживаю виселицы, но только за то, что не потребовал денег вперед! Эти векселя губят людей».

Мы с помощником посмеялись. Я высказал ему свое мнение о подобных профессиях, хорошо известных в деревне. Египетский феллах часто пользуется услугами наемных убийц, как это делали и некоторые наши древние предки, прибегая к услугам наемных вояк. Не является ли это одним из моральных недостатков феллаха в добавление ко множеству его физических, умственных и социальных недугов? Или это неспособность к таким делам и отсутствие веры в себя, порожденные извечным рабским трудом, постоянным копанием в земле? Рыцарство и военную службу феллахи всегда предоставляли завоевателям, последними из которых были арабы и турки.

Я пришел к заключению, что большинство убийц-профессионалов в деревнях – инородцы; феллах миролюбив и не хочет проливать кровь своими руками, которыми сеет и собирает блага земли. Ему чужды отвага и воинственность.

Это дело требует специального изучения. Сталкиваясь с подобными явлениями, мы не должны проходить мимо. Я объяснил своему помощнику, что наша профессия обогащает человека опытом и жизненными наблюдениями. Занимаясь ею всю жизнь, невозможно оставаться слепым. Эта профессия лучше всякой другой формирует настоящего человека. Следователь стоит во главе крошечного государства. Если он все поймет в этом государстве, все заметит, изучит природу человека, его нравы и побуждения, то сможет познать и большое государство, в котором живет, сможет постигнуть великий мир – человечество. Но много ли следователей и судей склонны к наблюдательности? Умение видеть свойственно очень немногим людям.

Молодой человек хорошо понял мои слова. Ведь он был умен. Он стоял опустив голову, потом выпрямился и сказал, что во время заседаний некоторые факты заставили его призадуматься. Так, судьи сначала выносят приговор, а затем обосновывают его. А ведь логика требует, чтобы было как раз наоборот.

Ценное замечание. Однажды мне говорил об этом в минуту откровенности один судья. Вечером, вернувшись в свой кабинет после вынесения приговора по одному серьезному делу, он достал все материалы дела, чтобы, как обычно, написать обоснование приговора. Его взгляд задержался на различных деталях, зафиксированных в протоколе заседания и в следственном материале. Прочитав записи, он в ночной тишине спокойно и серьезно еще раз все обдумал. Если бы он ознакомился с этими документами до вынесения приговора, решение могло быть иным. Но что сделаешь сейчас, когда приговор уже вынесен и изменить его невозможно. Ничего не придумаешь! Поэтому он занялся в эту ночь извлечением из кипы бумаг всевозможных доводов, чтобы оправдать вынесенный приговор. Сколько обстоятельных пунктов пишется в подтверждение и оправдание приговора, вынесенного поспешно, необдуманно, без справедливого расследования, без знания истинного положения вещей!

20 октября...

Утром я занялся проверкой казны в суде. Вот еще одна обязанность следственных органов. И эту проверку они должны производить неожиданно, по меньшей мере два раза в месяц. Но слово «неожиданно», как видно, внесено в инструкции лишь для большего эффекта, как это бывает на театральных афишах. На самом деле никакой неожиданности нет. Обычно загруженный работой следователь забывает о проверке. Напоминает ему об этом сам казначей, которого-то и надо проверить неожиданно. Именно он настойчиво требует от господина следователя, чтобы тот «застиг его врасплох» ровно в десять часов до сдачи денег в окружную казну, чтобы успеть согласно закону заполнить соответствующую графу. В большинстве случаев застигают врасплох самого следователя, подав ему бухгалтерскую книгу вместе с протоколом, написанным от его имени. В протоколе говорится: «Мы, такой-то следователь, сегодня неожиданно произвели проверку казны и обнаружили в ней столько-то бумажных денег, столько-то серебра, столько-то ценных вещей и столько-то гарантийных бумаг». Не поднимаясь со стула в своем кабинете, следователь подписывает, бормоча: «Вот вам моя подпись, отвяжитесь от меня и не морочьте мне голову».

Но лично я всегда сам являюсь на проверку и осматриваю казну, хотя в конце концов и подписываю протокол, не сосчитав денег, потому что у меня не хватает на это терпения. Быстро покончив с этой миссией, я на обратном пути заезжаю в камеру хранения вещественных доказательств, чтобы заодно уж проверить и ее. Это комната, похожая на лавку, в которой собрана коллекция всевозможных ружей, заржавленных пистолетов, ножей, серпов, мотыг, топоров, дубинок, кусков войлока, крестьянских башмаков, джильбабов, испачканных кровью и глиной, и жилетов, продырявленных дробью или прожженных порохом. На каждой вещи имеется номер, дата конфискации и порядковый номер следственного дела. Достаточно одного взгляда на такое хранилище следственных органов любого города, чтобы составить представление о занятиях и культурном уровне его населения. Например, в хранилище следственных органов Чикаго, безусловно, нет ни дубинок, ни серпов.

Вернувшись в свой кабинет, я увидел ожидавшего меня за чашкой кофе судью. Он воскликнул:

– Город охвачен анархией!..

Не дав мне вымолвить ни слова, он продолжал:

– Нет больше авторитета у властей!

– Да в чем дело? Что случилось?

– Дело в том, господин мой, что я вынес приговор по гражданскому делу одного старосты, поддерживающего правительство. Пристав пошел приводить его в исполнение. И знаете, что произошло?

– Нет.

– С ведома старосты пристава били по ногам, но били «чисто», чтобы не осталось следов, а потом заперли на двадцать четыре часа в телефонной будке.

– И маркез завел дело?

– Вовсе нет. В этом-то все безобразие! Никакого дела и никакой докладной записки! Они посмеялись над приставом, сказали ему, чтобы он забрал обратно свою жалобу на старосту.

– Ну, раз ему вернули его жалобу, то и дело с концом!

– Как дело с концом? Разве я могу молчать о таком факте? Ведь это преступление! Полиция совершает преступление...

– Видно, вы соскучились по жаре Верхнего Египта...

– Перевести судью в Верхний Египет только за то, что он не разрешил издеваться над законом?..

– Так очень часто делается. Одного судью перевели в самый дальний район лишь потому, что он выпустил на свободу демонстрантов, арестованных за оппозицию к правительству. А ведь этот судья был человеком нейтральным, далеким от партий и политики. Все знают, что между вашей семьей и семьей мамура плохие отношения. Воспользовавшись случаем, он напишет тайный донос, обвинит вас во враждебном отношении к правительству и припишет вам еще руководство мятежом, интриги, преследование сторонников кабинета и тому подобное...

– Чудесно! Полиция посылает тайные доносы на судей!

– Так оно и есть на самом деле.

– Что же теперь делать?

– Положитесь на меня. Я все узнаю в маркезе, обо всем умело расспрошу и сделаю все, что надо...

– Вот как политика попирает у нас справедливость, губит порядок и разлагает нравы! Да смилуется над нами Аллах. Это просто страшно!..

Он печально покачал головой, потом, неожиданно повернувшись ко мне, сказал:

– Да, это страшно. Представьте себе, его честь шариатский судья ведет себя сейчас так, словно он закадычный друг мамура, хотя после случая с аптекой смертельно ненавидит его!

Я был удивлен. Правда, я уже слышал от мамура об этом случае.

Жители нашего города выразили пожелание открыть настоящую аптеку, которая избавила бы их от необходимости обращаться за медикаментами в крупные центры. Они договорились собрать необходимую для этого сумму и пригласили аптекаря-профессионала, сирийца по имени Джабур. Затем они стали подыскивать человека, который мог бы следить за доходами аптеки и вести ее дела. В конце концов выбор пал на господина шариатского судью. Да и кому, как не ему, с его почтенной бородой и длинными четками, могли доверить мусульмане и немусульмане свои деньги, вложенные в это предприятие? Мамур согласился назначить контролером шариатского судью, и тот соблаговолит дать свое согласие и взять на себя эти обязанности. Каждый день после полудня садился он перед дверью аптеки и, откашлявшись, произносил молитву во имя Аллаха и его пророка. Затем он восклицал:

– Господин Джабур, кофе и кальян!

Потом здесь стали ежедневно собираться его друзья и родственники, толпами приходившие из соседних деревень. Он угощал их кофе или чаем, конечно за счет аптеки. Прежде чем уйти, он бросал взгляд на медикаменты и говорил Джабуру:

– У тебя туалетное мыло высшего сорта! Да и запах этого одеколona мне нравится!

Судья уходил, и ему доставляли на дом все перечисленные им товары. Иногда он сажал рядом с собой, у дверей аптеки, своих детей или же приводил их играть около нее. Если они капризничали и плакали, судья кричал аптекарю:

– Господин Джабур! Дай детям мятную лепешку из твоего ящика.

В конце концов аптекарь не выдержал и резко сказал судье:

– Ящик! Из ящика! А что осталось в ящике?!

Между контролером и аптекарем вспыхнула ссора. Джабур поклялся оторвать судье ноги, если тот хоть еще раз приблизится к аптеке. Потом он призвал на помощь мамура и доложил ему о положении дел. Аптека была накануне банкротства, медикаменты исчезли, средства иссякли. Не было никакой надежды на то, что она сможет продолжать свое существование. Ведь сам аптекарь не отставал от почтенного контролера и транжирил деньги, товары и медикаменты. Разгневанный мамур заявил знатым лицам, вложившим свои средства в это предприятие:

– Мы сами виноваты, что поверили бороде и четкам!

С этого дня мамур где только мог чернил шариатского судью, а шариатский судья поносил мамура.

Но политика дала теперь страшную власть людям, занимающим административные посты. Шариатский судья испугался и пришел к мудрому выводу, что безопаснее будет подружиться с мамуром. Он так и сделал, не поскупившись на лесть.

Все это пронеслось теперь в моей памяти. Не сдержавшись, я сказал:

– То, что они помирились, – хорошо, но даже в настоящих условиях есть нечто, что называется человеческим достоинством...

Сделав многозначительный жест, судья воскликнул:

– Смотря чье достоинство, мон шер!¹

Собираясь уже уходить, он вдруг наклонился ко мне и сказал, понизив голос:

– Расскажу вам по секрету: однажды ко мне домой пришел феллах. Он принес барана и сказал, что это подарок. Я спросил его: «За что подарок?» Тогда он ответил: «По договоренности... За то, что мне вернули мою жену». Тут я все понял и сказал ему: «Ты ошибся домом. Тебе нужен шариатский судья...»

Я не особенно удивился. Мой собеседник попрощался и ушел, а я, оставшись один, задумался над всем, что услышал. Потом я решил

¹ Мон шер — мой дорогой (франц.).

пойти к мамуру и порасспросить его о деле, про которое говорил судья. В сопровождении своей охраны я отправился в путь. Войдя в кабинет мамура, я опять застал его с одним из старост. Он говорил с ним почти грубо. Вид омды не свидетельствовал ни о достатке, ни о солидности – по-видимому, это был один из самых забитых и невежественных старост. Ведь старосты, как саранча, принимают цвет земли, на которой рождаются. На зеленой земле рождается зеленая саранча, на бесплодной земле – серая. Этот серый староста был, несомненно, из далекой нищей деревни, расположенной на границе района, у самой пустыни. Поздоровавшись с мамуром, я сказал улыбаясь:

– Вечно вы возитесь со старостами!

Он устало ответил:

– Что же поделаешь, господин мой!

Усадив меня, он велел подать кофе. Несмотря на то что я не был близок с ним и его клубом, он уважал меня и никогда не злился на меня, как на других. Я всегда бываю осторожен с лицами, занимающими административные посты. Давая служебные распоряжения, я стараюсь не задевать достоинство человека.

Извинившись, мамур попросил у меня разрешения закончить беседу со старостой, чтобы отпустить его. Я дал свое согласие, и, обернувшись к старосте, он сказал угрожающим тоном:

– Смотри! Видно, ты меня еще не знаешь! Клянусь Аллахом, мне нужно...

Прервав его, староста умоляюще сказал:

– Я человек бедный...

Но мамур продолжал угрожать...

– Подожди! Не будь я мамур, если не засуну тебя в парламент!

– За что? Что я такого сделал, чтобы вы засовывали меня в парламент?

Староста произнес это испуганно, с мольбой. Я удивился и засмеялся, а мамур, обернувшись ко мне, сказал:

– Списки избирателей у него в кармане, а он не знает, что такое парламент? Как вам это нравится? И это старосты, а мы должны с ними работать!!!

Он снова обернулся к этому человеку и гаркнул:

– Убирайся вон, пока я тебя не вышиб отсюда!

Староста покорно вышел, словно слуга или преступник. Я подумал: унижение, которому его подвергают господа администраторы, даст свои плоды. Он, в свою очередь, будет унижать население деревни, которой управляет. Чаша унижения переходит обычно из рук начальника к его подчиненным, пока в конце концов не доходит до бедного народа, и тот выпивает сию чашу до дна.

Мамур подсел ко мне, спросив, по какому случаю я оказал ему честь своим визитом. Я ответил, что просто соскучился. Он улыбнулся, не веря такой платонической причине. Я не особенно настаивал и серьезно сказал:

– Вы слышали, господин мамур, что одного пристава избили и подвергли заключению во время исполнения служебных обязанностей?

Он поспешно заявил:

– Мне об этом ничего не известно.

– Разве маркез не получил уведомления об этом деле?

– Если бы получил, мы произвели бы расследование.

– Конечно.

Я замолчал. Мамур на мгновение задумался и спросил:

– Вам кто-нибудь об этом сообщил, господин?

– Если бы мне сообщили, я сразу начал бы расследование.

– Верно?

– По-видимому, это просто сплетни.

И тут мамур дал себе волю.

– Клянусь жизнью, – сказал он, – сплетни идут из самого суда, чтобы дискредитировать наше управление, и вам прекрасно известно, что их распространяет господин судья, чтобы нас опорочить...

Мамур собирался посвятить меня в подробности, но я дал ему понять, что не хочу разговаривать на эту тему, чтобы между нами не разгорелся спор. Он ведь уже понял, что я отношусь к этому делу серьезно и в случае необходимости приму предусмотренные законом меры. Я поднялся, мамур тоже встал. Я сказал шутя:

– А как идут выборы, господин мамур?..

– Прекрасно.

– По всем правилам?

Он пристально посмотрел на меня и ответил так же шутливо:

– Что же нам смеяться друг над другом! Ведь во всей вселенной выборы идут по всем правилам!

Я засмеялся:

– Я хотел спросить, имеется ли видимость, что они идут по всем правилам?

– Если так, будьте покойны.

После небольшой паузы он самодовольно добавил:

– Верьте в Аллаха, – я мамур по чести. Я не таков, как те мамыры, которых вы знаете. Клянусь жизнью, я не вмешиваюсь в выборы, не оказываю давления на свободу населения, не говорю: «Изберите этого, а того провалите». Нет, нет и нет! В моих правилах – предоставить людям полную свободу, пусть выбирают, кого хотят.

Я удивленно воскликнул:

– Замечательно, господин мамур! Только не опасны ли такие слова для человека на вашем посту?.. Вы великий человек!..

Он продолжал:

– Таков мой постоянный метод во время выборов: полная свобода! Я предоставляю полную свободу на выборах, чтобы они проходили нормально. Но потом я просто беру урну с бюллетенями и бросаю ее в канал, а на ее место ставлю другую, подготовленную заранее.

– Отлично! О, чудесно!

Мое удивление сменилось разочарованием. Не желая комментировать то, что услышал, я протянул ему руку и, простившись, ушел. Мамур вышел вслед за мной, чтобы проводить меня до ворот. Проходя по двору управления маркеза, я вдруг увидел группу гафиров, собиравшихся сесть в грузовики. Среди них был и шейх Усфур в своих лохмотьях, с зеленой палкой. Обратившись к мамуру, я спросил его, что это значит. Указывая рукой на собравшихся мужчин, он ответил:

– Эти люди будут охранять порядок во время подачи голосов.

– А какое отношение к выборам имеет шейх Усфур?

– Его песни влияют на умы крестьян!

– Значит, он занимается пропагандой!

Мамур улыбкой подтвердил мое замечание. Я улыбнулся ему в ответ и добавил:

– Даже шейха Усфура втянули в политику!

Мамур многозначительно взглянул на меня и тяжело вздохнул.

– Что поделаешь!

Этой фразы и вздоха было вполне достаточно, чтобы я ему посочувствовал и понял, насколько щекотливо его положение и как велика его ответственность: ведь начальники требуют от него определенных результатов независимо от того, какие средства будут применены для этой цели. Если бы он отступил или растерялся перед обстоятельствами, его подвергли бы наказанию без всякой жалости.

Я подошел к шейху Усфуру и спросил:

– Где девушка Рим?

Он искоса взглянул на меня и ничего не ответил. Тогда я сказал дружески и приветливо:

– Господин шейх, давай в этом деле действовать вместе.

Он покачал головой, помахал своей палкой и нараспев произнес:

Что пользы в жалобе твоей,
Зачем в душе твоей тоска?
Ведь сам ты птицу упустил, –
Она была в твоих руках!

Я улыбнулся и, показывая на мамура, сказал шейху Усфуру:

– Скажи это господину мамуру, ведь птица была в его руках!

21 октября...

На следующее утро, когда я пил у себя в кабинете кофе, пришла телефонограмма, сообщавшая о новом происшествии в маркезе: отравление женщины. Она получила от мужа, с которым разведена, пирожок и, съев его, почувствовала признаки отравления. Конечно, женщина обвинила бывшего мужа в том, что он хотел ее отравить и освободиться от необходимости ее содержать. Вполне правдоподобно, дело надо расследовать.

Я слишком хорошо знал эти дела об отравлениях и все связанные с ними отвратительные подробности, особенно в утренние часы. Прибыв на место, я увижу женщину, лежащую в луже рвоты и испражнений. На все мои вопросы она будет отвечать не словами, а только... Да сжалится надо мной Аллах! Это зрелище всегда заставляло меня отплевываться. Хорошо бы передать дело помощнику! Я вызвал его и дал ему телефонограмму. Мельком взглянув на нее, он воскликнул:

– Отравление? В жизни не расследовал дел об отравлениях и даже не присутствовал при таком расследовании!

Еще бы! Конечно, не расследовал! Даже я, имея большой опыт, не решаюсь вести следствие по этим делам без бланка, о котором упоминается в инструкциях генерального следователя. В бланке записаны обязательные вопросы, которые должны быть заданы и на которые необходимо получить ответ. Указана форма этих вопросов и ответов и форма протокола, к которому прилагаются сосуды, содержащие образцы рвоты и испражнений. Эти сосуды обязательно посылаются на анализ. Кроме того, предписывается остричь обвиняемому ногти, отрезать его карманы и послать их в запечатанном пакете вместе с вещественными доказательствами для химического анализа. Видите ли, следы мышьяка часто остаются на ногтях и в карманах.

Вызвав секретаря следствия, я приказал ему приготовить все необходимое и дать мне вышеупомянутый бланк. Просмотрев его, я прочел еще следующее:

«Параграф 141. При посылке вещественных доказательств в медицинский пункт... следственные органы обязаны послать в то же время генеральному следователю... следующий бланк, тщательно заполнив все графы:

1. Дата донесения о происшествии.
2. Имя, возраст и пол пострадавшего.
3. Был ли пострадавший совершенно здоров до несчастного случая?
4. Замеченные явления, как, например, рвота, расстройство желудка, боли, жажда, головная боль, головокружение, слабость в конечностях, судороги, сонливость, потливость, зрачки глаз, пульс, дыхание.

5. Жаловался ли пострадавший на особое вкусовое ощущение во рту при приеме пищи?

6. Наблюдалось ли у пострадавшего онемение или отечность языка и конечностей?

7. Было ли у пострадавшего обморочное состояние?

8. Были ли у него судороги?

9. Были ли эти явления внезапными?

10. Замечалось ли у пострадавшего подобное состояние раньше?

11. Промежуток времени, прошедший между принятием подозрительной пищи и первыми симптомами отравления?

Примечание: Необходимо указывать точные даты и определенные часы, не писать, например: «На второй день, через три часа или в понедельник», – а сообщать, например: «Явления начались в четыре часа дня, 16-го числа такого-то месяца, такого-то года и раньше всего было замечено то-то, и это имело место в четыре часа тридцать пять минут дня или утра».

Замечательно! Все эти вопросы следует задать пострадавшему, находящемуся в почти бессознательном состоянии. Удивительнее всего, что мы требуем от него точного сообщения, когда, в каком часу и в какую минуту появились у него симптомы отравления. Ведь не следует говорить, например, – в понедельник. Несчастный пострадавший, измученный головокружениями, слабостью в конечностях, судорогами и сонливостью согласно бланку, будь то мужчина или женщина (например, темная крестьянка, которая вообще не имеет часов и, может быть, никогда их не видела), неукоснительно обязан сказать нам, что симптомы были впервые замечены точно в три часа и одну минуту!

Ну что же, возложим столь тяжкий груз этих вопросов на голову отравленной женщины! Я взял с собой помощника, чтобы впоследствии он не мог отговариваться незнанием дела. Не успели мы отправиться в путь, как получили вторую телефонограмму. Я заметил:

– С самого начала ясно, что нас сегодня ожидает!

Затем я ее прочел. Это было печальное известие из государственной больницы о том, что Камар ад-Дауля Альван скончался. Я воскликнул:

– Этот человек умер прежде, чем мы узнали его тайну!

И, взяв карандаш, я написал обычное в подобных случаях заключение: «Приказываю произвести вскрытие трупа». Я велел помощнику присутствовать при вскрытии и сообщить мне потом о его результатах. Он отправился в больницу, а я – в дом несчастной женщины, съевшей пирожок. Все было именно так, как я ожидал. Я увидел женщину во дворе дома. Вокруг нее толпились соседки, которые, как мне показалось, притащили сюда все посудины, похожие на кастрюлю или миску, имевшиеся в квартале. Женщины приносили посуду и подставляли ее ко рту пострадавшей, распростертой на земле. Она корчилась в судорогах, стонала, хрипела. Я бросил взгляд на секретаря следствия – пора раскрыть протокол. Пройдя среди наполненных посудин, я подошел к потерпевшей и спросил:

– Твое имя, возраст и пол?

Женщина не ответила. На ее бледном, искаженном судорогой лице не появилось и признака мысли. Повысив голос, я повторил свои вопросы, но она только протяжно застонала: ее снова начало рвать. Несколько женщин быстро подбежали и поддержали ее голову. Они шептались:

– Пусть ее оставят в покое в такой тяжелый час!

Услышав их шепот, я подумал: «Клянусь Аллахом, я тоже хотел бы оставить ее в покое! Но разве я могу это сделать? Ведь генеральный следователь ждет бланка и сосудов!»

Одна из женщин, собравшись с духом, сказала мне:

– Не утруждай себя, господин. Ты хочешь знать, как ее зовут? Ее зовут Набавийя.

– Набавийя... а дальше?

– Мы не знаем никакого другого имени, кроме Набавийя. У нас в квартале ее зовут только так: «Иди сюда, Набавийя! Пойдем, Набавийя».

Но этого было недостаточно. Необходимо записать ее имя полностью. Я стал просить женщин помочь мне хоть на одну минуту привести ее в чувство. Они окружили ее, подняли ей голову и стали что-то шептать на ухо, прося ответить господину следователю. Прошло около

часа. Наконец пострадавшая шевельнула губами. Женщины обрадовались и стали ободрять ее, похлопывая по плечам:

– Да... да, ответь нам, милая!

Я торопливо крикнул ей прямо в ухо, обливаясь потом от усердия:

– Как твое имя? Твое полное имя?..

Она застонала и глухим, дрожащим голосом произнесла:

– Меня зовут... Набавийя.

От досады я чуть не выругался.

– Понятно, Набавийя! Отлично! Но дальше? Как имя твоего отца? Я хочу знать имя твоего отца! Набавийя... а дальше как?

Но я обращался с мольбой к полутруп. Ее голова упала, она молчала, изредка издавая глухие стоны. Меня охватило отчаяние. Я громко прикрикнул на женщин, и они снова приподняли ее, смочили ей виски холодной водой и зашептали ласковые слова. Наконец они добились ответа, и я узнал ее полное имя.

Но в бланке оставалось еще с десятков вопросов! И если добиться только имени стоило таких страшных усилий, что будет дальше? Особенно смущал меня последний вопрос: о промежутке времени между принятием подозрительной пищи и появлением первых симптомов! Ведь примечание в бланке требовало указать точные даты и часы. Разве эта женщина, у которой мы вырвали ее имя только после того, как она едва не вытянула из нас душу, скажет нам, в котором часу и во сколько минут заметила она появление первых признаков отравления? Немыслимо! Разве я не безумец, что задаю такие вопросы? Разве я ничего не вижу? Что подумают о моем рассудке эти женщины, если мне самому стыдно своего поведения. От этой распростертой на земле женщины я требую ответа на вопросы о часах и минутах, вопросы, напечатанные на бланке, изготовленном в столичных конторах, в безмятежности и спокойствии, вдали от этих испражнений и рвоты! Я дал понять секретарю, что допрос надо прекратить. Мы ограничились тем, что взяли «образцы» рвоты и испражнений и отрезали ногти и карманы у бывшего мужа отравленной. Потом мы вернулись к себе. Я пошел в свой кабинет и в изнеможении упал в кресло.

Прележав минуту с закрытыми глазами, я услышал скрип отворяемой двери. Вошел мой помощник. Лицо его было бледно. Очнувшись от апатии, я быстро спросил:

– Что у тебя?

– Вскрытие...

– Ты присутствовал при нем? Каков результат?

– Результат... Я... Я...

И он опустился на стоявший поблизости стул; пристально взглядевшись в его лицо, я все понял. С этим молодым человеком произошло то же, что и со мной в тот день, когда я впервые присутствовал при вскрытии человеческого трупа.

Это был впечатлительный юноша, только вчера оторвавшийся от книг, внушавших ему, что человек – нечто возвышенное, центр бытия, избранный и отмеченный из всех живых существ заботою великого творца, что он – создание светлое, духовное, с бессмертной душой.

Не многие люди имеют возможность узнать внутреннее строение человека, и тот из нас, ктознакомился с ним, всегда испытывал потрясение. Причины такого потрясения различны, они зависят от характера человека, его природы и культуры. Я никогда не забуду того дня, когда впервые очутился около трупа мужчины, череп которого был раздроблен пулей, посланной с близкого расстояния. Пуля разорвала правое ухо и пробила череп, обнажив мозг. Пришел врач, чтобы произвести вскрытие. Я должен был стоять рядом с ним и смотреть, что он делает. Мы пришли в дом убитого с поля, на котором было совершено преступление. Это был обычный крестьянский дом. Родственники внесли убитого, завернув его в новое одеяло. Женщины плакали, издавая вопли и стоны, размазывая землю по лицу. Со мной был очень энергичный мамур. Он приказал удалить всех, разрешив остаться только охране, врачу, цирюльнику и своим помощникам. Принесли два больших таза и поставили их под широкой деревянной скамьей во дворе дома. Цирюльник и его помощник положили труп на скамейку и сняли с убитого одежду. Он был одет во все новое по случаю праздника. Преступление было совершено в праздник розговенья, в последний день

месяца рамадана¹, словно убийца поторопился из опасения, что праздник пройдет, а его враг останется в живых. Видимо, ему хотелось, чтобы пуля, посланная в голову жертвы, оборвала праздничные песни в этом доме.

Врач пустил в ход скальпель. Делая разрез на голове убитого, он одновременно диктовал секретарю:

– Мы удалили волосяной покров (имея в виду, конечно, волосы на голове).

Женщины закричали еще громче. Они потихоньку забрались на крышу дома и на соседние с ним крыши. Среди нестройного хора их голосов я услышал высокий, звонкий, раздирающий душу голос, равнивший меня в самое сердце:

– О дерево, ты покрыло нас своей тенью, отец мой!

Потом раздался другой, такой же высокий и пламенный голос, прерываемый рыданиями:

– О, ты еще не переварил свой сухур², отец мой!

Закончив снимать «волосяной покров», врач всунул палец в рану, зондируя ее глубину и границы. Он продиктовал секретарю:

– Рана огнестрельная, глубиной в четыре сантиметра.

Он попытался нащупать пальцем пулю, но это ему не удалось.

Достав из своей сумки металлическую пилку, он стал пилить череп со стороны лба, но и это ему не удалось – кости черепа очень крепки. Тогда врач достал маленький молоточек и начал бить им по пилке, приставленной к черепной коробке, словно по коробке сардин. Одна из старух услышала этот стук и увидела из своего убежища на крыше, как долбят голову главы семьи и хозяина дома. Схватившись за щеки, она простонала:

– Да будет с ним Аллах!

Эти слова произвели на меня странное впечатление. По-видимому, старуха была уверена, что глава их семьи и сейчас продолжает

¹ Рамадан — девятый месяц мусульманского лунного года, месяц поста.

² Сухур — время перед рассветом, когда мусульмане в последний раз перед наступлением дневного поста в месяце рамадана могут принимать пищу. Здесь имеется в виду завтрак перед рассветом.

быть главою семьи, личностью, человеком. У меня же не было полной уверенности в этом.

Удаление костей черепа закончилось, и показалась тонкая оболочка, непосредственно прикрывающая мозг. Врач разрезал ее скальпелем и стал осматривать места около раны, диктуя секретарю:

– Сильное кровоизлияние в мозг...

Он снова попытался нащупать пальцем пулю и снова безуспешно.

Тогда он принялся искать ее в мозгу, вокруг раны, но не находил. Куда же она девалась? Ведь выходного отверстия не было. Но врач не отчаивался. Улыбнувшись, он сказал мне:

– Пуля иногда проходит странный путь в теле. Бывает, что она входит в живот, а ее находишь в бедре.

Может быть, это и было разумно, но как может пуля, войдя в голову, выйти из ноги? Это какой-то фокус, и я не поверил, что пуля на него способна. Наконец врач возмущенно воскликнул:

– Что это значит? Пуля вошла прямо в мозг...

И он вынул весь мозг из черепа, который стал похож на чистую чашу. Разделив его на четыре части, врач роздал каждому из своих помощников, поручив им хорошенько поискать пулю. Они копались в этой массе, от которой зависят все человеческие способности, пока не превратили ее в полужидкое месиво, похожее на мухалябийю¹.

– И это мозг человека! – сказал я вполголоса, обращаясь к самому себе.

Ужас, охвативший меня поначалу, стал постепенно рассеиваться. Мои нервы окрепли, я успокоился, в моей душе родилось желание все познать, проникнуть в это распростертое тело, заглянуть в него. Я пока увидел только мозг. Так посмотрим же сердце, печень, кишки. Этот человек уже не был в моих глазах человеком. Мне хотелось разобрать и рассмотреть его, как это делают с большими стенными часами, разбирая и рассматривая механизм: все стрелки, колесики и звонки.

После длительных поисков помощники ничего не нашли и в мозгу. Но ведь от нас ждут результатов. Перед нами лежал убитый, и в

¹ Мухалябийя — молочный кисель.

нем, конечно, должна быть пуля. Врач засучил рукава и начал скальпелем вскрывать грудь. Я стоял позади него, смотрел и приговаривал:

– Режь! Разрезай вот здесь!..

Меня била какая-то странная лихорадка. Во мне больше не было никаких человеческих чувств. Я требовал от врача:

– Покажи мне его легкие, покажи кишки, селезенку, покажи все.

Врач, не колеблясь, сделал разрез от груди до самого низа живота и, вынув сердце, а затем кишки, продиктовал:

– Сердце в норме, в кишечнике – переваренная пища...

Но и в теле убитого мы ничего не нашли. По всей вероятности, пуля попросту выпала из раны. Рана была широкая, а пуля тяжелая. Видно, она упала на землю, когда несли труп.

Закончив работу, мы разошлись. Я был удивлен происшедшей во мне переменой. Я, такой впечатлительный, вижу, как режут и кромсают человека, – даже сам приказываю это делать без малейшего содрогания. Но какое разочарование! Я полагал, что человек – существо высшее! А оказывается... Нет, не следует нам смотреть на внутренности себе подобных. Это зрелище долго не давало мне покоя...

По-видимому, то же самое происходит теперь и с моим помощником. Я хотел спросить его об этом, но внезапно открылась дверь и появился привратник, держа в руках телефонограмму.

– О, если бы это было хорошее известие! – вырвалось у меня.

Но, едва заглянув в нее, я воскликнул:

– Девушка Рим?!

Мой помощник тяжело вздохнул и поспешно спросил:

– Что с ней?

– Ее труп нашли в главном канале, южнее поселка.

– Умерла?

– Я сказал тебе: нашли ее труп. Прочти!

Помощник взял листок и быстро прочел его. Его взгляд мгновение задержался на последней фразе: «Вероятно, причиной смерти была асфиксия¹ от погружения в воду». Видно, и он был потрясен. Я мол-

¹ Асфиксия — удушье.

чал, глубоко опечаленный тем, что жизнь этого прекрасного создания так быстро оборвалась.

Как несчастливо все у нас сложилось! Не только в том, что касалось работы, и не только потому, что Рим была ключом к раскрытию преступления. Ее чудесный образ волновал всех нас, и умных и безумных. Она была созданием нежным и прекрасным, излучающим красоту, дарящим каждому светлые мгновения. Она была как свежий ветерок в пустыне нашей бездушной, пустой и скучной жизни.

Очнувшись от своих мыслей, я поднял голову и, взяв у помощника телефонограмму, машинально написал на ней обычную фразу: «Приказываю произвести вскрытие трупа». И вдруг я понял весь ее ужас. Да, впервые я нашел эту фразу ужасной. Раз уж мы обязаны производить вскрытие трупов, то пусть... Я готов вскрыть трупы половины населения нашего города. Но эту девушку... Эту красоту... Резать ее, чтобы увидеть, что находится у нее внутри? Невозможно! Бросив быстрый взгляд на телефонограмму, мой помощник воскликнул:

– Надеюсь, вы не хотите сказать, чтобы я присутствовал на вскрытии?!

– А кто же, если не ты?

– Это невозможно. Хватит с меня сегодня одного вскрытия! Нельзя сидеть целый день и смотреть, как вскрывают трупы! Я – помощник следователя, а не гробовщик! А кроме того, эта девушка – особое дело...

Подумав над его словами, я простил юношу и после небольшой паузы сказал:

– Ты прав. Рим – особое дело! У кого выдержит сердце присутствовать... Даже если бы мне заплатили двадцать фунтов... Давай телефонограмму, зачеркнем «вскрытие», прикажем похоронить и покончим с этим!

И в самом деле, в нашей власти было распорядиться и так, не подвергаясь порицанию или ответственности. Ведь врач, который осматривал тело сразу после того, как его вытащили из воды, констатировал смерть от асфиксии. Он не обнаружил никаких признаков насильственной смерти. Вскрытие в этом случае ничем не оправдано. Ах, у юристов, как и у закона, всегда есть запасный выход! Они могут впол-

не логично обосновывать любое действие и бездействие. Не успел я взять перо, чтобы зачеркнуть прежнее распоряжение, как услышал крик на улице.

Подойдя к окну, мы увидели шейха Усфура, бежавшего по дороге с непокрытой головой, без зеленой палки. За ним гурьбой мчались девчонки, мальчишки и целая толпа народа. Словно безумный, шейх выкрикивал:

Ах, как густы и как прекрасны
Ресницы рыбки золотой!..
Одна сверкала серебром,
Как воды Нила – цвет другой,
А эту утопили вдруг
В реке бездонной, голубой!..

Он повторял эти слова без конца. Он стонал, рыдал, жестикулировал, и резкие движения его напоминали жесты хатыбов¹. Он то шел, то приплясывал, озираясь по сторонам, пока не скрылся с наших глаз. Мы продолжали стоять у окна и молчали, пораженные этим зрелищем. Невольно я подумал: «Бедняга!»

Вспомнив о телефонограмме, я снова взял перо, но вдруг меня охватили сомнение и тревога.

– Ты слышал, как он выкрикивал: «Утопили... в реке бездонной...»? Кто утопил ее?

– Это бред сумасшедшего! – ответил помощник. – Что же, может быть, начнем следствие на основании бреда помешанного бродяги? Я думаю, лучше будет, если мы похороним девушку и на этом закончим!

Его слова рассеяли мои колебания, и я решительно написал приказ о погребении.

– Ты прав. У меня больше нет охоты заниматься этим делом и всеми, кто связан с ним!

¹ Хатыб — проповедник у мусульман.

22 октября...

Сегодня я проснулся рано. Большую часть ночи я провел за изучением незаконченных дел. Через неделю начинается новый судебный год, а это означает, что все прошлогодние дела должны быть спешно закончены. Кроме того, придется просидеть в заточении всю неделю, чтобы успеть просмотреть жалобы, которыми набит мой шкаф... Беда с этими жалобами. Их больше, чем клопов в сырых и ветхих стенах нашего учреждения.

Я заметил, что самый бурный поток жалоб обычно обрушивался на мою голову по базарным дням, в четверг. Видно, приезжая каждый четверг на базар, чтобы продать кейлю¹ кукурузы и купить немного сахара, чаю и бутылочку кунжутного масла, феллах пользуется заодно услугами какого-нибудь базарного писаки, чтобы настрочить «донос» или «заявление» на помощника районного судьи, на старосту или на помощника начальника стражи. Для феллахов это стало установившимся правилом. Отчего это? Не понимаю. Может быть, во всем виноват страшный гнет? Не поселилась ли в самом деле эта «жалобная» болезнь в крови феллахов в результате вековых притеснений?

Но за какие же грехи приходится мне постоянно копать в ворохах этих несуразных бумаг? Неужели участие в судебных заседаниях и изучение запутанных дел днем, рассмотрение очередных поступающих дел о проступках и происшествиях вечером, а затем ночные выезды на расследование крупных преступлений – все это недостаточный груз для провинциального следователя? Ах, он еще находит время дышать? Так закроем же ему все отдушины кипами этих пустяковых бумаг, присланных из управления маркеза под именем «жалоб», «заявлений», «донесений». Я – человек хрупкого телосложения, с живым воображением и тонкими чувствами, мечтающий вырвать хоть полчасика, чтобы почитать хорошую книгу. И вот я вынужден читать, что произошло между Ситт ад-Дар и ее соседкой Катаиф, как они оскорбляли и поносили друг друга, или донесения о потере печати, протоколы обсуждения дела об осле, сорвавшемся с привязи и убежавшем, о маленьком мальчике, порезавшем ногу стеклом, о том, что сук смоковни-

¹ Кейля — мера сыпучих тел, равная 16,5 литра.

цы упал на голову барана хаджи Хибаба. Клянусь Аллахом, я понимаю следователя из Верхнего Египта, о котором рассказывают, что однажды, с кипой жалоб переправляясь на лодке к месту работы, он сделал знак лодочнику, лодка сильно накренилась, и все жалобы посыпались в воду.

А сколько хлопот доставляет мне начальник уголовного отдела Абд аль-Максуд-эфенди, в обязанности которого входит своевременно посылать отчет о делах генеральному следователю и в министерство юстиции. Этот человек никогда ничего не делает, а только носит бумаги из одной комнаты в другую и отдает направо и налево приказания. Даже исполнение судебного приговора, входящее в его обязанности, он возложил на своих подчиненных, и вся его работа заключается лишь в том, чтобы кричать на писарей и привратников.

Зато он первым из всех чиновников уходит домой, нацепив предварительно на кончик носа очки в золотой оправе. Через них он бросает многозначительные взгляды на толпящихся в коридорах доверенных, адвокатов и прочих людей, пришедших по своим делам, словно требуя, чтобы все они встали перед ним навытяжку. Он ни о чем не говорит, кроме своих взаимоотношений и связей с крупными чиновниками, раздуваясь при этом от гордости и тщеславия. Когда же я требую у него отчета о работе, он отвечает:

– Я, слава Аллаху, не отличаюсь хвастовством и гордыней.

Как будто я спрашиваю его об этом!

Мне думается, что иногда люди, произнося подобные слова в свою защиту, невольно разоблачают себя. Поэтому в защитительной речи каждого обвиняемого можно найти подтверждение совершенного им преступления, так же как в крови больного можно обнаружить возбудителей его болезни.

Итак, мне предстоит изнурительный труд, чтобы судебный год закончился благополучно. Я велел закрыть все двери и уединился с бумагами, которые буду перелистывать, как мне заблагорассудится.

Работая, я вспомнил поговорку: «Отколи камень от горы – она зашатается». Кто придумал эту поговорку, наверно, имел в виду горы денег и золота. А гора жалоб имеет способность только расти, не умень-

шаться и не исчезать. Да разве обитатели нашей планеты перестанут жаловаться, пока они остаются людьми?

Углубившись в работу, я не слышал легкого стука в дверь. Она открылась, и передо мной предстал полный мужчина. Широко улыбаясь, он подошел ко мне. За ним с двумя сумками шел слуга. Вот так сюрприз! Ведь это же мой коллега, следователь из Танты¹. Что это он привез в своих сумках? Коллега не дал мне вымолвить слова. Он велел слуге поставить сумки на пол и удалиться. Не успели мы остаться наедине, как, встав в театральную позу, он произнес:

– Я свалился прямо с неба, и ты поймал меня.

Я взглянул на свои худые, слабые руки и перевел взгляд на его тучное тело:

– Я поймал тебя? И со мной ничего не случилось?

– Слушай! Дело серьезное. Ты слылешь среди нас энергичным и гуманным человеком.

Меня сразу охватило беспокойство. Я вдруг сообразил, что мой коллега не может прервать свою работу в Танте в такое бурное время, в дни праздника рождения аль-Бадави². Ведь сейчас в городе толпы приехавших на праздник, и возможны всякие события и происшествия, всегда сопутствующие скоплению народа. А он все бросил и приехал ко мне. Видно, ему нужны моя энергия и гуманность для основательной помощи! Какой? Я встревожился, мне захотелось скорее узнать, чего он от меня хочет:

– Я к твоим услугам.

Услышав эти ободряющие слова, он поцеловал меня в голову и произнес, словно нищий:

– Да продлит Аллах твои дни...

Затем отскочил и склонился над своими сумками:

– Значит, можно?

Я ответил, высоко оценив про себя его тонкий такт и соблюдение приличий во время визита:

– Совсем не обязательно приходить с подарками!

¹ Танта — город в Египте, расположенный недалеко от Каира.

² Аль-Бадави — один из мусульманских святых, покровитель города Танты.

Тогда он открыл одну из сумок. Я ожидал увидеть по меньшей мере жареный горошек к празднику рождения аль-Бадави и праздничную халву. Но он вытащил кипу жалоб, положил их на мой стол и скромно промолвил:

– Дарим тебе, сколько можем.

Я с ужасом посмотрел на бумаги и невнятно пробормотал:

– Да сжалится надо мной Аллах!

А гость стал вытаскивать из сумок пачку за пачкой, приговаривая:

– Пророк принял подарок.

Что же я мог ответить человеку, называющему подобное приношение «подарком»? В душе я проклинал обычай, обязывающий нас помогать друг другу. Этого принципа мы должны постоянно придерживаться, в работе от нас требуется солидарность. Такой обычай дает право следователю, например, из Асуана вести дела следователя из Александрии.

Я проклинал этот порядок, проклинал гостя и себя самого за свою репутацию энергичного и распорядительного человека по части жалоб. Многие мои собратья следователи переняли мой метод чтения жалоб. Они утверждают, что я читаю их с конца. И это верно. Я не сумасшедший, чтобы читать жалобы с самого начала, как делают некоторые «умные» люди. Ведь если бы я поступал как они, то вряд ли дочитывал их до конца. Никогда я не читаю длиннейшего введения: «Вы, прибежище справедливости, поборник права, истребитель государственного угнетения, о сокрушитель...» – и так далее и тому подобное. Мой взгляд быстро перебегает к последней строке, в которой обычно и заключена вся суть дела. Да и эта суть редко оказывается сутью. В большинстве случаев моя задача – побыстрее избавиться от жалоб, написав на них: «В архив».

Мою энергию и ловкость используют мои коллеги – все те, кто попал в беду, утонув в море чужих дрызг. Но сегодня я не могу помогать другим. Я сам нуждаюсь в помощи, а нежданный гость, как бедствие, свалился на меня с новыми трудными делами. Нет, этого мне не осилить!

Глядя на жалобы, все появляющиеся из сумок, я нахмурился и зло пошутил:

– Вот здорово! Жареный горошек к празднику! Ну и обрадовал!

Коллега ответил мне, потрясая последней кипой:

– Я хотел привезти тебе немного халвы...

Я в ужасе прервал его:

– Такого же сорта, как эта?!

– Но, клянусь Аллахом, я забыл об этом в последнюю минуту, – продолжал он с улыбкой.

– Тогда, слава Аллаху, кажется, все в порядке!

Мой уважаемый коллега рассмеялся. Принесли кофе. С удовольствием выпив его, он прошелся по комнате и, как всегда, подошел к окну. Окинув взглядом домики, стоявшие неподалеку, он подмигнул мне:

– А вон в том доме – девица недурна!

Я поспешил к нему и оттащил его от окна.

– Я думал, что ты поумнел и бросил нести всякий вздор!

Коллега, хохоча, уселся на стул.

– Как же я могу бросить подсматривать за женщинами, раз это у меня в крови?

Он стал вспоминать дни, когда мы работали вместе. Закурив мою сигарету, он воскликнул:

– Помнишь, как мы с тобой стояли у окна в Дируте и искали глазами женскую рубашку, отделанную кружевами, желая удостовериться, что в городе есть женщины?

И верно, ведь наша страна – на грани варварства. Жизнь в Верхнем Египте пугает обитателей Нижнего Египта помимо прочего еще и потому, что женщина в Верхнем Египте – призрак, видеть ее запрещено. Да и сама она настолько грубое создание, что мало чем отличается от мужчины. В ней нет и следа женственности. И по внешности и по духу люди Верхнего Египта, мужчины и женщины, подобны выжженной земле. И не удивительно, ведь эти темные люди лишены даже воды – источника человеческой жизни.

Выпуская струи дыма через нос и рот, мой друг продолжал:

– Да проклянет Аллах эту страну! Готов побиться об заклад, что если жителей Дирута заставить обнажить головы, выяснится, что девя-

ти десятым населения сделана трепанация черепа после драк дубинками.

Я кивком подтвердил его слова и спросил:

– А Абнуб?

– Еще хуже!

И он махнул рукой так отчаянно, что я рассмеялся. Мне вспомнились и другие смешные вещи, которые я читал об этом селении. Где-то в Европе или Америке была опубликована статистика преступлений во всем мире. Таким образом стало известно, что на земле первое место по преступности занимает Чикаго, второе Абнуб, а затем уже идут другие известные города мира.

Если бы не маленькое примечание на полях статистического отчета, я наверняка подумал бы, что Абнуб – город в Америке. Но там разъяснялось, что он находится в Верхнем Египте. Я был поражен тем, что такой маленький городок занимает, хотя бы по количеству преступлений, столь выдающееся место среди известных городов мира!

Чикаго и Абнуб – два полюса низких человеческих инстинктов на земле! Первый знаменит, так сказать, цивилизованной преступностью, второй – преступлениями, характерными для кочевой бедуинской жизни во всем ее своеобразии.

Характер преступлений в цивилизованном обществе существенно изменился как в смысле целей и методов, так и в отношении применяемого оружия. Цивилизованные преступники используют броневики и пистолеты, пулеметы и взрывчатку для нападения на могущественные банки и финансовые учреждения, после чего скрываются с огромными суммами денег в укромные места. А вот преступление, порожденное инстинктами, – его совершают, завернувшись в галабию, с дубинкой, топором или ружьем в руках. Проливают кровь слабого человека, мстя ему за то, что он оскорбил чью-то честь, о которой судят с точки зрения вековых обычаев.

В одном случае действует жажда обогащения, в другом – веления варварских традиций. В этом разница между цивилизацией и варварством, между тем, чем занят ум цивилизованного преступника, и тем, о чем помышляет преступник отсталый! Да, зло всегда остается злом. Однако зло, вызываемое крупной целью, намного страшнее зла, поро-

жденного целью ничтожной. Великая цивилизация не рассеяла зла и не уничтожила преступления. Появились великое зло и великое преступление!

Я повернулся к умолкшему коллеге:

– У меня нет больше сил. Я устал от этой провинции, устал от здешней неразберихи!

– Ничего не поделаешь!

– Я соскучился по Каиру. Забыл, как выглядит столица моей страны. Хочу, о люди, вести следствие по другим преступлениям, хочу разбирать дела преступников, одетых в дорогие пиджаки и брюки!

– Что ж, перемещения по должности будут в ноябре.

– Полагаю, что уже пришла моя очередь перевестись в Каир?

– В Каир переводят не в порядке очередности. У тебя есть какая-нибудь рука?

– Нет.

– Тогда тебе суждено жить и умереть в провинции.

– А наши коллеги будут всю жизнь наслаждаться в Каире, и это навсегда?

– Они также подвергаются перемещениям, но несколько иного характера. Следователь из Аль-Муски переезжает на следственную работу в Аль-Азбекию, следователь из Шубра – в Аль-Халифу, следователь из Ситт Зейнаба¹ – в центр города. Да, перемещения происходят, но из рая, то есть столицы, не изгоняют. Однако мы видим, что их превосходительства все-таки недовольны. Один говорит: «Шубра, вот досада, Шубра очень далек от моего дома в Аз-Замалике!..² А другой возмущается: «Как это я перейду следователем в район Ситт Зейнаб, ведь он так демократичен!» Что касается вашего превосходительства, да и моего тоже, то вы, если пожелает Аллах, наверняка попадете отсюда в город Фашн³. А я из своей Танты, безусловно, попаду в город Таму или Манфалут⁴. Если кто-нибудь из нас вздумает пожаловаться или протестовать, будет только хуже. «Что за капризы у этих следовате-

¹ Аль-Муски, Аль-Азбекия, Шубра, Аль-Халифа, Ситт Зейнаб — названия районов Каира.

² Аз-Замалик — фешенебельный район в Каире.

³ Фашн — городок в Верхнем Египте.

⁴ Тама, Манфалут — небольшие города в Египте.

лей! Пожалуйста, отправляйтесь без разговоров туда, куда вас посылают!»

Я печально опустил глаза. Остается одно – терпение. Не стану я призывать на свою голову еще новое несчастье.

Вздохнув, я промолвил:

– Ну что же! Ничего не поделаешь! С нами Аллах! Но такие вещи отбивают у людей желание работать.

Взгляд мой снова упал на бесчисленные кипы бумаг, и я почувствовал, что у меня окончательно пропал всякий вкус к работе.

Мой друг заметил:

– Дело!.. Это последнее из того, что заботит наших высокопоставленных господ больших начальников! Прежде всего – протекция, а потом уж интересы дела. Хочется вашему превосходительству работать или нет – вопрос не имеющий ни малейшего значения и совсем не интересующий наше начальство.

Взглянув на часы, он извинился и быстро поднялся. Я стал горячо его удерживать. Ведь когда вместе вспоминаешь прошлое, хоть немного отдыхаешь и утешаешься...

– Сядь! Хочешь, пообедаем вместе?

– Нельзя. Я все бросил, а ведь сегодня праздник. Пожалуйста, реши мне...

Он поблагодарил меня, попрощался и сказал, указывая на кипы жалоб, которые принес с собой:

– Да пошлет тебе Аллах желание потрудиться над моими подарками. В другой раз я принесу тебе халву. В самом деле халву: горох, казинаки, халву с орехами, миндаль, фисташки...¹

– Ну хорошо, можешь идти. У меня уже и так слюнки текут.

Я с улыбкой проводил его до дверей, и он вышел, а я вернулся к своему столу, но там меня ничего не ждало, кроме досады, неудовлетворенности и уныния. Взгляд мой опять остановился на пачках жалоб, и я почел за благо продолжать свою работу, не тратя времени на бесполезный ропот. Никто, кроме этих четырех стен, в которых томится моя душа, не увидит и не заметит, как мне тяжело.

¹ Игра слов: халвой называют и взятку и сладости.

Я взял ручку, придвинул к себе одну из пачек, открыл ее и прочел: «О приют справедливости...» Не удержавшись, я громко рассмеялся. Это я-то – «приют справедливости»? А где она, эта справедливость? Я понятия о ней не имею, нигде ее не видел. Нам никто никогда ее не показывал. От меня требуют, чтобы я занимался людскими жалобами, а сами не могут снизойти до моей собственной жалобы, до жалоб сотен моих коллег. Мое перо побежало по бумагам, и на большинстве из них я начертил: «В архив». Вошел Абд аль-Максуд-эфенди, неся новые кипы бумаг. Я в ужасе воскликнул:

– Это еще что такое?

– Последние дела о проступках. Пожалуйста, распорядитесь ими.

Затем он повернулся и позвал служителя:

– А теперь давай преступления, мальчик.

И снова обратился ко мне:

– Что мы будем делать с оставшимися преступлениями?

Он положил передо мной папки с делами. На обложке верхней папки я прочел: «Дело Камар ад-Дауля Альвана», – и вспомнил, что расследование этого дела ничего не дало и преступник не обнаружен. Не обнаружен и никогда не будет обнаружен.

Странно, от нас требуют, чтобы мы установили личность преступника в таком запутанном деле, в то время как мамур и полиция с головой погрязли в подтасовке результатов выборов. Я же погряз в чтении бесконечных жалоб, всевозможных донесений и целые дни просиживаю на заседаниях. Если бы мы имели тайную полицию на современный лад, как в Европе и во всем цивилизованном мире, следователь мог бы заниматься только расследованием уголовных дел. Везде серьезно относятся к человеческой судьбе, у нас же никто этим как следует не занимается и деньги щедро расходуют лишь на пустяки. Когда же речь идет об установлении справедливых порядков или об улучшении положения народа, то на это отпускают средства так редко и так скупо, прямо скажем, трясущимися руками, словно выбрасывают деньги в море. Слова «справедливость» и «народ» непонятны людям в нашей стране. Эти слова существуют лишь для того, чтобы писать их на бумаге и произносить в эффектных речах, как и многие моральные понятия, о которых в реальной жизни давно забыли.

Почему же от меня ждут серьезного отношения к судьбе господина Камар ад-Дауля Альвана? Еще одна жертва преступления погибла, и история ее закончилась, как сотни подобных историй в нашем и других маркезах страны. Кровь этих жертв дешевле чернил, потраченных на составление протоколов об их смерти. Подобные дела официально заканчиваются у нас простым и удобным способом: «Дело прекращается ввиду неустановления личности преступника. Маркезу предписывается продолжать расследование и розыски». А маркез отвечает готовой, привычной фразой: «Расследование и розыски продолжаются». И все. С этим напутствием дело хоронят окончательно.

В деле Камар ад-Дауля была своя светлая «луна»¹, выделявшая его из сотен ему подобных дел и заставившая нас отнестись к нему с особым вниманием. Эта «луна» навеки зашла, оставив свою тайну и своих следователей во тьме. Луна скрылась, и наш исключительный интерес к этому делу пропал, оно стало таким же обычным, как сотни других, исход которых нас никогда не занимал.

Да, сами дела, по существу, не имеют для высших сфер юстиции никакого значения. Высшие инстанции интересуют лишь делопроизводство, как быстро мы с ним справляемся. У нас никогда не осуждается сдача дела в архив, но всегда вызывает порицание длительность его разбирательства. Такие дела вносятся в список, посылаемый генеральному следователю и министрам в конце каждого судебного года.

Какой позор ожидает следователя, какие упущения приписываются ему в таких случаях! Со всех сторон обрушиваются на его голову срочные запросы: «Почему такое-то дело все еще расследуется. На каком основании оно не закончено?» Когда же отвечаешь, что в результате проведенного расследования личность преступника не была установлена и поэтому расследование продолжается, а преступник упорно разыскивается, твои доводы не принимаются во внимание. Коллеги считают тебя дураком и советуют «временно» прекратить дело, пока о нем не забудут и не решат, что с ним уже покончено.

Высшим сферам нужна только успокоительная распорядительность, умение вовремя умыть руки и освободиться от дела любым пу-

¹ Игра слов: луна — по-арабски «камар».

тем, какими угодно средствами. Ведь тогда они смогут записать в отчетах: «В этом году в стране произошло столько-то преступлений. Из них закончено расследование столько-то». Всякий раз количество законченных дел бывает очень велико, что с очевидностью указывает на неустанную деятельность работников юстиции. А это свидетельствует о том, что порядок и спокойствие обеспечены благодаря хорошей работе государственных учреждений!

Абд аль-Максуд-эфенди указал на свои кипы и попросил:

– Прежде всего, бек, закончите эти несколько дел о преступлениях, чтобы я отправил список расследованных преступлений генеральному следователю и министрам.

– Если только это, я готов!

Окунув перо в чернила, я взял первую папку: «Дело Камар ад-Дауля».

– Тебе нужно мое решение? Вот оно!

И я сделал обычную надпись:

«Дело прекращено за неустановлением личности преступника». Затем я так же разделался и с другими делами о преступлениях. Я вручил их начальнику уголовного отдела со словами, которые помимо моей воли прозвучали горькой иронией:

– Доволен? Слава Аллаху, конец! Список преступлений окончен!

Перевод А.Городецкой и Н.Усманова

ПЬЕСЫ

ПИГМАЛИОН

Драма в четырёх действиях

Действующие лица

Пигмалион

Галатея

Нарцисс

Исмена

Венера

Аполлон

Музы

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В доме Пигмалиона. Посредине комнаты огромное окно, за ним – лес со странными деревьями и цветами. Одна из дверей выходит в лес, другая – в остальные комнаты. В углу – шелковая занавеска. В каждом действии меняется лишь освещение пейзажа за окном – лес то залит ярким солнцем, то погружен в мрак, то цепенеет в тишине, то содрогается от бури.

Темноту ночи как бы рассекает сияние луны, восходящей над лесом. В комнате один Нарцисс, он сидит перед занавеской. Издали ветер приносит звуки музыки и пения. Это в лесу танцуют красавицы музы – их девять. Но вот они сами приближаются к окну, заглядывают внутрь.

Музы (шепотом, за окном). Нарцисс...

Нарцисс (не вставая с места, оборачивается), Уходите! Чтобы он вас здесь не видел!

Музы. Нарцисс! Сегодня же у нас праздник Венеры!

Нарцисс. Знаю, знаю... Уходите отсюда, пока не пришел...

Музы. ... Тот, кто живет без женщин.

Нарцисс. Он скоро придет.

Музы. Тот, кто не знает любви.

Нарцисс. Он же придет сейчас!

Музы. Тот, от кого отказалась сама Венера.

Раздается стук в дверь

Нарцисс. Это он, он!

Музы. Нет. Это из города пришла женщина. Она увидела тебя, влюбилась и поклялась, что ты будешь ее, а она твоей.

Исмена (осторожно открывает дверь и заглядывает в комнату, улыбается). Можно войти?

Нарцисс (строго). Нет.

Исмена (*входит и закрывает за собой дверь*). Спасибо. Другого ответа я не ожидала.

Нарцисс. Я же сказал – нет!

Исмена. Глупо было бы рассчитывать услышать от тебя что-нибудь иное. Но ведь ты не можешь запретить мне войти сюда и сесть рядом с тобой. (*Садится и смотрит на шелковую занавеску*). Странно... Ты что тут сидишь? Словно сторожишь что-то за этой занавеской. Прости. Это не мое дело. Должна сказать тебе, что меня зовут Исмена и что я останусь с тобой на всю ночь до утра, если ты этого хочешь, а потом на весь день, если ты позволишь, а потом на целый год, если ты...

Нарцисс с трудом сдерживает себя.

Музы (*смеются за окном*). Как интересно! Как интересно!

Нарцисс (*музам*). Вы уберетесь отсюда или нет?

Музы. Мы пришли, чтобы увести тебя на праздник, там курят фимиам и приносят жертвы.

Исмена. Его нежный нос не терпит запаха дыма. Его хрупкий нрав не выносит вида крови.

Музы. Сегодня ты принадлежишь нам. Выбирай же одну из нас!

Исмена. Он не выбирает. Разве вы забыли, что он Нарцисс? Он привык получать любовь, как виноградник – виноградные кисти.

Музы. Пойдем с нами, Нарцисс! В наших виноградных кистях много вина, оно наполнит наслаждением твою спящую душу.

Нарцисс. Не могу я никуда идти. Не видите, я занят! Я же ее не брошу одну! (*Снова поворачивается к занавеске*).

Музы. Кого, кого?

Нарцисс. Его жену.

Музы (*смеются*). Какой ты глупый!

Исмена. Вы забыли, что он и впрямь похож на мифологического Нарцисса. И красота и глупость при нем... (*Нарциссу*). Это Пигмалион назвал тебя так?

Музы. Еще в детстве. С тех пор как он подобрал его в этом лесу.

Но даже сам Пигмалион не смог сделать из него лучшего, чем то, что ты видишь сейчас.

Исмена. Тогда не теряйте с ним времени зря, оставьте его мне. (*Нарциссу*) Я люблю тебя. Нарцисс, люблю.

Музы. Спрашиваем в последний раз – пойдешь с нами на праздник?

Исмена. Вы все надеетесь, что у него появятся какие-нибудь желания? Вы забыли, что он подобен дикому цветку из этого леса и его надо срывать самим.

Музы. Сейчас мы сорвем его! (*Хотят залезть в окно*).

Нарцисс (*кричит*). Вот несчастье-то! Исмена, если ты любишь меня, спаси меня, пожалуйста, от этого наводнения!

Музы (*останавливаются и смеются*). Цветок боится утонуть.

Нарцисс. Исмена, если ты хочешь моей любви...

Исмена. Тогда тебе придется выбрать меня.

Нарцисс. Хорошо, хорошо, я уже выбрал.

Музы. Он выбрал Исмену!

Исмена. Да, меня. А вы отправляйтесь на праздник Венеры, туда, где курят фимиам и приносят жертвы. Может быть, там и вы найдете своих избранных.

Музы удаляются танцуя.

Нарцисс (Исмене). А ты?

Исмена. Я останусь с тобой.

Нарцисс. А разве... ты не пойдешь на праздник?

Исмена. Пойду, но только с тобой.

Нарцисс. Я должен оставаться здесь.

Исмена. Кто тебя заставляет? Его жена? (*Встает и направляется к занавеске*).

Нарцисс. Отойди, отойди!

Исмена (*останавливается*). А на нее что, никому нельзя взглянуть?

Нарцисс. Нет.

Исмена. Он ее ревнует?

Нарцисс. Да.

Исмена. Говорят, она необыкновенно прекрасна. (*Опять пытается приблизиться к занавеске*).

Нарцисс. Не подходи!

Исмена (*возвращается к нему*). Тогда опиши мне ее красоту.

Нарцисс. Я?

Исмена (*смотрит на занавеску*). Прекрасная Галатея! Значит, ее место всегда там, за занавеской.

Нарцисс. На нее не смеет упасть ни одна пылинка.

Исмена (*как бы про себя*). О, охранять ее поручили тебе, конечно. Ты как прислужник в храме, который подметает пыль, а истинной красоты вокруг не видит. (*Снова подходит к занавеске*).

Нарцисс. Что ты делаешь?

Исмена (*не поворачиваясь к нему*). Какой приятный запах! Это духи, которыми он ублажает ее тело. И какой удивительный блеск! Это жемчужные серьги, которыми он украшает ее уши. А какая постель! Она устлана роскошными коврами и пуховыми подушками, чтобы не поцарапать ее лицо, сделанное из слоновой кости. А эти одежды, обшитые золотом, эти драгоценности и подарки!

Нарцисс. Почему ты думаешь, что все это для нее?

Исмена. Как ты глуп, красивый Нарцисс. Здесь все знают о любви Пигмалиона.

Нарцисс. И что говорят?

Исмена. Говоря, что он сумасшедший.

Нарцисс. Сумасшедший?

Исмена. Может быть, они и правы. Ну как же иначе назвать человека, который сделал своими руками скульптуру женщины из слоновой кости, влюбился в нее, разговаривает с ней, ласкает ее и называет своей женой. Да еще окружает ее роскошью, о которой любая живая женщина может только мечтать.

Нарцисс (*тревожно смотрит на дверь*). Не отвлекай меня своей болтовней.

Исмена. Мне очень приятно, что моя болтовня способна отвлечь тебя и что тебе отвлекаться, как я вижу, тоже приятно.

Нарцисс. Боюсь, он вернется и увидит тебя здесь.

Исмена. Сейчас он не вернется.

Нарцисс. Откуда ты знаешь?

Исмена. Я видела его у храма Венеры перед алтарем. Он готовил ей жертвы. Раньше Пигмалион никогда не почитал Венеру и не участвовал в ее праздниках. Зачем-нибудь он да отправился сегодня к ней.

Нарцисс. А правда, зачем?

Исмена. Может быть, он хочет попросить ее о чем-то?

Нарцисс. Кроме Аполлона, он никогда никого из богов ни о чем не просил.

Исмена. Разве Аполлон может заменить Венеру, дарящую любовь и жизнь?

Нарцисс. А разве Венера может заменить Аполлона, дарящего искусство и мудрость?

Исмена. Не кощунствуй, Нарцисс. Ведь это Венера дала тебе красоту и любовь женщин.

Нарцисс. Да. Зато Аполлон ничего не собирается давать мне.

Исмена. Странно. Ты и Пигмалион – вы так непохожи друг на друга. Ничего общего. Наверно, это и связывает вас.

Нарцисс. Он иногда говорит мне: «Не оставляй меня, Нарцисс». У тебя есть то, чего нет у меня. А другой раз говорит: «Ты красивая бесполезная побрякушка, ты словно ракушка, в которой нет жемчужины».

Исмена. Он прав. Ведь ты же не видишь... Мне так жаль тебя.

Нарцисс. Тебе действительно жаль меня, Исмена?

Исмена. Ты в этом сомневаешься?

Нарцисс. А ты так странно говоришь. Что ты можешь сделать для меня?

Исмена. Подари мне эту ракушку. Я возьму ее в ладони, открою и наполню...

Нарцисс. Чем?

Исмена. Это мое дело. Доверься мне, и я сделаю тебя живым и зрячим.

Нарцисс. Живым и зрячим?

Исмена. Да. Этот закрытый бутон нуждается в каплях росы, чтобы раскрыться.

Нарцисс. И откуда закапают эти капельки?

Исмена. Из глаз женщины.

Нарцисс. Не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

Исмена. Встань и пойдем со мной.

Нарцисс. Сейчас?

Исмена. Да, сейчас.

Нарцисс. А как же Галатея?

Исмена. Брось ты эту статую, она не сдвинется с места и никуда не убежит. (*Тянет его за руку*).

Нарцисс. Тише, подожди.

Исмена. Идем же, идем. Ты сам словно статуя. Ну, больше жизни! Оставь статую в покое, идем со мной... красавец Нарцисс! (*Тянет его в лес. Он тревожно оглядывается на занавеску, уходит, прикрыв за собой дверь*).

В лесу меняется освещение. В окне вдруг что-то сверкнуло, и с высоты спустилась колесница Венеры, запряженная двумя лебедями. В этой колеснице – Венера и Аполлон. Аполлон подает Венере руку и помогает ей выйти и колесницы. С легкостью ветра они влетают через окно в комнату Пигмалиона.

Венера. Какой ты странный, Аполлон! И что тебе пришло в голову? Сегодня мой праздник, а ты вытаскиваешь меня из моего храма, от толпы людей и привозишь сюда, в какой-то пустой и одинокий дом.

Аполлон (*кивает на занавеску*). Пустой и одинокий? Нет, нет, Венера. Взгляни за эту занавеску.

Венера. Что здесь? Статуя из слоновой кости.

Аполлон. Но какая статуя! Посмотри хорошенько, Венера! (*Распахивает занавеску, за ней открывается статуя, стоящая на постаменте*).

Венера. Женщина?

Аполлон. То, что ты видишь, много красивее женщины. И более совершенно, чем женщина.

Венера (*рассматривает статую с восхищением, тихо*). Как же он достиг такого...

Аполлон. Секрет.

Венера. Как же он достиг такого... этот простой смертный...

Аполлон. И все-таки...

Венера (*вглядывается в статую*). Ты прав... Как зовут эту... вещь? Галатея?

Аполлон. Вещь? Ты не называешь ее женщиной...

Венера (*подходит к статуе, словно хочет потрогать ее*). Галатея?

Аполлон. Хочешь убедиться, что в ее венах не течет кровь?

Венера. Чего же ей не хватает, кроме голоса?

Аполлон. А я слышу и голос, голос вечности, запечатленный на ее неподвижных губах.

Венера. Трудно поверить, что подобное создание родилось из-под пальцев смертного человека.

Аполлон. Люди, Венера, часто превосходит нас, богов: они способны иногда подняться выше себя, в то время как нам этого не дано... Сила искусства, творчества у этих людей может создавать такие произведения, которых боги создать не в состоянии. Мы не можем даже приблизиться к этому. Потому что люди совершенствуются бесконечно, а мы скованы неподвижной вечностью.

Венера (*словно про себя*). Сила искусства!.. Что же это за сила, если смертный способен сотворить бессмертное?

Аполлон (*гордо улыбается*). Это наш секрет.

Венера. Я раньше ничего не слышала об этом человеке.

Аполлон. Пигмалион, он поклоняется мне.

Венера. Понятно... Поэтому я его и не замечала. Вот он и не знает, что такое любить женщину, сам видишь.

Аполлон. Ты его не замечала, а он сам, своими руками сотворил женщину и сам научился ее любить.

Венера. Что ты хочешь сказать, Аполлон? Уж не думаешь ли ты, что его Галатея – это вызов мне? Или победа надо мной?

Тогда отмщение ему, отмщение ему!

Аполлон. Не горячись, Венера. Наверно, он и не думал об этом. Люди всегда обожествляют нас. И даже свою победу над нами они не чувствуют. Обычно они называют это победой над собой.

Венера (*смотрит на статую с негодованием и презрением*). Галатея! Ха-ха! Пока что она не больше чем просто статуя из слоновой кости.

Аполлон. Не презирай ее, Венера... Она достойна его любви.

Венера. А ты сам-то что понимаешь в любви?

Аполлон. Кое-что понимаю, хотя уж, конечно, не так, как ты.

Венера. Я ухажу. У меня есть дела поважнее. Мне там на площади сейчас жертвы приносят, фимиам курят...

Аполлон. Я бы не хотел, чтобы ты злилась на Пигмалиона.

Он...

Издали слышится чей-то голос.

Венера. Тсс, кто это?

Аполлон. Наверно, кто-нибудь из твоих молится тебе.

Венера (*прислушивается*). Нет, это не из моих... Я никогда раньше не слышала этого голоса...

Аполлон (*прислушивается*). А мне кажется, я узнаю его.

Голос (*приближается, уже ясно слышатся отдельные фразы*).

О Венера, о Венера! Ты, великая дочь Юпитера! Ведь ты исполняешь просьбы тех, кто поклоняется тебе, ты спускаешься к ним с неба, рассекая облака, в своей золотой колеснице, запряженной легкокрылыми лебедями. Венера, выслушай мою просьбу и исполни ее!

Венера. Кто это?

Аполлон. Пигмалион.

Венера (*удивленно*). Пигмалион? Странно, очень странно. Что ему нужно от меня?

Голос Пигмалиона (*издалека*). Ты, прекрасная повелительница, родившаяся из пены волн морских! Ты, самая драгоценная жемчужина среди всех сокровищ моря! Улыбнись мне своими божественными устами.

Венера (*растроганно*). Пигмалион? Чего хочет от меня этот художник?

Пигмалион (*издалека*). Венера, Венера! Светлейшая из богинь! Ты своими лучистыми перстами зажигаешь любовь в сердцах людей... Выслушай мою просьбу!

Венера (*нежно*). Я слушаю тебя, Пигмалион!

Аполлон (*с иронией*). Я вижу, его дифирамбы смягчили твой гнев.

Венера. Он же взывает о помощи.

Аполлон. Все-таки женщина всегда живет в глубине твоей божественной души.

Венера (*поворачивает лицо в сторону, откуда раздается голос*). Я слушаю тебя. Пигмалион.

Пигмалион (*издалека*). О Венера, Венера! Дары твои щедры! Осчастливь меня хоть одним из них! Вдохни жизнь в статую Галатеи, жены моей, она же сделана из слоновой кости. Подари ей жизнь, ты, богиня жизни и любви.

Венера (*Аполлону*). Слышал, чего он хочет?

Аполлон (*не двинувшись с места*). Слышал.

Венера. И что ты мне посоветуешь?

Аполлон (*холодно*). Вмешиваться в чужие дела - не в моих привычках.

Венера. Странно. Что за равнодушие! Тебя, видимо, огорчает, что Пигмалион обратился ко мне?

Аполлон. Я ухожу. Оставайся, если хочешь.

Венера. Я бы не хотела, чтобы ты злился на Пигмалиона. Он.

Аполлон. Он хочет жизни и любви.

Венера. А почему мы должны отказать ему в этом? Я подарю ему то, о чем он просит.

Аполлон. Дари. Посмотрим, что из этого получится.

Венера (*приближается к статуе, протягивает к ней руки*). По моему велению - алая кровь, которую пролил Пигмалион на моем алтаре, наполни эти вены. По моему велению - жертвенный огонь, который зажег Пигмалион на моем алтаре, наполни теплом это тело и освети эти глаза ярким светом. Пробудись к жизни, Галатея! По моему велению - сейчас усни и подожди, пока не разбудит тебя своими поцелуями твой муж, Пигмалион.

Аполлон. Уйдем отсюда. Он возвращается.

Венера. Останемся и посмотрим, что будет дальше.

Аполлон. Лучше через окно.

Венера. Хорошо, идем.

Звучит музыка. Венера и Аполлон покидают комнату и наблюдают из-за окна. Пауза.

Дверь открывается. Появляется Пигмалион, с ним - Нарцисс.

Пигмалион. Я же просил ждать меня здесь.

Нарцисс. Меня соблазнила Исмена.

Пигмалион. Всё женщины, женщины!

Нарцисс. Но я же закрыл за собой дверь...

Пигмалион (*смотрит на занавеску*). А кто же раздвинул эту занавеску?

Венера (*шепчет Аполлону за окном*). Какие мы с тобой глупые, Аполлон! Мы забыли задернуть занавеску.

Нарцисс (*Пигмалиону*). У тебя всегда открыто окно. Наверно, это ветер.

Аполлон (*шепчет Венере*). Слышишь, Венера? Эти люди всегда сумеют объяснить наши глупости.

Нарцисс (*Пигмалиону*). Прикрыть ее?

Пигмалион (*садится, ему явно не по себе*). Да.

Нарцисс. Будь уверен, я делал все, что ты велел. Ты не увидишь ни одной пылинки на ее прекрасном теле. (*Задерживает занавеску, скрывающую статую, оборачивается и с беспокойством смотрит на Пигмалиона, который продолжает сидеть с отсутствующим видом*).

Пигмалион. Да.

Нарцисс. Что с тобой?

Пигмалион. Теперь уходи. Иди к той женщине, от которой я увел тебя. Ты мне больше не нужен.

Нарцисс. А ты?

Пигмалион. Я сказал тебе - уходи... Ступай к своей красотке. Тебе сейчас здесь нечего делать.

Нарцисс. Ты побледнел, Пигмалион.

Пигмалион. Это, наверно, от усталости... Я слишком долго стоял на площади.

Нарцисс. Может быть, есть более важная причина?

Пигмалион. Не пытайся ее узнать.

Нарцисс. Почему? Ты что-то скрываешь от меня...

Пигмалион. Тебе этого не понять.

Нарцисс. Но я могу выслушать тебя.

Пигмалион. А мне что от этого?

Нарцисс. Ты что-то просил у Венеры.

Пигмалион (*вдруг поднимает голову*). Что именно?

Нарцисс. Пока не знаю.

Пигмалион (*опять опускает голову*). Оставь меня.

Нарцисс. Не могу я тебя оставить в таком состоянии.

Пигмалион. В конце концов, Нарцисс, почему ты заставляешь меня разговаривать, когда мне нужно отдохнуть?

Нарцисс. Ты не знаешь, что я вовсе не хочу утомлять тебя. Я не люблю видеть тебя усталым.

Пигмалион (*словно про себя*). А я устал. Я действительно устал... Я не могу больше так жить...

Нарцисс. Как - так?

Пигмалион. Всю свою жизнь я отдаю творчеству и ничего не получаю взамен. Понимаешь? Ты хочешь знать, как я живу? Хорошо, я скажу тебе. Я работаю, работаю, работаю. Создаю красоту, создаю любовь, создаю все, что хочет создать моя душа! Но я уже устал... Я хотел бы почувствовать сейчас, что и меня кто-то создает, кто-то заботится обо мне. Ухаживает за мной. Любит меня. Оказывается, слабость тоже бывает желанной. Слабость! Боги лишены ее. Первый раз в жизни я чувствую, как мое творчество гнетет меня, гнетет его одиночество, холод, жестокость. И первый раз в жизни я сочувствую вам, боги. Вы веками одариваете других и ничего не получаете взамен. Вы веками не знаете ничего, кроме дыма на жертвенных алтарях и пустых дифирамбов.

Нарцисс (*помолчав*). Я не понимаю, что с тобой.

Пигмалион. Я же сказал тебе, что ты и не поймешь. Иди и прикрой за собой дверь.

Нарцисс. Я вернусь к утру. (*Уходит, закрыв за собой дверь*)

Аполлон (*шепчет Венере*). Он понял, как мы несчастны, и боится стать богом. (*За занавеской слышатся вздохи*).

Венера. Тсс, слышишь? Галатея вздыхает.

Пигмалион (*поднимает голову*). Кто там? Нарцисс? Ты еще не ушел?

Галатея (*за занавеской*). А-ах!

Пигмалион (*встает*). Нарцисс! Нарцисс! Кто здесь? (*Направляется к занавеске, скрывается за ней и кричит*). О, я слишком устал! Это же наваждение! Это какое-то наваждение! Этого не может быть! Это мираж! Мираж! И все-таки разве ее губы не шевелятся? Они вздрогнули, приоткрылись...

Аполлон (*шепчет Венере*). Скорее! Внуши ему правду, а то он и впрямь с ума сойдет.

Венера (*шепчет*). Пигмалион, она живая, поцелуй ее.

Пигмалион (*за занавеской, словно про себя*). Неужели Венера услышала мою мольбу? Ну да, да, Венера! Галатея оживает! Галатея, же-на моя!

Галатея (*из-за занавески*). Пока не разбудит меня своими поцелуями мой муж, Пигмалион.

Пигмалион. Да-да, твой муж Пигмалион. Благодарю тебя, Венера.

Пигмалион и Галатея вместе появляются из-за занавески.

Галатея (*потягивается*). А-ах, как долго я спала. От такого крепкого сна я позабыла обо всем на свете. (*Оглядывается по сторонам*). Конечно, это наш дом. Он очень красивый. Я его знаю.

Пигмалион (*смотрит на нее как заколдованный*). Благодарю тебя, Венера.

Галатея (*смотрит на окно*). И это огромное окно, я его тоже знаю. Оно как большое сердце, которое распахивается навстречу волшебству... Как здесь красиво?

Пигмалион. Благодарю тебя, Венера.

Галатея (*Пигмалиону*). Почему ты не говоришь со мной? Почему так смотришь на меня? Разве раньше ты меня не знал?

Пигмалион. Как... не знал?

Галатея. Я тоже знаю тебя. С тех пор... с тех пор как... странно... Не помню, когда и где... Кажется, знала всегда.

Пигмалион (*внимательно смотрит на нее*). Галатея!

Галатея. Пигмалион... Не смотри на меня так! Муж мой... Ты пугаешь меня... Ты на меня смотришь так, словно видишь в первый раз.

Пигмалион. Сядь здесь, рядом со мной.

Галатея садится рядом с ним. Пигмалион гладит ее по плечу, словно ощупывая статую.

Галатея. Какой ты странный! Что с тобой? Будто ты не знаешь, что у меня два плеча и две руки.

Пигмалион. Как же мне не знать? Эти плечи, эти руки...

Галатея. Говори со мной понятнее...

Пигмалион (*смотрит на нее как зачарованный*). Эти губы говоря, эти глаза смотрят, эти брови поднимаются. Все это мне хорошо знакомо, я помню, каких мне это стоило трудов!

Галатея. О чем ты, Пигмалион?

Пигмалион (*приходя в себя*). Ты права, права. Я не должен говорить об этом. Прости, Галатея. Я очень рад тебе, очень рад видеть тебя.

Галатея. А что, разве меня так долго не было?

Пигмалион. Как же могло не быть тебя! Ты всегда существовала в моем воображении. С тех пор... с тех пор как... Ну, с давних пор, что ли.

Галатея. Спасибо тебе.

Пигмалион. Тебе приятно, что я говорю тебе это?

Галатея. Скажи мне только, что ты меня любишь.

Пигмалион. О, Галатея... Я любил тебя всегда, даже тогда, когда тебя еще не было вовсе. Ведь это моя любовь создала тебя.

Галатея. Я слышу тебя словно из-за облаков. Даже не понимаю, о чем ты говоришь.

Пигмалион. О боги! Ну разве я могу все объяснить тебе! Скажи лучше, как ты себя чувствуешь сейчас?

Галатея. Как я себя чувствую? Станный вопрос. Как обычно. Как всегда раньше.

Пигмалион. Раньше? Когда?

Галатея. Отстань от меня. Пойдем лучше куда-нибудь. *(Встает)*

Пигмалион *(ему явно не по себе)*. Куда?

Галатея. Куда-нибудь! Развлекаться! *(Расхаживает по комнате, немного пританцовывая)*.

Пигмалион *(радостно и гордо смотрит на нее)*. ЕЕ ножки шагают, Значит, я все точно рассчитал, когда создавал ее.

Галатея *(поворачиваясь к нему)*. Пигмалион, я сказала тебе, не смотри на меня так.

Пигмалион. Не запрещай мне смотреть на тебя и восхищаться тобой, моя любимая.

Галатея *(кокетливо)*. Значит, ты любишь меня?

Пигмалион. А как же иначе?

Галатея. Не знаю... Ты меня чем-то пугаешь.

Пигмалион. Я? Не говори так, дорогая. Чем я пугаю тебя?

Галатея. Не знаю... Может быть...

Пигмалион. Может быть... что? Скажи мне, скажи все, о чем ты подумала.

Галатея. Ты так смотришь... Словно ты знаешь обо мне больше, чем я сама.

Пигмалион. Нет, нет, дорогая... Больше о тебе знает лишь бог, который сотворил тебя. А я... Как видишь... Я же тебе не больше чем муж и возлюбленный.

Галатея. Расскажи мне все, что ты знаешь обо мне.

Пигмалион. Я о тебе ничего не знаю, кроме того, что ты красивее всех женщин на свете. И я горжусь тобой.

Галатея *(улыбаясь)*. Вот теперь мне стало немного спокойнее, рядом с тобой.

Пигмалион. Да, да, успокойся. Я тебе не больше чем муж и возлюбленный.

Галатея. Конечно. Ты мой муж, с которым я должна быть всегда.

Пигмалион. Всегда.

Галатея. Ты мой муж, который развеет все мои страхи, когда наступит ночь.

Пигмалион. Да-да.

Галатея. Ты мой муж, который уйдет на работу, когда настанет утро.

Пигмалион. Да.

Галатея. Ну какая же я глупая! Ты мой муж с тех пор... с тех пор как я тебя встретила... И все-таки почему же я не знаю, чем ты занимаешься...

Пигмалион. Занимаюсь?

Галатея. Ну да. Что ты делаешь, Пигмалион?

Пигмалион. Я... я... Я скульптор, я создаю статуи.

Галатея (*оглядывается по сторонам*). Но я не вижу здесь ни одной статуи.

Пигмалион. Я их продал для того, чтобы купить...

Галатея (*смотрит на свои украшения, на свое платье*), ...эти драгоценности, это платье, духи... подарки, которыми ты меня осыпал? Ты так щедр, дорогой.

Пигмалион. У меня хватит денег для тебя.

Галатея. И ты больше не будешь создавать статуи?

Пигмалион. Больше не буду.

Галатея. Почему?

Пигмалион. Потому что не хочу... А может быть, потому, что не могу. Я вложил все свои способности, желания, чувства в одну, в последнюю статую. Не думаю, что мне удастся создать еще что-нибудь подобное. Когда я закончил ее, я выбросил все свои инструменты вот в эту дверь. И не вернусь к ним. Чудо творчества не повторяется дважды. Когда сердце полностью растворяется в одном произведении, его уже нельзя вложить в другое. А у меня одно сердце.

Галатея (*осматривается по сторонам*). А где она, эта статуя?

Я не вижу ее здесь.

Пигмалион. Не спрашивай меня об этом.

Галатея. Ты и ее тоже продал?

Пигмалион. Ее? Да разве можно продать свою кровь, свою жизнь, сердце, любовь! Сколько же это может стоить? И кто способен заплатить за все это?

Галатея. Сердце и любовь? Я вижу - ты очень полюбил ее?

Пигмалион. Больше всего на свете!

Галатея. Больше меня?

Пигмалион. Нет... Ну... Ах! Что сказать тебе? Как ответить?

Галатея (*гневно*). Больше меня?

Пигмалион (*умоляющим голосом*). Галатея... Не мучай меня.

И пусть ничто не омрачит твою чистую душу. Не отравляй нам этих сладких минут.

Галатея. И ты смеешь после этого говорить, что любишь только меня?

Пигмалион. Да, только тебя, моя любимая!

Галатея. Но оказывается, я не вся твоя жизнь, не все твое сердце, не вся твоя любовь!

Пигмалион. Ты моя единственная!

Галатея. А та статуя, о которой ты рассказал мне?

Пигмалион. Она... Она...

Галатея. Нет. Я не хочу делить тебя с какой-то вещью. Не хочу, не хочу, не хочу!

Пигмалион (*раздраженно*). О боги, боги!

Аполлон (*за окном смеется и шепчет Венере*). Я думаю, боги не смогут выручить его из этого положения, в который он попал по собственной воле.

Венера (*шепчет*). Не смейся над ним, Аполлон.

Галатея (*бросается на стул и плачет*). А я-то, дура, поверила тебе!

Пигмалион. Ты плачешь? Не надо, умоляю тебя! Ты испортишь свои реснички. Ты не знаешь им цены. О-о! Она не знает, что она делает! (*Старается успокоить ее и вытирает ей слезы*).

Галатея (*отстраняясь от него, кокетливо*). Какое тебе дело до моих ресниц!

Пигмалион (*растерянно*). Какое мне дело?

Галатея (*пожимая плечами*). Вот захочу и буду плакать.

Пигмалион. Галатея, дорогая... Умоляю тебя. Береги каждую ресничку на этих глазках. И каждый пальчик на этих ручках.

Все в тебе драгоценно... Твои руки, твои плечи, твой рот, твои щеки... Я не переживу, если ты что-нибудь поцарапаешь. Я боюсь, что тебя укусит комар. Или пылинка сядет на твое прекрасное тело. Прости меня, Галатея... Я не знаю, как сказать тебе...

Галатея (*приподнявшись*). О чем? О том, что ты меня любишь?

Пигмалион. Да-да, моя любимая.

Галатея (*кокетливо*). Скажи еще раз, что ты меня любишь.

Пигмалион. Я буду говорить тебе это всегда.

Галатея. Обними меня.

Пигмалион страстно обнимает ее.

Аполлон (*улыбается и шепчет Венере на ухо*). Мне кажется, правила приличия требуют, чтобы мы оставили их вдвоем.

Венера (*с гордостью, шепчет*). А мне кажется, правила приличия требуют, чтобы ты признался, что победила я.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лес освещается бледными лучами заходящего солнца. Наступают сумерки.

Пигмалион сидит мрачный, опустив голову и не обращая внимания на муз, которые выходят из леса и в ритмическом медленном танце приближаются к окну.

Музы (*шепчут за окном*). Пигмалион мрачен! Сидит не двигается. Бедный Пигмалион!.. Скажи нам, она бросила тебя, да?

Пигмалион. Оставьте меня в покое!

Музы. Мы желаем тебе добра, потому что ты познал любовь. Мы разыщем ее для тебя.

Пигмалион. Ни в коем случае.

Музы. Не проклинай ее.

Пигмалион. Если бы я мог ее возненавидеть!

Музы. Вспомни то время, когда ты был один, Пигмалион. Ты лежал тогда на той траве, смотрел на небо, а оно закутывалось в темный бархатный покров и разбрасывало по своей груди жемчужины-звезды. Мы танцевали вокруг тебя, а ты даже не замечал нас, ты мечтал создать ее.

Пигмалион (*грустно*). Мне очень жаль.

Едва слышный стук в дверь. Входит Исмена.

Исмена. Я принесла весть, но могу сообщить ее лишь тебе одному.

Музы. Мы уходим. И будем танцевать далеко-далеко отсюда.

(Удаляются в медленном, ритмическом танце)

Исмена (*подходит к Пигмалиону*). Я узнала, где она... Вернее, где они.. Она убежала с ним. Ты это знаешь?

Пигмалион (*не двигаясь*). Как же мне этого не знать!

Исмена. Я должна была ожидать этого.

Пигмалион (*поднимает голову и смотрит на нее*). А тебе-то что?

Исмена. Я люблю Нарцисса, так же как ты - Галатею.

Пигмалион. Я не люблю ее больше.

Исмена. Не говори так, Пигмалион. Пойдем со мной.

Пигмалион. Куда?

Исмена. К ним.

Пигмалион. И что же мы с ними будем делать?

Исмена. Не спрашивай ни о чем. Они недалеко отсюда. Ты знаешь озеро в кипарисовом лесу, там прямо у берега стоит шалаш. (*Про себя*). Этот несчастный провел ее к тому месту, которое я ему показала.

Пигмалион. Я уже сказал, мне до нее нет никакого дела.

Исмена. Неправда. Её судьба не может не волновать тебя.

Пигмалион. Теперь она сама распоряжается своей судьбой.

Исмена. Прекрасная Галатея... Шедевр, в который ты вложил все свое искусство, всю свою мудрость. Шедевр шедевров, созданный твоим гением. Годы твоего труда, твоих усилий, борьбы... Долгие бессонные ночи. Нет, ты не сможешь жить без нее.

Пигмалион (*после паузы*). Я не хочу ничего о ней слышать.

Исмена (*помолчав*). Я понимаю, что с тобой сейчас... И все-таки уверена, ты не можешь сердиться на нее.

Пигмалион. Если бы мог!

Исмена. Ты ее любишь.

Пигмалион. Глупая.

Исмена. И это не просто любовь... Я тоже пыталась создать Нарцисса, своего, совсем другого, чем тот, каким он был. И поэтому не могу расстаться с ним, ведь в нем - часть моего существа, моей души... И, может быть, самая лучшая часть.

Пигмалион. Лучшая...

Исмена. Да, Пигмалион... Он действительно изменился. И я тоже не могу сердиться на него.

Пигмалион. Разве мы можем возненавидеть тех, в кого мы вложили лучшее, на что способны сами.

Исмена. Меня удивляет только, как эти создания могли покинуть своих творцов.

Пигмалион. Чему же тут удивляться? Разве когда-нибудь творение было способно подняться до понимания своего создателя?

Исмена. Значит, я напрасно пыталась раскрыть закрытое сердце Нарцисса.

Пигмалион. А я и не пытался. Потому что знал - она не поймет меня. Я разговаривал с ней лишь о том, что она способна была понять.

Исмена. И правильно делал.

Пигмалион. Теперь я понимаю, почему Юпитер, влюбляясь, так странно вел себя. Он всегда становился тем, кого его избранница могла понять и полюбить.. Поэтому он принял вид прекрасного лебедя для красавицы Леды, превратился в могучего быка для замечательной Европы и проник в образе золотого дождя к очаровательной Данае... Только так он смог добиться их чувств... Красота, сила, деньги! Даже боги вынуждены прибегать к таким способам, чтобы покорить сердце женщины.

Исмена. А ты для этого ходил в храм Венеры.

Пигмалион. Венера... Я просил ее о любви, а она дала мне несчастье... А я-то думал, что боги действительно способны что-то подарить человеку. Я не понимал, что верить в любовь можно лишь тогда, когда любишь статую. Оставьте меня, боги... Я не нуждаюсь в вас!

Исмена. Не смей говорить так, Пигмалион. Я лучше уйду. (*Уходит*).

Пигмалион. А-ах... Верните мне мое создание! Верните мне Гала-teю такой, какой она была. Статуей из слоновой кости. О боги! Мне было так хорошо одному, одному или наедине с моими созданиями. Я ваш соперник, я равен вам. Нет, я поднялся выше вас, ибо превзошел ваше мастерство. Вас хватило лишь на то, чтобы испортить красоту, созданную мною и созданную навечно. (*Бросается на постель и плачет*).

*За окном вспыхивает яркий свет, и в лесу приземляется колесница Венеры. Затем появляются **Венера и Аполлон**, они приближаются к окну и заглядывают в комнату.*

Аполлон. Мы должны признаться, что он прав.

Венера (*гневно*). Замолчи!

Аполлон (*улыбаясь*). Дай мне взглянуть на тебя, Венера. Ты, кажется, покраснела от стыда?

Венера. Этот человек недостойн моих даров.

Аполлон. Действительно недостойн... Смотри, что с ним сделали твои дары... Вот бедняга!

Венера. Аполлон, нам стыдно смеяться друг над другом. Нам, бессмертным богам, из-за какого-то простого смертного!

Аполлон. А разве не стыдно нам, бессмертным богам, становиться предметом для насмешки какого-то простого смертного?

Венера. Этого я не нахожу.

Аполлон. А как ты называешь свое поражение?

Венера. Ты что, тоже называешь это поражением?

Аполлон. А ты можешь это назвать иначе?

Венера. Выслушай меня, Аполлон.

Аполлон. Я тебя слушаю.

Венера. Я понимаю, конечно, что мы с тобой старые соперники. Но постарайся выслушать меня без пристрастия, без злорадства и без всякой насмешки. Разве этот человек не попросил меня оживить его статую? Вот я и вдохнула в нее жизнь.

Аполлон. Да разве это жизнь, то, чем ты наградила ее? Та жизнь, которую вложил в слоновую кость он сам, была выше, благороднее, чище того бледного существования, которое ты вдохнула в нее. Он это понял и теперь имеет полное право презирать тебя.

Венера. Ты так думаешь?

Аполлон. К сожалению.

Венера. Вы многого вообще неспособны понять, ни ты, ни он.

Аполлон. Но ты же можешь отказать нам в том, что мы - и он, и я - как-нибудь уж разбираемся в прекрасном.

Венера. Ну а что вы теперь от меня хотите?

Аполлон. Прежде всего признайся, что победила его гениальность, а потом забирай обратно все те недостатки и пороки, которыми ты наградила его статую во имя живой жизни. Верни ему его произведение искусства таким, каким оно было раньше. Кажется, он тебя об этом просит.

Венера. О, какое это унижение для богини - потерпеть поражение перед человеком... Хорошо, я сделаю все, что он хочет.

Но...

Аполлон. Но что?..

Венера. Но борьба еще не окончена.

Аполлон (*поворачивается к Пигмалиону*). Он спит. Смотри. Он пошевелился... Поворачивается. Наверно, он слышит тебя сейчас и твой голос кажется ему теперь кошмаром.

Венера (*гневно*). Твой тоже.

Аполлон. Звук моей арфы всегда казался ему самым сладким сном. Эти звуки питали его гениальность.

Венера (*презрительно смеется*). Твоей-то арфы!

Аполлон. Да-да, моей арфы.

Венера. Почему же тогда я одна должна справляться с этим человеком? Почему ты не придешь ко мне на помощь со своей волшебной арфой?

Аполлон. Тебе на помощь?

Венера. Разве ты не видишь, что наш долг теперь - действовать вместе? Надо же спасти репутацию богов!

Аполлон. Не хитри, как женщина, и не старайся впутать меня в свои интриги. Я же сказал тебе, что не люблю вмешиваться в твои личные дела.

Венера. Но ты же заявляешь, что я потерпела поражение и все испортила. Так почему тебе не поправить дела? Я дала статуе жизнь, которую вы называете убогой, низменной и жалкой. Кто же, кроме тебя, Аполлон, способен сделать эту жизнь прекрасной, возвышенной и благородной?

Аполлон. А он меня и не просил об этом.

Венера. Но он, конечно, хотел бы, чтобы ты это сделал.

Аполлон. Нет... Преврати лучше снова Галатею в слоновую кость. Сделай, как он просил. Не усложняй дела.

Венера. А почему ты не постарайся восполнить то, чего ей не хватает?

Аполлон. Ну, Венера, я-то тут при чем?

Венера. Ты боишься?

Аполлон. Я? Чего? Для меня нет ничего проще!

Венера. Тогда сделай это.

Аполлон. Сейчас? Но у меня нет с собой арфы.

Венера. Она в моей колеснице. Подожди, я принесу. (*Отходит от окна и протягивает руку в колесницу*).

Аполлон (*про себя*). Вот болтушка! Никого-то она не может оставить в покое.

Венера (*возвращается с арфой*). Что ты там шепчешь?

Аполлон. Так, ничего.

Венера. Вот твоя арфа.

Аполлон (*берет у нее арфу*). Ну и где же она сейчас, наша Галатея?

Венера. Недалеко отсюда... В шалаше у озера, около кипарисового леса. Она там с тем юношей, Нарциссом.

Аполлон. Вот дура-то! Впрочем, как и все женщины!

Венера. Ну, сотвори свое чудо.

Аполлон (*играет на арфе*).

Звуки мои, устремитесь скорей к Галатее прекрасной!

Суть благородную жизни раскройте пред ней как цветок.

Пусть обретет она ясной своею душою

Мысли изящество, чувств красоту и возвышенность речи.

Ты, Галатея, теперь поспеши же к любимому мужу,

Ласкою нежной и поцелуем его пробуди.

Венера. И что же ты думаешь - она скоро вернется?

Аполлон. На крыльях ветра прилетит.

Венера. Интересно взглянуть.

Аполлон. Только в окно.

Стоят, смотрят. Музыкальная пауза.

Открывается дверь. Медленно и робко входит Галатея.

Ищет взглядом Пигмалиона, приближается к нему.

Галатея (*нежно шепчет*). Пигмалион! Пигмалион! (*Пигмалион пошевелинулся, она наклоняется и целует его*). Пигмалион! Мой Пигмалион!

Пигмалион (*открывает глаза*). Ты?

Галатея. Да, я. Тебе не нравится, что я своими поцелуями разбудила тебя?

Пигмалион. Когда ты вернулась?

Галатея. Только что.

Пигмалион. Почему ты вернулась?

Галатея. Не знаю. Мне вообще не следовало уходить от тебя, мой великий Пигмалион.

Пигмалион (*внимательно смотрит на нее*). Пигмалион великий?

Галатея. Да. Чему же ты удивляешься? Разве ты не знаешь себя?

Пигмалион. Знаю немного.

Галатея. А я знаю тебя очень хорошо... Какая-то чудесная музыка звучит у меня в душе. Раньше я никогда не слышала ее. Я знаю, ты сердит на меня, обижен...

Пигмалион. Я ни минуты не был сердит на тебя, не обижался.

Галатея. Правда?

Пигмалион. Будь уверена.

Галатея. Тогда улыбнись мне.

Пигмалион. Не сейчас, не сразу.

Галатея. Ты не рад, что я вернулась?

Пигмалион. Но не потому, почему ты думаешь.

Галатея. Ты не откровенен со мной. А я сегодня совсем не та, что была вчера. Я сейчас достойна того, чтобы ты рассказал мне всё. И я пойму... Потому что теперь я знаю, кто ты и какой ты.

Пигмалион. Что можешь ты знать обо мне? Это, наверно, Нарцисс рассказал тебе.

Галатея. Не вспоминай о Нарциссе.

Пигмалион. Почему?

Галатея. Все прошло... Я была беспросветно глупа!

Пигмалион. А сейчас?

Галатея. Нет.

Пигмалион. Ты в этом уверена?

Галатея. Сейчас я все понимаю, хотя, конечно, и меня и тебя удивляет, что я прозрела так быстро.

Пигмалион. Не отрицаю того, что меня многое удивляет.

Галатея. И все-таки эта правда, и мы должны поверить в нее.

Пигмалион. Не так быстро, Галатея. Особенно если речь идет обо мне... Подождем хотя бы немного, чтобы прошел тот сон, который мне только что приснился.

Галатея. Ты видел сон?

Пигмалион. Кошмарный! Мне снились два лебедя, один клевал мое сердце, а другой - печень.

Аполлон (*смотрит на Венеру, улыбаясь, тихо*). Это твои лебеди.

Венера (*гневно шепчет*). Тсс...

Галатея (*Пигмалиону, с болью*). Мой дорогой Пигмалион, я теперь останусь с тобой навсегда, навсегда.

Пигмалион. К счастью, эти лебеди не много успели сожрать из моего сердца и печени.

Галатея. Не много?

Пигмалион. Им, наверно, не по вкусу слишком горячая пища.

Галатея. Ты остришь, Пигмалион.

Пигмалион. Или, может быть они...

Галатея. Что?

Пигмалион. Мне показалось, что я вдруг услышал звуки арфы. И тогда лебеди умчались далеко... далеко.

Галатея. Звуки арфы?

Пигмалион (*поворачивается к ней*). Да. Что с тобой?

Галатея. Ничего, ничего...

Пигмалион. Но должен признаться, что, когда я проснулся и увидел тебя рядом, это было еще удивительнее, чем тот сон.

Галатея (*мечтательно*). Сон.... Явь.... Не понимаю...

Пигмалион. Чего ты не понимаешь, Галатея?

Галатея. Своей жизни. Что в ней сон и что действительность.

Пигмалион. Твоя жизнь еще не так длинна, едва ли стоит задумываться о ней.

Галатея. И все-таки я чувствую, что прожила уже достаточно долго. Ты забыл, кто я? Мне кажется, ты забыл, как долго-долго мы жили вместе.

Пигмалион. Да... Вместе.

Галатея. Сколько лет?

Пигмалион. Не помню. А ты помнишь?

Галатея. О, ты жесток! *(Задумавшись, идет к окну, затем небрежно присаживается на постамент статуи и опускает голову).*

Пигмалион. Отойди оттуда, разве в комнате нет другого места, кроме этого мраморного постамента?

Галатея. Я слишком долго находилась на нем, а ты смотрел, смотрел на меня, нежно и пристально. Неужели ты этого не помнишь?

Пигмалион. Пусть моя плохая память не слишком волнует тебя.

Галатея. Нет, не это... Я волнуюсь, потому что не знаю, что мне теперь делать. А ты обращаешься со мною так, словно... Ты даже не сказал мне, что тебе было больно, когда те два лебедя клевали твое...

Пигмалион. А тебе-то что? Едва ли ты признаешься в том, что кусок, который они клевали, был тобою!

Галатея. А я хотела, чтобы ты сказал, что эта была именно я.

Пигмалион. Тогда я скажу. Да, ты была моей частью, потом из нее ты превратилась в женщину.

Галатея. Вот теперь я чувствую, что ты говоришь правду.

Пигмалион. Странно... Как можешь ты чувствовать это?

Галатея. Разве мне так трудно ощутить себя частью твоего существа? А еще... Но...

Пигмалион. Открой мне свою душу, Галатея. Чтобы я все понимал.

Галатея. Будто ты и так не знаешь всех тайн моей души... Ты просишь меня о том же, о чем я просила тебя минуту назад. Но ты не ответил мне. И опустил между нами завесу, завесу молчания, так, как это обычно делают боги с людьми. Ты не находишь странным, чтобы боги просили свои создания раскрывать им свои души. А если бы создания попросили о том же самом богов, то боги молчали бы, боги не дают ответа людям.

Пигмалион. Может быть, они сами не знают...

Галатея. Ты думаешь?

Пигмалион. Ведь совсем не обязательно, чтобы страницы книги знали, что на них написано. А люди должны знать и понимать каждый столько, сколько он способен понять соответственно своему мышлению и сознанию.

Галатея. Я думала, боги знают хотя бы столько, сколько мы...

Пигмалион. Ты хочешь, чтобы они умели читать и писать?

Галатея. Пигмалион, дорогой мой Пигмалион! С тех пор как я вернулась, ты разговариваешь со мной высокомерно, презрительно, небрежно... Если ты хочешь отомстить мне, то будь уверен, что я уже наказана достаточно.

Пигмалион. Смею ли я наказывать тебя за то, в чем ты не виновата. Я знаю, кто был виноват. И сказал им об этом. Может быть, они предпочли исправить свою ошибку. И все-таки как же это возможно?.. Как смогли они сделать больше того, на что способны? А тогда как же ты изменилась так быстро?

Галатея. С тех пор как я вернулась, я впервые не понимаю тебя.

Пигмалион. Прости, Галатея. Не обращай внимания. Это личные счета между нами, между мною и...

Венера и Аполлон обмениваются многозначительными взглядами

Галатея (*ласково проводит рукой по груди Пигмалиона*). Если бы я могла прочесть все, что написано на этих страницах...

Пигмалион. Тебе достаточно прочесть то, что написано у тебя в душе.

Галатея. Это правда?

Пигмалион. Разве ты не сказала сейчас сама, что ты часть моего существа? Загляни в себя, и там ты многое узнаешь обо мне.

Галатея. Здесь, в моей душе, ты бог.

Пигмалион. Я?

Галатея. Мне кажется, это ты создал меня и сделал такую, какой хотел меня видеть. Это чувство все больше и больше возникает из глубины моей души, как возникает день из глубины ночи. Однажды в полнолуние в этом дремучем, таинственном лесу ты лег на зеленую молодую траву. И тебе приснился прекрасный сон. И этим сном была я.. Значит, я не больше чем сон твой. Поэтому мое прошлое и кажется мне таким загадочным и непонятным. И я задаюсь вопросом - что же я такое? Мечта или правда? Твой сон, Пигмалион, или твоя действительность.

Пигмалион. Я создал тебя? Из чего же я тебя создал?

Галатея. Из лучей своей прекрасной души... Из перлов своего страстного воображения. Из жара своего сердца, которое зажгло мое

сердце... Из всех тех прекрасных, благородных чувств, которые наполняют сейчас и мою душу. Да-да, источник всего этого - ты, муж мой Пигмалион.

Пигмалион. И я создал тебя только из этого?

Галатея. А разве этого мало? (*Улыбаясь*). Правда, я слышала еще, будто ты сделал меня из слоновой кости.

Пигмалион (*улыбаясь*). Что ж, весьма дорогой материал, как ты знаешь.

Галатея. И будто Венера вдохнула в меня жизнь и сделала такую, какая я есть.

Пигмалион. Надеюсь, ты не поверила в эту чушь?

Галатея. Не знаю. Почему бы и нет? Я действительно чувствую, что ты мой бог, мой создатель, а я твоё творение, твоя рабыня. А как это произошло и какой материал тебе для этого потребовался - меня мало волнует. Это твоё дело... И пока ты не хочешь мне откровенно рассказывать об этом, я не буду больше ни о чем спрашивать.

Пигмалион. Да... Пожалуй, так будет лучше.

Галатея. И все-таки ты можешь, сейчас все рассказать мне и ничего не бояться.

Пигмалион. Знаю... Знаю, что ты сейчас совсем другая.

Галатея. Я помню, как прошлый раз ты боялся говорить со мной о том, чего я все равно бы не могла понять. Да я и сама боялась этого. Да! Я не скрываю, что боялась тебя.

Пигмалион. А сейчас?

Галатея. Нет. Чего же мне бояться, ведь я люблю тебя. И люблю потому, что узнала тебя и себя немножко.

Пигмалион (*смотрит на нее с удивлением*). О боги, боги!

Галатея. Почему ты смотришь на меня так, Пигмалион?

Пигмалион. Выслушай меня внимательно, Галатея. Я впервые скажу тебе то, что сейчас восходит в моем сердце, как горящее, светящееся солнце. Наверно, ты чувствуешь то же самое. Галатея! Ты достойна меня! И моей любви.

Галатея (*становится перед ним на колени*). Ты мое божество, Пигмалион!

Пигмалион наклоняется и целует ее. Аполлон берет арфу и наигрывает на ней.

Галатея (*поднимает голову*). Моя душа снова наполняется прекрасной музыкой.

Пигмалион (*прислушиваясь*). Да, да.

Галатея. Ты слышишь ее?

Пигмалион. Она напоминает мне тот момент, когда ты впервые приснилась мне.

Галатея. Это как будто звуки арфы?

Пигмалион. А-ах... Да-да, я узнал их. Теперь я все понял. Все понял.

Галатея. Что? Что, Пигмалион?

Пигмалион. Благодарю тебя, Аполлон. Благодарю тебя...

Венера (*с искаженным от гнева лицом тащит Аполлона за руку*). Уйдем отсюда. Мы и так потеряли здесь слишком много времени.

Аполлон (*улыбаясь*). А тебе не кажется, справедливости ради, что победил-то я?

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Лес еще залит лунным светом, но уже близится утро. В комнате Нарцисс, он сидит, задумчиво опустив голову. Перед ним - Исмена. Они оба не обращают никакого внимания на муз, которые резвятся у окна, шепчутся, смеются. Некоторые качаются на ветках деревьев, другие танцуют быстрый, веселый, ритмичный танец.

Исмена. Не стоит так долго думать об этом,

Нарцисс (*поднимает голову и смотрит на нее*). Исмена!

Исмена. Ну? Поговори со мной. Разговор, быть может, отвлечет тебя.

Нарцисс (*поворачивается к окну*). Откуда этот смех, шум?

Исмена (*направляется к окну*). А вы не могли бы уйти отсюда? Лес большой, всем места хватит?

Музы. У нас сегодня праздник. Мы празднуем то, что наш Пигмалион так счастлив.

Исмена. Его здесь нет.

Музы. Они сейчас вернутся.

Исмена. Никто не знает, когда они вернутся. Вот уже несколько ночей, как они скрываются в шалаше у озера в кипарисовом лесу.

Музы. В шалаше у озера? Так мы пойдем к ним!

Исмена. Идите, идите! Спойте этим счастливым свои лучшие песни и станцуйте им свои лучшие танцы.

Музы. И самые прекрасные лесные цветы мы разбросаем на их обнявшиеся тела. (*Убегают, словно испуганные лани.*)

Исмена. Я тебя слушаю, дорогой Нарцисс.

Нарцисс. Ты думаешь, он очень зол на меня?

Исмена. Почему он должен злиться на тебя? Кто может обвинить тебя в том, что произошло?

Нарцисс. Клянусь тебе, это она, она сама...

Исмена. Похитила тебя? Я знаю. С тобой иначе и быть не могло.

Нарцисс. Да. Он ушел, а она мне говорит: "Пойдем в лес, попрыгаем, побегаем, поиграем, как будто мы олени". И я сказал ей: "Не мо-

гу, пока мне Пигмалион не разрешит", Тогда она схватила меня за руку и утащила насильно, вот мы и побежали...

Исмена. Пока не добежали до того самого леса, да?

Нарцисс. Да. До того шалаша, который ты мне показала.

Исмена. И играли там, как два ребенка у озера, в котором ты всегда любовался своим отражением?

Нарцисс. Да. Играли, играли, а потом устали и заснули.

Исмена. А когда ты проснулся, ее уже не было рядом?

Нарцисс. Я подумал, может быть, она заблудилась в лесу или вернулась домой... Но и в том и в другом случае я не смел показываться Пигмалиону на глаза.

Исмена. А мне ты посмел показаться, да еще искал меня повсюду?

Нарцисс. Потому что ты одна можешь посоветовать, что мне теперь делать.

Исмена. Скажи мне откровенно, Нарцисс, что ты сейчас чувствуешь?

Нарцисс. Не понимаю, о чем ты?

Исмена. Вот теперь она вернулась к Пигмалиону, любит его, восхищается им. Словно боги заново сотворили ее... Как ты относишься к этому сейчас?

Нарцисс. Никак... Я же не собирался уводить ее. И мне даже не хотелось играть с ней в лесу.

Исмена. Разве ты не чувствовал в ней женщину?

Нарцисс. Женщину? Как ты странно говоришь о Галатае. Та статуя из слоновой кости, которую я сторожил на этом мраморном постаменте, - женщина? Та, у которой я стряхивал пыль с груди и с плеч?

Исмена. Но сейчас она...

Нарцисс. Для меня она навсегда останется куклой, ведь я своими глазами видел, как она делалась. Меня удивляет, как Пигмалион может любить вещь, которую сделал собственными руками. Не смейся надо мной, Исмена. Когда я был мальчишкой, я часто наблюдал, как в одной из лавочек ремесленник мастерит коляски для детей. К ним он приделывал деревянных лошадок. А однажды сделал лошадку, которая качала головой, как живая. Тогда я удивился так же, как в тот день, ко-

гда я впервые увидел, что Галатея ходит и разговаривает. Мы бежим по лесу, а я смотрю на нее и смеюсь, - вспомнил про ту деревянную лошадку.

Исмена. Какой ты ребенок! Ты и сейчас еще ребенок!

Нарцисс. Скажи, Исмена, почему я чувствую, что ты нужна мне? Всегда нужна.

Исмена. Чтобы советовать тебе, что делать, как вести себя.

Нарцисс. Да. Но не только же для этого... Я хочу тебе что-то сказать.

Исмена (*смущенно*). Не говори сейчас... Не говори.

Нарцисс. Ты боишься, что я скажу что-нибудь не то?

Исмена. Не надо торопиться.

Нарцисс. Ты плохо думаешь обо мне.

Исмена. Давай лучше поговорим о том, для чего мы пришли сюда... О Пигмалионе.

Нарцисс. Ты смутилась, Исмена.

Исмена. Нет... Отнюдь. Но я действительно хочу посоветовать тебе, что делать. Я знаю, какое место занимает Пигмалион в твоей жизни. Ведь он подобрал тебя в лесу, когда ты был грудным ребенком. Он принес тебя к себе, поил козьем молоком, воспитал тебя... Я думаю, тебе лучше всего промолчать. Он знает тебя не хуже, чем я. Ему и в голову не пришло, что ты виноват в чем-либо. А потом... ему сейчас не до тебя. Давай оставим его, и пусть он забудет о том, что и как было. Пусть живет с Галатеей и для Галатеи, он так мечтал об этом. Нужно быть осторожными, чтобы не испортить ему этого блаженства, не омрачить его своим присутствием.

Нарцисс. Ты права. Он не должен видеть меня сейчас.

Исмена. А если и увидит, то не напоминай ему ни о чем. Он наверняка сам прочтет в твоих глазах невинность кроткого красивого ребенка.

Нарцисс. Прекрати, Исмена. Довольно... Ты же знаешь, я больше не ребенок.

Исмена. С каких это пор?

Нарцисс. С тех пор... с тех пор как... ну ты же сама запретила мне говорить...

Исмена (*нежно закрывает ему рот рукой*). Не надо об этом сейчас...

Нарцисс (*нежно берет ее руки и целует*). Эта рука боится раскрыть блестящую ракушку, чтобы не увидеть, что она внутри пустая, без жемчужины?..

Исмена. Странно... Кто тебя этому научил?

Нарцисс. Помнишь, ты это говорила? Я не забыл ни одного твоего слова. Ты знаешь, Исмена, зачем я повсюду искал тебя?

Исмена. Тсс... Не говори больше ничего. Я и так услышала слишком много. Не говори, не говори.

Нарцисс. Я искал тебя для того, чтобы... ну словом, я больше не ребенок, который играет в куклы.

Исмена. Правда?

Нарцисс. И я искал только тебя... Потому что я почувствовал, что здесь (*показывает на сердце*) во мне - частица тебя.

Исмена. Ты это почувствовал?.. Какое счастье!

Нарцисс. Помнишь - закрытый бутон, которому нужны капельки росы, чтобы раскрыться?

Исмена. И эти капельки... они упали?

Нарцисс. Из твоих глаз. Когда в тот вечер я увидел, что ты плачешь, и ты сказала, что какой-то человек взял частицу тебя, лучшую из частиц, и ушел... я спросил тебя, кто этот человек и знает ли он, что унес с собой. А ты сказала - трудно ему знать это, может быть, когда-нибудь он почувствует, потому что человек не может не чувствовать, если он получил такую ценность.

Исмена. Это я тебе все сказала?

Нарцисс. Ты говорила шепотом, будто сердцем, а не губами.

Исмена. Как же ты слышал это?

Нарцисс. Не знаю... Но я почувствовал, что эта ценность во мне.

Исмена. И скрывал это от меня?

Нарцисс. Какая ты странная, Исмена! Как же я мог что-либо сказать, когда ты закрывала мне рот рукой?

Исмена. Трудно поверить в это.

Нарцисс. Сначала я тоже не верил. Но это сильнее меня.

Исмена. Да, это всегда гораздо сильнее нас.

Нарцисс. Знаешь почему?

Исмена. Говори, Нарцисс, говори.

Нарцисс. Потому что это заставляет нас видеть то чего мы не видели раньше.

Исмена. А что ты видишь сейчас, Нарцисс?

Нарцисс. Скажи, ты всегда была такой?

Исмена. Я всегда буду такой, пока ты будешь видеть то, чего не видел раньше.

Нарцисс. Пойдем, Исмена.

Исмена. Куда?

Нарцисс. Куда угодно... Я тоже должен забыть, что и как было, чтобы жить только с тобою и для тебя.

Исмена. Пойдем, дорогой Нарцисс.

Нарцисс и Исмена уходят обнявшись.

В окне появляются Венера и Аполлон.

Аполлон (*шепчет Венере*). Смотри, что это за женщина?

Венера. Эта женщина так же умеет творить - творить любовью.

Аполлон. Как Пигмалион - искусством. Удивительно!

Венера. Как видишь.

Аполлон. Простая смертная женщина.

Венера. В этом-то все и дело.

Аполлон. И что же это за сила - любовь, если она тоже может творить?

Венера (*гордо*). Это наш секрет.

Аполлон (*помолчав*). Пигмалион и эта женщина - как они подходят друг другу.

Венера. Оба они творцы.

Аполлон. Тогда почему же они друг друга не полюбили?

Венера. А почему мы с тобой не полюбили друг друга? Ты же влюбился в Ильмену, а она тоже принадлежит к смертным.

Аполлон. А ты влюбилась в Адониса, он тоже простой смертный.

Венера. Тогда не удивляйся, что каждый бог любит свое творение. Видимо, такая любовь между разными характерами нормальна. Видимо, так и должно быть. Мы всегда создаем тех, кого любим, вкладываем в них часть себя и любим в них самих себя.

Аполлон. Какой позор, Венера! Ты рассуждаешь так цинично...

По-твоему, любовь - это корысть и себялюбие?

Венера. А разве мы не пленники себялюбия? И ты признался в этом раньше меня, Аполлон. Не помнишь? Ведь это ты сказал, что Пигмалион сумел сделать то, чего не смогли сделать мы, и поднялся выше себя, когда он, смертный, сумел сотворить вечное.

Аполлон. Не знаю, смогу ли я повторить о нем то же самое сейчас. Ведь он поступает так же, как и мы, - становится рабом любви к своему созданию. Мы добились успеха, подрезав ему крылья... Мы снизили его до своего уровня. Мы ограничили его беспредельный полет... Да... Сегодня я могу сказать, что мы победили его.

Венера. Ну и победа!

Аполлон. И ты должна признаться, что все это благодаря мне.

Венера. Прости, пожалуйста, Аполлон, но это благодаря мне.

Аполлон. Какая неблагодарность! Ты - типичная женщина!

Венера. А за что же мне благодарить тебя?

Аполлон. Кто просил помочь? Настаивая, чтобы я вмешался в это дело и спас тебя?

Венера. Я тебя не просила спасать. Я просто пригласила тебя показать свое искусство. Вот и все.

Аполлон. Искусство? .. Ну пусть будет так, как ты говоришь.

Вот тебе и результат! Я добился неслыханного успеха.

Венера. Прости, пожалуйста, Аполлон, но этот успех принадлежит не только тебе. Не закрывай глаза на то, что после этого сделала я.

Аполлон. После чего?

Венера. Ну разве я такая дура, чтобы оставить тебя одного так же, как ты вначале оставил меня одну! Да, действительно, ты заставил Галатею понимать Пигмалиона и восхищаться им. Вот и все, что ты сделал. Разве ты способен на большее?

Аполлон. А ты что сделала?

Венера. Я приказала Купидону вонзить все его стрелы в их тела. Отсюда эта пламенная любовь, которая наполнила их блаженством и счастьем. Вот что я сделала!

Аполлон. Странно... Значит, мы состязались с тобой - каждый своими средствами...

Венера. Ты знаешь. Это была наша последняя битва.

Аполлон. Да. Теперь ему остается стать на колени и поблагодарить нас обоих.

Венера. Очень хочется увидеть его сияющим от радости.

Аполлон. Сейчас увидишь. Вот они возвращаются.

Венера. Его счастье - дело моих рук. Я оказалась достойна его.

Аполлон. Если бы еще у тебя была хоть капля справедливости.

Но чего женщине не дано - того не дано.

Венера. Ну ладно уж, ладно, дело наших рук - моих и твоих. Если это тебя устраивает.

Аполлон. Давай договоримся о мирном сотрудничестве.

Венера. И это была наша последняя битва.... Тсс... Они идут.

Аполлон. Не толкайся, пожалуйста, здесь места достаточно.

Венера. Так хочется видеть улыбку счастья на его лице.

*Открывается дверь, входят **Пигмалион и Галатея**, у них вялый, равнодушный вид, они молчат. Пигмалион долго зеваает.*

Аполлон (*шепчет Венере*). Плохая примета.

Галатея (*укоризненно*). Что с тобой?

Пигмалион (*лениво садится в кресло*). Прости, пожалуйста...

Галатея (*проводит рукой по мебели*). Как много пыли в этом доме. С тех пор как мы ушли отсюда, он совсем заброшен. Нет, ты только посмотри, сколько пыли.

Пигмалион словно не слышит.

Интересно, где здесь какой-нибудь веник или метла...

Пигмалион (*очнувшись, смотрит на нее*). Что?

Галатея. Ничего, это я не тебе.

Пигмалион. Ну и хорошо.

Галатея. (*удивленно смотрит на него*). Что - хорошо? Хорошо, что я не говорю с тобой?

Пигмалион. Я не это имел в виду. Говори, если хочешь.

Галатея (*начинает подметать*). Кажется, ты не очень хочешь разговаривать со мной.

Пигмалион. Что ты делаешь? Ты подметаешь?

Галатея. А ты думаешь можно жить в такой грязи?

Пигмалион (*внимательно смотрит на нее*). О, в ее руках - мет-
ла!

Галатея. Ты что-то сказал?

Пигмалион. Ничего, ничего.

Галатея. Будь добр, помоги мне немного.

Пигмалион. В чем?

Галатея. Ну хоть пересядь сюда, здесь я уже подмела.

Пигмалион. Ох! (*Пересаживается*).

Галатея. Прости, пожалуйста, что я побеспокоила тебя.

Пигмалион. Ты что, издеваешься надо мной?

Галатея. Издеваюсь? Учти, что бы я ни говорила, в моих словах всегда самое глубокое уважение к тебе.

Пигмалион. С уважением ты сегодня в лесу смотрела на лесорубов, у которых по лицам струился пот.

Галатея. Уважения достоин любой труд.

Пигмалион. Ни одна жена обычно не успокаивается до тех пор, пока не заставит мужа работать до полного изнеможения. Но ты же знаешь, я не нуждаюсь в работе.

Галатея. Кто от тебя этого требует?

Пигмалион. Твои взгляды, твои жесты..

Галатея. Какой ты стал ворчливый, Пигмалион.

Пигмалион. Напротив, я очень, терпелив, даже больше чем надо.

Галатея. А почему больше чем надо? Кто заставляет тебя тер-
петь?

Пигмалион (*резко*). Ну что ты хочешь от меня?

Галатея. Дорогой мой Пигмалион, скажи, что с тобой? Я чувствую, у тебя испортилось настроение, тебе все надоело, а ты стараешься скрыть это от меня. Не надо ничего скрывать. Будь уверен, что я никогда не обижусь на тебя... Ты просто не можешь меня обидеть. Я готова на все, лишь бы ты был спокоен. У меня в жизни нет иной цели, кроме как заботиться о твоём спокойствии и твоём счастье...

Пигмалион (*немного успокаиваясь*). Спасибо тебе, дорогая.

Галатея (*подходит к нему*). Тебе нужно отдохнуть. Жизнь в шалаше - не для тебя. Здесь мне будет легче ухаживать за тобой, заботиться о тебе... Может быть, тебе повредило солнце, под которым мы загорали эти дни?

Пигмалион. Нет, это не солнце.

Галатея (*прижимаясь щекой к его лбу*). У тебя горячий лоб.

Пигмалион. Ты думаешь?

Галатея (*щупает его руки*). И руки тоже. Я постелю тебе.

Пигмалион. Сейчас? Нет... Нет, я не хочу сейчас спать.

Галатея. А ты не спи... Ты просто приляг. Я принесу тебе фруктовый сок и посижу у твоих ног... Буду говорить с тобой, пока ты не уснешь.

Пигмалион (*гладит ее по голове*). Какая ты добрая, Галатея. И я люблю тебя. Да, да, все-таки люблю.

Галатея. Все-таки? Что ты хочешь этим сказать?

Пигмалион. Ничего... Мы часто произносим слова, не зная зачем.

Галатея. А я знаю зачем.

Пигмалион. Не думаю. Я и то не знаю. Не обращай внимания, дорогая, на то, что я болтаю. Слова - это дым.

Галатея. Дым, который иногда предупреждает нас о пожаре... И все-таки я буду делать все, что ты захочешь. У меня нет других забот, кроме как о тебе.

Пигмалион. Да и обо мне заботиться нечего.

Галатея. О дорогой мой! Я же сказала, что тебе все надоело... Даже моя любовь.

Пигмалион. Неправда... Я запрещаю тебе так говорить. Мне и без того плохо.

Галатея. Если бы ты мне сказал, почему тебе плохо, я бы постаралась помочь тебе, я бы залечила все твои раны.

Пигмалион. Раны? Кто тебе сказал, что я ранен? Разве я жаловался? Откуда ты взяла эту чушь?

Галатея (*встает и снова берется за метлу*). Я буду делать все, что ты захочешь. Буду молчать. Я, кажется, тебя не так поняла.

Пигмалион. Мы сами себя не всегда можем понять. Лучше всего и не пытаться понимать друг друга, если мы хотим покоя.

Галатея. Хорошо, я не буду пытаться... Если ты захочешь есть, скажи, я приготовлю. Мне кажется, я придумаю для тебя такие блюда, каких ты никогда и не пробовал. Я буду готовить их из разных овощей, да так, что ты от одного их вида будешь получать удовольствие, ну а когда в рот возьмешь...

Молчание

Пигмалион (*задумчиво*). Как ты думаешь, а что если я опять возьмусь за работу?..

Галатея (*быстро оборачивается*). За работу?

Пигмалион (*словно сам с собою*). Ведь работа - это единственное, для чего человеку следует жить.

Галатея. О Пигмалион!

Пигмалион (*поднимает голову*). Ну, что ты на это скажешь?

Галатея. Скажу, что, наверно, это лучший способ лечения для тебя... Делай, что тебе хочется.

Пигмалион. Что, что мне прикажешь делать? Я же не гожусь в лесорубы.

Галатея. Конечно. Ты же творец, созидатель.

Пигмалион. Да. Ну а где, скажи, мои инструменты?

Галатея. Чего тебе не хватает? Вот тебе постамент, ставь на него кусок мрамора или слоновой кости...

Пигмалион. Замолчи, что ты в этом понимаешь! (*Охватывает голову руками*).

Галатея. Кажется, я сказала что-то не так? Пигмалион, дорогой...

Пигмалион. Если бы одного постамента было достаточно для того, чтобы создать произведение искусства.

Галатея. Но ты же гениален.

Пигмалион. Гениален? Еще бы... Славный Пегас меня так и возносит на своих крыльях в бездонное небо.

Галатея. У тебя действительно есть этот Пегас, Пигмалион.

Пигмалион. Может быть. Ну а небо?

Галатея. Что?

Пигмалион. Какая же польза от Пегаса, если нет неба?

Галатея. Понимаю. Тогда это несчастье.

Пигмалион. Конечно.

Галатея. Боюсь, что причина этого несчастья - я.

Пигмалион. Нет. Это... это...

Галатея. Кто же?

Пигмалион (*про себя*). Это те, которые умудрились превратить небо в потолок, а Пегаса заставили шлепать своими крыльями по комнате... Вот оно, их чудо. Вот их победа!

Галатея. О ком ты?

Пигмалион (*кричит*). О тех, кто отнял у меня искусство!

Галатея. Твое искусство с тобою.

Пигмалион. Где оно? Где?

Галатея. О, мне нелегко это сказать...

Пигмалион. Что это - ты? Ведь это ты хотела сказать?

Галатея. Да, я подумала об этом.

Пигмалион. Нет!

Галатея. Нет? Не я?

Пигмалион. Нет, мое искусство - не ты. Я не создавал женщину с метелкой в руках!

Галатея (*смотрит на метлу, которую держит в руках, стыдливо, с болью, старается спрятать ее*). Ах...

Пигмалион (*немного успокаивается*). Прости, Галатея. Прости, пожалуйста. Я не хотел причинить тебе боль. Мне даже не приходило в голову унижить тебя. Ну?

Галатея. Не беспокойся обо мне, Пигмалион. Я понимаю все, что происходит с тобою.

Пигмалион. Жена моя. Ты лучшая жена на свете, возлюбленная, подруга, спутница.

Галатея. Да. Но не произведение твоего искусства. Ты прав, Пигмалион.

Пигмалион. Разве это твоя вина, Галатея? Такова жизнь. Жизнь сделала тебя такой, какая ты сейчас.

Галатея. Менее красивая, чем твоя прекрасная статуя.

Пигмалион. Все равно я люблю тебя.

Галатея. Это жалкая, убогая любовь... Любовь, ограниченная стенами комнаты и закрывшая небо потолком... Любовь, которая не заменит тебе... другой Галатеи.

Пигмалион охватывает голову руками.

(Нежно гладит его по голове). Мне больно видеть тебя таким печальным.

Пигмалион *(словно про себя).* Это правда. Ты моя любимая жена. Но ты не мое бессмертное творение.

Галатея. Я рада, что ты так откровенен со мной.

Пигмалион. А зачем лукавить, когда я чувствую, что разрываюсь пополам. Да, вы обе притягиваете к себе мое сердце. Вы как соперницы - одна со своей великой и вечной красотой, другая - со своей добротой и красотой смертной. Она - искусство, ты - жена! О боги! Вы отобрали у меня мое искусство и дали мне жену. *(Она становится перед ним на колени, он берет ее голову в руки, долго смотрит на нее).* Я действительно сотворил тебя такой, Галатея. Я сотворил это тело, и эту голову, и это лицо. Но что же все-таки изменилось в тебе?.. Ты уже знаешь, я сделал Галатею из слоновой кости. Пегас поднял меня в небо, туда, где обитают самые высокие идеалы. Мы летали там до тех пор, пока у него не устали крылья. А я выбирал лучшие образцы красоты. И выбрал. И принес сюда - все самое совершенное: грацию, взгляды, улыбки... А потом убрал все лишнее и сделал Галатею еще более совершенной. Она сама красота, помноженная на тысячекратное терпение и долгий утомительный труд.. И все это я увековечил в слоновой кости. Не горюй, моя дорогая жена. Вся эта красота с тобою. Нет... Все-таки что же изменилось в тебе? Твои глаза прекрасны, да, но в них появилось что-то мелкое, ограниченное, а ее взгляды словно от-

крывали безграничные горизонты... Твоя фигура грациозна, но ее портит любое неосторожное движение: а ее грация была прекрасна всегда. Твои улыбки сладостны, но я знаю, что за ними скрывается. Губы твои тонки и изящны, но они способны говорить и их можно целовать, а ее губы приоткрывались на словах, которые никогда не произносились, и вместе с тем далекое эхо этих произнесенных слов способно было проникнуть до самых бездонных глубин человеческого сердца. И ее рот прельщал поцелуями, которых никогда не могло быть. Все это стоит перед моими глазами. И все это волновало бы любого человека и в любые времена, вечно... Вот в чем разница между вами. Все, что в тебе ограничено, в ней - беспредельно.

Галатея (*тихо, со скорбью*). Ты прав, Пигмалион.

Пигмалион. Я не хочу обидеть тебя, дорогая. Все это я говорю для них, обитателей Олимпа, тех, что там, на высоте. Ха! Вы, всемогущие и бессмертные, способны создавать только мелкое, простое и смертное. А я, простой смертный, сумел сотворить вечное. Обитатели Олимпа! Вы перемешиваете красоту и уродство, благородство и низость, величие и убожество и называете все это жизнью. Но вы никогда не сможете создать подлинное произведение искусства. Да, я человек, и я смертен, но в искусстве - моя сила, мое могущество, мое чудо и мое оружие. Я могу поспорить с вами и скрестить свое оружие с вашим. Ваше оружие - жизнь, мое - искусство.

У окна Венера хочет что-то сказать Аполлону, но он делает ей знак, чтобы она молчала.

Галатея (*со слезами на глазах*). Я горжусь тобой, Пигмалион. Ты создал лучшее, что есть во мне. Но...

Пигмалион. Ты плачешь?

Галатея. Я не хочу, чтобы ты возненавидел меня. Одна мысль о том, что ты можешь возненавидеть меня, непереносима. Я хорошо понимаю все, что ты сказал сейчас. Мое присутствие здесь невозможно. Я больше не чистое твоё создание. Ты смотришь на меня, а губы твои как будто жестоко шепчут: "Какое уродство! Какое преступление!" Ты думаешь, я смогу это вынести?

Пигмалион. Не плачь, Галатея. Я же сказал тебе, ты здесь ни при чем.

Галатея. Каждый день будет увеличивать эту пропасть между нами... Мое присутствие здесь будет постоянно напоминать тебе о твоём уничтоженном произведении и погибшем искусстве. Пигмалион! Мы должны расстаться.

Пигмалион. Расстаться?!

Галатея. Сейчас же. Так будет лучше и для тебя и для меня.

Ведь даже и этот свой облик я не смогу сохранить надолго. Каждый день будет приближать меня к старости. Я не вынесу твоего взгляда, когда ты согласишься на меня через несколько лет... Избавь меня от этого унижения.

Пигмалион. Ты постареешь?

Галатея. А ты не думал об этом? Разве моим волосам не грозит седина, лицу - морщины, а моему телу...

Пигмалион. Довольно. Замолчи, Галатея.

Галатея. Вот видишь, ты не можешь даже представить себе этого.

Пигмалион (*шепотом*). Не могу.

Галатея. Ты сказал правду, Пигмалион. Но и это еще не все. Ты должен подумать и о моей смерти.

Пигмалион. Твоей смерти?

Галатея. Она окончательно и навсегда уничтожит все следы твоего гениального искусства.

Пигмалион. Твоя смерть!.. Нет... Я не смогу этого перенести!

Галатея. Я знаю. И не потому, что ты любишь меня. А потому, что это будет ударом для тебя как для художника.

Пигмалион. Мое прекрасное творение превратиться в прах?

Галатея. Вот видишь.

Пигмалион. И мой огромный труд?

Галатея. И все то, что ты собрал на небе, куда относил тебя на своих крыльях Пегас. И все то, что ты создал из самых великолепных образцов красоты и совершенства. Все будет преподнесено на ужин кладбищенским червям.

Пигмалион. Будьте вы прокляты, обитатели Олимпа! Довольно, Галатея! Довольно! Довольно! Зачем ты мучаешь меня?

Галатея. Не знаю... Прости... Наверно, я говорю глупости, лишённые всякого смысла. Я даже не понимаю сама, что я хочу сказать. Но все равно я чувствую, что мы должны расстаться. Не знаю как. Я не смогу расстаться с тобой по своей воле, да и не по своей тоже. Но даже если мы расстанемся, куда я денусь?.. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Мы и так слишком долго говорим о мрачных вещах. Поцелуй меня, любимый... Много, много раз поцелуй меня. Я очень боюсь, что...

Пигмалион. Да.

Галатея. Что с тобой?

Пигмалион (*решительно*). Теперь я знаю, что мне делать.

Галатея (*тревожно*). Что? Куда ты идешь?

Пигмалион (*направляется к двери*). В храм.

Галатея (*испуганно шепчет*). В храм?

Пигмалион (*возвращается*). Галатея... Галатея... Поцелуй меня!

И давай я тебя поцелую много, много, много раз. Прощай!

Они обнимаются. Пигмалион уходит.

Галатея (*бледная, оцепеневшая, падает на мраморный постамент и шепчет*). Прощай! (*Хватается за голову*).

Голос Пигмалиона (*снаружи, громко*). О боги! Венера! Аполлон! Верните мне мое бессмертное создание и забирайте ваше убожество! Верните мне мое великое искусство! Я хочу, чтобы Галатея снова превратилась в статую, какой я ее создал!

Венера (*поворачивается к Аполлону*). Ты слышишь?

Аполлон. Да.

Венера. И что же нам теперь делать?

Аполлон. Другого выхода нет. Возьмем свое и вернем ему его.

Венера. Сдадимся?

Аполлон. А что мы еще можем?! Он же требует вернуть ему статую, какой она была... Так вернем ему его статую...

Венера (*протягивает руки к Галатее*). По моему велению пусть жизнь покинет Галатею и она снова превратится в статую из слоновой кости.

Галатея поднимается на постамент и застывает.

Аполлон (*протягивает руки к застывшей Галатее*). Стань снова тем, чем ты была, - произведением искусства, созданием Пигмалиона. И прими то же положение, в котором ты, статуя, находилась раньше.

Галатея принимает точно ту позу, в которой она стояла раньше на мраморном постаменте. Затемнение.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лес погружен в полный мрак. Слышно, как деревья гнутся от сильного ветра, словно взбунтовавшиеся джины. В комнате Нарцисс, он сидит рядом с занавеской, опустив голову, и как будто дремлет. Музы в прозрачных темных одеждах, танцуя, приближаются к окну.

Музы (*шепчут*). Нарцисс!

Нарцисс (*поворачивается к ним, прикладывает палец к губам*). Тсс...

Музы (*шепотом*). Что с ним?

Нарцисс (*тоже шепотом*). Он спит.

Музы (*тихо*). Он болен?

Нарцисс. Немного простудился.

Музы. Это потому, что он по ночам ходит к тому шалашу у озера в кипарисовом лесу.

Нарцисс. Замолчите вы, болтушки!

Музы. Ты не очень-то вежлив с нами, Нарцисс. Ты больше не тот нежный цветок, каким был раньше. Ты стал мужчиной, и к тому же со скверным, грубым характером.

Нарцисс. Вот сейчас я закрою окно перед вашим носом.

Музы. Это окно еще никогда не закрывалось. Пигмалион ценит красоту.

Нарцисс. Я тоже ценю красоту. Но я презираю красоток. Уходите отсюда сейчас же.

Музы. А Исмену ты тоже презираешь?

Нарцисс. Она ничем не лучше вас.

Музы. А мы-то думали, что она тебе раскрыла глаза, на женщин по крайней мере.

Нарцисс. Мои глаза и так видели больше, чем надо.

Музы. А где она сейчас? Ты ее бросил?

Из-за занавески слышится кашель.

Нарцисс. Вот видите, вы мешаете ему спать.

Музы. Уйдем отсюда, уйдем! (*Танцуя, исчезают в вихре ветра*).

Пигмалион (*кричит из-за занавески*). Нарцисс, дай мне пить!

Нарцисс (*спешит к нему*). Ты проснулся, Пигмалион?

Пигмалион (*появляется из-за занавески, он в халате, на плечах плед*). Мне слышались здесь какие-то женские голоса...

Нарцисс. Женские?

Пигмалион. С кем ты здесь разговаривал?

Нарцисс. Да все эти девчонки-болтушки.

Пигмалион (*садится*). Не сердись на них, Нарцисс.

Нарцисс (*внимательно смотрит на него*). Что-то сегодня ты так милостив к женщинам.

Пигмалион (*осматривается по сторонам*). Как мне опротивел этот дом!

Нарцисс. Зачем ты встал? Ночь сегодня холодная. От ветра даже деревья гнутся. Будет буря. Тебе нужно закутаться хорошенько и выспаться как следует. Тогда скорее выздоровеешь.

Пигмалион. Почему ты говоришь со мной так, будто я болен?

Нарцисс. Ты действительно болен вот уже несколько дней.

Пигмалион. Ты глуп, Нарцисс.

Нарцисс. Нет, я больше не глуп. А ты слишком много бродил по ночам.

Пигмалион. Я запретил тебе вмешиваться в мои дела.

Нарцисс. Кроме твоего здоровья, у меня нет других дел.

Пигмалион. Расскажи мне лучше о себе. Как у тебя с Исменой?

Нарцисс. Ты спрашивал меня о ней несколько дней назад. Я все рассказал тебе.

Пигмалион. Да... Действительно... И все-таки... Расскажи мне о ней еще.

Нарцисс. Ты считаешь, она достойна того, чтобы о ней так много говорили?

Пигмалион. Она мудрая женщина. Тебе не кажется?

Нарцисс. Этого слишком мало чтобы восхищаться ею.

Пигмалион. И она очень любит тебя.

Нарцисс. Для женщины любовь - единственное занятие в жизни.

Пигмалион. А... Да. И тем не менее это не так уж мало.

Нарцисс. Я думаю иначе.

Пигмалион. Что ты, Нарцисс! Она сделала из тебя настоящего мужчину. Какая неблагодарность! Так всегда бывает. Когда чья-нибудь рука открывает нам глаза, первое, что мы видим, - что эта рука меньше, чем мы себе представляли.

Нарцисс. Я не считаю это неблагодарностью.

Пигмалион. Как же тогда это назвать? Самосознанием, гордостью, эгоизмом?

Нарцисс. Что ты имеешь в виду? Почему ты так разговариваешь со мной, Пигмалион?

Пигмалион. Спокойнее, Нарцисс, спокойнее. Где Исмена сейчас?

Нарцисс. Не знаю.

Пигмалион. Во всяком случае, она жива?

Нарцисс. Надеюсь.

Пигмалион. И хотя бы немного любит тебя!

Нарцисс. Наверно.

Пигмалион (*опустив голову, словно самому себе*). Любовь, ласки, заботы - их дает нам только жизнь. А искусство ничего подобного дать не может.

Нарцисс внимательно смотрит на него.

Что ты на меня уставился?

Нарцисс. Нет, ничего.

Пигмалион. Тебе не по вкусу то, что я говорю?

Нарцисс. Нет, напротив, я же не запрещаю тебе говорить обо мне.

Пигмалион. Спасибо, Нарцисс.

Нарцисс. Разговор на эту тему успокаивает тебя.

Пигмалион (*поднимает голову*). Что ты имеешь в виду?

Нарцисс (*иронически*). Исмена все-таки женщина... А живая женщина - это не так уж мало.

Пигмалион (*снова опускает голову*). Я хочу пить, Нарцисс.

Нарцисс. Прости... Я забыл принести. Тебе воды?

Пигмалион. А что еще?

Нарцисс. Или, может быть, фруктового сока?

Пигмалион (*кричит*). Замолчи!

Нарцисс. Я сказал что-нибудь не так?

Пигмалион (*после паузы*). Расскажи мне о себе. Ты можешь сейчас жить спокойно, без Исмены?

Нарцисс (*пристально смотрит на него*). Об этом я еще не спрашивал себя.

Пигмалион. Ну вот я спрашиваю.

Нарцисс. Сейчас неподходящее время для того, чтобы думать о чем-нибудь другом, кроме твоего здоровья.

Пигмалион (*опять опускает голову*). Ты прав.

Нарцисс. Пойду принесу тебе воды.

Пигмалион. Все это глупость, ерунда, пустая болтовня

Нарцисс (*останавливается, оборачивается*). Что?

Пигмалион. Все, все, о чем мы говорим сейчас. Как будто ты не можешь найти более интересной темы для разговора.

Нарцисс. Это я-то не могу найти? А может быть, ты? Ты сам вот уже несколько дней не можешь разговаривать ни о чем другом.

Пигмалион. Это же все ради тебя, дурашка.

Нарцисс. Ради меня!

Пигмалион. Мой долг - наладить твои отношения с Исменой.

Нарцисс. Я вижу, ты выполняешь долг... тебя никто не принуждал.

Пигмалион (*кричит*). Нарцисс! Нарцисс! Терпеть не могу твоего высокомерия!

Нарцисс. А почему я должен терпеть твое? Ты запрещаешь мне вмешиваться в твои дела, а сам спокойно вмешиваешься в мои. Но я не сержусь, не вижу в этом ничего дурного. Потому что я понимаю тебя и жалею.

Пигмалион. Жалеешь?

Нарцисс. Конечно. Думаешь, незаметно со стороны, что тебя так трясет как деревья в лесу от бури. А ты все-таки держишься, словно вон тот старый дуб в начале осени. Прости, я жесток с тобой.

Пигмалион. Я не старый дуб... Нет... Я...

В окно врывается сильный порыв ветра.

Нарцисс. Закрывать окно?

Пигмалион. Нет, нет... Подожди. Еще не настало время.

Нарцисс. Я боюсь за тебя. Здесь холодно.

Пигмалион. Я не боюсь холода ночью.

Нарцисс. Раньше я тоже так думал. Но... к сожалению...

Пигмалион. Ты больше не веришь мне?

Нарцисс. Твое состояние - лучшее доказательство.

Пигмалион. Ты не веришь мне.

Нарцисс. Ты сам себе больше не веришь.

Пигмалион. Довольно, перестань.

Нарцисс. Вот видишь? Ты боишься, когда я говорю. Не беспокойся, я буду молчать. Из жалости к тебе.

Пигмалион. Убирайся вон отсюда!

Нарцисс. Я не могу оставить тебя.

Пигмалион. Ты предатель! Я ненавижу твой голос.

Нарцисс. Говори, говори. Я буду молчать.

Молчание

Пигмалион (*словно про себя*). Я?

Нарцисс. Да. Давай я послушаю твои сердечные излияния.

Пигмалион (*тихо*). А какой в этом смысл?

Нарцисс. Твои слова будут всего лишь эхом моих.

Пигмалион. Ты - мое несчастье. Как бы мне отделаться от тебя? Ты всегда рядом со мной. Даже в лесу, склоняясь над озером, я вижу не себя, а твое лицо, твое. Тебя с твоим глупым высокомерием, гордостью, глупостью и душевной слепотой. Ты - красивая и бесполезная часть моей души. Ты - грех, который каждому художнику суждено вести на своих плечах... Ты самовлюбленный себялюбец...

Нарцисс. Пусть так. Зато ты гений. Твое искусство создает вечную красоту.

Пигмалион. Статую жены моей?

Нарцисс. Нет, нет, не ее. Я запрещаю тебе так говорить. На этот раз я тебе запрещаю так говорить о ней. Это было и прошло, мы должны забыть об этом. Все это было как сон, смешной и преходящий сон... Та, которую ты называешь своей женой, существовала только в твоём воображении... А эта статуя из слоновой кости - это действительная реальность. Ты лишишься разума и таланта, если будешь настаивать на том, что эта статуя - изображение твоей покойной жены... Сбрось с себя траурные одежды вдовца, которые ты втайне надеваешь! Вернись к твоему искусству, вернись к скульптуре, полюби эту статую как свое произведение, смотри на нее, как смотрел раньше... Взгляни же... (*Направляется к занавеске*).

Пигмалион (*отворачивается*). Нет, нет, я не хочу видеть ее застывшее лицо, ее копию!

Нарцисс. Застывшее? Копию?

Пигмалион. Все смешалось у меня в голове. Кто же из них оригинал, а кто копия?... Скажи мне, Нарцисс, кто из них красивее и благороднее? И что важнее - жизнь или искусство?

Нарцисс. Разве я уже не сказал тебе, что ты засомневался в своем искусстве? Только что ты запретил мне говорить об этом и вот заговорил сам.

Пигмалион. Да, я сомневаюсь. Нарцисс, сомневаюсь во многом.

Нарцисс. Я это понял, когда увидел, как ты отворачиваешься от статуи. Прошло уже несколько дней, как ты к ней не подходишь и не разрешаешь отдернуть занавеску. Посмотри, сколько пыли у нее на постаменте. Нельзя же так! Где у нас метла?

Пигмалион (*словно про себя*). Метла?

Нарцисс. Что с тобой? О чем ты?

Пигмалион (*решительно поднимается*). Я уйду.

Нарцисс. Нет. Этой ночью ты никуда не пойдешь.

Пигмалион. Я уйду.

Нарцисс. Там буря. Эти твои хождения по ночам уже довели тебя до болезни. Сегодня ночью ты никуда не пойдешь. Я не пущу тебя!

Пигмалион. Пусть только кто-нибудь попробует остановить меня! Я снова пойду к озеру. Я не могу провести ночь с застывшей статуей, она напоминает мне о моем преступлении. Это неправда, она ждет

меня там, как ждала все эти ночи. Моя жена, жена моя... А-а, я убийца, я убил свою жену!

Нарцисс. Бедняга! Это все плод твоей фантазии.

Пигмалион. А ты безумец! Замолчи!

Нарцисс. Я безумец? Что же мне делать? Разреши мне пойти с тобой? В лесу темно, холодно, ветер завывает так страшно. Ты ослаб...

Пигмалион (*кричит*). Нет! Никто не пойдет со мной! Я пойду туда один!

Нарцисс (*безнадежно*). Тогда иди.

Пигмалион закутывается в плед и уходит.

(Задумывается, потом быстро направляется к двери). Я все-таки могу ему пригодиться. (Уходит)

Звучит музыка. Аполлон помогает Венере войти в комнату через окно.

Венера. Что дальше, Аполлон? Долго ты еще намерен таскать меня сюда по ночам?

Аполлон. Я не могу больше провести ни одной ночи, не взглянув хоть раз на эту статую.

Венера. Можно подумать, что, вернув ей прежний вид, я старалась для тебя.

Аполлон. Если бы она осталась живой женщиной, искусство потеряло бы очень много. Женщин тысячи!

Венера. Странно. Хозяин ее и то, кажется, больше не говорит так!

Аполлон. Он болен.

Венера. Он убегает от нее каждую ночь, как ты видишь.

Аполлон (*отдергивает занавеску и смотрит на статую*). Посмотри, как он ее сделал! Каждый раз, когда я ее вижу, меня охватывает восторг. Человеческая фантазия способна иногда приводить в восхищение и нас, богов.

Венера. Меня, признаться, больше восхищает образ живой Гала-теи.

Аполлон. К сожалению.

Венера. Тебе-то что сожалеть? Мы должны бы радоваться этому. Ты забыл, как он бросил вызов нам и как оскорблял нас? Забыл, с какой наглой гордостью он разговаривал с нами и какие оскорбления бросал нам в лицо? Ты забыл?

Аполлон (*не сводит глаз со статуи*). Да, забыл.

Венера. Ты всегда обо всем забываешь, а я нет

Аполлон. Эта на тебя похоже.

Венера. Меня удивляет, как легко выветрились у тебя из головы его крики: «Будьте вы прокляты, обитатели Олимпа! Я могу поспорить с вами.... Ваше оружие – жизнь, мое – искусство. Верните мне мое бессмертное создание и забирайте ваше убожество!»

Аполлон (*не отрывая глаз от статуи*). Он так говорил? Если да, значит, он был прав.

Венера. Что с тобой, Аполлон? Что с тобой? Почему тебе нравится вместе со всеми людьми позорить нас? Но ведь теперь-то мы победили. Он признался, что жизнь дороже искусства, он не может отойти от того шалаша, в который я посылала Купидона, чтобы тот вонзил в их тела все свои стрелы... Зажег их сердца любовной страстью. И разбросал на их ложе все цветы наслаждения, блаженства и радости. Ведь сейчас он признает, что жизнь благороднее искусства, и понимает, что метла в руках заботливой жены ценнее высокомерной грации его статуи... Сейчас он вот-вот свалится, как старый дуб, и все в нем прокричит: «Я потерпел поражение!»

Аполлон. Ты когда-нибудь перестанешь говорить о победах и поражениях? Ты, богиня, извини меня, просто баба. Я думаю совсем иначе. Взгляни на эту статую... Я сейчас сознаю, что все, что мы вложили в нее, действительно ее испортило и поставило за пределы искусства. А сейчас она – шедевр! Он прав. Мы, боги, мы способны на любые чудеса, кроме... чуда искусства. Это удел гения смертного человека.

Венера (*гневно*). Ну а дальше, что дальше?

Аполлон. Дальше ничего, как видишь... Кажется, каждый из нас, я и он, признал творение другого. И это все. Ни больше и ни меньше.

Венера. Значит в последний момент ты отказываешься признать, что мы победили?

Аполлон. По-твоему, это победа? Но ведь он еще не умер, хотя и тяжело болен. Сомнения продолжают мучить его. Но никто не имеет права назвать это концом. А теперь, Венера, не будешь ли ты добра помолчать минуту. Дай мне спокойно посмотреть на эту статую.

Венера. Когда ты только нагладишься на нее? Кажется, сегодня ты решил не спускать с нее глаз.

Аполлон. Боюсь, что Пигмалион сделает какую-нибудь глупость.

Венера. У тебя предчувствие?

Аполлон. А у тебя?

Венера. Я тоже чувствую, что этой ночью что-то произойдет.

Аполлон. Я уважаю Пигмалиона, он занимает в моей душе немало места... Такому человеку, как он, можно простить любые глупости, ошибки, слабости.

Венера. Тсс! Он возвращается.

Аполлон. Бедняга! У него не хватило сил даже дойти до озера.

Венера. Нарцисс вернул его с полпути.

Аполлон. Что это? Он как будто несет его?

Венера. Уйдем отсюда.

Аполлон. Мы не уйдем, пока не увидим его. Останься со мной здесь, за окном.

Звучит музыка. Аполлон уводит Венеру за окно, и они наблюдают оттуда.

Дверь открывается. Входит Нарцисс, поддерживая Пигмалиона. В комнату врываются ветер, свист и шум деревьев.

Нарцисс (*сажает Пигмалиона в кресло*). Сначала снимем с тебя одежду, ты весь запачкался. (*Снимает с него верхнюю одежду*).

Пигмалион (*задыхаясь от усталости*). Зачем ты вернул меня?

Нарцисс. А ты хотел, чтобы я оставил тебя валяться в грязи, когда ты свалился от усталости?

Пигмалион. Так было бы лучше для меня.

Нарцисс. Разве умный Пигмалион сказал бы так? Здесь ты у себя дома, в уюте. Подожди, я сейчас разведу огонь.

Пигмалион. Нет, мне ничего не нужно.

Нарцисс. Что же мне, в конце концов, делать! Совсем разочароваться в тебе? Уйти и бросить тебя одного?

Пигмалион. Сделай одолжение...

Нарцисс. С ума можно сойти!

Пигмалион. Оставь меня одного, Нарцисс.

Нарцисс. Боюсь... что...

Пигмалион. Не бойся. Я больше не пойду туда.

Нарцисс. А если я тебе понадобится?

Пигмалион. Не думаю, чтобы ты мне понадобился.

Нарцисс. Хорошо, я уйду. *(Про себя).* Но я все равно буду где-нибудь здесь поблизости. *(Уходит в дверь, ведущую внутрь дома).*

Пигмалион *(смотрит на статую).* Вот мы и вместе, ты и я... Почему же мне так одиноко? Раньше с тобой я не чувствовал одиночества... В то время мое искусство и ты, создание моего искусства, заполняли мне не только этот дом, но и всю мою жизнь. А сейчас моя жизнь пуста... И все в ней бессмысленно! Так что же мне делать? *(Охватив голову руками, плачет).*

Венера *(шепчет Аполлону).* Он несчастен.

Аполлон. Да, очень.

Венера. Как ты думаешь, не помочь ли нам ему?

Аполлон. Странно. Вид плачущего мужчины трогает сердце любой женщины, даже если она богиня.

Венера. Это не порок, если у меня такое нежное сердце.

Аполлон. Как быстро оно стало нежным!

Венера. А может быть, нам вернуть этой статуе жизнь еще раз?

И он снова получит свою жену, а?

Аполлон. Знаешь, что будет, если мы это сделаем?

Венера. Что?

Аполлон. То же самое, что было в первый раз. Сначала он с восторгом бросится к живой Галатее, а потом снова увидит, что она менее красива и совершенна, чем Галатее-статуя, и снова потребует сделать ее такой, какой она была. И будет так же кричать на нас и теми же словами оскорблять нас. А когда мы снова вернем ему его произведение искусства, он на минутку притихнет, а потом снова скажет, что статуя

менее красива и совершенна, чем живая женщина. И так далее. Он не успокоится никогда... Его не может удовлетворить ни живая красота, ни красота искусства. И он никогда не перестанет стремиться к красоте и совершенству в самых разных видах и проявлениях. И стремление это угаснет в нем разве что с последним вздохом его беспокойной души. Поэтому я и сказал тебе - Венера, довольно говорить о поражении и победе. Наша борьба вечна, иначе и быть не может.

Венера. Тогда не будем больше слушать его просьбы и мольбы, не будем жалеть его, даже если он будет плакать горькими слезами. Пусть себе ворочается на холодной одинокой постели. Пусть рычит и стонет в своем пустом доме. Пусть вгрызается зубами в подушки, и пусть ни одна женщина не согреет его своей любовью. Предоставим ему самому строить свою жизнь в этой бесконечной борьбе, пока он не свалится с ног, так и не ощутив участливого поцелуя на своем мокром лбу!

Аполлон. Так оно и будет, Венера. А мы, разве мы не осознали на его примере, что нам, богам, лучше не вмешиваться в дела человеческих гениев!

Венера. Тсс. Он встает. И как будто на что-то решился...

Аполлон. Боюсь, что...

Пигмалион (*встает, медленно и тяжело подходит к статуе, долго смотрит на нее и разочарованно качает головой. Зачем берет метлу и пытается вложить ей в руку. Смотрит на нее и вдруг изо всех сил бьет ее палкой от метлы по голове. Кричит*). Нет! Нет! Ты больше не можешь быть моим идеалом! (*Разбивает статую*).

Дверь открывается, вбегает Нарцисс.

Нарцисс (*кричит*). Что ты наделал, несчастный! Что ты наделал! (*Бросается к Пигмалиону и оттаскивает его от статуи*).

Пигмалион (*падая в кресло*). Я выполнил свой долг...

Нарцисс (*возвращается к статуе и собирает ее куски на полу*). Ты наверно сошел с ума.

Пигмалион. Я сделаю статую лучше этой.

Нарцисс (*пытаясь сложить отдельные куски*). Когда? Ты думаешь, ты теперь способен на что-нибудь?

Пигмалион (*мечется в кресле и кричит*). Я сделаю! Лучше, чем эта! У меня много замыслов! Я осуществлю их! Мои великие идеи - я дам им бессмертие!

Нарцисс (*гневно*). Но сам ты не бессмертен!

Пигмалион. Что ты говоришь?

Нарцисс. Это конец, Пигмалион.

Пигмалион (*старается приподняться*). Замолчи, глупец! Я не умру... Я не умру, пока не создам статую - подлинное произведение искусства. Я до сих пор еще не раскрыл тайны... тайны творчества... Я потратил всю жизнь на борьбу... на борьбу с искусством, чтобы отобрать у него ключ и раскрыть его великую тайну. И на борьбу со своими страстями, мыслями, инстинктами, на борьбу с самим собой. И еще... на борьбу с судьбой, с обстоятельствами, с внешними силами, с вами, боги... Это была долгая, мучительная борьба, и я выстоял в ней... И все-таки... неужели вся эта борьба была напрасна? Сейчас я все знаю, все вижу, все понимаю, но...

Нарцисс (*тревожно*). Но... что, Пигмалион?

Пигмалион не отвечает.

Венера (*шепчет Аполлону*). Уйдем отсюда.

Аполлон. Ты видела, что за глупость он сделал? Эти люди всегда уничтожают красоту, которую создают, чтобы потом создавать ее заново.

Венера. Ему же не успеть. Он умирает.

Аполлон. Да. Но память о нем останется. Имя Пигмалиона будет жить всегда, пока есть искусство на земле.

Венера. Пойдем отсюда, Аполлон.

Аполлон. Пойдем, Венера.

Венера и Аполлон уходят.

Пигмалион (*тихо*). Нарцисс.. Я думаю, что... что ты...

Нарцисс. Что, Пигмалион?

Пигмалион. Что ты... ты... прав.

Нарцисс. Я пошутил... Ты не умрешь, ты совершенно здоров.
Отец мой, друг мой...

Пигмалион (*хрипло*). Мне... Мне очень холодно.

Нарцисс. Закрывать окно?

Пигмалион (*хрипло*). Да. Теперь уже пора.

З а н а в е с

1942

Перевод Т.Муазена и Т.Путинцевой.

НЕЖНЫЕ РУКИ

Комедия в четырех действиях

Действующие лица

Али Хамуда, доктор филологических наук.

Принц Фарид.

Джихан, Мервар - его дочери

Салем, муж Мерварт.

Хадж Абдессалам.

Карима, его дочь.

Продавец кукурузы.

Продавец сладостей.

Шабан.

Хозяйка.

Хозяин.

*Действие происходит в Каире после июльской революции
1952 года*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Набережная Нила недалеко от больницы Каср аль-Айни. На каменном парапете сидит молодой человек лет тридцати и при свете фонаря внимательно читает газету. Это доктор филологических наук Али Хамуда.

Появляется элегантный мужчина лет сорока пяти, с незажженной сигарой в зубах. Он останавливается и с видом беззаботного и жизнерадостного человека любит Нилом. Это принц Фарид.

Принц Фарид (замечает Али Хамуду, рассматривает его в монокль, приближается к нему и говорит повелительным тоном). Спички, пожалуйста!

Али Хамуда (не отрываясь от газеты). Мне очень жаль. но...

Принц Фарид (вынимает сигару изо рта, засовывает ее в боковой карман). Тем лучше. Курить вредно. (Опять смотрит на Нил, насвистывая при этом какую-то танцевальную западноевропейскую мелодию. Вдруг умолкает и взглядывает на доктора). Я вам не мешаю?

Али Хамуда (не отрываясь от газеты). Нет.

Принц Фарид (продолжает насвистывать, снова умолкает). Вы так увлечены чтением. Должно быть, что-нибудь серьезное? Что-нибудь случилось? Я уже несколько дней не читал газет. Почему? Ну сейчас вряд ли стоит говорить об этом. И все-таки интересно - какие там новости?

Али Хамуда (поднимает голову, поворачивается к принцу. Искренне). Новости? Я не знаю.

Принц Фарид (показывая на газету). А что же вы читаете?

Али Хамуда. Объявления.

Принц Фарид. Объявления? Вы что, занимаетесь торговлей?

Али Хамуда. Нет, нет, я ищу работу,

Принц Фарид. Вы тоже? Кажется, я вас знаю... Видел где-то. А может быть, мы даже родственники? У нас семья огромная, не можем же мы все помнить друг друга. Я отделался даже от своей старшей до-

чери. Впрочем, и от младшей тоже. Почему? Ну, сейчас вряд ли стоит говорить об этом. Быть может, вы уже и так знаете. Мы из этого не делаем тайны. Такой позор! Вы знаете, конечно?

Али Хамуда (*удивленно*). Что знаю?

Принц Фарид. То, что случилось с моей дочерью Мерварт. А что после этого выкинула ее младшая сестра Джихан! Об этом же вся семья знает! И поскольку вы, возможно, тоже принц...

Али Хамуда (*удивлен*). Я принц? Почему?..

Принц Фарид. Вы же сказали, что ищете работу.

Али Хамуда. Да, ищу. Но при чем здесь это?

Принц Фарид. А-а, простите. Я, наверно, не так вас понял. Лучше представьтесь.

Али Хамуда. Доктор Али Хамуда.

Принц Фарид. Доктор? А-а, теперь я понял, почему вы здесь, рядом с больницей.

Али Хамуда. Нет, я доктор не из больницы. Я доктор филологических наук.

Принц Фарид. Филологических?

Али Хамуда. Да, я специалист по грамматике.

Принц Фарид. А что это такое?

Али Хамуда. Вернее, по одному только вопросу в грамматике. По родительному падежу.

Принц Фарид. Родительному падежу?

Али Хамуда. Ну не по всему, конечно, а по его предлогам. То есть по предлогам, которые образуют родительный падеж.

Принц Фарид. Родительный? А, значит, вы акушер?

Али Хамуда. Да нет, не родильный, а родительный. Это падеж. В грамматике есть предлоги, которые употребляются с определенными падежами. Их очень много, слова после них изменяются и образуют падежи. Правда, некоторые ученые считают, что можно вместо одного предлога ставить другой, но это, честно говоря, неверно, потому что смысл-то от этого все-таки меняется. Так вот, моя диссертация рассматривает, конечно, не все предлоги родительного падежа, иначе какая же это была бы специализации, а один предлог - "с". Меня увлекло, что наш знаменитый лингвист Сибавейхи, умирая, сказал: "Я уношу с

собой в могилу тайну предлога "с". И в самом деле, этот предлог для всех ученых проблема всех проблем: ведь он употребляется со многими падежами - и с родительным - родит, и с винительным - винит, и с творительным - творит. Вы видели что-нибудь подобное? Ну например, можно сказать "я ел рыбу с хвоста", или "я ел рыбу с утра", или "я съел рыбы с килограмм", и вдруг - "я ел рыбу с головою". А? Понятно?

Принц Фарид. Конечно, понятно. Значит, рыбу вы можете есть всякую и всегда. Не так ли?

Али Хамуда. Да, в трех падежах как видите.

Принц Фарид. И за это вы получили докторскую степень?

Али Хамуда. Да.

Принц Фарид. Нет, мой милый. Если бы я захотел поесть рыбы, то, поверьте, я обошелся бы и без вас. Вы сказали, что ищете работу?

Али Хамуда. Да, и, к сожалению, никак не могу найти.

Принц Фарид. Еще бы!

Али Хамуда. Дело в том, что в университете для меня места не нашлось, а моя узкая специализация не дает мне преподавать в школе. К тому же по своей натуре я ученый, а не преподаватель. Еще в школе у меня появилось хобби - синтаксис. Все, что мне попадалось на глаза, я разбирал по членам предложения. Готов был дни и ночи только этим и заниматься. Весь мир состоял у меня из членов предложения. Я открывал книги не для того, чтобы их читать, а для того, чтобы находить подлежащие и сказуемые. Я искал их в книгах, газетах и даже в телефонной книге. Да и теперь единственное, что меня занимает в мире, так это всего лишь одно слово - маленький предлог "с". Я вижу его в каждой строчке, на какую бы ни взглянул. Вижу, как он изменяет следующие слова, он изменил даже и мою жизнь. Этот маленький предлог решением вопроса о котором был занят Сибавейхи на пороге вечности, решает теперь мою судьбу, когда я стою на пороге своей самостоятельности.

Принц Фарид. У вас есть какие-нибудь доходы?

Али Хамуда. Нет. Мой отец умер несколько месяцев назад и ничего не оставил мне. Он арендовал маленький участок в одной деревеньке и весь свой заработок посылал мне, чтобы я мог учиться. После него остались только одна корова и одна овца. Но весь этот его скот я

продал, ведь мне надо было как-то жить дальше. А теперь вот у меня совсем ничего нет. Поэтому надо искать работу. Срочно.

Принц Фарид. А что вы умеете делать?

Али Хамуда. Пока не знаю, но...

Принц Фарид. Послушайте, вы меня заинтересовали.

Али Хамуда. Ну да! Может быть, у вас есть и работа для меня?

Принц Фарид. У меня?

Али Хамуда. Я начинаю надеяться. Может быть, наша встреча и не так уж проста и случайна.

Принц Фарид. А какую работу вы хотели бы?

Али Хамуда. Любую. Только никак не ниже пятого разряда. Потому что моя докторская степень дает мне право именно на пятый разряд. Можете убедиться в этом в министерстве просвещения.

Принц Фарид. Пятый разряд? А что за пятый разряд?

Али Хамуда. А это значит, что мой заработок должен быть не ниже двадцати фунтов.

Принц Фарид. Двадцать фунтов. Да у меня шофер и то больше получал. Вы умеете водить машину?

Али Хамуда. Нет, нет, на это я не пойду.

Принц Фарид. Да я вас и не взял бы.

Али Хамуда. Мне нужна государственная должность. Впрочем, это может быть и частная, не важно. Главное, чтобы это была должность.

Принц Фарид. Прекрасно. Но какую должность вы могли бы занять? Вам уже приходилось работать где-нибудь?

Али Хамуда. Нет, не приходилось.

Принц Фарид. Мне тоже не приходилось.

Али Хамуда. Еще бы! Вы, наверно, очень богаты. У вас машина, шофер. Может быть, вы написали бы мне куда-нибудь записку, и я бы по ней получил какую-нибудь должность... Я бы вам этого никогда не забыл...

Принц Фарид. Вот вы все говорите - должность, должность. А что это такое - должность? Ну что бы вы с ней делали, если бы мы ее нашли? Вы думали об этом?

Али Хамуда. Нет, не думал. Но мне сказали, что это очень просто. Должность - это когда с утра до вечера есть письменный стол и жалование.

Принц Фарид. А-а, это хорошо, это я тоже могу. Хотя, между нами говори, я не могу по утрам вставать раньше одиннадцати.

Али Хамуда. Да вам это и не нужно. А поспать утром - это прекрасно. Самый сладкий сон! Я тоже просыпаюсь очень, очень поздно. Мне ведь сейчас и делать больше нечего. А вы чем занимаетесь, когда встаете? Кстати, вы не представились...

Принц Фарид. Простите. Принц Фарид. Мой дворец в Гарденсити, в нескольких шагах отсюда.

Али Хамуда (*смущенно приподнимается*). Принц... Фарид? Вы? Ваша светлость...

Принц Фарид (*жестом усаживает его*). Без церемоний, прошу вас, сидите. Вы не читали в газетах, что вчера произошло?

Али Хамуда. А что?

Принц Фарид. Не знаете? Тем лучше. Давайте продолжим наш разговор. Так на чем мы остановились?

Али Хамуда. Мы говорили, ваша светлость.

Принц Фарид. Если вы ко мне будете обращаться с титулом, то и я к вам. Итак, продолжайте, господин доктор, мы говорили о должности.

Мимо проходит продавец кукурузы, перед собой он толкает тележку с маленькой жаровней, на которой жарится кукуруза.

Продавец кукурузы (*обмахивая жаровню веером из куриных перьев, кричит*). Кукуруза как мед! Сахарная кукуруза!

Принц Фарид (*долго принюхивается*). Запах жареного возбуждает аппетит. Что вы на это скажете, господин доктор?

Али Хамуда. Действительно, очень вкусно пахнет.

Принц Фарид (*подзывая продавца*). Послушай, старина, поджарь-ка нам парочку початков. Пойдем, выберем побольше.

Али Хамуда и принц Фарид подходят к тележке с кукурузой.

Али Хамуда (*выбирая печаток*). Я вам выбрал, ваша светлость, вот этот. Мягкий и сочный. А вот еще один - не хуже. (*Продавцу*) Почему штука, дядя?

Продавец кукурузы. Один куруш.

Принц Фарид. Куруш? За один початок?

Продавец кукурузы. Дорого?

Принц Фарид. Еще бы! Почему он тебе обходится. Только честно. Если у таких, как ты, есть честь, конечно.

Продавец кукурузы. Ну, ну, давайте поделкатнее, господа уважаемые.

Принц Фарид. Нет, ты скажи. У меня была земля, я знаю. Если бы один початок стоил полкуруша, и то бы ты с каждого феддана получал огромные суммы.

Продавец кукурузы. Початок стоит один куруш. Вам жарить?

Принц Фарид. Жарь, конечно. Но ты просто очень жаден.

Продавец кукурузы (*кладет два початка на угли*). Жаден? Клянусь вашей честью, - а у таких, как вы, честь, есть, конечно, - знаете, когда я сегодня встал? Да совсем затемно, когда еще звезды на небе были. Пошли мы с сыном в поле, нарвали початков, погрузили в тележку и тащили ее от нашей деревни до самого города. И здесь вот целый день я стою на ногах, работаю. Вечер уже. А пока я вернусь домой в деревню пешком с тележкой, поужинаю да спать лягу, вообще ночь настанет. Это все стоит денег или нет? А если нет, то чем я своих детей прокормлю?

Али Хамуда. У тебя есть дети?

Продавец кукурузы. И маленькие есть, и двое больших, уже в деревне в школу ходят, в по утрам подрабатывают немного нам на жизнь.

Али Хамуда. Подрабатывают? Где?

Продавец кукурузы. Один - в поле, на том крошечном участке, на который мы с женой еле-еле денег накопили, вот там кукурузу и выращиваем. А второй сын подмастерьем работает в лавке у угольщика. Вот он мне и уголь приносит.

Али Хамуда. Значит, все у тебя свое - и уголь и кукуруза, живешь - как сыр и масле катаешься.

Принц Фарид. Скажи лучше, как кукуруза на углях поджаривается.

Оба смеются.

Продавец кукурузы (*обмахивая веером кукурузу на жаровне*). А без угля кукуруза не жарится... Работать каждый должен, будь ты крестьянин или угольщик, все равно. Главное - не бездельничать и зарабатывать себе на кусок хлеба.

Али Хамуда. А учение? А наука?

Продавец кукурузы. А наука, простите, - это тоже работа. Вот ваш початок. Погодите, я заверну его в листья, чтоб вы руки не обожгли. Нам все равно - ученый ты там или неученый. У нас люди делятся на тех, кто работает, и тех, кто не работает. Одни трудятся в поте лица и приносят пользу себе и другим. А другие, я извиняюсь, бездельничают. Ни работы у них, ни занятий, ни себе пользы, ни другим. Такие, по нашим деревенским понятиям, и за людей-то не считаются. Вот вам ваш початок.

Али Хамуда (*передает початок принцу*). Пожалуйста, вы первый, ваша светлость.

Принц Фарид. Нет, нет, вы первый, господин доктор.

Продавец кукурузы (*протягивает второй початок*). Второй тоже готов. А вы доктор, значит? У меня здесь родственник лечится, в этой больнице.

Принц Фарид (*быстро*). Нет, нет, он не здесь доктор. Он доктор в другом месте. Сколько тебе за эти два початка?

Продавец кукурузы. Два куруша.

Принц Фарид (*отходит со своим початком к парапету*). Заплатите ему, доктор. Принцы, как короли, денег с собой не носят.

Али Хамуда платит, продавец кукурузы уходит, толкая перед собой тележку. Али Хамуда с початком в руках возвращается на свое место у парапета.

Продавец кукурузы (*кричит, уходя*). Свежая кукуруза! Свежая кукуруза!

Али Хамуда (*грызет початок, рассеянно*). Царство ему небесное!

Принц Фарид (*с жадностью ест*). Кому?

Али Хамуда. Моему покойному отцу. Ни в чем-то я ему не помогал. А он работал с утра до ночи, мне деньги посылал, а я их только тратил.

Принц Фарид. В самом деле. Дети приносят только горе. Моя дочь Мерварт, которую я воспитал в такой роскоши, представьте себе, что она выкинула. Когда ей исполнилось двадцать один год, первое, что она сделала, - опозорила меня.

Али Хамуда. Опозорила? Что же она такого натворила?

Принц Фарид. Ей, видите ли, не понравился благородный жених Мидхат, и она влюбилась в какого-то проходимца. Механика в гараже, где она ремонтировала свой "Шевроле". Вышла за него замуж против моей воли, дорогой мой. И поселилась с ним в каком-то нищем квартале. Трех детей ему родила. Старшему сейчас вот уже шесть или семь лет, кажется. Я, конечно, их и в глаза не видел, да и не увижу, как и ее не видел вот уже несколько лет. Но хуже всего, что с нее взяла пример и младшая моя, Джихан. Едва ей исполнилось восемнадцать лет, как и она меня бросила. Переехала жить к сестре. Неблагодарная! А я вот остался один. Жена умерла семь лет назад, ее так потряс скандал с дочерью. Вот какое потомство я народил себе на шею! Тьфу! (*Плюет*)

Али Хамуда (*грызет початок*). А что вы скажете, ваша светлость, о жареной кукурузе?

Принц Фарид. Очень вкусно.

Али Хамуда. Вы едите ее с аппетитом.

Принц Фарид. Полезная штука, не так ли?

Али Хамуда. Возбуждает аппетит, содержит витамины.

Принц Фарид. Конечно, ты доктор, тебе виднее... А, прости, я хотел сказать, откуда ты это знаешь?

Али Хамуда. Ну это же всем известно.

Принц Фарид. Я, к сожалению, не знал. Я раньше здесь проезжал на машине, видел этих оборванцев с тележками и презирал их, думал, что это грязно и невкусно. Откуда мне было знать, что это так вкусно и так полезно. (*С жадностью ест.*)

Вдруг - резкий гудок машины, скрип тормозов.

Али Хамуда (*смотрит в сторону, откуда раздался шум*). Ого! Машина продавца чуть не задавила!

Принц Фарид. Бедняга! Он был так счастлив, что у него есть работа и такие хорошие дети. Это мы его сглазили, наверно. Тебе не кажется?

Али Хамуда. Может быть. Но, слава аллаху, машина его не задела.

Принц Фарид (*продолжая жевать*). Водитель - лихач, а с ним рядом еще две дамы, да?

Али Хамуда (*внимательно разглядывает*). Да, и молоденькие.

Принц Фарид. Их бы следовало проучить. Подожди меня.

(*С початком в руках спрыгивает с паркета и направляется в сторону машины*)

Оттуда слышится неясный шум.

Али Хамуда (*кричит*). Оставьте их, ваша светлость! Какое вам до них дело! (*Удивленно*). Машалла! Да они целуются! Эти две дамы бросились к нему на шею! А какие дамы! Красотки!. Элегантны, изящны! Машалла! Кукурузу есть - так со мной вместе, а как целоваться - так порознь. Ладно, ладно. (*Продолжает смотреть*). Странно! Чего это он так рассердился, оттолкнул их от тебя! Гляди как зажрался, прости меня Аллах! Вот он.

Возвращается принц Фарид, он в гневе пытается засунуть початок в карман.

Принц Фарид (*кричит*). Не будет этого! Не будет!

Али Хамуда (*встает с паркета*). Почему же? Я - так пожалуйста.

Принц Фарид. Ни за что я на это не соглашусь!

Али Хамуда. Но я соглашусь.

Появляется девушка лет девятнадцати. Это Джихан.

Джихан (*подбегает к принцу*). Одно слово, папочка! Одно только слово! Ты должен выслушать Мерварт. Иди сюда, Мерварт!

Быстро входит Мерварт.

Мерварт. Папа, умоляю, выслушай меня. Одну минуту!

Принц Фарид. Я заранее знаю все, что ты скажешь.

Мерварт. Ты же ничего не знаешь. За это время произошло много такого, чего ты не знаешь. Ты и слышать ничего не хотел обо мне. Но я думаю - здесь не место для подобных объяснений. Пойдем домой!

Принц Фарид. Ко мне? Это невозможно! Я поклялся, что ты никогда не переступишь порог моего дома.

Джихан. Мы уже его только что переступали, но тебя не застали, конечно. И вообще там никого не было.

Мерварт. Если бы не этот случай с машиной, мы бы тебя и не встретили.

Принц Фарид. А зачем я тебе?

Мерварт. Мы хотели предложить тебе... Скажи, может быть... (*Оглядывается на Али Хамуду*) Здесь как-то...

Принц Фарид. Ну и что? Про тебя все всем известно. А ему - особенно. (*Али Хамуде*). Ты уже, конечно, понял, что это вот и есть мое потомство. Доктор Хамуда... Доктор специалист по.... этому.... по рыбе, если ее есть с хвоста, нет... с головою. Прости, я забыл точно, объясни ей сам. Но только не сейчас, не сейчас.

Мерварт. Очень приятно, доктор. Вы позволите увести папу на два слова?

Али Хамуда (*смущенно*). Пожалуйста, пожалуйста.

Мерварт поворачивается к отцу и знаками показывает Джихан, чтобы она подошла к Али Хамуде. Джихан начинает деликатно отвлекать его разговором.

Джихан. Вы доктор или рыбак?

Али Хамуда. Рыбак? С какой стати?

Джихан. Папа сейчас сказал что-то о рыбе. Значит, вы моряк?

Али Хамуда. Нет, нет. Я специалист по грамматике.

Джихан. А какое же отношение имеет грамматика к рыбе?

Али Хамуда смущенно пытается что-то объяснить, Джихан вежливо смеется, оба жестикулируют.

Принц Фарид (*пытается спрятать початок кукурузы*). Короче, что тебе от меня нужно?

Мерварт. Мне ничего от тебя не нужно, папа. Это ты проси у нас все, что тебе нужно.

Принц Фарид. Просить у вас?

Мерварт. Да, папочка. Мы в твоём распоряжении. И я и мой муж Салем. Ты же совсем не знаешь, как мы живём сейчас. А Салем уже вовсе не такой бедный парень, он инженер на автомобильном заводе, специалист по шасси. И у нас свой домик в Маади и денег около пятидесяти тысяч фунтов. Конечно, пока мы этого всего добились, нам пришлось пережить и бедность и лишения. Мы очень долго нуждались и много работали. И вот, слава Аллаху...

Принц Фарид (*грубо*). Меня это не интересует.

Мерварт. Я знаю, папа, но мы не можем больше оставлять тебя одного в нужде.

Принц Фарид. Кто это вам сказал, что я нуждаюсь? Я так и живу у себя во дворце.

Мерварт. Во дворце, это верно. Но революция отняла у дворян их титулы и имущество, чтобы они работали, как все. А я знаю, что ты ничего не умеешь делать.

Принц Фарид. Это тебя не касается.

Мерварт. Нет, касается. Ты же отец мне. И хоть ты и выгнал нас с мужем из своего дворца, двери нашего дома всегда открыты перед тобой. И не думай, что это только моя идея. Салем, когда читал газеты, он все время беспокоился о тебе, ещё больше меня...

Принц Фарид. Уж не собираетесь ли вы подать мне милостыню?

Мерварт. Ну не говори так. Это наш долг.

Принц Фарид. Ирония судьбы! Этот грязный оборвыш хочет теперь подавать милостыню своим господам.

Мерварт. Ты ему не господин! По какому праву ты говоришь так?

Принц Фарид. Ты отрицаешь это право? Опустилась до их уровня?

Мерварт. Папа, ты можешь оскорблять меня, но не оскорбляй моего мужа. Он всего добился сам. Он никогда не гнушался спецовки рабочего, испачканной маслом и мазутом, учился у простых мастеров, а теперь вот инженер и кончает институт. Он поднимался снизу, все узнавал на практике и многого достиг, даже изобрел новую систему карбюраторов. Я ценю и уважаю его. И я не ошиблась, когда отказалась от своего первого жениха - белоручки, который ни на что не способен, кроме как стоять перед зеркалом и завязывать галстук.

Принц Фарид. У него прекрасная родословная, ты недостойна его.

Мерварт. А кто эту родословную основал? Такой же бедный презренный парень, который работал в табачной лавочке, пока не добился успеха. А вот его потомки явились на готовенькое и палец о палец не ударили, зато назвали свою родословную прекрасной. Каждый род основывается на труде, только на труде и ни на чем ином.

Принц Фарид. Труд, труд, труд... Труд - это удел слуг и рабов!

Мерварт. Труд - это свобода. Я многому научилась с тех пор как живу с Салемом. С тех пор как мои руки взялись за дело, я почувствовала, что я действительно живу. Я словно вырвалась из тюрьмы. И никак не могу понять, как ты способен жить в безделье. Мне просто жаль тебя.

Принц Фарид. Ты меня жалеешь? Странно. Все перевернулось вверх дном!

Мерварт. Папа! Разрешите нам помочь тебе.

Принц Фарид. О чем ты?

Мерварт. Ты не так нас понял, когда подумал, что мы пришли подать тебе милостыню. Нет, нет, мы хотели помочь тебе найти работу.

Принц Фарид (*в гневе*). Работу? Уж не в гараже ли у твоего мужа? Какая наглость!

Мерварт. Не сердись. Не в гараже. Можно и в другом месте. Хотя и это тебя бы не унизило. Салем ждет в машине, пусть он сам объяснит тебе. Ведь он не хочет врываться к тебе без твоего согласия. Я позову его. (*Машет рукой и кричит*). Салем! Салем! (*Отцу*). Встреть его хорошо. Ради меня. Очень прошу.

Появляется Салем. Ему лет тридцать пять, он хорошо одет, скромно, со вкусом. Секунду стоит в растерянности между двумя мужчинами и двумя женщинами.

(*Представляя своего мужа*). Познакомься, наконец, вот и мой муж, ты же его впервые видишь.

Салем (*запинаясь*). Очень рад. (*Протягивает руку.*)

Принц Фарид протягивает руку, в которой зажат початок, быстро ее прячет, молча протягивает другую, высокомерным взглядом изучая Салема.

Мерварт (*пытаясь спасти положение, представляет своего мужа Али Хамуде*). Мой муж Салем Саадави. (*Хочет представить Али Хамуду, но* *имя его забыла*). Доктор...

Али Хамуда. Доктор Али Хамуда.

Салем. Очень приятно, доктор.

Мерварт. Простите... (*Подводит своего мужа к отцу*). Скажи сам, Салем, что ты думаешь насчет...

Принц Фарид (*в гневе кричит*). Мерварт! Ты просто сошла с ума!

Мерварт (*смущенно*). Я?

Принц Фарид. Что за наглость! Как ты смеешь при всех обсуждать мои личные дела! Да еще вмешиваешь в это постороннего человека, которого я впервые вижу!

Мерварт. Постороннего человека?

Принц Фарид. Для меня безусловно.

Салем. А мы не хотим обсуждать ваши личные дела. Мы просто хотели предоставить в ваше распоряжение...

Принц Фарид. А я вас о чем-нибудь просил?

Салем. Нет, но...

Принц Фарид. Ты ошибаешься, если думаешь, что я умираю с голоду и ты меня спасешь.

Салем. Мне это и в голову не приходило. Дело в том, что...

Принц Фарид. Ты должен усвоить, что я ни в чем и ни в ком не нуждаюсь. И если мне когда-нибудь понадобится помощь, то у тебя я, уж во всяком случае, просить не буду.

Салем. Очень жаль.

Мерварт. Нет, это мне жаль, дорогой Салем.

Салем (*протягивает руку принцу*). И тем не менее я был рад встретиться с отцом моей жены. Желаю вам счастья.

Принц Фарид (*не подавая руки*). Всего хорошего.

Мерварт (*прощаясь с отцом*). Я понимаю тебя. Au revoir¹, папа.

Принц Фарид (*протягивает ей руку с пожатком*). Au revoir!

Мерварт (*заметив пожаток*). Что это?

Принц Фарид (*быстро прячет за спину*). Так, ничего.

Мерварт. Может быть, ты поужинаешь с нами? Доставь мне эту радость...

Принц Фарид. Аппетита нет.

Мерварт (*догоняя мужа, обернулась к отцу*). Ну и упрямый же ты. Надеюсь, ты не доведешь нас до отчаяния? Пойдем, Джихан!

Джихан (*отходя от Али Хамуды, с которым она все это время разговаривала*). У тебя все, Мерварт? Так быстро?

Мерварт. Все равно бесполезно.

Джихан (*поворачиваясь к отцу*). Папа, вы ни о чем не договорились?

Принц Фарид. Беги! Догоняй сестру! До свиданья!

Мерварт. Пойдем, Джихан. Не теряй зря времени. Я тебе все расскажу.

Джихан (*прощаясь с отцом*). Au revoir, папа.

Принц Фарид. Au revoir!

¹ До свидания (франц.)

Джихан, Салем и Мерварт прощаются с Али Хамудой и уходят. Слышится гудок и шум отъезжающей машины. Али Хамуда провожает машину взглядом. Принц вынимает початок и продолжает его с аппетитом есть.

Али Хамуда (*продолжая смотреть вслед машине*). Какая милая, какая скромная...

Принц Фарид (*жует*). Кто это?

Али Хамуда (*занятый собственными мыслями*). Да эта мадемуазель.

Принц Фарид (*жует*). Какая?

Али Хамуда. Ваша дочь.

Принц Фарид (*сплевывает*). Замолчи. Противно слушать.

Али Хамуда. Да что вы?

Принц Фарид. Проклятая наследственность! Вот и мать у нее была такая же. А бабка, та вообще... Все они из простых.

Али Хамуда. Ну и что?

Принц Фарид. Результат ты видел своими глазами.

Али Хамуда. Неплохой результат.

Принц Фарид (*сердито*). Что ты говоришь?

Али Хамуда. Я не думал, что... у принцев бывают также милые дочери. Она разговаривала со мной так, словно я ее товарищ по университету. Она мне сказала, что после окончания школы за один год научилась большему, чем у преподавательниц и воспитательниц за пятнадцать лет. А потом смотрела на Нил и все время говорила... Знаете о чем, ваша светлость? О рыбной ловле. Я вот только не понял, почему она решила, что я к этому имею какое-то отношение. Но она была так остроумна. Она сказала, что читала в одном научном журнале, будто рыбу можно ловить при помощи электричества. И она думает, что если применить этот новый способ в египетском рыбном хозяйстве, то рыба из Нила и наших многочисленных озер может даже стать предметом экспорта. И еще она сказала, что настанет день, когда рыба будет такая же дешевая, как бобы, и ее сможет есть каждый, даже самый бедный человек, потому что рыба очень полезна.

Принц Фарид (*бросая початок в Нил*). И жареная кукуруза тоже.
Али Хамуда. Наверно.

Принц Фарид. Но раз эти продавцы научились быть такими жадными, то в нашей стране уже никогда ничего не будет дешево.

Слышится голос продавца сладостей, а вскоре появляется и сам продавец, толкая перед собой тележку, прикрытую стеклом.

Продавец сладостей (*кричит*). Бобы! Бобы! Лепешки с горохом! Яйца! Сладости! Бас-буса!

Али Хамуда (*смотрит на него*). Целый ресторан на колесах.

Принц Фарид. Разве что-нибудь купить? Продавец кукурузы нас поджарил, а этот хочет подмаслить, а?

Али Хамуда. Ваша светлость проголодались

Принц Фарид. Нет. Я ведь уже поужинал. Ты же говоришь, что кукуруза богата витаминами. Хотя, впрочем, сладкое не повредит. А ты что предлагаешь?

Али Хамуда. Тарелку бас-бусы.

Принц Фарид. Славная идея.

Али Хамуда. Подождите, ваша светлость, я сейчас подсчитаю, сколько у меня денег. (*Вынимает из кармана кошелек, считает*).

Принц Фарид (*повелительно*). Ну побыстрее!

Али Хамуда (*кладет кошелек обратно в карман*). Можете не беспокоиться, ваша светлость. Будут вам сладости.

Принц Фарид. А тебе?

Али Хамуда. И мне.

Принц Фарид. Bravo, bravo! (*Подзывает продавца*). Послушай любезный! Тарелку бас-бусы сюда! И вот ему тоже, (*Пальцем подзывает Али Хамуду, оба направляются к тележке, рассматривают сладости, лежащие на ней*)

Продавец сладостей (*раскладывает по тарелкам*). Масла побольше?

Принц Фарид. Конечно, конечно.

Али Хамуда. Пожалуйста, побольше, хозяин.

Продавец сладостей. Вот, получайте. (*Протягивает тарелку*).

Принц Фарид (*берет, начинает есть*). О цене, доктор, лучше сейчас не спрашивай. Чтобы насладиться сладостью без горечи.

Продавец сладостей. Вот и все. (*Протягивает доктору другую тарелку*).

Принц Фарид. У тебя есть дети, конечно? И один из них наверняка работает у торговца маслом, а второй - в мучной лавке. Значит, живешь - как сыр в масле катаешься. Верно я догадался?

Продавец сладостей. Нет, устал. У меня трое детей, и все они закончили университет.

Али Хамуда (*с полным ртом*). Университет?

Продавец сладостей. Один теперь юрист, другой экономист, а третий агроном.

Принц Фарид. Отлично. А где они сейчас работают?

Продавец сладостей. Да нигде. Дома сидят.

Али Хамуда. Не нашли работы?

Продавец сладостей. Писали всякие там заявления в конторы, а мест нет. А мы все ждем, да будет Аллах милостив. Кто знает, может, когда-нибудь нам встретится кто-нибудь вроде вас, из влиятельных людей, кто смог бы нам помочь. Если я не ошибаюсь, вы ведь действительно из тех людей, которые могли бы найти работу для моих ребят?

Али Хамуда. Кто может найти работу?

Продавец сладостей. Вы или вы. Разве вы не начальники?

Али Хамуда (*с иронией*). Пардон.

Продавец сладостей. Или предприниматели?

Принц Фарид. Какие предприниматели! Ты что, ослеп совсем?

Продавец сладостей. Простите меня. Я человек маленький, в школу не ходил. Сам научился читать и писать, всего сам добился, днем и ночью старался. Теперь газеты читаю. Но если я ошибся, простите меня.

Али Хамуда. Ты ни в чем не ошибся.

Продавец сладостей. Единственное, что бы мне нужно, так это найти работу для моих ребят.

Али Хамуда. А я только тем и занимаюсь, что ищу работу.

Продавец сладостей. Да поможет вам аллах! А если вы найдете, как я об этом узнаю? Где я вас увижу?

Али Хамуда. Уж конечно, не здесь.

Продавец сладостей. Понятно. Тогда дайте мне, пожалуйста, ваш адрес. Домашний или служебный.

Али Хамуда. Служебный?

Продавец сладостей. Если не возражаете...

Али Хамуда. Сначала должна найтись служба, а уж потом ее адрес.

Продавец сладостей. Не понимаю. Вы хотите сказать?

Принц Фарид. Мы хотим сказать, что у нас есть дела поважнее, чем искать работу твоим ребятам. И почему они не работают, как ты?

Продавец сладостей. Как я? Толкать эту тележку?

Принц Фарид. Почему бы и нет? *(Украдкой зачерпывает еще масла).*

Продавец сладостей. Что вы! Они господа! В университете учились. Когда их спрашивают об отце, они краснеют от стыда. А денег на мелкие расходы, на одежду, на галстуки и кино просят у отца. Я им только вчера сказал: "Работайте, как я. Я вот таскаюсь с утра до ночи с этой тележкой, получаю от нее каждый день по фунту и вас дотащил до того, чем вы стали. Вот вы теперь образованные, с дипломами, а эта презренная тележка продолжает вас кормить, господа хорошие".

Принц Фарид *(горячо)*. Да выгони ты их в шею!

Продавец сладостей. А куда они пойдут? Они и миллима заработать не смогут. А отец есть отец.

Принц Фарид *(потихоньку протягивает руку к посуде с маслом и зачерпывает оттуда)*. Ну и что же ты от нас хочешь?

Продавец сладостей. Должность какую-нибудь. Фунтов за десять. Они сейчас согласны и на это. Хоть и говорят, что их аттестаты дают им право по меньшей мере на шестой разряд.

Принц Фарид. Что это за шестой разряд?

Али Хамуда. Это первоначальное жалованье, двенадцать фунтов.

Продавец сладостей *(Али Хамуде)*. Вот вы точно знаете.

Принц Фарид. Это масло разбавленное. Если бы хоть один из ваших сыновей работал у торговца маслом...

Продавец сладостей. Что вы, устас. Это масло высшего сорта. Разве просто сейчас найти такое! Оно на вес золота.

Принц Фарид. Подлей-ка еще немножко. Бас-буса у тебя что-то очень сухая.

Продавец сладостей. Пожалуйста. (*Подливает еще пол ложки*). А вы, конечно, занимаете важный пост?

Принц Фарид (*жует*). Еще бы!

Продавец сладостей. Простите. Где вы работаете?

Принц Фарид. Я работаю? Нигде.

Продавец сладостей. Я хочу спросить, чем вы занимаетесь?

Принц Фарид. Ничем.

Продавец сладостей. То есть, как - ничем?

Принц Фарид. То есть так. Вот как ты и говоришь... это точно.

Продавец сладостей. Я ничего не говорил.

Принц Фарид. Ну как знаешь.

Продавец сладостей. Кажется, я понял.

Принц Фарид. Давно пора.

Продавец сладостей. Вроде вы на тех... бывших беков.

Принц Фарид (*протягивает руку к маслу*). Это я бек? Да я больше, чем сам паша. Ты что, не знаешь, кто я? Я...

Продавец сладостей (*отодвигая посуду с маслом от принца*). Понятно, понятно, только поосторожней с маслом-то.

Принц Фарид. Да, ты, я вижу, нахал! И к тому же плохо готовишь. (*Али Хамуде*). Расплатись с ним побыстрее. Да быстрее же.

Продавец сладостей. Это я-то плохо готовлю? Я-то? Бас-бусы купили на два гроша, а масла нализал целых полкило?

Али Хамуда (*вмешиваясь*). Успокойся, ты прав. Возьми деньги, и спасибо тебе. (*Расплачивается*).

Продавец сладостей. Это тебе спасибо, сынок. За твою доброту. До свиданья! (*Толкая тележку, удаляется*) Бобы! Лепешки! Яйца! Бас-буса!

Принц Фарид (*возвращаясь на свое прежнее место на парапете*). С этими людьми я не могу разговаривать.

Али Хамуда (*про себя*). Как странно. Раньше я этого не замечал. А покойный отец мой, наверно, тоже так думал.

Принц Фарид (*вынимая из кармана большую сигару*). О чем ты?

Али Хамуда (*продолжая*). Но он мне никогда ничего не говорил. Он работал всю свою жизнь, чтобы я мог учиться. А сейчас? Вот я и получил образование, а ему не отплатил ничем. Он работал и этим служил мне. А что чему должно служить? Труд науке или наука труду? Разве наука существует без труда? Какой же тогда смысл знаний в жизни?

Издали слышится бой часов.

Принц Фарид. В больнице часы бьют.

Али Хамуда (*продолжая*). Как это странно.

Принц Фарид. Что?

Али Хамуда. Все, что сказал этот человек... А продавец кукурузы? "Наука, - сказал он, - это тоже работа". Как он до этого дошел? А мы считаем его неграмотным. Ведь это действительно так. Порознь они не существуют, только вместе - наука и труд. И одно приводит к другому.

Принц Фарид. Часы пробили десять. Я думаю сейчас не время обсуждать твою науку. О чем ты тут... (*Встает*). Мне пора во дворец. Надо сегодня лечь пораньше, а то я устал. А твой дом где?

Али Хамуда (*продолжая думать о своем*). Мой дом?

Принц Фарид. Живешь же ты где-нибудь?

Али Хамуда. Я? А, да, в отеле.

Принц Фарид. За деньги, конечно. И сколько же ты платишь?

Али Хамуда. Десять курушей за ночь. Но...

Принц Фарид. Сегодня можешь их сэкономить. У меня во дворце двадцать комнат. Я живу в одной. А остальные в твоём распоряжении. Что ты на это скажешь?

Али Хамуда. Спасибо. Но это несколько многовато для меня.

Принц Фарид. Ты имеешь в виду - девятнадцать? Безусловно. Но кто тебя заставляет занимать все девятнадцать комнат!

Али Хамуда. Я хочу сказать...

Принц Фарид. Ничего не хочешь сказать. Пойдем.

Али Хамуда. Ваше гостеприимство я принимаю только временно. Пока не найду работу.

Принц Фарид. Только-то? Но как? Как найдешь?

Али Хамуда. Может быть, по объявлению в газете....

Принц Фарид. По объявлению... Браво, браво! Мне пришла в голову прекрасная идея! Дай-ка мне твою газету. (*Берет у Али Хамуды газету*). Где тут объявления? А, вот они. Прекрасно! Вот и нашли выход!

Принц Фарид. Завтра узнаешь и поздравить меня. Да, поздравить с этим открытием. Пойдем сейчас же во дворец. Подожди, я закурю. Это у меня такая привычка. После ужина всегда курю "Гавану".

Али Хамуда. Ваша светлость, вам нужны спички. А у меня их нет.

Принц Фарид. Вот целый коробок. Ловкость рук! Это я стащил у продавца бас-бусы, пока он тут болтал. Пригодятся.

Али Хамуда. Как? Украли?

Принц Фарид (*зажигая спичку и закуривая сигару*). Это у таких, как ты, считается воровством. А что касается нас, принцев и королей, то мы берем все, что хотим. Это наше право. Мы просто оказываем им честь. (*Выпускает дым*). Во дворец! (*Высокомерно вышагивает впереди*).

Али Хамуда молча следует за ним.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Богато обставленный холл во дворце принца Фариды. Широкая лестница ведет на второй этаж. Холл залит утренним солнцем.

На двух диванах, между которыми стоит большой стол с пустой дорогой вазой для цветов, словно два трупа лежат принц Фарид и Али Хамуда. Слышится мощный храп. Раздается звонок в дверь. Никто не пошевелился. Снова долго звонит звонок. Принц поднимает голову.

Принц Фарид. Послушай, кто-то звонит, а?

В ответ слышится лишь громкий храп.

Доктор! Доктор!

Али Хамуда. А! В чем дело?

Принц Фарид. Кто-то в дверь звонит. Встань и открой.

Али Хамуда. Вставай сам и открывай, ваша бывшая светлость. *(Захрапел снова).*

Принц Фарид. Очень красиво, нечего сказать. Ты же здесь не в своем нищенском доме, а у меня во дворце, в роскошном дворце. Пойми же это ты, доктор, и поворачивайся побыстрее!

Али Хамуда *(просыпается и поднимает голову).* Фу, что это, в конце концов, ваша светлость. Я не люблю, когда мне мешают спать по утрам. В отеле "Сверкающие звезды" в Асхаре я по крайней мере спал сладким сном сколько хотел. И рядом не было никакого принца, который бы мне жужжал в уши - "доктор, доктор".

Принц Фарид. Но солнце уже давно взошло. И в дверь звонит. А вдруг это кто-нибудь пришел по объявлению!

Али Хамуда. Вот ты проснулся раньше меня. Почему бы тебе не встать и не открыть дверь самому?

Принц Фарид. Мне? Открывать дверь?

Али Хамуда. Что, сил нет?

Принц Фарид. Я просто не привык.

Али Хамуда. Я тоже.

Принц Фарид. Ты что же, не умеешь даже дверь открыть?

Али Хамуда. У меня никогда не было дворца, и мне негде было к этому привыкать.

Принц Фарид. Так научись!

Али Хамуда. Почему бы тебе самому не научиться. Почему ты думаешь, что ты лучше меня? У меня нет денег, и у тебя нет денег. Я теперь о тебе все знаю, и ты обо мне все знаешь. И оба мы банкроты, не так ли? Причем ты бывшая светлость, а я сегодняшний доктор. То есть твоего титула уже нет, а мой - есть. Значит, я даже лучше тебя. Ты всегда мне можешь говорить "доктор", а я могу тебя называть "ваша светлость" разве что из любезности.

Принц Фарид. Любезности?

Али Хамуда. А что, разве не так? Даже этот шикарный дворец уже не твой. Закон не разрешает тебе ни сдать его, ни одолжить. Ты имеешь право только сам иметь здесь приют. Вот он тебя сейчас и приютил.

Принц Фарид. И тебя, между прочим, тоже.

Али Хамуда. Когда два дня тому назад ты пригласил меня сюда, я принял это как любезность. Иначе в жизни бы сюда не пошел. А ты, оказывается, просто остался без прислуги, а привык, чтобы за тобой ухаживали. Сидишь себе один, нажимаешь кнопку, а прибежать некому. Помнишь, что было в ту первую ночь, когда мы вошли сюда? Ты тотчас же поднялся на второй этаж и принялся вызывать прислугу, чтобы тебе принесли стакан воды. Совсем забыл, кто ты теперь есть. Тогда-то я тебе и посоветовал бросить ту комнату и перебраться сюда. В этом холле мы всегда можем помочь друг другу, и дверь рядом. Помнишь?

Принц Фарид. Но разве ты здесь хоть раз выполнял мои просьбы? Вот я тебя попросил - пойди открой.

Али Хамуда. Нет, мой дорогой. Выполнить, что ты просишь, помочь тебе в нужную минуту я могу, а вот служить тебе-уволь, пожалуйста.

Принц Фарид. Помочь? Значит, для этого я еще должен попасть в беду?

Али Хамуда. Конечно. А в остальное время каждый из нас должен сам заботиться о себе.

Принц Фарид. А дверь? Она же служит нам обоим! Откуда ты знаешь, что это не к тебе пришли?

Али Хамуда. Ко мне? Прости, но кто же может прийти ко мне по этому шикарному адресу?

Принц Фарид (*прислушиваясь к звонку в дверь*). Держу пари, что это к тебе.

Али Хамуда. А я держу пари, что к тебе.

Принц Фарид. Согласен. Пойди взгляни.

Али Хамуда. Ну и упрямый же ты, твоя бывшая светлость. Ладно уж. На этот раз я открою и посмотрю, кто там. (*Идет открывать парадную дверь*).

Принц Фарид. Нет, доктор, это звонят не в парадную дверь, а на черный ход.

Али Хамуда. (*многозначительно*). Понятно, твоя... (*Идет к черному ходу*).

Принц Фарид (*встает и начинает делать утреннюю зарядку*). Бир, хек, бир хек¹.

Али Хамуда (*быстро возвращается*). Ну вот ты и проиграл.

Принц Фарид (*продолжая зарядку*). Это ко мне?

Али Хамуда. Конечно. К кому же еще?

Принц Фарид. И кто же это?

Али Хамуда. Мусорщик.

Принц Фарид. И что ему надо?

Али Хамуда. Мусор, конечно, из кухни.

Принц Фарид. Ну и что ты ему сказал? Кухня пустая, мы не готовим.

Али Хамуда. Так я ему и сказал. И сказал еще, что здесь вообще нет никого и никакого мусора, кроме принца.

Принц Фарид. Что это ты говоришь?

Али Хамуда. Я имел в виду, что во дворце никто не живет, кроме тебя.

¹ Раз, два, раз, два (тур.)

Принц Фарид. Это верно. Кстати, насчет мусора, надо бы нам убрать быстренько в холле и лестницу подмести.

Али Хамуда. Подмести лестницу?

Принц Фарид. Обязательно. Вчера было напечатано наше объявление. Вдруг сегодня кто-нибудь и пожалует. Пусть уж увидит дворец в полном блеске.

Али Хамуда. Разумеется.

Принц Фарид. Договорились. Метла там на кухне за дверью. Тащи-ка ее сюда и покажи мне, на что ты способен.

Али Хамуда. А твои способности куда подевались?

Принц Фарид. Я приберу в холле.

Али Хамуда. Понятно. Себе ты выбрал работку почище. А подметать и подтирать - это мне. Я доктор наук Али Хамуда. Ученый совет на филологическом факультете единогласно голосовал за присуждение мне докторской степени, когда я защищал диссертацию. А теперь вот несчастье-то! Все мои надежды рухнули! Как я низко пал!

Принц Фарид. Не огорчайся, доктор. Я не хотел тебя обидеть. Дело в том, что я лучше знаю, как тут навести порядок.

Али Хамуда. А вот подмести - так в этом, кроме меня, никому и не разобраться, что ли? Клянусь, я никогда в руки метлы не брал.

Принц Фарид. Я тоже.

Али Хамуда. У меня в руках были только книги.

Принц Фарид. Но твои книги едва ли помогут нам сейчас навести здесь чистоту. А нам надо быстренько. Кто это должен делать?

Али Хамуда. Ты.

Принц Фарид. Не умею. Не забудь, что я был...

Али Хамуда. Еще бы! Ты умеешь только нажимать на кнопку звонка.

Принц Фарид. Послушай, этот бесполезный разговор ни к чему не приведет. Нужно, чтобы дворец был чистым. Это же в наших интересах - моих и твоих. Если наша идея осуществится, то у нас будет и еда, и приют, и прислуга, а мы даже палец о палец не ударим и полмиллима не потратим. Разве не так?

Али Хамуда. Слушай, не надо здесь ничего ни подметать, ни подтирать. Не будем унижать себя. Тот, кто сюда переедет, наверняка при-

везет прислугу с собой, пусть она этим и занимается. Сейчас достаточно привести в порядок холл. Каждый пусть подчистит свой уголок - и все.

Принц Фарид. Разумно.

Али Хамуда (*направляясь к своему дивану*). Прежде всего поставим диван на место.

Принц Фарид (*складывает свою постель и засовывает ее под диван*). Завернем... вот так, одеяльце поправим и вот туда его.

Звонок в парадную дверь.

Али Хамуда. Звонят.

Принц Фарид. Это сюда.

Али Хамуда (*смущенно*). Это, наверно...

Принц Фарид (*растерянно*). Ну да, по объявлению. Быстро... Да подожди ты! Что же, мы их так и встретим в пижамах? Где мой robe de chambre¹? (*Быстро надевает халат, смущенно поворачивается к Али Хамуде*). А ты?

Али Хамуда. У меня нет rob'a

Принц Фарид. Тогда надень хоть пиджак на пижаму. И то будет лучше.

Али Хамуда. Идея! (*Натягивает поверх пижамы пиджак от костюма*).

Принц Фарид. А кто будет открывать?

Али Хамуда. У меня для этого костюм неподходящий.

Принц Фарид. Чтобы открывать дверь, вполне подходящий.

Али Хамуда. Опять?

Принц Фарид. Нет, нет, не до споров тут. На этот раз я сам открою. (*Идет к парадной двери и открывает*).

На пороге появляется мужчина средних лет, это Шабан.

Шабан. Это тот дворец, о котором написано в объявлении?

Принц Фарид. Да, да.

¹ Халат (франц).

Шабан. Хозяева внизу в машине. Разрешите им взглянуть на комнаты и обстановку?

Принц Фарид. Конечно. Милости просим.

Шабан. Одну минуточку. (*Исчезает*).

Али Хамуда (*расставляя кресла*). Хозяева? Кто бы это мог быть? Принцы? Не может быть. С ними покончено. Помещики? Тоже вряд ли. Им ведь землю срезали до двухсот федданов. Впрочем, они и теперь могут быть достаточно богаты, чтобы занять такой дворец. Да еще прислуги сколько понадобится. Должно быть, очень богатые люди. Кто это, как ты думаешь?

Принц Фарид. А может быть, какие-нибудь промышленники, кто их знает...

Али Хамуда. Да, действительно. Твоя дочь Джихан сказала мне, что...

Принц Фарид (*прерывает, глядя на открытую дверь*). Тихо, вот они...

Снова появляется Шабан, он идет, уступая дорогу толстой хозяйке лет пятидесяти. За ней идет худой, быстрый, франтовски одетый мужчина лет шестидесяти - хозяин.

Хозяйка (*принцу Фариду*). Бонжур, бек!

Принц Фарид. Бонжур, ханум!

Хозяин (*поздоровавшись с принцем Фаридом*). Вы владелец дворца, конечно.

Принц Фарид (*запинаясь*). Да.... Конечно, конечно...

Хозяин (*осматривая холл, жене*). Роскошный дворец, не правда ли, кисонька?

Хозяйка (*с интересом смотрит по сторонам*). О, ничего, барбосик.

Хозяин (*принцу Фариду*). И сколько здесь комнат?

Принц Фарид. Около двадцати.

Хозяйка. Подходяще.

Принц Фарид. У вас такая большая семья?

Хозяин. Очень. И все время растет. В настоящий момент в ней кроме меня, моей жены и прислуги около сорока душ.

Принц Фарид. Машалла! Тогда вам и двадцати комнат маловато.

Хозяйка. Погодите, я сейчас сама посчитаю. Так... Если в каждой комнате поместить четверых, то... Да, хватит, хватит...

Принц Фарид. Четвертых в одной комнате?

Хозяин. Да если потребуется, можно их и впятером...

Хозяйка. Нет, нет барбосик. Я не люблю их сваливать в кучу. Мы же и свой дом оставляем специально для того, чтобы им было просторнее. Пусть себе там прыгают и играют как хотят. Давай лучше посмотрим комнаты. (*Принцу*). Вы позволите?

Принц Фарид. Конечно, конечно. Дворец в вашем распоряжении.

Хозяйка. Тогда начнем с ванн и туалетов.

Принц Фарид. На второй этаж. Прошу вас...

Хозяин (*направляясь к лестнице*). А здесь, видимо, кроме холла - столовая, гостиные и кабинет...

Принц Фарид (*поднимаясь вместе с ними по лестнице*). Совершенно верно.

Принц Фарид, хозяин и хозяйка скрываются на втором этаже. В холле остаются Шабан и Али Хамуда, который замер на своем месте.

Шабан (*Али Хамуде*). Можно спросить?

Али Хамуда. Пожалуйста.

Шабан. Ты уже понял, какое тут дело?

Али Хамуда. Какое дело?

Шабан. Да это дело. У меня хозяева что мешок с деньгами. Просите сколько хотите, не бойтесь. Я заплачу любую сумму. Ну а мне - комиссионные. Договорились?

Али Хамуда. Вы ошиблись. Я к этому делу никакого отношения не имею.

Шабан. Я также. Мне никакого дела нет до этого дела. Но дело есть дело.

Али Хамуда. Какое дело?

Шабан. Да это. Ты ведь его поверенный? Я тоже поверенный. Вот и все. Проси сколько хочешь, а комиссионные поделим пополам. По рукам?

Али Хамуда. Мне очень жаль. Но я не поверенный. Я здесь просто гость.

Шабан. Гость? А-а, тогда простите.

Али Хамуда. Простил. А ты, значит, поверенный в делах этого хозяина?

Шабан. Уже двадцать лет.

Али Хамуда. А чем он занимается?

Шабан. Хлопком.

Али Хамуда. Землевладелец?

Шабан. У него и аршина земли нет.

Али Хамуда. Арендатор?

Шабан. Да нет. Не посеял - не пожал. Он в жизни и деревни-то в глаза не видел.

Али Хамуда. А как же он тогда занимается хлопком?

Шабан. На бирже.

Али Хамуда. Что ж он там делает?

Шабан. Играет. Берет, кладет; берет, кладет...

Али Хамуда. И в этом вся его работа?

Шабан. Конечно.

Али Хамуда. И на этом он нажил такое состояние?

Шабан. Огромное. И вложил его в акции и дома.

Али Хамуда. Детей у него, конечно, многовато.

Шабан. Да вы что? Ни сына, ни дочери. Он импотент.

Али Хамуда. Ну да? А как же... семья в сорок душ?

Шабан. Не, это не его.

Али Хамуда. Его жены?

Шабан. И не ее.

Али Хамуда. Приемные дети? Родственников?

Шабан. И не родственников. И не приемные. И вообще не дети они, извиняюсь, и не люди. Кошки это.

Али Хамуда. Кошки?

Шабан. У хозяйки моей страсть - кошек собирать.

Али Хамуда, Любопытно.

Шабан. И у нас для кошек этих специальные комнаты, специальные слуги, специальная кухни, специальный повар и специальное мясо.

Али Хамуда. Нам бы Аллах послал такое счастье!

Шабан. Шик! И деньги без всяких хлопот.

Али Хамуда. Трутень он! Червяк хлопковый! Что же он, так и пожирает всю биржу!

Шабан. Сейчас эту хлопковую биржу закрыли. А мы все денежки двинули на биржу акционерную. Там, правда, не очень разживешься, но кто уж разбогател, тот разбогател, и все тут.

Али Хамуда. А ты?

Шабан (*поворачиваясь к лестнице*). Хозяева идут! Тихо!

По лестнице спускаются хозяин, хозяйка, за ними - принц Фарид.

Хозяйка. Думаю, что места всем хватит.

Принц Фарид. Конечно, конечно. В каждой комнате может спокойно поместиться две кровати, комод, шкаф и все, что хотите.

Хозяйка. Туалетов только маловато.

Принц Фарид (*удивлен*). Маловато? Четырех-то маловато? Как бы ни велика была семья, не все же идут сразу в это... в туалет.

Хозяйка. Ну ладно, посмотрим. Все-таки здесь просторно и уютно. Мне нравится. А тебе, барбосик?

Хозяин. Раз тебе нравятся, кисонька, то и мне нравится. Ты ведь всегда так заботаешься о наших крошках.

Хозяйка. Думаю, что им будет здесь вполне уютно. Как они тут будут бегать, представляешь? Особенно - Воробейчик, Кишмиш, Счастливчик, Коралл, Симпатяшка, Виноградинка, Ловкачка и Ягодка.

Принц Фарид. Какие красивые имена! А их обладательницы, наверно...

Хозяйка еще красивее! И какие симпатичные. (*Хвастливо*). Представляете, Симпатяшка в прошлом году получила первый приз на Международном конкурсе в Ливане.

Принц Фарид. Конкурс красоты? Великолепно. Я буду счастлив познакомиться с ней.

Хозяйка. Познакомитесь наверняка. И придете в такой же восторг, как я.

Принц Фарид. Она очень молоденькая, конечно?

Хозяйка. Очень.

Принц Фарид. Хорошо. У меня вот две дочери, и когда они были маленькие, я тоже всегда восторгался ими. Так любил их. А вот теперь выросли, и все изменилось.

Хозяйка. А Сайда какая у меня красивая! Хотя и старая уже.

Принц Фарид. Наверно, у нее характер хороший. А это еще ценнее красоты.

Хозяйка. И впрямь она такая добрая и послушная. Сидит себе в углу и не двигается, пока я не позову.

Принц Фарид. Видел? Вот бы мне таких дочерей! Главное, чтобы послушные.

Хозяйка. А у меня всякие есть. И послушные, и озорные, есть тихие, спокойные, а есть такие, что носятся без конца. Одни на месте сидят, а другие свободу любят.

Принц Фарид (*сквозь зубы*). Свобода, свобода, да уж, к сожалению...

Хозяйка. В таком большом дворце всем будет радостно жить. Не правда ли, барбосик?

Хозяин. Я думаю, давайте договоримся об условиях. Дом нам понравился. Сколько, значит, вы хотите в месяц?

Принц Фарид. А вы читали объявление?

Хозяин. Читал. Но, насколько я помню, там написано коротко и неясно: "Дворец сдадим, денег не хотим".

Принц Фарид. Да, да, не хотим.

Хозяин. Я понимаю, вы так написали, чтобы привлечь внимание. Хотели сказать, что дворец так роскошен, что всякие деньги по сравнению с ним ерунда. Да?

Принц Фарид. Нет, дорогой. Мы точно имели в виду то, что там написано. Этот дворец сдается без денег.

Хозяин. Как это?

Принц Фарид. Разве вы не читаете газет, бек? Это же дворец принца.

Хозяин. А-а, только сейчас понял... Значит, это дворец принца, а вы...

Принц Фарид. Я... принц Фарид. То есть бывший принц.

Хозяин. Очень приятно. И этот дворец вам оставили...

Принц Фарид. Точно. Чтобы я жил в нем. Но его нельзя сдавать и получать за это деньги. Но ведь, с другой стороны, не могу же я в нем жить один. Вот я и нашел выход - пригласить семью, которая бы здесь поселилась при одном условии...

Хозяин. Понятно. При условии, чтобы вы жили вместе с ней. *(Жене).* Что ты на это скажешь, кисонька?

Хозяйка. Значит, принц хочет оставить себе комнату во дворце? И чтоб мы ухаживали за ним? А, барбосик?

Хозяин. Да, кисонька.

Хозяйка. Ну и что ж, барбосик. Это ж нам раз плюнуть. Прислуги у нас много, еды достаточно, а постирать и погладить - так мы все равно это делаем каждый день.

Хозяин. Ты права, дорогая, за ним ухаживать легче, чем за нашими крошками, не сравнить. Тогда по рукам, дорогой принц. Выбирайте себе любую комнату. Вы в самом деле здесь живете один?

Принц Фарид. Разумеется, один. Я думаю, мне лучше всего поселиться вон в той дальней комнате, на этом этаже, рядом с кабинетом.

Али Хамуда *(приближаясь)*. А я? Обо мне ты забыл?

Принц Фарид *(не обращая на него внимания)*. Ты? А ты кто?

Али Хамуда. Я? Это так-то мы договорились?

Принц Фарид. О чем договорились? Откуда ты взялся?

Али Хамуда. Ты еще спрашиваешь, откуда я взялся? Из початка кукурузы и с тарелки бас-бусы. Ну, спасибо! *(Идет с выходу)*.

Хозяйка. Позвольте мне... Дворец большой. Нам ведь не помешает, если он займет еще одну комнату. А он...

Принц Фарид. Он - доктор. *(Приказывает)*. Представься.

Али Хамуда. Доктор Али Хамуда,

Хозяин. Очень приятно, доктор. Вы доктор по...

Принц Фарид *(быстро)*. ... рыбному делу.

Хозяйка (*радостно вскрикивает*). Ветеринар? Вы лечите животных? Вот нам повезло? Вот это счастье! Весь дворец в вашем распоряжении, доктор. Выбирайте себе лучшую комнату, доктор.

Али Хамуда. Нет, мадам, мне очень жаль, но я не лечу ни рыб, ни кошек. Я доктор филологических наук.

Хозяин. Каких, каких?

Али Хамуда. Я заканчивал литературный факультет.

Хозяйка (*разочарованно*). А-а....

Хозяин. Но все равно мы готовы ухаживать и за принцем и за доктором.

Али Хамуда (*смущенно*). Мне в самом деле очень стыдно, что я не могу отблагодарить вас.

Хозяин. Да что вы, что вы, дело житейское. (*Принцу*) Значит, мы обо всем договорились, дорогой принц!

Принц Фарид. Почти. Осталось одно последнее условие.

Хозяин. Пожалуйста.

Принц Фарид. Нам нужно договориться о форме вашего пребывания в этом дворце, иначе меня привлекут к ответственности.

Хозяин. В самом деле. Ну и как же?

Принц Фарид. И здесь может быть только одна форма. Чтобы мы говорили, что я ваш родственник.

Хозяин. Вы наш родственник?

Хозяйка (*кричит*). Ну знаете! До этого мы еще не докатились. Уйдем отсюда, барбосик! Сейчас же! А то нам и отвечать придется.

Хозяин (*проводя жену к двери*). Мне очень жаль. Простите... Очень жаль... Всего хорошего.

Хозяин, хозяйка и Шабан убегают, словно на пожар, оставив Али Хамуду и принца Фариду в полном изумлении.

Принц Фарид. Что это с ними? Сумасшедшие, наверно!

Али Хамуда. Нет, вполне даже нормальные.

Принц Фарид. А с чего это они так отсюда кинулись?

Али Хамуда. Потому что ты хотел навязать им свое родство.

Принц Фарид. Это оказало бы им честь.

Али Хамуда. Ты убедился в этом собственными глазами.

Принц Фарид. Кинулись, словно за ними гонятся!

Али Хамуда. Да еще как!

Принц Фарид. Ты что?

Али Хамуда. Они люди богатые, причем никто не знает, откуда у них такое богатство. Так ты что хочешь, чтобы их подвергли обыску и начали расследования, когда они скажут, что они родственники такого, как ты?

Принц Фарид. А-а, понял.

Али Хамуда. Пора бы понять, что всякое общение с тобою - это довольно большой риск для того, у кого есть положение и деньги.

Принц Фарид. Ну и что делать? Ведь все надежды рухнули.

Али Хамуда. Твои.

Принц Фарид. А твои?

Али Хамуда. Мои? А какое тебе до меня дело? Стоило тебе сейчас решить свои проблемы, как ты тотчас же от меня отрекся, даже забыл, кто я.

Принц Фарид. Не глупи. Я пошутил.

Али Хамуда. Это не шутка, это твой эгоизм.

Принц Фарид. Не время сейчас ругаться. Не омрачай нашей дружбы. Мы оба сейчас в затруднительном положении. Если с объявлением ничего не получится, что же будет с нами?

Али Хамуда. Да что ты нас все время связываешь вместе?

Принц Фарид. А разве мы не в одинаковом положении?

Али Хамуда. Положение-то одинаковое, да возможности разные.

Принц Фарид. Возможности?

Али Хамуда. Ты забыл, что я доктор наук?

Принц Фарид. Ах, не смей меня.

Али Хамуда. Ты ошибаешься. Что бы там ни было, у меня есть профессия, и рано или поздно я найду себе подходящую работу.

Принц Фарид. Пока ты ее не нашел, мы в одинаковом положении. И в наших интересах со всем энтузиазмом, изо всех сил искать...

Али Хамуда. Работу?

Принц Фарид. Нет, того, кто бы обслуживал нас и без этого...

Али Хамуда. Как видишь, это не просто.

Принц Фарид. Кто знает. Ты потерял надежду?

Али Хамуда. А ты?

Принц Фарид. Я жду. Вдруг еще кто-нибудь придет и согласится на наши условия. День только начался.

Али Хамуда. Они так умчались, что я больше ни на что не надеюсь.

Принц Фарид. Они умчались, после того как я предложил им свое родство. Вот подонки! Послушай, у меня идея!

Али Хамуда. Ну?

Принц Фарид. Если еще кто-нибудь придет, мы сделаем иначе. Мы скажем им, чтобы они сказали, что они твои родственники. Тогда они не испугаются.

Али Хамуда. Конечно, нет. Но это нас не спасет. Дворец-то не мой, а твой.

Принц Фарид. Понятно. Но ты будешь говорить, что это ты написал объявление, и что ты здесь живешь, и что это ты ставишь перед ними такие условия, чтобы они говорили, что они твои родственники. Тогда они не будут возражать. Ведь ты доктор Хамуда, а не принц Фарид.

Али Хамуда. А если они спросят, на каком основании я сам здесь живу? Во дворце бывшего принца Фариды?

Принц Фарид. Тогда ты скажешь, что ты мой родственник.

Али Хамуда. Я? Твой родственник?

Принц Фарид. Ты-то чего испугался? Разве у тебя есть деньги, положение, которые ты боишься потерять?

Али Хамуда. Это так, но...

Принц Фарид. Но что?.. Неужели ты откажешься от такой чести?

Али Хамуда. Оставь пока нашу честь в покое. Я думаю, как бы нам выпутаться на этого положения. Вся эта сложная история с родством все равно приведет нас к одной точке. То есть к принцу, то есть к тебе. А уж с этой точки нам не сдвинуться никуда.

Принц Фарид. Придержи язык, доктор.

Али Хамуда. Прости, я не имел в виду конкретно тебя. Я говорю о нашем положении вообще.

Принц Фарид. Ну и что? Где тут выход?
Али Хамуда. Выход. Выход в том, что мы...

Слышится звонок в парадную дверь.

Принц Фарид (*радостно*). Звонят!
Али Хамуда. Вот тебе и выход. Открывай быстро!

Принц Фарид. Сам открывай. Я уже пробовал.

Али Хамуда. Верно, давай теперь я попробую... (*Идет к двери, открывает.*)

На пороге появляется молодая женщина лет тридцати пяти.

*Это **Карима**. Она красива, спокойна, одета скромно, но элегантно. За ней входит мужчина семидесяти лет, в руках у него четки.*

Карима (*застенчиво*). Мы вот пришли насчет объявления.

Али Хамуда. Заходите, пожалуйста.

Карима (*пропуская вперед пожилого мужчину*). Это мой отец.
Хадж Абдессалам-эфенди.

Али Хамуда (*мрачно смотрит на принца*). Очень приятно.

Абдессалам. Вы...

Али Хамуда. Я? Я... Владелец дворца - вот он.

Абдессалам. Понятно.

Али Хамуда. Я здесь просто в гостях.

Принц Фарид (*подозрительно рассматривая пришедших*). Вы хотите жить в этом дворце?

Абдессалам (*скромно*). Если вы разрешите, ваша светлость...

Принц Фарид. У вас есть прислуга?

Карима. За отцом ухаживаю я. Ну и еще мне помогает мальчик-слуга.

Принц Фарид. И только?

Карима. Разве этого мало?

Принц Фарид. Это вся ваша семья?

Абдессалам. Да. Сейчас вся. Три года назад нас было четверо. Я, моя, жена, дочь и ее муж. Сначала умер муж дочери, а потом и моя жена. Так мы и остались с дочерью вдвоем.

Принц Фарид. И с вами еще маленький слуга?

Карима. Да.

Принц Фарид. И вы хотите втроем жить в этом большом дворце?

Абдессалам. А вы? Разве в этом большом дворце вы живете с большой семьей?

Принц Фарид. Я живу здесь один.

Карима. Тогда почему же вы думаете, что дворец будет велик для нас троих?

Абдессалам. Аллах обещал каждому правоверному дворец в раю. И, наверно, он будет еще больше и еще роскошнее этого дворца.

Принц Фарид. Да, но дворцы в раю не надо убирать и подметать.

Абдессалам. Главное, что вы согласны.

Принц Фарид. Это зависит от вас. Вы согласны?

Абдессалам. Конечно, поэтому-то мы и пришли.

Принц Фарид. Вам известны условия?

Абдессалам. В объявлении сказано, что дворец сдается бесплатно.

Принц Фарид. Вы этому поверили?

Абдессалам. Я не привык не верить людям, ибо недоверие - это грех, и не привели Аллах взять мне такой грех на душу.

Принц Фарид. Он действительно сдается бесплатно.

Абдессалам. Но если вы решили брать деньги, то скажите откровенно, у меня, слава аллаху, с деньгами все в порядке.

Принц Фарид. Нет, нет, но...

Абдессалам. Но что?..

Принц Фарид. Дело в том, что...

Али Хамуда (быстро). Разрешите, я объясню. Дворец принадлежит принцу, и по закону он не имеет права его ни сдавать, ни продавать. Принцу его оставили только для того, чтобы жить в нем. Но ввиду того, что их светлость крайне нуждается в деньгах...

Принц Фарид (*кричит*). Замолчи ты!

Али Хамуда. Я хотел сказать, нуждается в обслуживании, то единственное, что требуется от семьи, которая поселится в этом дворце, бесплатно, конечно, - это оставить одну комнату для принца, обеспечить ему еду, питье, уход и деньги на сигары.

Абдессалам. Но и это меньше того, что мы должны бы...

Али Хамуда. И еще одно условие.

Принц Фарид (*тревожно*). Да, еще одно условие, но оно несколько деликатного свойства.

Абдессалам. Пожалуйста, говорите спокойно, какое условие.

Принц Фарид. Скажи ты.

Али Хамуда. Дело в том, что поскольку я друг принца и нахожусь у него в гостях, то по отношению ко мне нужно соблюдать те же условия, что и по отношению к нему. Это касается стола, ухода...

Принц Фарид (*который ждал совсем другого объяснения, неловко*). Но это же не...

Абдессалам (*прерывает*). Но и это меньше того, что мы...

Али Хамуда (*принцу, с упреком*). Что это за "не"?..

Принц Фарид. Я хотел сказать, что это не то условие, которые нуждается в специальном разъяснении. А то, что ты говоришь, само собой разумеется.

Али Хамуда. Нет, дорогая светлость... бывшая. Не разумеется. Об этом следует договориться в самом начале.

Абдессалам. Ничего, ничего, все хорошо. Будет все так, как вы хотите.

Принц Фарид. Спасибо вам большое, только разрешите мне один вопрос.

Абдессалам. Пожалуйста.

Принц Фарид. Разве возможно нам обеспечить полный уход при помощи лишь одного маленького слуги?

Абдессалам. Моя дочь... Скажи, Карима.

Карима. Не беспокойтесь, вы ни в чем не будете нуждаться. В комнатах у вас будет чисто, еда готова вовремя, белье выстирано и выглажено.

Принц Фарид. Но дворец такой большой.

Карима. У меня свой метод уборки. Хотя, конечно, мы не займем его весь целиком. А я люблю трудиться. Так уж привыкла. Когда наша семья была больше, я отдавала ей все свое время. Вот вы увидите, как я буду ухаживать за вами.

Принц Фарид (*разглядывая ее*). Я верю вам.

Карима. Единственное, что от вас требуется, - это говорить мне, какие блюда вы любите. И время, когда вы привыкли завтракать, обедать и ужинать.

Принц Фарид. Превосходно!

Абдессалам. Вы будете жить в уюте и довольстве.

Принц Фарид. Не сомневаюсь. Но позвольте мне один вопрос...

Абдессалам. Пожалуйста.

Принц Фарид. Это не будет слишком обременительно для вашего бюджета?

Абдессалам. Нисколько. Я же сказал уже, что, слава аллаху, я человек обеспеченный. Я сорок лет прослужил в железнодорожном ведомстве и получаю теперь пенсию, тридцать фунтов в месяц. Это немало ведь, правда?

Принц Фарид. Тридцать фунтов?

Абдессалам. В месяц. А вы что думали? Мы просто короли. Спросите у Каримы, она каждый раз сама получает эту изрядную сумму в начале месяца. Дает мне часть на карманные расходы, а остальное тратит на хозяйство. Да еще экономит. И какая у нас жизнь! Как у королей, слава Аллаху!

Принц Фарид. Странно.

Абдессалам. Будете жить с нами, убедитесь своими глазами.

Принц Фарид. Может быть, теперь все может быть. Но какой вам смысл бросать свой дом? Вы где живете?

Абдессалам. В Шубре, с давних пор. У нас там квартира в старом доме, но очень чистая.

Принц Фарид. А почему вы захотели жить во дворце?

Абдессалам. Это я предложил дочери. Она мечтала о саде.

Когда я прочел объявление, я сказал – раз там дворец, значит, должен быть и сад. И перед смертью я хочу исполнить твою мечту – жить во дворце с садом.

Принц Фарид. Вы очень любите свою дочь.

Абдессалам. Она этого заслуживает.

Принц Фарид. Да, она-то заслуживает, но не все дочери таковы.

Абдессалам. Ну, значит, обо всем договорились?

Принц Фарид (*колеблясь*). Да, но...

Абдессалам. Говорите откровенно.

Принц Фарид. Есть еще одно условие. Я не уверен, что вы его примете. Скажи ты, доктор.

Али Хамуда. Нет уж, меня это не касается.

Абдессалам. Вы думаете, что выполнить его выше наших сил?

Принц Фарид. Может быть, вы решите, что...

Абдессалам. Что?.. Что это невозможно? Аллах, который дал нам силы преодолеть все трудности нашей жизни, не покинет нас и здесь. Говорите же. Милостью аллаха мы все сделаем.

Принц Фарид. Последнее условие – это определить форму вашего пребывания здесь. Наверно, тут лучше всего сказать, будто вы мои родственники.

Абдессалам. Ваши родственники?

Принц Фарид. Простите, если это вам неприятно.

Абдессалам. Неприятно? Почему вы так говорите?

Принц Фарид. Не знаю, но...

Абдессалам. Это льстит нам. Не так ли, Карима?

Карима. Конечно, папа. Но не потому, что это принц... бывший...

Абдессалам. А потому, что это, как мы видим, добрый человек. И потому, что...

Али Хамуда. Вам, наверно, нечего терять.

Принц Фарид (*возмущенно*). Помолчи ты, пожалуйста!

Али Хамуда. Но нужно быть честными и открыть им глаза на последствия такого родства. У родственников всех принцев сейчас выясняют источники их состояний.

Абдессалам. Мы читаем газеты.

Принц Фарид (*Али Хамуде*). Вот он тебе и ответил, ага!

Али Хамуда. Но надо же было это объяснить.

Абдессалам. Спасибо. Мы согласны и на это. Еще что-нибудь?

Принц Фарид. Нет. Это все.

Абдессалам. Значит, договорились?

Принц Фарид. С этой минуты дворец в вашем распоряжении.

Абдессалам. И с этой минуты я ваш родной дядя. Можете меня называть дядя Хадж.

Принц Фарид. Дядя Хадж?

Али Хамуда (*тоже повторяет*). Дядя Хадж.

Принц Фарид (*показывает на Кариму*). А эта дама, дочь моего дяди Хаджа, значит, моя двоюродная сестра?

Али Хамуда. Дочь моего дяди Хаджа – моя двоюродная сестра.

Принц Фарид. Ты что, тожеходишь в эту семью?

Али Хамуда. Почему бы и нет? Ты забыл, что недавно сам просил меня об этом?

Принц Фарид (*поворачивается к Кариме*). Послушай, ты... двоюродная моя... Ты ведь теперь здесь хозяйка. Может быть, ты нам пригостишь что-нибудь поужинать?

Карима. Приказывайте, что?

Али Хамуда (*вмешиваясь*). Что он прикажет, что? Главное, чтобы у нас сегодня был хоть какой-нибудь ужин!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Тот же холл во дворце принца Фарида, но сейчас в нем чистота и порядок. В вазе - красивый букет цветов. На диване, скрестив по-турецки ноги, сидит Абдессалам, перебирает четки. Он в домашнем костюме, на голове феска. Рядом с ним в удобном кресле расположился Али Хамуда, он в выходном костюме, но без пиджака.

Али Хамуда. Это такое счастье, что вы поселились во дворце!

Абдессалам. Спасибо, сынок. Ты очень мил.

Али Хамуда. Вам нравится здесь, дядя Хадж? Ведь прошло уже несколько дней.

Абдессалам. Очень. Пока у меня в руках четки, на полу коврик для молитвы, и дочь моя Карима довольна, что же мне еще надо!

Часы в холле бьют половину.

Что это? Уже наступает молитва заката?

Али Хамуда. Полпятого.

Абдессалам (*вынимает карманные часы с серебряной цепочкой*).

Верно. До молитвы заката еще далеко.

Али Хамуда. Скоро будем чай пить.

Абдессалам. Кстати, где принц, сынок?

Али Хамуда. На кухне.

Абдессалам. Что он сам делает?

Али Хамуда. Мне кажется, наша сестра Карима спустилась в сад за цветами, чтобы поставить их на стол к чаю, а принцу поручила смотреть за молоком, чтобы оно не убежало.

Абдессалам. Он такой любезный и такой энергичный человек.

Али Хамуда. Любезность и энергия появились у него совсем недавно.

Абдессалам. Может быть, потому, что он не очень привык чем-нибудь заниматься.

Али Хамуда. Ничего, теперь привыкает. Делает такие дела, что ему раньше и в голову бы не пришло, что он когда-нибудь станет их делать. В обед сегодня мы ели помидоры, так это он их собрал, лук - это он нарезал. И чеснок - он почистил!

Абдессалам. Машалла! Какая энергия!

Али Хамуда. А я-то все думал, что его руки способны только нажимать на звонок, надевать галстук и душиться..

Абдессалам. Боюсь, что он недоволен нами.

Али Хамуда. Наоборот. Теперь он все делает с удовольствием. И требует от Каримы, чтобы она поручила ему еще что-нибудь.

Абдессалам. Наверно, он хочет отвлечься и занять себя чем-нибудь. Нет ничего на свете тяжелее безделья, сынок.

Али Хамуда. Думаю, что тут иная причина.

Абдессалам. Безделье - это порок пороков. Это болезнь, которая разрушает у человека и душу и тело. Я это точно знаю. С тех пор как я вышел на пенсию, завтрашний день мне кажется гробом, который открывает свою пасть, чтобы сожрать меня. Я начал свою жизнь кондуктором, а на пенсию вышел начальником станции. И не было дня, чтобы я болел. Я был сам точно поезд, и жизнь моя мчалась, как телеграфные столбы, которые мелькали мимо окон моего скорого поезда. Они, правда, были одинаковые, но мне с ними никогда не было скучно. А сейчас дни мои застывшие, неподвижные, и сам я стал словно старый поезд, который отвели в депо и он заржавел.

Али Хамуда. Ржавчина... Проклятье! С тех пор как я защитил диссертацию, я тоже чувствую, будто ржавчина покрывает у меня в голове всю мою лингвистику.

Абдессалам. Ржавчина в твоём возрасте? Поосторожнее, сынок.

Али Хамуда. А что я могу поделать?

Абдессалам. Нет, не оставляй науку, не делай ее пищей для ржавчины. Вчера ты мне рассказывал об ученом, который написал книгу о толковании Корана.

Али Хамуда. Этот ученый был современником Сибавейхи. И его звали аль-Фараби.

Абдессалам. Расскажи мне о его книге.

Али Хамуда. Аль-Фараби, кроме того, что он был лингвистом, знал еще много наук, которые...

Появляется Карима, она несет вазу с цветами. За ней следует принц Фарид, у него в руках поднос с пустыми чашками. Они подходят к столу.

Принц Фарид (Али Хамуде). Прелестно. Сидишь тут и разглагольствуешь о своих науках, а мы там работаем на кухне. Ведь сегодня придут гости чай пить.

Али Хамуда. Ничего, вы там и одни справитесь.

Карима (принцу). Боюсь, ваша светлость, что я слишком утомила вас перед приходом гостей.

Принц Фарид. Послушай, Карима. Прежде всего - утомиться ради вас и ваших гостей - это счастье для меня. Во-вторых, это твое обращение "ваша светлость" иногда звучит абсолютно ни к чему.

Али Хамуда. Особенно после того, как его светлость нарезал лук и почистил чеснок.

Принц Фарид. Помолчи, пожалуйста, не суйся куда не надо.

Али Хамуда. Ты прав - тот, кто суется между хлебом и луковичей, довольствуется лишь запахом.

Принц Фарид. Что ты хочешь этим сказать?

Али Хамуда. Ничего особенного. Пословица хорошая.

Принц Фарид. Пословица... Нашел время. Не лучше ли тебе встать и помочь нам немножко.

Карима. Пусть отдыхает. Не надо его утруждать.

Принц Фарид. Но я хочу видеть, как и он хоть что-то делает в этом доме.

Али Хамуда. А разве я ничего не делаю? Спроси-ка дядю Хаджа.

Абдессалам. Действительно. Доктор использует каждую минуту для того, чтобы передать мне свои знания.

Али Хамуда. Нет, вы скажите ему, дядя Хадж, скажите.

Абдессалам. Правда, правда. Доктор - это море познаний.

Принц Фарид. Море! Еще бы! Знаем мы это море, старая песня! В наше время надо трудиться, работать. Я же вот начал... Как увижу,

что моя двоюродная сестренка крутится здесь с утра до вечера, так мне и хочется ей чем-нибудь помочь. Ну, по возможности, конечно. Я новичок в этом деле, не надеюсь, что Карима довольна мной...

Карима (*улыбаясь*). Очень довольна.

Принц Фарид. Благодарю.

Али Хамуда (*рассматривая Кариму*). Очень мило.

Принц Фарид (*резко поворачивается к нему*). Что мило?

Али Хамуда. Да все... Вот мое положение хотя бы.

Принц Фарид. Ты о чем?

Али Хамуда. Так... Думаю, чем бы нам помочь? Подмести, что ли...

Принц Фарид. Нет уж. Здесь и так чисто. Лучше, если ты просто помолчишь.

Али Хамуда. Конечно, здесь чисто. И все благодаря Кариме. А мне что ж - вот так сидеть и любоваться?

Принц Фарид. Чего ты от нас хочешь?

Али Хамуда. Я тебя спрашиваю - в каком я тут положении?

Принц Фарид. В глупом.

Али Хамуда. Вернее, в постыдном.

Принц Фарид. Называй как хочешь.

Али Хамуда. Думаю, что единственное, что мне осталось, - это помолчать, как ты и советовал. Это будет самое разумное.

Принц Фарид. Тебе пора встать и надеть пиджак. И мне тоже. Пора уходить.

Карима. Как - уходить?

Принц Фарид. Конечно. Чтобы оставить вас с вашими гостями.

Абдессалам. Что вы говорите? Это невозможно!

Карима. Разве наши гости - не ваши гости?

Абдессалам. Разве мы не одна семья? Ведь мы же так договорились?

Карима. Нет, мы просто не пустим вас. Вы останетесь с нами, и будем пить чай все вместе.

Принц Фарид. Слушаю и повинуюсь.

Али Хамуда. Ну, раз так приказано... Но мне все равно надо надеть пиджак.

Карима. Не надо, доктор. И так хорошо. Вы же у себя дома.

Принц Фарид. Гм, а я?

Карима. Вы тоже. Оставайтесь в брюках и в рубашке.

Абдессалам (встает). А я, дочка, пойду надену еще что-нибудь.

Карима. Надень халат, который я тебе сшила.

Абдессалам. Нет, лучше легкую накидку.

Карима. Как хочешь. Мне тоже надо привести себя в порядок.

Карима и Абдессалам уходят.

Принц Фарид (после раздумья). Ты мне друг. И ты знаешь, что я тебе друг. Не так ли?

Али Хамуда. Это нужно еще подумать.

Принц Фарид. Ты сомневаешься?

Али Хамуда. Скажи ты мне сначала. У тебя раньше были друзья?

Принц Фарид. Конечно.

Али Хамуда. А где они сейчас?

Принц Фарид. Там, в автоклубе...

Али Хамуда. Я понимаю, что ты не можешь к ним пойти. Ну а почему они не придут поинтересоваться, что с тобой?

Принц Фарид. А зачем им?

Али Хамуда. Значит, они были друзьями только принца?

Принц Фарид. Наверно.

Али Хамуда. И когда исчез твой титул, исчезли и они?

Принц Фарид. Наверно.

Али Хамуда. И ты называешь их друзьями!

Принц Фарид. Ты прав. Они мне не друзья. Это просто то, что причиталось его светлости или его величеству. А сейчас у меня нет титула, я человек такой же, как и все. Но неужели я не имею права на друга?

Али Хамуда. А зачем он тебе? Деньги занимать?

Принц Фарид. Нет, ты же знаешь, что я не люблю занимать денег. И не люблю, чтобы мне подавали милостыню. Мне нужен друг, чтобы открыть ему свою душу.

Али Хамуда. Душу? Ну и что в ней?

Принц Фарид (*колеблясь*). Чувства...

Али Хамуда. У тебя-то?

Принц Фарид. Не смейся, пожалуйста.

Али Хамуда. Я не смеюсь, рассказывай.

Принц Фарид. Это чувства особого рода. И к определенному человеку.

Али Хамуда. Здесь?

Принц Фарид. Здесь.

Али Хамуда. И каковы же эти чувства?

Принц Фарид. Нежность, привязанность и влечение.

Али Хамуда. Иными словами, любовь, страсть и желание.

Принц Фарид. Что-то вроде этого.

Али Хамуда. Думаю, что понимаю, и ты понимаешь, что я понимаю.

Принц Фарид. Я заметил, что ты заметил.

Али Хамуда. Короче - ты любишь Кариму.

Принц Фарид. Да, мою двоюродную...

Али Хамуда. Двоюродную сестренку.

Принц Фарид. Я это и имею в виду.

Али Хамуда. Знаю, знаю, что ты имеешь в виду. Вот тебе полезный совет. Ты, кажется, решил нас погубить и лишиться куска хлеба, который нам так легко дается. Хадж Абдессалам очень религиозный человек, и если он заметит что-нибудь, то... Я тебя предупредил и умываю руки. Остальное - дело твое.

Принц Фарид. Одну минуту. Ты не так меня понял. Я ведь хочу все по-честному, по закону.

Али Хамуда. По закону?

Принц Фарид. Конечно, я решил просить ее руки.

Али Хамуда. Жениться?

Принц Фарид. А что?

Али Хамуда. А ты уверен, что она тебя любит?

Принц Фарид. Думаю, что не ненавидит.

Али Хамуда. Этого мало. Чувства должны быть взаимными.

Принц Фарид. Не осложняй, пожалуйста.

Али Хамуда. Должна же она испытывать хоть симпатию по отношению к тебе.

Принц Фарид. Думаю, что у нее нет причин не полюбить меня.

Али Хамуда. Пусть она сама так думает. А что думает отец?

Принц Фарид. Отец?

Али Хамуда. Конечно. Не хочешь же ты жениться на ней помимо его воли! Такая, как она, ни за что не выйдет замуж без родительского благословения.

Принц Фарид. Это мы уладим. Если все зависит от ее отца, то, мне кажется, он будет только рад...

Али Хамуда. Такому зятю, как ты?

Принц Фарид. Почему бы и нет?

Али Хамуда. Дьявол мечтает о райских куцах!

Принц Фарид. Что-что?

Али Хамуда. Размечтался, говорю.

Принц Фарид. Я? Ты, верно, забыл, кто я. Разве такой, как Абдессалам-эфенди, может отказаться быть моим тестем? Разве я не лучше ее покойного мужа? Ведь он был всего-навсего помощником начальника железнодорожной станции! Неужели я в глазах Хаджа Абдессалама хуже, чем этот помощник хотя бы? Разве он не знает, кем я был? Забыл, кто я?

Али Хамуда. К сожалению, ты этого не хочешь забыть. И еще мечтаешь иметь настоящих друзей. Титула-то у тебя уже нет, а вот...

Принц Фарид (*приходя в себя*). Прости, пожалуйста, это ты меня разозлил.

Али Хамуда. Тот, кто хочет жениться на Кариме, должен понимать, что он из того же теста, что и она.

Принц Фарид. Я понимаю.

Али Хамуда. Я этого сейчас как-то не заметил.

Принц Фарид. Чего не скажешь от злости. Можешь не сомневаться в искренности моих чувств.

Али Хамуда. А я вот как-то засомневался.

Принц Фарид. Ну и сомневайся, пожалуйста. Мне лучше знать, что у меня там, внутри.

Али Хамуда. Кто знает, а может быть, ты заблуждаешься.

Принц Фарид. Ну как мне переубедить тебя? Неужели ты не видишь, что, с тех пор как Карима появилась в этом доме, я стал совсем другим. Я даже не требую, чтобы ты мне поверил. Я прошу тебя помочь мне.

Али Хамуда. Помочь?

Принц Фарид. Во имя нашей мужской дружбы.

Али Хамуда. Ты хочешь сказать, во имя дружбы двух обанкротившихся мужчин.

Принц Фарид. Пусть так.

Али Хамуда. Я готов помочь тебе. Скажи, как?

Принц Фарид. Прежде всего посоветуй, что мне делать. Может быть, мне заговорить с Хаджем Абдессалам? А что он мне скажет? Представь себе, что ты на его месте.

Али Хамуда. Ну вот, я на его месте.

Принц Фарид. Так. Значит, представь себе, что ты мой дядя Хадж. И вот я прихожу к тебе.

Али Хамуда. Подожди. Четок здесь нету?

Принц Фарид. Не надо таких подробностей. Давай я буду репетировать, а ты мне отвечай, как будто ты дядя Хадж.

Али Хамуда (*откашливается и принимает позу Абдессалам-эфенди*). Подойди сюда, сын мой, что ты хочешь сказать мне?

Принц Фарид. Дядя Хадж, я хочу сказать вам быстро, коротко и без всяких предисловий. Мы здесь живем одной семьей. Как сыр в масле катаемся.

Али Хамуда. Где сыр? Где масло, сын мой?

Принц Фарид. Я - сыр, а моя двоюродная сестра Карима - масло.

Али Хамуда. Катается, значит... Понятно.

Принц Фарид. Значит, вы согласны?

Али Хамуда (*откашливаясь*). Это смотря по тому, что за сыр. Сначала надо проверить, свежий он или горчит.

Принц Фарид. Горчит? Перестань сейчас же!

Али Хамуда. Как ты смеешь так разговаривать с дядей?

Принц Фарид. Это я тебе. Хадж человек воспитанный, и ты, пожалуйста, говори серьезно, так же, как он. И дело здесь серьезное. Я спросил культурно, и ты мне отвечай культурно.

Али Хамуда. Итак, ты хочешь жениться на Кариме, сын мой?

Принц Фарид. Если вы благословите нас.

Али Хамуда. Тебе, конечно, известно, что семейная жизнь требует много денег. Ты должен подумать об этом до женитьбы, ибо муж обязан обеспечить жену квартирой, одевать и обувать ее, кормить и поить, удовлетворять все ее прихоти, развлекать. И так далее. Ты способен на это?

Принц Фарид. Нет, позвольте, позвольте...

Али Хамуда. Чем ты занимаешься? Какая у тебя профессия?

Принц Фарид. Да позволь же мне...

Али Хамуда. Сколько ты зарабатываешь?

Принц Фарид. Очень глупо.

Али Хамуда. Как ты смеешь так разговаривать с дядей?

Принц Фарид. Мой дядя не задает таких дурацких вопросов. Дядя Хадж человек благородный и в деньгах не заинтересован. Он ценит чувства.

Али Хамуда. Но ведь он еще и отец и ценит будущее своей дочери.

Принц Фарид. Будущее дочери в том, чтобы выйти замуж.

Али Хамуда. Да, но за того, кто работает.

Принц Фарид. Сначала надо выйти, а работа потом найдется.

Али Хамуда. Нет уж, ты сначала найди работу, а потом женись.

Принц Фарид. Умный человек этого не скажет. Это может говорить только тупой, мрачный, упрямый эгоист, которому брачная постель противопоказана.

Али Хамуда (*притворно кричит*). Да как ты смеешь говорить о своем дяде Хадже, что он тупой, мрачный, упрямый эгоист и что ему...

Входит Абдессалам, он переоделся. Перебирает четки, нашептывает молитву.

Принц Фарид (*быстро, Али Хамуде*). Тихо! (*Шепотом*) Ужасно!

Абдессалам (*замечает, что они замолчали*). Я, кажется, нарушил вашу беседу?

Али Хамуда. Нет, нет, мы можем ее продолжить, потому что тут дело семейное и касается вас, дядя Хадж.

Абдессалам. Меня?

Принц Фарид (*шепотом, Али Хамуде*). Ты с ума сошел?

Али Хамуда (*даже не поворачивая к нему головы*). Достоинства Каримы, ее воспитание, хозяйственные способности так велики, что она может вскружить голову любому мужчине. (*Принцу*) Не правда ли, друг мой?

Принц Фарид (*смущенно*). Конечно, конечно.

Али Хамуда. И поэтому, дядя Хадж, я думаю, нет ничего удивительного в том, что тут обнаружился мужчина, который не прочь породниться с вами.

Абдессалам. Кто-нибудь хочет жениться на Кариме?

Али Хамуда. Да, и притом быстро, коротко и без всяких предисловий, и этот мужчина - вот он.

Абдессалам (*удивленно*). Принц?

Али Хамуда. Я свое дело сделал - как мог, помог. Теперь моя миссия закончена - все!

Принц Фарид (*заикаясь*). Правда... я...

Абдессалам. Такой сюрприз. Я как-то не ожидал...

Принц Фарид. И все-таки... я хотел просить вас... Надеюсь, что вы...

Абдессалам. Тебе нужно мое согласие?

Принц Фарид. Был бы счастлив.

Абдессалам. Ты уже говорил с Каримой?

Принц Фарид. Нет, конечно.

Абдессалам. Послушай, сынок. Я старик, мне осталось жить недолго, а Карима уже не ребенок, у нее своя голова на плечах, она вольна распоряжаться всеми нашими делами, а уж своими - так и подавно, особенно такими. Ты ведь знаешь, она у меня хозяйка во всем, и деньги все мои у нее. Так что мой тебе совет - поговори ты с ней сам, она тебе и ответит.

Принц Фарид. А если она согласится?

Абдессалам. Значит, все в порядке.

Принц Фарид. А ваше согласие, дядя?

Абдессалам. Получишь тут же, когда она даст свое.

Принц Фарид (*смотрит по сторонам, ищет Кариму*). Спасибо.

Али Хамуда. Она на кухне.

Принц Фарид (*уходя, Али Хамуде, шепотом*). А откуда ты знаешь?

Али Хамуда (*тихо*). Видел, как она приоделась и туда прошла. Наверно, хочет посмотреть, как там с чаем. Беги скорее к ней, пока не остыл.

Принц Фарид. Чай?

Али Хамуда. Нет, момент.

Принц Фарид быстро уходит на кухню.

Абдессалам (*скрестив по-турецки ноги, садится на диван*). Скажи мне, доктор...

Али Хамуда. Врать не буду, я ничего не знаю.

Абдессалам. Нет, знаешь.

Али Хамуда. Я тут ни при чем. Мое дело - сторона.

Абдессалам. Но я как раз и хотел узнать все объективно.

Али Хамуда. Я так мало их знаю, что не могу еще...

Абдессалам. Не скромничай. Вчера ты мне о них рассказывал подробно.

Али Хамуда. Что вы!

Абдессалам. Неужели у тебя память слабее моей? Ты же говорил, что одного из них ты очень высоко ценишь.

Али Хамуда. Странно....

Абдессалам. Ты еще подробнейшим образом описывал достоинства каждого из них.

Али Хамуда. Ну и что же я говорил о принце?

Абдессалам. При чем тут принц?

Али Хамуда. Но ведь в некотором роде он один из них.

Абдессалам. Ты шутишь. Я же тебе говорю о Сибавейхи и аль-Фараби.

Али Хамуда. А, а об этом-то я могу вам рассказать.

Звонок в дверь.

Звонят.

Абдессалам. Наверно, это уже они.

Али Хамуда (*направляясь к двери*). Гости? (*Открывает дверь*).

Входят Джихан, за нею - ее сестра Мерварт с мужем Салемом.

Джихан (*входя*). Как? И вы здесь?

Али Хамуда (*удивлен*). Джихан?

Мерварт (*входя*). Как вы поживаете, доктор?

Салем. Добрый вечер, доктор!

Али Хамуда (*смущенно*). Добро пожаловать. Вы, конечно, к его... светлости... Так он... он...

Абдессалам (*встает навстречу гостям*). Добро пожаловать! Добро пожаловать!

Али Хамуда (*Абдессаламу, шепотом*). Это к принцу.

Абдессалам. Нет, нет, это к нам.

Салем (*целует Абдессаламу руку*). Как поживаете, дорогой отец?

Абдессалам. Хорошо, сынок. А ты?

Мерварт (*целует Абдессаламу*). Как тебе здесь, папочка?

Абдессалам. Очень хорошо, дочка. (*Целует ее*)

Джихан (*тоже целует Абдессаламу*). Если бы ты знал, как я соскучилась! А где Карима!

Али Хамуда (*с удивлением смотрит на эту семейную сцену, направляется к кухне, свистит и кричит*). Эй, гости пришли!

Появляется Карима, за ней - принц Фарид. Увидев гостей, Карима бросается к ним, обнимает Мерварт и Джихан и сердечно, по-родственному приветствует Салема.

Принц Фарид (*удивленно*). Это что за новости? Вы, кажется, давно знакомы?

Мерварт. Мы просто родственники, папа.

Принц Фарид. Как? Вы тоже? Нет уж, придумайте что-нибудь, пооригинальнее.

Джихан. Это правда, папа. Спроси дядю Хаджа.

Абдессалам. Салем - мой сын.

Принц Фарид (*вздвoгнув*). Ваш сын?..

Карима. И мой единственный брат.

Принц Фарид (*Кариме*). Твой брат?..

Карима (*принцу*). Ты не ожидал так быстро познакомиться с ним?

Принц Фарид. Почему же ты не сказала, что это он придет в гости?

Карима. Я хотела сделать тебе сюрприз.

Принц Фарид. Вот уж действительно сюрприз... Гм, да какой радостный... Вот так собрались в семейном кругу. Здравствуйте, Салембек.

Салем. Я очень рад.

Принц Фарид. Значит, мы действительно родственники. Были... Хадж Абдессалам - это отец мужа моей дочери, а Карима - сестра мужа моей дочери. Вот совпадение!

Мерварт. Ты рад встретиться с нами, папа?

Принц Фарид. Очень. Разве этого по мне не видно? Видишь, какое у меня радостное лицо? А ты до сих пор меня не поцеловала. Ни ты, ни твоя сестра. Разве вы не соскучились по мне?

Мерварт (*бежит и бросается к нему на шею*). Нам и в голову не пришло, что тебе это будет приятно.

Джихан (*обнимая его*). Трудно поверить.

Принц Фарид. По правде говоря, мне жаль времени, что я провел без вас. Такая прекрасная семья, и вдруг все разбредись в разные стороны. Одни даже не знали о существовании других.

Мерварт (*с удивлением*). Ты изменился, папа.

Принц Фарид. Разве заметно?

Джихан. Конечно, папа. ты теперь просто другой человек.

Принц Фарид (*Али Хамуде*). Ты слышишь?

Джихан. А разве доктор сомневается в этом?

Али Хамуда. Дело в том, что...

Принц Фарид. Помолчи, пожалуйста, не вмешивайся в наши семейные дела. Все эти люди - мои настоящие родственники, оказывается.

Али Хамуда. Выходит, один я тут подкидыш.

Абдессалам. Что вы, доктор! Вы тоже наш. С вами так полезно разговаривать, вы же - море познаний.

Джихан (*приближаясь к Али Хамуде*). Кстати, вы не забыли о проекте, о котором мы говорили?

Али Хамуда. Каком проекте?

Джихан. Использования электрической энергии при рыбной ловле. Ну, помните, мы тогда вечером разговаривали?

Али Хамуда. А-а, верно, что-то припоминаю.

Джихан. А я с тех пор только и думала об этом. Столько придумала. Там есть одно местечко на берегу. Знаете, как его можно использовать? Вот как-нибудь пойдем посмотрим.

Али Хамуда. Иншалла! Посмотрим!

Джихан (*за руку тянет его к парадной двери*). Вот, даже отсюда видно. За оградой сада, вон там. Выйдем на минуточку.

Джихан и Али Хамуда выходят.

Принц Фарид. Неужели она и впрямь увлеклась каким-то проектом?

Мерварт. Это ей так кажется.

Салем. Она сейчас в таком возрасте, когда увлекаются... проектами.

Принц Фарид. Надо было бы сказать, ей, что наш доктор вовсе не интересуется подобными вещами.

Мерварт. А ты откуда знаешь, папа?

Принц Фарид. Я его хорошо знаю.

Мерварт. Он, кажется, культурный парень.

Принц Фарид. Это другое дело. Я говорю о том, на что он способен.

Карима. Может быть, будем пить чай?

Мерварт. Сейчас? Зачем спешить? Сначала расскажи, как тебе здесь живется. Ты устала от этого большого дома?

Карима. Только сначала, а потом привыкла.

Мерварт. Ты такая энергичная. Это нам известно.

Карима. Ты еще энергичнее. Я видела, как ты управляешься со своим домом в Маади. Тоже любишь все делать сама.

Мерварт. А у кого я этому научилась? У тебя же.

Карима. Ну не надо, перестань, пожалуйста.

Принц Фарид (*Кариме*). Я у тебя тоже кое-чему научился.

Карима (*улыбаясь*). Это заговор.

Принц Фарид. А насчет заговора скажите мне, пожалуйста, правду. Ведь это все не случайно. Наверно, было специально подстроено?

Мерварт. Что ты хочешь сказать, папа?

Принц Фарид. Хочу сказать, что Хадж Абдессалам и Карима появились здесь не случайно. Я и раньше все думал, почему они решили жить здесь. А когда сейчас вас увидел, то обо всем догадался.

Мерварт. О чем?

Принц Фарид. О том, что все это было нарочно придумано. Это был просто заговор, для того чтобы я не был один, чтобы за мной ухаживали и... и...

Мерварт. А что в этом плохого, раз все так хорошо кончилось.

Принц Фарид. Нет, это, конечно, счастье, но... но...

Мерварт. Ничего, папочка. Смотри на жизнь проще. Я прочитала объявление в газете и сразу поняла, чего ты добиваешься. Ты просто не хочешь жить один в таком большом дворце. Сами мы испугались прийти сюда, ты бы рассердился. И тогда Салем придумал это, чтобы не обидеть тебя.

Принц Фарид. Я не заслужил такой заботы Салем-бека. Мне даже стыдно.

Салем. Напротив. Это лишь часть моего долга по отношению к человеку, который мне как отец.

Принц Фарид (*быстро взглянув на Кариму*). Скажем лучше, как старший брат.

Абдессалам (*с понимающим видом покашливает*). Салем имеет в виду не возраст ваш, а положение.

Салем. Конечно.

Принц Фарид. Боюсь только, что Хадж Абдессалам и Карима вынуждены были жить здесь против своей воли.

Абдессалам. Ну что вы!

Карима (*принцу*). Прошу тебя, не говори того, чего не знаешь. Нам очень нравится жить здесь.

Принц Фарид. И мне это нравится.

Мерварт. И нам, папа, очень нравится приходить сюда. Мы можем даже пожить здесь если ты разрешишь, в те дни, когда Салем уезжает на красное море. (*Салему*). Ты согласен, дорогой?

Салем. Конечно.

Принц Фарид. Мне бы хотелось, чтобы и Салем-бек пожил с нами. Этот дом - его дом. Этот дом - дом Хаджа Абдессалама и Каримы, а я тут только гость.

Салем. Я рад побыть с вами. Может быть, и удастся на день-два. Мне ведь приходится часто уезжать, наше предприятие открыло новое месторождение нефти.

Принц Фарид. Очень приятно, Салем-бек. Значит у вас акции в...

Мерварт. Да, папочка, в восточной нефтяной фирме. Я не успела сказать тебе об этом, потому что Салем недавно...

Салем. Я вложил туда деньги не ради прибыли, просто меня это дело интересует с точки зрения науки и техники. Я за последние годы много читал о нефти, увлекся этим делом, начал его изучать и вот теперь счастлив, что могу приносить пользу людям. Это мне интереснее, чем зарабатывать деньги.

Мерварт. Верно. Сначала я думала, что Салем стремится только заработать деньги, а потом поняла, что он хочет приносить пользу.

Принц Фарид. А разве можно получать деньги, не принося никакой пользы?

Мерварт. Но ты же, папочка, только этим и занимался всю жизнь.

Принц Фарид. Ах да, верно. Я забыл. Но разве существует предприниматель без денег?

Мерварт. Это и есть как раз мой муж, папа. Он не богат, и мы живем в Маади в маленьком домике, и у нас только один слуга. И нашу машину водит сам Салем. Он живет так же, как любой инженер на заводе, хотя зарабатывает десятки тысяч.

Салем. Я их имею формально. У меня здесь своя теория, я считаю, что деньги настоящего предпринимателя принадлежат государству. Он их вкладывает в дело, которое ведет как будто для себя, а в действительности служит и многим другим. И приносит пользу науке, технике и народному хозяйству.

Мерварт. Салем всегда мне так говорит. Он говорит, что он рабочий и должен жить как простой рабочий.

Салем. Конечно, Мерварт. Нужно жить как рабочий, а работать как хозяин. То есть жить для дела, а не для денег. Деньги - это всего лишь двигатель в машине производства, их нельзя использовать для собственного удовольствия.

Принц Фарид. Красиво звучит. Давайте лучше пить чай.

Мерварт (*оглядывается по сторонам*). Где Джихан?

Карима. Наверно, в саду.

Мерварт. Кстати, давайте пить чай в саду. Сегодня прекрасная погода.

Карима. Это идея! Накроем там стол.

Принц Фарид. А я помогу.

Мерварт. Я тоже.

Салем. И я, конечно.

Карима. Если вы все так любите работать, то несите чашки и блюдца. За дело, за дело!

Все, смеясь, забирают со стола чашки и блюдца. Хадж Абдессалам тоже хочет нести посуду, но принц Фарид отбирает у него. Все уходят в сад. Некоторые время сцена пуста. Из сада слышится смех, затем быстро входит Али Хамуда, он тащит за руку принца Фарид.

Принц Фарид (*старается вырваться и вернуться в сад*). Пусти, не время сейчас.

Али Хамуда. Самое время. Мы живем в атомный век, век полетов на Луну.

Принц Фарид. Какую еще Луну?

Али Хамуда. Джихан!

Принц Фарид. Что с ней?

Али Хамуда. Я хочу на ней жениться!

Принц Фарид. Прелестно!

Али Хамуда. Очень!

Принц Фарид. А ты не хочешь попросить у ее отца согласия?

Али Хамуда. Отца?

Принц Фарид. Конечно. Не собираешься же ты жениться без отцовского благословения?

Али Хамуда. А-а, тут дело ясное, отец благословит нас, конечно.

Принц Фарид. Такого-то, как ты?

Али Хамуда. Разумеется.

Принц Фарид. Дьявол мечтает о райских кушachs.

Али Хамуда. Что-что?

Принц Фарид. Тебе, конечно, известно, что такое семейная жизнь. Муж должен обеспечить жену квартирой, одевать и обувать ее, кормить и поить, развлекать. И так далее. А ты, мой милый, способен ты содержать жену? Чем ты занимаешься? Какая у тебя профессия? Сколько зарабатываешь?

Али Хамуда. Послушай меня...

Принц Фарид. Ни слова. Я отец и думаю о будущем своей дочери. Сначала найди работу, а потом женись. Так будет логичнее.

Али Хамуда. Какой дурак придумал такую логику?

Принц Фарид. Ты неплохо знаешь этого человека.

Али Хамуда. Не знаю. Если бы знал, дал бы ему по уху.

Принц Фарид. Я готов это сделать за тебя. *(Подходит к нему и замахивается).*

Али Хамуда. Подожди! Тот человек не знал, что такое любовь. Теперь он изменился.

Принц Фарид. И он тоже?

Али Хамуда. Да, он теперь совсем другой.

Принц Фарид. Поздравляю.

Али Хамуда. Здесь долго разговаривать не о чем. Скажи прямо, ты согласен?

Принц Фарид. Странно. Сначала объясни мне, что произошло. Ты полюбил ее?

Али Хамуда. Да. Взаимно.

Принц Фарид. Даже?

Али Хамуда. И я набрался храбрости и уже поговорил с ней.

Принц Фарид. Просил руки?

Али Хамуда. Да. И она согласилась тут же.

Принц Фарид. Согласилась?

Али Хамуда. Да. При одном условии.

Принц Фарид. Каком?

Али Хамуда. Согласие ее отца.

Принц Фарид. Мое, значит?

Али Хамуда. Поэтому я и прошу тебя помочь мне.

Принц Фарид. Помочь?

Али Хамуда. Согласись, чтобы она вышла за меня.

Принц Фарид. За нищего?

Али Хамуда. Совершенно верно. Так же, как другой нищий просил меня помочь ему жениться на Кариме.

Принц Фарид. Там совсем другое дело.

Али Хамуда. Нет, дорогой, то же самое.

Принц Фарид. Ты хочешь, чтобы я себя обманывал?

Али Хамуда. Так же, как ты хотел обмануть Хаджа Абдессалама.

Принц Фарид. Что ты хочешь сказать?

Али Хамуда. Хочу сказать, что мы в одинаковом положении. И если ты считаешь, что ты вправе жениться на Кариме, то ты должен считать, что и я вправе жениться на Джихан.

Принц Фарид (*в раздумье чешет затылок*). Это действительно...

Али Хамуда. Это действительно справедливо. Не так ли?

Принц Фарид. Короче. Значит, таково условие?

Али Хамуда. И это еще не все. Там есть еще одно условие – труднее.

Принц Фарид. Какое?

Али Хамуда. Согласие Салема.

Принц Фарид. Что?

Али Хамуда. Джихан сказала, что твое согласие необходимо как традиция, а вот решающее мнение принадлежит мужу ее сестры, то есть Салему.

Принц Фарид. Странно.

Али Хамуда. То, что сказала Джихан?

Принц Фарид. Нет, Карима только что сказала мне то же самое.

Али Хамуда. Что?

Принц Фарид. Когда я ей сказал, что говорил с ее отцом и он предоставил ей самой решать свою судьбу, она сказала мне, что ее судьбу должен решать Салем, которого она считает настоящим главой семьи.

Али Хамуда. Ну и в результате?..

Принц Фарид. Я не могу жениться на Кариме без...

Али Хамуда. ... согласия Салема.

Принц Фарид. И ты тоже не можешь...

Али Хамуда. ... жениться на Джихан без...

Принц Фарид... согласия Салема.

Али Хамуда. Значит, не будет у нас с тобой счастья...

Принц Фарид и Али Хамуда (вместе). ... без согласия Салема!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тот же холл во дворце принца Фарида. Тот же день, но солнце близится к закату. Из сада быстро входит принц Фарид, он ведет за собой Мерварт.

Мерварт. Что ты хочешь от меня, папа?

Принц Фарид (*отпустив ее руку*). У меня к тебе важный разговор, наедине.

Мерварт. Насчет чего?

Принц Фарид. Насчет меня и твоего мужа.

Мерварт. Салема? Кстати, я заметила, что ты просто не отстаешь от него.

Принц Фарид. Только я? А ты не заметила, как вел себя доктор Хамуда? Всякий раз, когда я собирался открыть рот и поговорить с Салемом, он оттеснял меня.

Мерварт. Тебе нужно что-нибудь от Салема?

Принц Фарид. Еще как нужно.

Мерварт. Денег?

Принц Фарид. Ты с ума сошла!

Мерварт. Что же ты от него хочешь?

Принц Фарид. Руку его сестры.

Мерварт. Каримы?

Принц Фарид. Ты против, чтобы я женился, Мерварт?

Мерварт. Напротив, папа, ты одинок, еще не стар, можно сказать, даже в самом соку, и твоя идея насчет женитьбы вполне разумна. Но как-то странно...

Принц Фарид. Что?

Мерварт. Ты согласен породниться с этой скромной семьей?

Принц Фарид. Ну не ругай меня, с этим покончено.

Мерварт. А Карима согласна?

Принц Фарид. Если Салем согласен.

Мерварт. А Салем?

Принц Фарид. Я не решаюсь говорить с ним. Поэтому и привел тебя сюда. Может быть, ты его уговоришь?

Мерварт. Попробую.

Принц Фарид. Попробуй, очень прошу. И как можно быстрее. Сейчас же! Чтобы я успокоился.

Мерварт. Я уведу его в угол сада и поговорю с ним.

Принц Фарид. Поговори с ним раньше, чем тот.

Мерварт. Кто?

Принц Фарид. Доктор Хамуда.

Мерварт. А что, он тоже хочет жениться на Кариме?

Принц Фарид. Нет, он хочет жениться на Джихан.

Мерварт. На сестре? И она согласна?

Принц Фарид. Если Салем согласен.

Мерварт. А-а, теперь я поняла, почему вы так лебезите перед Салемом.

Принц Фарид. А этот доктор такой же нищий, как я. Поэтому сразу два удара по голове...

Мерварт. По голове Салема?

Принц Фарид. Поэтому надо поспешить поговорить с ним первыми. Вдруг окажется, что наш удар полегче. А доктор Хамуда не посмеет говорить с ним тут же за столом.

Мерварт. Я заметила, когда мы встали с тобой, он подмигнул Хаджу Абдессаламу, и они тоже вышли из-за стола.

Принц Фарид. Это еще что?

Мерварт (*поворачиваясь к двери*). Вон они идут. Пойдем в сад.

Принц Фарид (*направляясь к двери, нарочно громко*). А мы говорим о погоде, о природе.

Мерварт и принц Фарид уходят. Входят Али Хамуда и Хадж Абдессалам.

Али Хамуда. Итак, дядя Хадж, соперником Сибавейхи выступил аль-Кисаи.

Абдессалам. Ну прямо не наслушаюсь, как ты рассказываешь об этих ученых. Так что же произошло между ними?

Али Хамуда (*украдкой обменивается взглядами с принцем, который выходит вместе с Мерварт*). Это было во дворце халифа Харуна ар-Рашида. Там состоялся ожесточенный диспут по грамматике между аль-Кисаи и Сибавейхи. Аль-Кисаи пришел к Сибавейхи и говорит... Кстати, о Салеме...

Абдессалам. Мой сын никогда не интересовался грамматикой.

Али Хамуда. Нет, я по поводу Джихан...

Абдессалам. А при чем здесь Джихан?

Али Хамуда. Я хочу просить ее руки.

Абдессалам. Подожди, с чего это ты вдруг перескочил на другую тему?

Али Хамуда. Прости меня, дядя Хадж. Я не смел иначе, тем более что с Салемом я вообще говорить не могу. Значит, остаетесь только вы, его отец. А вы с ним можете поговорить без всяких церемоний. Могу я положиться на вас, дядя?

Абдессалам. Ты хочешь жениться на Джихан?

Али Хамуда. О да!

Абдессалам. Не лучше ли тебе поговорить с отцом?

Али Хамуда. Я говорил и с ней и с ним.

Абдессалам. Ну и как? Они согласны?

Али Хамуда. Да, при условии, если согласится Салем.

Абдессалам. И ты хочешь, чтобы я...

Али Хамуда. Чтобы вы уговорили Салема.

Абдессалам. Это очень просто.

Али Хамуда. Главное, поскорее, потому что я боюсь - принц меня опередит, он хочет говорить насчет Каримы. А он такой же нищий, как и я. И два таких предложения подряд...

Абдессалам. Не бойся. Пойду сейчас к нему в сад и тихонько поговорю с ним.

Али Хамуда. Да поможет вам Аллах, дорогой дядя!

Хадж Абдессалам уходит.

(Подняв руки к небу, читает молитву аль-Фатиха). Аль-хамду
лиль ляхи раббилъ аль-амин, ар-рахмани, ар-рахим. Малики йауми-д-
дин ийака наабуду ийака настаин...

Во время чтения из сада входят принц Фарид, Карима и Джихан.

Принц Фарид *(Али Хамуде)*. Уаля ад-далин амин!

Карима. Да пусть аллах услышит вашу молитву!

Принц Фарид. Помолись-ка и за меня тоже.

Али Хамуда. Что это вы явились сюда все вместе?

Джихан. Кажется, они там хотят поговорить наедине.

Али Хамуда. Насчет кого?

Принц Фарид. А мы их не спрашивали.

Али Хамуда. Я спрашиваю Джихан.

Принц Фарид. А я за нее и отвечаю.

Али Хамуда. Она меня прекрасно поняла.

Принц Фарид. Ничего, я тоже тебя прекрасно понял.

Али Хамуда. Ну вот и поговорили.

Принц Фарид. Тебе еще что-нибудь объяснить?

Али Хамуда. Ничего не имею против.

Принц Фарид. Вот в этот самый момент там решается важное
дело.

Али Хамуда. Чье?

Принц Фарид. Мое, конечно.

Али Хамуда. Только твое?

Принц Фарид. А что мне за дело до других?

Али Хамуда *(шепотом)*. Обычный твой эгоизм. Недаром гово-
рят: привычка - вторая натура.

Принц Фарид. Что?

Али Хамуда. Говорю, быстро же ты забыл, что мы с тобой связа-
ны одной веревочкой.

Принц Фарид. При чем это сейчас?

Али Хамуда. Очень при чем. Ведь если мое дело выгорит, то и твое тоже. И наоборот. Значит, в этот момент решается не только твое дело, но наше, общее. Понял?

Принц Фарид. Значит, союз?

Али Хамуда. На этот раз серьезно?

Принц Фарид. Давай руку.

Принц Фарид и Али Хамуда пожимают друг другу руки.

В это время Джихан подбегает к двери и выглядывает в сад.

Джихан. Иди взгляни, Карима.

Карима (*спешит к двери*). А что там?

Джихан (*смотрит в сад*). Они сидят за столом, как на суде.

Карима (*тоже смотрит*). Да-да. Салем посередине.

Джихан. Мерварт направо.

Карима. А мой отец налево.

Принц Фарид. Что они делают?

Али Хамуда. Разговаривают, конечно.

Джихан. Беседуют.

Принц Фарид. Спокойно?

Карима. Салем отрицательно качает головой.

Принц Фарид. Отрицательно?

Джихан. И довольно категорически притом.

Али Хамуда. Категорически?

Карима. Лицо у него сердитое.

Принц Фарид. О Аллах!

Джихан. Кулаком по столу стучит.

Али Хамуда. О всемогущий!

Джихан. Кажется, дело плохо.

Принц Фарид. А та, что с правой стороны?..

Карима. Она молчит.

Али Хамуда. А слева?..

Джихан. Слова не произнес.

Принц Фарид (*в отчаянии бросается в кресло*). Ну что скажешь?

Али Хамуда (*садится с безнадежным видом*). Предоставим это Аллаху.

Принц Фарид. Я чувствую, справа там просто пустое место.

Али Хамуда. А слева ни богу свечка ни черту кочерга.

Принц Фарид. Короче говоря, все пропало.

Али Хамуда. Быть того не может.

Принц Фарид. Ты еще надеешься?

Али Хамуда. На апелляцию. Ведь любой приговор можно опротестовать.

Принц Фарид. У кого? Выше Салема инстанции нет.

Али Хамуда. Неужели он один будет решать нашу судьбу? Это же диктатор!

Принц Фарид. Ты что?

Али Хамуда. Раз он ни с кем из нас не советуется и все решает сам...

Принц Фарид (*осторожно*). Бунт против него?..

Али Хамуда. Против диктатуры.

Принц Фарид. Тсс, и у стен есть уши.

Али Хамуда. Пусть лучше стены будут с ушами, чем мы с носом.

Джихан (*отбегаёт от двери, кричит*). Браво! Браво!

Принц Фарид. Ты что, согласна с ним?

Джихан. Еще бы. Он решает вполне разумно.

Али Хамуда. И справедливо. Но он должен сначала выслушать меня. Может быть, я прав, а он не прав.

Принц Фарид. А может быть, наоборот.

Али Хамуда. Он должен выслушать, что я скажу.

Принц Фарид. Ну, это же известно.

Али Хамуда. Нет, дорогой. Никто лучше меня самого не может рассказать, какой я. Вот ты, например, что ты о себе думаешь? Послушай, давай я тебе буду рассказывать, каким ты мне кажешься.

Принц Фарид. Нет мой милый. Каким бы я ни был, это тебя не касается. Я заранее знаю, что ты обо мне можешь сказать.

Али Хамуда. Ага, испугался.

Принц Фарид. Потому что ты меня еще плохо знаешь.

Али Хамуда. И все же это не мешает мне видеть твои безусловные достоинства.

Принц Фарид. Гм, достоинства? Интересно. Какие же?

Али Хамуда. Хочешь, перечислю?

Принц Фарид. Буду весьма признателен.

Али Хамуда. Первое. Ты не такой подонок, чтобы тебя бояться. Второе. ты не такой эгоист, чтобы внушать отвращение. Третье. ты не такой дурак, чтобы от этого приходить в отчаяние. Четвертое...

Принц Фарид. Ну довольно уже, довольно!

Али Хамуда. Что такое? Тебе стыдно, что я перехвалил тебя...

Принц Фарид. Но не до такой степени, чтобы мне от этого приходить в восторг!

Али Хамуда. Еще бы! Ты о себе разумеется, совсем другого мнения.

Принц Фарид. А ты? Хочешь, а перечислю тебе твои достоинства?

Али Хамуда. Давай.

Принц Фарид. Первое. Ты не такой трепач, чтобы быть опасным. Второе. Ты не такой циник, чтобы быть неприятным. Третье. Ты не такой...

Али Хамуда. И так далее, и так далее, и так далее.

Принц Фарид. Подожди.

Али Хамуда. Не надо. И так все ясно.

Принц Фарид. Ты о себе, разумеется, другого мнения.

Али Хамуда. Ты меня плохо знаешь.

Принц Фарид. Как и ты меня.

Али Хамуда. Договорились.

Принц Фарид. Тогда пусть каждый расскажет сам о себе.

Али Хамуда. Так я это и говорил.

Принц Фарид. Давай начинай ты.

Али Хамуда. Итак, себя я знаю лучше, чем кто-либо другой. Я человек энергичный, не ленивый, учиться готов был ночи напролет, и не может того быть, чтобы все это пошло насмарку. Мои знания всегда при мне и когда-нибудь принесут людям пользу, недаром дядя хадж говорит, что я - это море познаний.

Джихан. Я тоже это говорю. И я уверена, что мы еще извлечем из этого моря...

Али Хамуда. Что?

Джихан. Все, что нам хочется. И на этом море мы реализуем мой проект, как ловить рыбу при помощи электричества.

Али Хамуда. Послушайте, Джихан, пора нам поговорить откровенно. Почему каждый раз, когда вы меня видите, вы говорите со мной о рыбе?

Джихан. А разве это не ваша профессия? Вы не моряк?

Али Хамуда. Моя профессия? Кто это вам сказал?

Джихан. Вы сами только что говорили о море...

Али Хамуда. Я сказал, что говорят, будто я - это море познаний, но мои знания не имеют ровно никакого отношения ни к морю, ни к рыбе.

Джихан. Как же это? А о чем же тогда ваши знания?

Али Хамуда. О грамматике, о лингвистике.

Джихан. О чем? (*Поворачивается к отцу*). Какая грамматика?

Принц Фарид (*пожимает плечами*). Меня ты не спрашивай - я ничего не понимаю ни в грамматике, ни в лингвистике, ни в море, ни в рыбе, ни в том, как ее есть - с хвоста или без головы.

Джихан. Значит, вы меня обманули?

Али Хамуда. Я?

Джихан (*вытирая слезы*). Грамматика! Как это скучно! А я-то думала - моряк, строила такие планы! Так надеялась!

Али Хамуда. На что надеялась? Если рыбу ловить, то это занятие очень приятное и даже полезное, но профессия-то моя...

Джихан (*отстраняется от него*). Оставьте меня, пожалуйста. (*Плача уходит*).

Али Хамуда (*пытается догнать ее*). Джихан!

Принц Фарид (*покачивая головой*). Попался, бедняга.

Али Хамуда (*поворачивается к принцу*). Спаси меня.

Принц Фарид. Пошел ко дну?

Али Хамуда. Не время сейчас злорадствовать.

Принц Фарид. Море познаний утонуло в океане любви.

Али Хамуда (*идет к двери*). Салам алейкум!

Принц Фарид. Ах, какое разочарование!

Карима (*смотрит в сад, кричит*). А тот, что слева...

Принц Фарид (*поворачивается к ней*). Что? Хадж?

Карима. Теперь он говорит.

Принц Фарид (*Али Хамуде*). Успокойся, дружище, не теряй надежды.

Али Хамуда. Все кончено, я проиграл дело раньше, чем вынесен судебный приговор. Мне больше здесь нечего делать. Салям алейкум!

Принц Фарид. Уходишь?

Али Хамуда. Ты сам этого добивался.

Принц Фарид. Ну, это еще вопрос.

Али Хамуда. Пойду соберу вещи.

Принц Фарид. А разве у тебя были вещи?

Али Хамуда. Прости, я забыл, что пришел сюда с пустыми руками. И уйду так же как пришел. Хотя на самом деле...

Принц Фарид. Что?

Али Хамуда. Уйду и отсюда не совсем так же.

Принц Фарид. Ты хочешь сказать, что у тебя здесь что-нибудь пропало?

Али Хамуда. Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать.

Принц Фарид. Ах да! Ты пришел сюда еще в пиджаке. Так не забудь его, пожалуйста.

Али Хамуда. Не забуду. Но я оставляю здесь нечто много ценнее. Салям алейкум!

Принц Фарид. Подожди!

Али Хамуда. Что еще?

Принц Фарид. Оставь твой адрес хотя бы.

Али Хамуда. А тебе-то зачем?

Принц Фарид. Странно. Ты что же, хочешь порвать с нами окончательно?

Али Хамуда. Так будет лучше.

Принц Фарид. Для тебя?

Али Хамуда. И для тебя тоже.

Принц Фарид. Сейчас мы говорим о тебе. Разве тебе хочется, чтобы между нами все кончилось таким образом?

Али Хамуда. Не знаю.

Карима (*кричит*). Они встали из-за стола и идут сюда. (*Отбегает от двери и садится в кресло*).

Принц Фарид. И как они выглядят? Есть надежда?

Карима. Не знаю.

Али Хамуда (*направляясь к двери*). Мне нужно уйти.

Принц Фарид. Нет, подожди их!

Али Хамуда. А мне это уже не интересно.

Из сада входят Хадж Абдессалам, Мерварт и Салем.

Принц Фарид (*становится навытяжку*). Суд идет!

Абдессалам (*быстро садится*). Садитесь же.

Мерварт смотрит по сторонам, ищет Джихан.

Карима. Пойду поищу ее. (*Уходит*).

Абдессалам. Вы, наверно, хотите знать, о чем мы там говорили?

Принц Фарид. Горим нетерпением.

Абдессалам (*смотрит на Али Хамуду, который остановился в отдалении*). Что с тобой, доктор? Подойди сюда.

Али Хамуда. Я хотел...

Абдессалам (*показывая на кресло рядом с принцем*). Присядь-ка вот здесь.

Али Хамуда (*нерешительно приближаясь*). Разрешите мне...

Абдессалам (*прерывает его*). Сядь и слушай.

Али Хамуда. Я только хотел объяснить... одно слово...

Абдессалам. Терпение и труд все перетрут. Садись.

Али Хамуда. Ведь мне сейчас...

Принц Фарид (*наильно сажает его рядом с собой*). Сядь и помолчи. Не трать времени зря, сил нет. Пожалуйста, дядя Хадж, мы слушаем.

Абдессалам. Мы тут действительно немного поговорили о вас. Правда, Салем не давал мне рта раскрыть. У него на все своя точка зрения. И он нас убедил. Поэтому пусть он вам сам скажет, может быть, он и вас убедит.

Салем. Мне все ясно. Вы, принц Фарид, и вы, доктор Хамуда, хотите устроить свою жизнь, то есть жениться. Не так ли?

Али Хамуда (*пытается встать*). Что касается меня, то...

Принц Фарид (*усаживает его и закрывает ему рот рукой*). Так.

Салем. Но чтобы создать семью, надо зарабатывать деньги.

Принц Фарид (*шепотом*). Начинается...

Салем (*продолжает*). А чтобы зарабатывать деньги, надо работать.

Принц Фарид (*разочарованно*). Все ясно.

Салем. А чтобы работать...

Принц Фарид. Ваш приговор нам ясен.

Салем. Что ясно?

Принц Фарид. Если наша женитьба зависит от работы, то нам все ясно.

Салем. А вы знаете, что такое работа?

Принц Фарид. Нет.

Салем. А что такое любовь?

Принц Фарид (*удивленно*). Любовь?

Салем. Да. Вы знаете, что это такое?

Принц Фарид. Еще бы. Это... ну, это всем ясно.

Салем. Тогда вы знаете и что такое работа.

Принц Фарид. А какая тут связь?

Салем. Работа - это увлечение, страсть, заинтересованность, желание и любовь. Разве все это не синонимы в грамматике, доктор?

Али Хамуда. Синонимы.

Салем. Настоящая работа всегда порождается увлеченностью. Если ты увлечен, любишь свое дело и относишься к нему серьезно, то тогда ты работаешь эффективно и производительно. Вот вам пример - человек любит разбирать будильники, рассматривать стрелки, колесики и пружинки, а потом их заново собирать. И это увлечение потом приводит к профессии техника, механика, инженера. А работа, которая делается без любви, без интереса, серьезных результатов не дает. Это все равно что плод, рожденный не в объятиях любви, а в банке с искусственным семечком.

Принц Фарид. Любопытно.

Салем. А теперь скажите мне, чем вы увлекаетесь, что вас интересует, и я скажу вам, чем вы должны заниматься. Вот доктор, я знаю, любит филологию.

Али Хамуда. Грамматику.

Абдессалам. Так же, как ее любили Сибавейхи, аль-Кисаи и аль-Фараби.

Салем. Эти имена вошли в нашу историю. А почему?. Потому, что они любили свое дело и на это ушла вся их жизнь.

Абдессалам. Они готовы были умереть за это.

Салем. Работа ценится не за то, сколько оно дает человеку, а за то сколько она у него берет - любви времени, сил.

Али Хамуда. Это действительно прекрасно сказано, но...

Салем. Но что?

Али Хамуда. Филологией или грамматикой сейчас не очень-то прокормишься.

Салем. А как же жили Сибавейхи и ему подобные?

Али Хамуда. А тогда был Харун ар-Рашид¹ и ему подобные.

Салем. В каждой эпохе есть свой Харун ар-Рашид. А между прочим, промышленность, индустриализация, народное хозяйство - это тот же Харун ар-Рашид, и они нуждаются в науке, в цивилизации. Ученые нужны каждой богатой, цивилизованной стране. Конечно, если страна ленива, недоразвита и бедна, то ей не до ученых. Там лингвистов не бывает. Разве можно представить себе, чтобы Сибавейхи со своей грамматикой жил в голой пустыне?

Абдессалам. Едва ли.

Салем. Нужно, чтобы в стране было налажено производство, тогда потребуются и ученые. Нужно, чтобы были шершавые руки для того, чтобы появились нежные руки.

Абдессалам. Вот Салем и говорит, что в данном случае все в порядке.

Принц Фарид. Что в порядке?

Салем. Доктор может иметь прекрасную работу, писать книги по своей специальности.

¹ Харун ар-Рашид - арабский халиф (763-809), согласно преданию, считавшийся покровителем искусства и литерутары.

Али Хамуда. А кто их будет покупать?

Абдессалам. Харун ар-Рашид.

Салем. Да. Нефтяная фирма.

Али Хамуда. При чем тут...

Салем. В нашей фирме работает много рабочих. Для них построили клуб, там большая библиотека. У рабочих тяга к книгам, к знаниям. А библиотеке нужен заведующий.

Абдессалам. (*Али Хамуде*). Понял?

Салем. Жалованье приличное. Времени достаточно. Можно сидеть и писать свои книги.

Али Хамуда. Да вроде в этом смысле все нормально, но вот..

Салем. Теперь обратимся к другой стороне. (*Принцу Фариду*). Разрешите узнать, что интересует вас?

Принц Фарид. Меня?

Салем. Конечно. Должны же у нас быть какие-нибудь увлечения. Мерварт сказала мне, что когда-то вы увлекались...

Принц Фарид. Коллекцией марок.

Али Хамуда (*смеется*) Ха-ха-ха!

Принц Фарид. Чего ты смеешься?

Али Хамуда (*шепотом*). Подумал, что за работа может получиться из такого увлечения. Стать почтальоном? Или коллекционировать окурки?

Принц Фарид. Замолчи ты.

Салем. Вы коллекционировали марки, конечно, в альбомах?

Принц Фарид. Да, и у меня это неплохо получалось.

Салем. Значит, у вас есть склонность к систематизации и порядку.

Принц Фарид. О, с самого детства. И еще я любил вырезать из газет и книг фотографии птиц и развешивать их в рамочках. А еще я в юности собирал фотографии машин. Я вырезал их из журналов и...

Салем. Ну вот и все, что надо.

Принц Фарид. Что... надо?

Салем. Там одна автомобильная фирма собирается устроить постоянную выставку. И им нужен директор.

Принц Фарид (*радостно*). О, директор!

Мерварт. Жалованье приличное. Ты даже сможешь купить себе машину недорого и в рассрочку.

Принц Фарид. Уж не сон ли я вижу! Ущипни меня, доктор.

Али Хамуда (*щиплет его изо всех сил*). Будь счастлив!

Принц Фарид (*вскакивает от боли и кричит*). Ой! Как скорпион!

Али Хамуда (*шепотом*). Это чтобы ты меня запомнил, потому что сейчас мы надолго расстанемся.

Принц Фарид. Ну и уходи, черт с тобой!

Али Хамуда. Конечно, теперь ты достиг всего...

Появляются Карима и заплаканная Джихан.

Принц Фарид. Радуйся, Карима, приговор оправдал нас.

Карима. Сначала надо успокоить Джихан.

Абдессалам. Ты плачешь, Джихан? Почему?

Али Хамуда. Потому что я ее обманул.

Абдессалам. Что ты говоришь, доктор?

Али Хамуда. Я дал ей повод думать, будто я моряк и моя профессия - ловить рыбу.

Джихан (*снова плачет*). А я строила такие планы!..

Салем. Расскажешь о своих планах мне. Я когда-нибудь помогу тебе их осуществить.

Джихан. А он чем будет заниматься?

Салем. Тем, что ему нравится.

Джихан. А я? Мне-то что делать?

Салем. Спроси сестру.

Мерварт. Помоги, Джихан, своему мужу заниматься тем, что он выбрал, и не навязывай ему того, что ты выбрала для него. Разве ты видела когда-нибудь, чтобы я вмешивалась в дела мужа? Я всегда помогала ему, а не руководила им. Шла рядом с ним, а не впереди него. Поняла?

Джихан (*смотрит на Али Хамуду*). Поняла.

Мерварт. И не спрашивай мужа о том, что он делает, а только о том, что ему нужно, чтобы добиться успеха.

Джихан (*направляется к Али Хамуде*). Что тебе нужно, чтобы добиться успеха?

Али Хамуда. Чтобы ты нежно любила меня.

Джихан. И только?

Али Хамуда. Разве этого мало? Это же самое ценное в жизни!

Принц Фарид. Говорит-то как красиво! Это он нарочно, чтобы заморочить ей голову. Карима, спроси ты меня.

Карима. О чем?

Принц Фарид. Ну.... это... о чем тут сейчас Джихан спрашивала.

Карима. Не надо. Я и так знаю, что тебе нужно.

Принц Фарид. Чтобы ны нежно любила меня.

Карима. И еще, ты что-то забыл.

Принц Фарид. Что?

Карима (*смеется*). Чтобы ты резал лук и чистил чеснок на кухне.

З а н а в е с

1954.

Перевод Т.Муазена и Т.Путинцевой.

РАСТЕРЯВШИЙСЯ СУЛТАН

Комедия в трёх действиях

Действующие лица

Султан.

Женщина с плохой репутацией.

Везир.

Верховный судья.

Палач.

Муэдзин.

Приговоренный к смерти, он же – работороговец.

Трактирщик.

Сапожник.

Служанка.

Первый мужчина.

Второй мужчина.

Мальчик.

Мать.

Неизвестный.

Первый богач.

Второй богач.

Третий богач.

Стража.

Свита султана.

Народ.

Место действия – городская площадь.

*Время действия – эпоха султанов-мамлюков в Египте, XIII
век.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ночь перед рассветом. Тишина. Посреди площади столб, к нему привязан приговоренный к смерти. Рядом – палач.

Приговоренный к смерти (разглядывая палача). Спишь? Еще бы, конечно, спишь. К тому же преспокойно, ведь тебе ничто не угрожает.

Палач. Тсс!

Приговоренный к смерти. Ну когда же, в конце концов?

П а л а ч. Я тебе сказал «тсс».

Приговоренный к смерти (умоляющим голосом). Ну, пожалуйста, скажи: когда...

Палач. Отстань!

Приговоренный к смерти. Извини... Но ведь я все-таки волнуюсь. Когда же наконец? Для тебя это будет довольно радостное событие.

Палач. На рассвете... Я тебе уже сто раз сказал – я отрублю тебе голову на рассвете. Понял теперь? И оставь меня в покое.

Приговоренный к смерти. До рассвета еще далеко, а? Не правда ли, палач?

Палач. Не знаю.

Приговоренный к смерти. А кто же знает?

Палач. Муэдзин... Как только он поднимется на минарет этой мечети и призовет правоверных к молитве рассвета, вот тогда-то я тебя и прикончу. Как приказано. Теперь успокоился?

Приговоренный к смерти. Без суда? Я ведь судьи-то и в глаза не видел.

Палач. Это не моё дело.

Приговоренный к смерти. Только за то, что я сказал...

Палач. Тсс, тихо! Заткнись! Мне велено отрубить тебе голову сразу же, если ты произнесешь хоть одно слово о своем преступлении.

Приговоренный к смерти. Ладно, буду молчать.

Палач. То-то же. Закрой рот и дай мне спокойно поспать. Тебе же будет лучше, если я хорошенько выплюсь.

Приговоренный к смерти. Мне?

Палач. Конечно, тебе. Потому что, когда я бываю усталым и невыспавшимся, у меня руки трясутся, а когда у меня руки трясутся, я очень плохо делаю свое дело.

Приговоренный к смерти. А мне-то что за дело до твоего дела?

Палач. Вот дурень! Ведь от моего дела зависит твоя голова. Я же могу голову-то у тебя отрубить плохо. А чтобы хорошо отрубить голову, нужна рука твердая и душа спокойная. Тогда можно ее отрубить одним махом, чтобы ты и боли не почувствовал. Понял теперь?

Приговоренный к смерти. Наверно, ты прав.

Палач. Вот и получается, что ты должен обеспечить мне спокойствие и развлекать меня.

Приговоренный к смерти. Это мне – развлекать тебя?

Палач. Я бы на твоём месте...

Приговоренный к смерти. О всемогущий Аллах, послушан его и сделай так, чтобы он оказался на моем месте!

Палач. Да ты что!

Приговоренный к смерти. Ничего, ничего, продолжай. Так что бы ты сделал, если бы получил высокую честь оказаться на моем месте?

Палач. Сейчас скажу... У тебя деньги есть?

Приговоренный к смерти. Ах, деньги? Ну да... да, деньги! Прекрасная идея! О деньгах, друг мой, говори, не бойся! Ты же знаешь, я один из самых богатых работорговцев в этом городе. Да это все знают.

Палач. Нет, ты меня не так понял. Думаешь, взятку прошу? Нет. Меня подкупить невозможно. Не то чтобы я был честен там или благороден, а просто потому, что, откровенно говоря, я же ведь все равно не смогу тебя спасти... Я просто хотел, чтобы ты предложил мне стаканчик вина – это же не взятка. А с моей стороны было бы невежливо отказать от твоего предложения... Гляди, тут и трактирщик рядом. Трактир у него всю ночь открыт. Ведь его клиенты захаживают обычно к проститутке вон в тот дом напротив.

Приговоренный к смерти. Стаканчик вина... Только и всего?

Палач. Ага.

Приговоренный к смерти. Тогда у меня есть идея получше. Давай поднимемся к этой красотке и проведем у нее остаток ночи. Это было бы волшебно! Да и ты бы развлекся и повеселел. Ну что ты на это скажешь?

Палач. Нет, дорогой, нельзя.

Приговоренный к смерти. Ты готов принять от меня стаканчик вина и отказываешься от пирушки с красоткой!

Палач. В тот дом я не пойду. Нет, дорогой, я предпочитаю, чтобы ты остался здесь в цепях до самого рассвета.

Приговоренный к смерти. Очень жаль, что ты мне не доверяешь. А если я обещаю вернуться перед рассветом на место, в тех же самых цепях?

Палач. Птичка возвратится в клетку?

Приговоренный к смерти. Да! Клянусь тебе честью!

Палач. Твоею-то честью? Хорошенькая клятва!

Приговоренный к смерти. Ты мне не веришь...

Палач. Верю, пока ты здесь и твои руки в цепях.

Приговоренный к смерти. А как же в таком случае я смогу угостить тебя вином?

Палач. Очень просто. Я пойду в трактир и попрошу у трактирщика две кружки самого лучшего вина. А когда он принесет, мы разопьем их здесь на месте. Что скажешь?

Приговоренный к смерти. Но послушай...

Палач. Договорились. Тебе даже не понадобится утруждать себя. Одну минуточку... С твоего разрешения. *(Идет к трактиру, расположенному на краю площади, стучит в дверь.)*

Трактирщик открывает дверь.

(Шепчет ему что-то на ухо и возвращается на свое место. Приговоренному к смерти.) Все в порядке. Теперь увидишь, дорогой, все пойдет как по маслу.

Приговоренный к смерти. Что... по маслу?

Палач. Твоя голова. Когда я выпью, я так ловко работаю. А вот когда нет – пиши пропало. Тут как-то мне поручили казнить одного человека, а я ничего и не выпил. И знаешь, что я сделал? Как ударил беднягу топором по шее, как у него голова подскочила, так упала зна-

ешь куда? Да, в корзинку, только не ко мне, а вон туда, к сапожнику, что рядом с трактиром. Одному Аллаху известно, сколько нам пришлось искать ее среди сапог и ботинок.

Приговоренный к смерти. К сапожнику? Неважный конец. За-клиная тебя Аллахом, убереги мою голову от подобной участи.

Палач. Не бойся. С тобой я управлюсь прекрасно. Ведь то была голова какого-то очень жадного человека.

Из трактира появляется трактирщик с двумя кружками в руках.

Трактирщик (*приближаясь к приговоренному к смерти*). Тебе, конечно? Последнее желание?

Приговоренный к смерти. Нет, ему. Его бесценное желание.

Палач (*трактирщику*). Это мне, чтобы успокоиться.

Трактирщик. А кто платить будет?

Приговоренный к смерти. Я, конечно. Мне же надо его успокаивать.

Палач. Мой долг - принять его угощение.

Приговоренный к смерти. А мой долг – развлечь его.

Трактирщик. Да вы тут подружились, я погляжу.

Палач. Наша любовь взаимна!

Приговоренный к смерти. До самого рассвета!

Палач. Не думай ты сейчас о рассвете. До него еще далеко. Давай-ка лучше чокнемся! (*Берет обе кружки, поднимает их.*) За твое здоровье!

Приговоренный к смерти. Спасибо.

Палач (*выпив свою кружку, подносит другую ко рту приговоренного*). Теперь твоя очередь, дорогой.

Приговоренный к смерти (*отпив глоток, закашлялся*). Хватит. Допей остальное за меня.

Палач. Это твое желание?

Приговоренный к смерти. Последнее.

Палач (*поднимает вторую кружку*). Я поднимаю эту кружку за...

Приговоренный к смерти. ...за твою точную работу.

Палач. Иншалла! И за твою щедрость, за твою доброту, мой дорогой друг!

Трактирщик (*принимая пустые кружки от палача*). А в чем провинился этот старый работороговец? Мы все в городе его знаем. Он же не преступник, не вор.

Приговоренный к смерти. И тем не менее на рассвете мне отрубят голову, как голову преступника и вора.

Трактирщик. За что?

Приговоренный к смерти. Да ни за что. Только за то, что я сказал...

Палач. Тсс! Ни звука, закрой рот!

Приговоренный к смерти. Закрыл.

Палач (*трактирщику*). Ну а ты получил свои кружки и проваливай отсюда!

Трактирщик. А деньги?

Палач. Это он меня угощал. Не мог же я отказаться!

Приговоренный к смерти. Верно, верно. Я угостил его, и он оказал мне эту честь. Деньги здесь, у меня в кошельке на поясе, подойди и возьми сколько надо.

Палач. Разреши, я сам. (*Подходит, вынимает у приговоренного к смерти кошелек, отсчитывает деньги и дает трактирщику.*) На, получи. (*Добавляет еще.*) На еще, чтобы ты знал, какие мы щедрые.

Трактирщик забирает деньги и возвращается в трактир. Палач начинает тихо напевать.

Приговоренный к смерти (*с тревогой*). Ну а теперь что?

Палач. Теперь будем петь и веселиться. Ты знаешь, дорогой, я страшно люблю пение, приятную музыку и хорошие стихи. Все это наполняет мое сердце радостью и весельем. Спой мне что-нибудь.

Приговоренный к смерти. Спеть?

Палач. Да. Почему бы и нет? Что тебе мешает? Твое горло, слава Аллаху, пока что невредимо. Доставь мне, пожалуйста, удовольствие какой-нибудь мелодией.

Приговоренный к смерти. Странно, очень странно, машалла!

Палач. Ну давай пой.

Приговоренный к смерти. Неужели ты не понимаешь, что мне сейчас не до пения?

Палач. А кто же обещал только что развлекать меня?

Приговоренный к смерти. Развлекать тебя?

Палач. Да. Пожалуйста. Развесели меня, спой мне, почитай стихи. Мне вот тут как-то не спалось, и я сам сочинил песенку.

Приговоренный к смерти. Ну вот и спой ее сам.

Палач. У меня очень неприятный голос.

Приговоренный к смерти. А кто тебе сказал, что у меня голос приятный?

Палач. Для меня все чужие голоса приятны, потому что я их все равно не слушаю. Тем более с похмелья. Просто воздух, насыщенный пением и музыкой, успокаивает мне нервы. Иногда даже самому хочется петь. Да, да, самому. Но ведь для этого я должен найти кого-нибудь, кто бы меня слушал. А начнет кто слушать, так не приведи Аллах, если он не станет восхищаться... Тогда я застесняюсь... и у меня ничего не получится. А потом я очень, очень рассержусь. Вот я тебя и предупредил. Хочешь, чтобы я тебе спел?

Приговоренный к смерти. Спой.

Палач. А восхищаться будешь?

Приговоренный к смерти. Да.

Палач. Обязательно?

Приговоренный к смерти. Обязательно.

Палач. Тогда я, пожалуй, спою. Так ты слушаешь?

Приговоренный к смерти. Слушаю и восхищаюсь.

Палач. Восхищаться будешь потом. А сейчас только слушай.

Приговоренный к смерти. Только слушаю.

Палач. Хорошо. Приготовился?

Приговоренный к смерти. К чему? Петь же ты будешь!

Палач. Верно. А тебе нужно приготовиться слушать.

Приговоренный к смерти. А разве я сейчас способен на что-нибудь другое? Ведь ты мне уши, кажется, не заткнул!

Палач. Тогда начнем. Это такая изящная песенка, она называется «Цветочек и садовник». Ее сочинил я. Да. Сам.

Приговоренный к смерти. Знаю уже.

Палач. Странно. Кто тебе сказал?

Приговоренный к смерти. Ты. Минуту назад.

Палач. В самом деле? Значит, ты хочешь, чтобы я спел?

Приговоренный к смерти. Пой.

Палач. Тогда я начинаю. Слушай... Ну ты же не слушаешь?

Приговоренный к смерти. Слушаю.

Палач. Слушать надо очень внимательно.

Приговоренный к смерти. Я весь внимание.

Палач. Приготовился?

Приговоренный к смерти. Да.

Палач. Нет, я вижу, ты не очень горишь желанием слушать. Скажи мне, что ты требуешь, чтобы я пел.

Приговоренный к смерти. Требую и требую.

Палач. Ты это говоришь как-то очень равнодушно.

Приговоренный к смерти. Равнодушно?

Палач. Да. Я хочу, чтобы у тебя сердце разрывалось от желания.

Приговоренный к смерти. Оно разрывается.

Палач. Не чувствую искренности в твоём голосе.

Приговоренный к смерти. Искренности?

Палач. Нет её у тебя в голосе, нет. Он какой-то холодный и скучный.

Приговоренный к смерти. В конце концов, ты будешь петь или не будешь?

Палач. Не буду.

Приговоренный к смерти. Ну и слава Аллаху!

Палач. Ты славил Аллаха, потому что я не стал петь?

Приговоренный к смерти. Я славлю Аллаха, будешь ты петь или не будешь, все равно. И не думай, что кто-нибудь может мне запретить славить Аллаха!

Палач. А в глубине души ты не хочешь, чтобы я пел.

Приговоренный к смерти. Что у меня сейчас на душе, одному Аллаху известно!

Палач. Или ты не прочь, чтобы я спел?

Приговоренный к смерти. Как хочешь.

Палач. Тогда я спою.

Приговоренный к смерти. Валяй.

Палач. А ты проси меня, чтобы я спел.

Приговоренный к смерти. Прошу.

Палач. Скажи это страстно.

Приговоренный к смерти. Прошу тебя, умоляю, заклинаю тебя Аллахом, чтобы он смягчил твое непреклонное сердце и чтобы ты внял моей мольбе и осчастливил меня своим пением!

Палач. Ой! Еще раз.

Приговоренный к смерти. Что?

Палач. Повтори все это еще раз.

Приговоренный к смерти. Иншалла! Пощади! Пой, если хочешь, или отстань от меня!

Палач. Разозлился? А ведь я не хотел злить тебя. Я спою, чтобы ты успокоился... Ну, начинаю. *(Откашливается и начинает пробовать голос.)*

Приговоренный к смерти. Давай, давай.

Палач. Если ты предпочитаешь, чтобы я не пел, скажи.

Приговоренный к смерти. Аллах всемогущий, он опять начинает!

Палач. Кончилось терпение?

Приговоренный к смерти. Кончилось.

Палач. Я тебя мучаю?

Приговоренный к смерти. Ужасно!

Палач. Потерпи, дорогой, потерпи.

Приговоренный к смерти. Не могу больше!

Палач. Не можешь больше терпеть? Ты замучился, бедняга, ожидая, когда я запою? Ну так я начну поскорее. Не заставлю тебя больше ждать. Слушай! Вот она, моя изящная песенка... *(Затягивает пьяным голосом.)*

О мой цветочек, цвел ты только ночь.

Приветствуют тебя и старец и юнец!

Но стоит муэдзину выйти на молитву,

Как неизбежным станет твой конец...

Блеснет в руках садовника меч смерти –

Росинки сбросят лепестки твои.

И упадет твой стебелек в корзинку,

И навсегда затихнут все мелодии.

(Молчание.) Ну, что ты молчишь? Почему же ты не восхищаешься?

Приговоренный к смерти. Так это и есть твоя изящная песенка, проклятый палач?

Палач. Прошу тебя... Я не палач...

Приговоренный к смерти. Кто же ты?

Палач. Я... садовник.

Приговоренный к смерти. Садовник?

Палач. Ну да, садовник. Понял? Садовник. *(Кричит пьяным голосом.)* Я са-дов-ник!

В доме напротив открывается окно, и оттуда выглядывает служанка.

Служанка. Это что здесь за шум? Что за галдеж, когда люди спят? У моей госпожи голова болит, и ей нужно спокойно выспаться!

Палач *(язвительно)*. У ее госпожи! *(Хохочет.)* Госпожа!

Служанка. Перестань шуметь, я тебе сказала!

Палач. Убирайся отсюда, ты, прислужница стыда и разврата!

Служанка. Не смей ругать мою госпожу! Если бы она захотела, у нее было бы двадцать холуев таких, как ты, и все бы пылиночки с нее сдували.

Палач. Заткнись ты, грязь мерзопакостная!

В окне вслед за служанкой появляется женщина с плохой репутацией.

Женщина. Что здесь случилось?

Служанка. Тут палач хватил лишку и поносит нас что есть силы.

Женщина. Да как он смеет!

Палач *(показывая на окно)*. Вот и она, ее величество, небезызвестная ее госпожа.

Женщина. Побольше уважения, любезный!

Палач *(ехидно смеется)*. Уважения?

Женщина. Да-да, и не заставляй нас учить тебя, с каким уважением следует относиться к дамам.

Палач *(смеется)*. Дамам? Нет, вы послушайте, что она говорит! «Дамам!» Это ж надо! С ума можно сойти!

Женщина (служанке). Спустиись вниз, пожалуйста, и преподай ему урок вежливости.

Служанка (палачу). Ну погоди ты у меня!

Обе скрываются.

Палач (немного придя в себя, приговоренному к смерти). Что она задумала, эта ведьма? Ты не знаешь? Ведь от нее всего можно ожидать! Ты видел, как она мне пригрозила?

Служанка (выходит из двери дома, держа высоко в руке сандалию). А ну поди-ка сюда!

Палач. Что ты хочешь делать с этой... сандалией?

Служанка. Эта сандалия самая грязная и старая вещь в доме. Ничего более подходящего я не смогла найти для твоей гнусной рожи!

Палач. Ну вот, прекрасное вино уже улетучилось у меня из головы. (Приговоренному к смерти.) Ты слышишь, как деликатно она со мной разговаривает?

Приговоренный к смерти. Да.

Палач. И слова вымолвить не можешь?

Приговоренный к смерти. Я?

Палач. И пальцем не пошевелишь?

Приговоренный к смерти. Как?

Палач. Позволяешь так запросто меня оскорблять?

Приговоренный к смерти. А что же ты хочешь, чтобы я делал?

Палач. Сделай что-нибудь. Скажи хоть слово.

Приговоренный к смерти. Да мне-то что!

Палач. Какое равнодушие! Видишь, как она кидается на меня, и даже не пытаешься меня защитить! Клянусь Аллахом, это недостойно мужчины!

Приговоренный к смерти. Куда уж...

Служанка (продолжая размахивать сандалией). Послушай, голубчик, оставь этого беднягу в покое. Подойди ко мне поближе, если у тебя есть хоть капля смелости. Сейчас мы с тобой сосчитаемся. Ты нас ославил и должен просить прощения, а иначе, клянусь Аллахом, милостивым, милосердным...

Палач *(вежливо)*. Погоди же, ну погоди...

Служанка. Ну чего тебе надо?

Палач. Перемирия.

Служанка. Сначала проси прощения.

Палач. У кого это? Уж не у тебя ли?

Служанка. У моей госпожи.

Палач. А где она?

Женщина *(выходя из дома)*. Я здесь. Он уже извинился?

Служанка. Сейчас извинится, госпожа.

Палач. Да-да, госпожа...

Женщина. Хорошо, я принимаю твои извинения.

Палач. Ну вот и все... Теперь надо снова вернуться в нормальное состояние.

Женщина. Хорошо, все уже нормально.

Палач. Да я-то еще но совсем нормален...

Женщина. То есть, как?

Палач. Ваша бешеная служанка выбила у меня весь хмель из головы. Теперь там пустота. Кто же мне ее наполнит?

Женщина. Ах вот оно что... Я наполню. Возьми у трактирщика все, что ты хочешь, за мой счет.

Палач. Спасибо тебе, щедрая госпожа. *(Жестами подзывает трактирщика, который стоит в дверях своего трактира, и показывает ему, чтобы тот принес ему вина.)*

Приговоренный к смерти *(женщине)*. Ты меня не узнала, красавица?

Женщина. Конечно, узнала. Как только тебя сюда притащили, я выглянула в окно и сразу же узнала тебя. Меня очень огорчает, что ты закован. Что же преступного ты совершил?

Приговоренный к смерти. Ничего особенного. Я всего- навсего сказал...

Палач *(очнувшись, кричит ему)*. Тихо! Молчать!

Приговоренный к смерти. Молчу...

Женщина. Тебя судили, конечно?

Приговоренный к смерти. Нет.

Женщина. Неужели? Тебя даже не судили?

Приговоренный к смерти. Я и в суде-то не был. Я послал султану прошение и попросил у него о встрече с верховным судьей. Он человек справедливый, судит верой и правдой, по совести. Но вот уже светает, а у палача приказ отрубить мне голову, как только муэдзин призовет к молитве рассвета.

Женщина (*смотрит на небо*). Да, скоро уже настанет утро. Взгляни на небо.

Палач (*держа в руке кружку, которую он получил от трактирщика*). Драгоценная моя госпожа, участь бедняги решается не па небе, а на минарете этой мечети. Я жду муэдзина.

Женщина. Муэдзина? Он, наверно, сейчас придет. Я иногда по утрам вижу, как он приходит.

Приговоренный к смерти. Значит, мой час настает.

Женщина. Это невозможно. Ведь твое прошение еще не рассмотрено.

Приговоренный к смерти. Палач суда ждать не будет. Не правда ли, палач?

Палач. Кроме муэдзина, я ничего не буду ждать. Приказ у меня такой.

Женщина. Чей приказ? Султана?

Палач. Почти.

Приговоренный к смерти (*вскрикивает*). Почти? Значит, это приказал не султан?

Палач. Везир. Но приказ везира – это то же, что приказ султана.

Приговоренный к смерти. Ничего не поделаешь, я умру.

Палач. Так оно и есть. Твоя душа вознесется на небо вместе с призывами муэдзина. Мне, конечно, очень жаль. Но работ есть работа и профессия есть профессия.

Женщина. Какое несчастье! Вот и муэдзин идет.

Приговоренный к смерти. Значит, конец.

Появляется муэдзин.

Палач. Ну быстрее же, пошевеливайся! Мы тебя ждем!

Муэдзин. Меня? Почему?

Палач. Чтобы ты призывал к молитве рассвета.

Муэдзин. А ты что, хочешь помолиться?

Палач. Нет, отрубить голову. Когда твой голос вознесется к небу, с ним вместе вознесется и душа этого человека.

Муэдзин. Да будет милость Аллаха!

Палач. Приказ у меня такой.

Муэдзин. Значит, жизнь этого человека зависит от моих голосовых связей?

Палач. Выходит, так.

Муэдзин. О Аллах, милостивый и милосердный!

Палач. Ну давай, делай скорей свое дело, а я свое.

Женщина. Зачем так спешить, мой милый палач? Ночной холод может повредить голосу муэдзина. Муэдзину надо погреться. (*Муэдзину.*) Поднимемся ко мне, я приготовлю тебе что-нибудь целебное.

Палач. А рассвет?

Женщина. А что? Рассвет никуда не денется. Муэдзин лучше тебя знает.

Палач. А... моя работа?

Женщина. И твоя работа тоже никуда не денется. Ведь муэдзин еще не призывал к молитве рассвета.

Палач. И ты на это пойдешь, муэдзин?

Женщина. Он пойдет ко мне ненадолго, ведь мы очень дружны с ним.

Палач. А как же те, кто пришел в мечеть молиться?

Муэдзин. В мечети никого нет. Всего два человека, один – приезжий, там вообще поселился, а второй – бродяга, он спрятался от холода. И оба спят. Они очень редко слушают мою молитву. Не поднимутся, пока я их ногой не растолкаю.

Женщина. А большинство жителей в этом переулке, те, что побогаче, всегда спят до полудня.

Палач. Вы что же хотите сказать, что призыва к молитве рассвета сегодня вообще не будет?

Женщина. Ну зачем нам спешить? Поспесишь – людей насмедишь. Во всяком случае, на тебе никакой вины, никакого греха. За

все отвечает муэдзин. Пойдем со мной, муэдзин. Чашечка крепкого кофе немного подлечит твой голос.

Муэдзин. Ничего, с чашечкой кофе я быстро справлюсь.

Ж е н щ и н а и м у э д з и н скрываются в доме.

Палач (*приговоренному к смерти*). Видал? Вместо того чтобы подниматься на минарет, он поднялся к этой... шлюхе. Вот так муэдзин!

Приговоренный к смерти. Храбрый человек. Рискует. А ты? Тебя же никто ни в чем не обвинит, ты ни за что не отвечаешь, а погляди на себя, весь дрожишь от страха. Успокойся немножко, друг мой. Возьми себя в руки и ложись на Аллаха... Послушай, у меня есть идея, может быть, хоть это подбодрит тебя. Спой мне своим прекрасным голосом свою прекрасную песенку еще раз. Клянусь тебе, я буду слушать ее с восхищением. Спой!

Палач. Больше не хочу.

Приговоренный к смерти. Что с тобой? Ты загрустил потому, что не отрубил мне голову?

Палач. Потому что я не выполняю свой долг.

Приговоренный к смерти. Твой долг – сделать это на призыве к молитве рассвета. Кто призывает? Кто призывает – ты или муэдзин?

Палач. Муэдзин.

Приговоренный к смерти. А он это сделал?

Палач. Нет.

Приговоренный к смерти. Тогда в чем же ты виноват?

Палач. Действительно, я не виноват.

Приговоренный к смерти. Мы все это подтвердим. Палач. Ты меня успокаиваешь.

Приговоренный к смерти. Я говорю правду.

Палач (*взглянув на дорогу, вскрикивает*). Ой, что там за люди? О Аллах, всемилостивый! Да это же свита везира! Это сам везир!

Приговоренный к смерти. Не дрожи так, успокойся!

Палач. Я здесь ни при чем. Я не виноват. У меня есть оправдание. Ведь так?

Приговоренный к смерти. Успокойся. У тебя тысяча оправданий.

Палач. Все это проклятый муэдзин! Пусть он и отвечает!

Появляется везир в сопровождении стражи.

Везир (*кричит*). Что такое? Этот преступник еще не казнен?

Палач. Мы ждем рассвета, великий везир, как ты и приказал...

Везир. Рассвета? Да мы вместе с великим султаном и верховным судьей уже давно отслужили молитву рассвета у себя во дворце!

Палач. Я не виноват, великий везир. Муэдзин этой мечети еще не поднимался на минарет.

Везир. Как? Не может быть! Где этот муэдзин?

Муэдзин выходит из дома, пытаясь спрятаться за спины появившихся женщины и ее служанки.

Палач (*увидев его*). Вот он! Вот он!

Везир (*страже*). Привести его!

Муэдзина подводят к везиру.

Ты муэдзин этой мечети?

Муэдзин. Да, великий везир!

Везир. Почему же ты до сих пор не призывал к молитве рассвета?

Муэдзин. Кто это вам сказал, великий везир? Я уже давно призывал к молитве рассвета!

Везир. Призвал?

Муэдзин. В положенное время. Как всегда. И все меня слышали.

Женщина. Действительно, мы все слышали, как он призывал к молитве рассвета с минарета этой мечети.

Служанка. Да-да, сегодня, как и обычно, в то же самое время.

Везир. Но палач говорит...

Женщина. А-а, палач был пьян и проспал молитву.

Служанка. Он здесь так храпел, что даже нас разбудил.

Везир (*палачу*). Так-то ты исполняешь мои приказы?

Палач (*остолбенеv от удивления*). Клянусь, клянусь, мой великий везир...

Везир. Довольно!

Приговоренный к смерти. О великий везир! Выслушай меня. Я послал нашему великому султану прошение...

Палач (*очнувшись*). Клянусь тебе, великий везир, что я был трезв и бодр...

Везир. Молчать! (*Приговоренному к смерти.*) Да, наш великий султан прочитал твое прошение и приказал, чтобы верховный судья учинил суд над тобой. Наш великий султан сам пожалует на суд, тако-ва его священная воля. (*Страже.*) И пусть ни один человек не появит-ся на этой площади. Суд должен свершиться в полной тайне.

Стража расходится по площади.

Палач. Послушай же, о великий везир... (*Пытается что-то объ-яснить, но тот жестом отстраняет его.*)

Появляется султан со с в и т о й, с ним – верховный судья.

Приговоренный к смерти. О великий султан, я молю о справед-ливости!

Султан. Это он?

Приговоренный к смерти. Великий султан, я не совершил ни-какого преступления.

Султан. Посмотрим.

Приговоренный к смерти. И меня не судили, не судили.

Султан. Мы поступим с тобой по справедливости, как ты и про-сишь. Тебя будет судить сам верховный судья в нашем присутствии. (*Жестом показывает верховному судье, чтобы тот приступал, са-дится в приготовленное ему кресло, везир становится рядом.*)

Верховный судья (*садится в кресло*). Развяжите его! (*Пригов-оренного к смерти развязывают.*) Подойди сюда. Какое преступление ты совершил?

Приговоренный к смерти. Никакого.

Верховный судья. В чем же тебя обвиняют?

Приговоренный к смерти. Спросите об этом везира.

Верховный судья. Я спрашиваю тебя.

Приговоренный к смерти. Я ничего не сделал, я произнес лишь одно слово, но в нем нет греха.

Везир. Это слово ужасно и преступно.

Судья. Какое?

Приговоренный к смерти. Я не хочу повторять его.

Везир. Сейчас ты не хочешь! А посреди базара, где толпы людей...

Верховный судья. Что это за слово?

Везир. Он сказал, что наш великий, благородный султан не кто иной, как... раб.

Приговоренный к смерти. В этом секрета нет, это же всем известно.

Везир. Не перебивай. И будто бы он и есть тот самый работорговец, который продал нашего султана покойному султану.

Приговоренный к смерти. Верно. И клянусь всем святым, что я горжусь этим всю свою жизнь!

Султан (*приговоренному к смерти*). Ты? Ты продал меня покойному султану?

Приговоренный к смерти. Да.

Султан. Когда это было?

Приговоренный к смерти. Двадцать пять лет назад, мой повелитель. Тебе было тогда лет шесть, и тебя потеряли в одной деревушке, на которую напали враги. Ты был не по возрасту умным ребенком. Я очень обрадовался, когда нашел тебя, и отвез к султану нашей страны. Он мне дал за тебя тысячу динаров.

Султан (*насмешливо*). Тысячу динаров? Только-то?

Приговоренный к смерти. Ну конечно же, ты стоил дороже. Но я был молод и несмышлен. Мне едва минуло двадцать шесть лет, и эта сделка стала началом моего ремесла. Ты открыл мне дорогу в будущее.

Султан. Тебе и себе.

Приговоренный к смерти. Благодарение Аллаху!

Султан. И за это теперь хотят казнить тебя. Я бы думал – ты достоин награды.

Везир. Он достоин смерти за то, что не держал язык за зубами!

Султан. А я не вижу ничего страшного в том, что он сказал. Бывший султан тоже когда-то был рабом. Разве это не так, везир?..

Везир. Так. Но...

Султан. Или это не так, верховный судья?

Верховный судья. Именно так, великий султан.

Султан. И вся семья султана происходила из древних рабов – мамлюков. Всех привезли сюда в детстве, поселили во дворцах, дали хорошее воспитание, и все стали потом правителями, полководцами и султанами Египта. Я – не исключение, я всего лишь один из них.

Приговоренный к смерти. Ты самый лучший из них, самый мудрый и смелый. Да сохранит тебя Аллах для твоего народа!

Султан. А я не помню твоего лица. Не помню и своего детства в той деревушке, где ты, говоришь, нашел меня. Я вспоминаю свое детство только начиная со дворца покойного султана. Он относился ко мне как к сыну, ведь у него не было детей. И он воспитывал меня, с тем чтобы после его смерти я взял бразды правления в свои руки. Я знал, что не он был моим родным отцом.

Приговоренный к смерти. Твоих родителей убили враги.

Султан. Мне еще никто никогда не говорил о моих родителях. Я знал только, что меня привезли во дворец совсем маленьким.

Приговоренный к смерти. Это я тебя привез.

Султан. Может быть...

Приговоренный к смерти. Так в чем же, великий султан, мое преступление?

Султан. Не знаю. Спроси того, кто тебя обвинил.

Везир. Его преступление не в этом, мой повелитель.

Султан. В чем же?

Везир. Сказать, что ты был рабом, - в этом действительно нет ничего страшного, рабами были все султаны-мамлюки. Но им давали вольную, перед тем как они садились на трон.

Султан. Дальше.

Везир. А этот человек говорит, что тебе вольной не дали. Значит, ты до сих пор раб. А раб не смеет управлять свободным народом...

Султан (*приговоренному к смерти*). Ты это действительно сказал?

Приговоренный к смерти. Этого я не говорил. Но народ теперь болтает что хочет.

Султан. Ты или другие. Теперь это не имеет значения. Важно, чтобы все узнали, что это клевета. Не правда ли, судья?

Верховный судья. Так, мой повелитель.

Султан. Клевета и чистое вранье. Это противоречит всякому здравому смыслу. Я – и не освобожден! Я, который командовал всеми войсками, побеждал врагов, я, который был правой рукой покойного султана и его наследником... Все это... Султан же сам готовил меня на свое место. Неужели он не позаботился о том, чтобы освободить меня! Разве это возможно? Послушай, судья. Тебе нужно будет выслать глашатая, чтобы он официально объявил в городе, что это неправда, и показал бы народу бумагу о моем освобождении. Ведь она несомненно сохранилась где-нибудь в твоих архивах. Разве это не так?

Верховный судья (*расчесывает пальцами бороду*). Ты думаешь, мой повелитель...

Султан. Ты слышал, что я сказал?

Верховный судья. Так-то оно так, но... Мой великий султан...

Султан. Твой великий султан говорит тебе простым арабским языком. Ты должен сейчас же обнародовать эту бумагу. Понял?

Верховный судья. Да, как будто...

Султан. Оставь ты свою бороду наконец в покое!

Везир (*вмешиваясь в разговор*). Мой повелитель, разреши мне...

Султан. Ну а тебе что?

Везир. Я попрошу великого султана, чтобы...

Султан. Да что вы тут оба мямлите?!

Верховный судья. Отложим этот разговор на другое время. Когда мы будем одни, мой повелитель.

Везир. Да, так будет лучше.

Султан. Кажется, я начинаю понимать. (*Жестом велит всем отойти в сторону и увести приговоренного к смерти*). Ну вот мы и одни. Говорите! Впрочем, по вашим лицам нетрудно догадаться...

Верховный судья. Да, мой повелитель. Твое предчувствие обмануло тебя. Бумаги о твоём освобождении в моем архиве нет.

Султан. Но должна же она быть где-нибудь! Разве это не так, везир?

Везир. Это так, мой великий султан, по...

Султан. Но что?.. Говори же!

Везир. Бумаги, которая бы доказывала, что ты свободен, не существует, мой повелитель.

Султан. Что ты сказал?!

Везир. Покойный султан скончался внезапно от разрыва и перед смертью он не успел освободить тебя.

Султан. Что ты сказал, несчастный?

Везир. Да, я действительно очень несчастен, мой повелитель. Я понимаю, что я преступник. В тот момент ты, мой повелитель, находился далеко, на поле сражения. И, кроме меня, рядом с умирающим султаном никого не было. А я в отчаянии забыл о твоей вольной, потому что у меня тогда не было другой заботы, кроме как присягнуть у смертного одра султана в том, что я буду служить тебе, мой повелитель, так же верно и искренне, как служил ему всю свою жизнь.

Султан. Ну вот ты мне и послужил.

Везир. Знаю, я достоин смерти, оправдания мне быть не может – ведь покойный султан не мог помнить обо всем. Я должен был думать за него и напоминать ему о важных делах. Это был поистине мой долг – подготовить все, что нужно, для твоего освобождения из рабства, а он бы только подписал. Но твое высокое положение, мой повелитель, твоя слава и доброе имя – все эти благородные качества заставили всех нас забыть о том, что ты раб. Аллах свидетель, что я вспомнил об этом только после того, как ты, мой повелитель, сел на трон. Тогда-то весь ужас положения и раскрылся передо мной. Я так растерялся, что чуть с ума не сошел. Но я успокоил себя тем, что это никогда не раскроется и никто об этом никогда не заговорит.

Султан. Ну вот уже все раскрылось, и об этом заговорили.

Везир. Откуда мне было знать, что явится этот работороговец и начнет тут болтать.

Султан. И ты хотел заткнуть ему рот, приговорив его к смерти?

Везир. Да.

Султан. И чтобы схоронить свою ошибку, похоронить этого человека?

Везир (*опустив голову*). Да.

Султан. А какой же теперь в этом смысл, если все равно уже всем все известно?

Везир. Если отрубить голову у этого человека и выставить ее на площади перед всем народом, то и у остальных пропадет охота болтать.

Султан. Ты думаешь?

Везир. Если меч неспособен справиться с языками, то какой же от него толк?

Верховный судья. Разреши, мой повелитель, вставить слово.

Султан. Слушаю.

Верховный судья. Меч действительно способен отрубить и языки и головы, но с его помощью всех дел не уладишь.

Султан. Что ты хочешь этим сказать?

Верховный судья. Хочу сказать, что положение не изменится – султан так и останется на престоле, не получив вольной. Раб будет править свободным пародом.

Везир. Пусть только кто-нибудь попробует заикнуться об этом! Сразу тому отрубим голову!

Верховный судья. А, ну тогда другое дело...

Везир. Неужели правитель страны должен что-то доказывать при помощи каких-то бумаг! У нас есть очень хороший пример: когда аль-Муизз-Лидини ала аль-Фатими из династии Фатимидов объявил себя наследником пророка, а люди не поверили ему, то он поднял свой меч, открыл сундуки с золотом и сказал: «Вот вам моя родня!» Все и замолчали. И тогда он и его потомки спокойно правили на нашей земле много лет.

Султан. Что ты на это скажешь, судья?

Верховный судья. Исторически оно так и было... Но...

Султан. Но... что?

Верховный судья. Мой повелитель, ты хочешь решить свою судьбу таким же образом?

Султан. Почему бы и нет?

Везир. Действительно, почему бы и нет? Стоит нам только объявить, что покойный султан освободил перед смертью нашего султана по шариату и все бумаги хранятся у верховного судьи... А тому, кто посмеет сомневаться в этом, отрубим голову. Вот и все.

Верховный судья. Но есть один человек, который наверняка будет в этом сомневаться.

Везир. Кто же он?

Верховный судья. Я.

Султан. Ты?

Верховный судья. Да, я, мой повелитель. Я не могу участвовать в подобной сделке.

Везир. Это никакая не сделка, это просто план, чтобы нам выйти из положения.

Верховный судья. Это сделка против закона, на страже которого я стою.

Султан. Против закона?

Верховный судья. Да, мой повелитель, закона. В глазах шариата и закона ты теперь не кто иной, как раб. А раб по закону и шариату – это вещь, как и всякая другая вещь. И исходя из этого ты не имеешь права принимать участие в делах свободных людей.

Султан. Неужели таков закон?

Верховный судья. Да.

Везир. погоди, верховный судья. Мы ведь сейчас не обращаемся к букве закона, а ищем путь, как бы этот закон обойти. Для этого мы можем предположить, что факт освобождения был совершен, и, пока это наша тайна и, кроме нас троих, правды никто не знает, будет нетрудно заставить всех поверить в наше...

Верховный судья. ... вранье!

Везир. Скажем – решение. Это мягче звучит.

Верховный судья. Решение посредством вранья.

Везир. А что тут плохого?

Верховный судья. Для тебя, конечно, ничего плохого нет.

Везир. А для тебя?

Верховный судья. Для меня другое дело. Я не могу обманывать себя, я не могу обходить закон, ибо я его олицетворяю. И я не могу стать клятвопреступником, так как я поклялся быть верным слугой закона и шариата.

Султан. Да клялся-то ты в этом передо мной!

Верховный судья. И еще перед Аллахом и перед своей совестью.

Султан. Значит, ты с нами не пойдешь?

Верховный судья. Этим путем – нет.

Султан. И руку помощи нам не протянешь?

Верховный судья. Над этим планом – нет.

Султан. В таком случае отойди, пожалуйста, в сторонку и предоставь нам делать то, что мы хотим. Так ты сохранишь и верность клятве и незапятнанную совесть.

Верховный судья. Мне очень жаль, мой повелитель...

Султан. Ну что еще?

Верховный судья. Но, узнав теперь, что ты раб, я вынужден буду объявить народу о незаконности всех твоих действий.

Султан. Да ты с ума сошел! Это невозможно!

Верховный судья. К сожалению, я не могу предложить ничего другого, если только...

Султан. Если только...

Верховный судья. Если только ты не прикажешь снять меня с должности, изгнать меня или отрубить мне голову. Вот тогда-то я освобожусь от своей клятвы и ты будешь волен поступать как хочешь.

Султан. Это что, угроза?

Верховный судья. Нет, выход из положения.

Везир. Ты очень осложняешь нам дело, верховный судья.

Верховный судья. Я помогаю вам убрать препятствие.

Султан. Этот человек мне порядком надоел.

Везир. Он знает, что мы у него в руках. Малейшее насилие над ним выдаст нас народу.

Султан (*верховному судье*). Короче говоря, ты не хочешь нам помочь?

Верховный судья. Я хочу, мой повелитель, но не таким образом.

Султан. Что же ты предлагаешь?

Верховный судья. Поступить по закону.

Султан. Если я поступлю по закону, я потеряю престол.

Верховный судья. Но только это.

Султан. Неужели что-нибудь еще хуже?

Верховный судья. Да.

Султан. Ну что ты там еще придумал?

Верховный судья. Исходя из того, что, согласно закону, ты считаешься вещью, принадлежавшей покойному султану, ты стал частью его наследства. А так как он умер, не оставив наследника, то его наследство принадлежит государственной казне. Следовательно, ты теперь являешься вещью, принадлежащей государственной казне. Беспольной вещью, которая не дает ни прибыли, ничего. И я, как хозяин этой казны, вынужден заявить, что подобные вещи мы продаем на публичных аукционах, чтобы извлечь пользу от этой продажи для бедняков и всего государства.

Султан. Я? Беспольная вещь?

Верховный судья. Я говорю, разумеется, от имени шариата.

Султан. Помочь ты нам пока ни в чем не помог, а вот меня оскорбил.

Верховный судья. Оскорбил? Прости, великий султан. Ты же хорошо знаешь, как я люблю, ценю и уважаю тебя. Ты помнишь, конечно, что я одним из первых признал тебя султаном на этих землях, и все, что я говорю сейчас,— это лишь откровенное разъяснение сложившейся ситуации с точки зрения закона и шариата.

Султан. Так, значит, я вещь, а не человек и не мужчина?

Верховный судья. Да.

Султан. И эта вещь принадлежит государственной казне?

Верховный судья. Именно так.

Султан. И государственная казна имеет право продать эту бесполезную вещь на аукционе во имя общего блага?

Верховный судья. Совершенно точно.

Султан. Скажи, ты что, сам не понимаешь, что все это звучит по меньшей мере странно?

Верховный судья. Возможно. Но я, как судья, не могу оставаться равнодушным, когда речь идет о законе.

Султан. Послушай, судья, этот твой закон сейчас бессилён, в то время как мне достаточно пошевелить мечом, и весь этот запутанный узел будет разрублен.

Верховный судья. Пошевели.

Султан. Придется. Пролить немного крови на благо государства – это же пустяк.

Верховный судья. В таком случае начинай с меня.

Султан. Я пойду на все, чтобы сохранить в государстве спокойствие. И ты прав. Я начну с тебя. Я брошу тебя в тюрьму. Везир, забирай судью!

Везир. О великий султан! Но ты еще не дослушал его ответа на свой вопрос.

Султан. Какой вопрос?

Везир. Как нам поступить?

Султан. Разве он не ответил на него?

Везир. То, что он сказал, было не ответом, а изложением фактов.

Султан. Это так, судья?

Верховный судья. Да.

Султан. Значит, у тебя есть и ответ?

Верховный судья. Да.

Султан. Тогда говори, что же нам делать?

Верховный судья. Поступить по закону.

Султан. Ну вот, снова – здорово!

Верховный судья. Да. Снова. Всегда. Другого ответа быть не может.

Султан. Нет, ты слышал, везир? Неужели после этого ты еще хоть в чем-то сомневаешься и хочешь дальше иметь дело с этим безумным и упрямым стариком?

Везир. Позволь, мой повелитель, его допросить немного.

Султан. Поступай как знаешь.

Везир. Верховный судья! Дело очень серьезное. И тебе придется подробно изложить свои соображения.

Верховный судья. Могу и коротко. Есть два пути. Путь меча и путь закона. Все, что связано с мечом, меня не касается. А о законе я могу сказать кое-что. Закон гласит, что раба никто не смеет выпустить на волю, кроме его хозяина. В нашей ситуации хозяин, владевший рабом, скончался, не оставив наследника. Владение рабом перешло в государственную казну, а казна не имеет права освободить его безвозмездно, потому что никто не имеет права безвозмездно распоряжаться тем, что принадлежит государству. Но государственная казна может продавать то, что принадлежит государству, и, согласно закону, эта продажа должна совершаться на публичном аукционе. Следовательно, согласно закону и шариату, мы должны выставить нашего султана для продажи на аукционе, а тот, кто его купит, должен будет его освободить. В таком случае и государственная казна будет не в убытке и султан получит свою вольную законным путем.

Султан (везиру). Слыхал?

Везир (верховному судье). Предложить нашего султана продавать с аукциона! Да это же безумие!

Верховный судья. Так велит закон.

Султан (везиру). Да не теряй ты с ним времени. Нам осталось только отрубить голову этому наглецу, и пусть будет что будет. Я это могу сделать сам. (*Вынимает меч.*)

Верховный судья. Это великая честь для меня, мой повелитель, умереть от твоей руки, и умереть во имя закона и справедливости.

Везир. Подожди, великий султан, подожди. Если ты его убьешь, то он будет выглядеть героем, погибшим за справедливость. Этот дряхлый старик и мечтать не смел о такой героической смерти. В народе скажут, что вместе с ним ты уничтожил законы шариата, и он войдет в историю нашей страны как символ справедливости. Такие погибшие страдальцы потом больше влияют на народ, чем великий и сильный султан.

Султан (сдерживаясь). Проклятье!

Везир. Не даруй ему, мой повелитель, этой славы.

Султан. А что же тогда делать? Он загнал нас в тупик и предлагает два выхода, но оба они неприемлемы. Закон выставит меня на посмешище, а меч представит меня тираном.

Везир (*верховному судье*). Верховный судья, ну будь, пожалуйста, поговорчивее и попробуй придумать что-нибудь этакое, разумное, а?

Верховный судья. Нет ничего разумнее закона.

Везир. Продавать султана с аукциона?

Верховный судья. Да.

Везир. А тот, кто его приобретет?

Верховный судья. Отпустит его на волю. Это войдет в условие продажи.

Везир. Кто же согласится так – за здорово живешь – потерять свои деньги?

Верховный судья. Тот, кто захочет пойти на жертву ради нашего султана. Наверно, многие.

Везир. Тогда почему бы нам самим не сделать этого, а? Мне и тебе! Мы потихоньку отдадим за нашего султана наши денежки и потом будем иметь честь освободить его? А? Неплохо придумано?

Верховный судья. К сожалению, плохо. Потихоньку нельзя. Закон ясно гласит, что продажа вещей, принадлежащих государственной казне, должна производиться на публичном аукционе.

Султан. Не утруждай себя. Он просто добивается моего позора.

Везир (*верховному судье*). Ну, верховный судья... Неужели ничего нельзя придумать, чтобы выручить нас?

Верховный судья. Придумать? Придумывать я не умою.

Султан. Еще бы! Он умеет только оскорблять!

Верховный судья. Моя слабая, ничтожная личность тут ни при чем. Если бы это зависело от моего желания, то я был бы счастлив выручить вас.

Султан. Он, видите ли, тут ни при чем, бедняга! А кто же тогда?

Верховный судья. Закон.

Султан. Да, некий призрак, которым ты прикрываешься, чтобы навязать нам свою волю и представить меня перед народом в смешном виде.

Верховный судья. Напротив, чтобы показать, какой ты великий правитель.

Султан. Признаком моего величия ты, видимо, считаешь то, что мною можно торговать на базаре.

Верховный судья. Признак твоего величия, мой повелитель, в том, что ты, великий султан, подчинился закону, как простой смертный.

Везир. Звучит это и впрямь красиво. Правитель подчинился закону, как простой смертный! Но не слишком ли это рискованно? Говорить красивые слова во имя государственной политики – это одно, а на деле управлять государством – совсем другое.

Верховный судья. Я ничего не понимаю ни в государственной политике, ни в управлении государством.

Султан. Это наша профессия. Поэтому предоставь нам действовать по-своему.

Верховный судья. Я не держу тебя за руки, мой повелитель. Ты волен править как хочешь.

Султан. Хорошо. Тогда я понимаю, что мне делать.

Везир. Что, мой повелитель?

Султан (*указывая на верховного судью*). Взгляни на этого старика. Не видишь ли ты у него меча в ножнах за поясом? Нет, конечно. Единственное, что у него есть, – это язык, и он очень умело им пользуется, произносит всякие там слова, фразы, да? А у меня вот меч (*показывает на свой меч*), это вам не стекляшка, не деревяшка, а настоящий острый меч. Так для чего-нибудь я его да ношу? Вы меня понимаете? Отвечайте! Зачем я его ношу? Отвечайте. Как украшение или для пользы дела?

Везир. Для пользы дела.

Султан. А ты, судья, ты что молчишь? Отвечай! Как украшение или для пользы дела?

Верховный судья. Или для того, или для другого.

Султан. Что ты говоришь?

Верховный судья. Я говорю, не для того, так для другого. Как тебе будет угодно.

Султан. Что ты хочешь этим сказать?

Верховный судья. У тебя есть выбор, великий султан, - носить его как украшение или пустить его в ход. Я знаю, какой силой обладает этот меч и как быстро с ним можно добиться результата. Но мечом добивается прав сильный, а неизвестно, кто будет сильнее завтра. Может быть, завтра появится кто-то сильнее тебя. А закон защищает каждого, потому что он не признает сильного, он признает правого. Тебе предстоит выбрать, мой повелитель, между мечом, который может спасти, но может и против тебя обратиться, и законом, который хоть и жесток, но всегда защитит тебя.

Султан (*подумав*). Мечом, который может спасти, но может и против тебя обратиться, и законом, который хоть и жесток, но всегда защитит тебя.

Верховный судья. Да.

Султан. Что это?

Верховный судья. Это истина.

Султан (*задумавшись, повторяет*). Меч может спасти, но может и против тебя обратиться, а закон хоть и жесток, но всегда защитит тебя...

Верховный судья. Да, мой повелитель.

Султан. Проклятый старикашка! Ты прекрасно умеешь загонять в тупик...

Верховный судья. Я всего лишь раскрыл перед тобой два возможных решения, а тебе следует выбрать.

Султан. Выбрать... Гм, что ты на это скажешь, везир?

Везир. Решай, мой повелитель.

Султан. Значит, ты тоже не знаешь?

Везир. Мой повелитель, это поистине так...

Султан. Что? Трудно? Трудно решить?

Везир. Да.

Султан. Меч может спасти, но может и против тебя обратиться; закон жесток, но всегда защитит тебя.

Везир. Да.

Султан. Реши ты за меня.

Везир. Нет уж, уволь, мой повелитель.

Султан. Чего ты боишься?

Везир. Последствий... Если когда-нибудь выяснится, что я решил неправильно, то я погиб.

Султан. Не хочешь брать на себя ответственность?

Везир. Не смею.

Султан. Но в конце концов уже пора принимать какое-то решение!

Везир. В этом деле никто, кроме тебя, не решает, мой повелитель.

Султан. Так, значит, никто, кроме меня... И от этого мне никуда не деться. Я должен выбирать сам и сам нести ответственность за этот выбор.

Везир. Только ты, наш повелитель, наш великий султан! Султан. Наверно, в жизни каждого правителя наступает такой страшный час, когда он должен принимать окончательное решение, решение, от которого зависит весь ход событий. Час, когда он произносит маленькое, но решающее слово, и оно определяет дальнейшую судьбу. *(Задумавшись, ходит по площади.)*

Все ждут. Молчание.

Меч или закон. Закон или меч...

Везир. Я понимаю трудность вашего положения...

Султан. И все-таки не хочешь помочь...

Везир. В этом не могу. Ты должен сам, один...

Султан. Итак, другого выхода нет, я должен решать сам?

Везир. Только так.

Султан. Меч или закон... Закон или меч... *(После долгих раздумий высоко поднимает голову.)* Хорошо, я решил...

Везир. Ваши приказания?..

Султан. Я решил выбрать... выбрать...

Везир. Что... мой повелитель?..

Султан *(решиительно кричит).* Закон! Я выбрал закон!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же площадь. На ней построен помост. Вокруг толпится народ. Стража расставляет людей рядами. Трактир закрыт. Сапожник сидит перед своей мастерской, занятый работой. Рядом стоит трактирщик.

Трактирщик (*сапожнику*). Ты меня удивляешь. Открыл свою лавочку и работаешь. Это в такой-то день! Ведь сегодня все лавки закрыты, как на праздник.

Сапожник. А почему я должен закрывать? Потому что они продают султана?

Трактирщик. Дурак! Чтобы взглянуть на самое удивительное зрелище на свете.

Сапожник. А я могу глядеть и отсюда, работая.

Трактирщик. Поступай как знаешь, а я свой трактир закрыл. Не хочу упустить ни одной секунды этого удивительного зрелища.

Сапожник. Большая ошибка с твоей стороны. Нынче весьма удачный момент для тебя, чтобы заполучить клиентов. Не каждый день ты увидишь около своего трактира столько пароду. И разумеется, многие из них будут умирать от жажды и захотят пропустить стаканчик.

Трактирщик. Ну да?

Сапожник. А ты думал! Вот погляди. Я так сегодняставляю самые лучшие свои башмаки. (*Показывает.*)

Трактирщик. Послушай, дружище, тот, кто придет сегодня на площадь, будет покупать султана, а не твои башмаки.

Сапожник. А почему бы и нет? А может быть, найдется кто-нибудь, кому башмаки нужнее, чем султан?

Трактирщик. Помолчи лучше. Тебя, кажется, ничем не удивишь. Ты не понимаешь, что этот случай единственный в своем роде. Или ты думаешь, что султанов будут теперь продавать каждый день?

Сапожник. Слушай, друг. Я тебе откровенно скажу: даже если бы у меня хватило денег, чтобы купить султана, то, клянусь Аллахом, я бы его не купил.

Трактирщик. Не купил бы?

Сапожник. Ни за что!

Трактирщик. Тогда позволь сказать тебе, что ты дурак.

Сапожник. Я мудрый и разумный. Ну скажи мне, во имя Аллаха, зачем мне в моей лавке султан? Что, я научил бы его моему ремеслу? Нет, конечно. Смог бы ему поручить какую-нибудь работенку? Тоже нет. А самому бы мне тогда пришлось работать вдвое больше, чтобы его еще накормить, напоить и обслужить. Клянусь Аллахом, вот бы что получилось-то! Купил бы себе обузу и роскошную вещицу, которая мне не по средствам. Мне, друг, доходы не позволяют покупать такие сокровища.

Трактирщик. Брось, ты просто паясничаешь!

Сапожник. А ты бы его, разумеется, купил?

Трактирщик. Безусловно.

Сапожник. И что бы ты с ним стал делать?

Трактирщик. Да много чего, дружище. Одного его присутствия у меня в трактире было бы достаточно, чтобы привлечь сюда весь город. А я бы его попросил рассказывать ночи напролет про его сражения, про всякие приключения, про то, какие он там страны видел, что завоевал, как переходил через пустыни, и всем бы этакое было полезно и любопытно послушать.

Сапожник. И вправду ты вот можешь его как-то использовать. А я...

Трактирщик. Ты тоже можешь.

Сапожник. Как? Он же ничего не смыслит в сапожном деле! О чем бы он тут стал разговаривать?

Трактирщик. А у тебя ему бы и не пришлось разговаривать.

Сапожник. А чем бы он тогда занимался?

Трактирщик. Уж я бы на твоём месте знал, как его использовать!

Сапожник. Как? Как? Скажи!

Трактирщик. Посадил бы его перед лавкой на красивом удобном кресле, нарядил бы его в новые башмаки, а к голове приставил бы доску, на которой написал – «Здесь продаются башмаки султана». Ты бы поглядел, как жители города набросились бы на твою лавку и тут же раскупили бы весь товар!

Сапожник. Вот это да!

Трактирщик. А что?

Сапожник. У тебя мозги варят неплохо, мне даже нравится.

Трактирщик. Послушай, а не купить ли его нам с тобой на пару? Я бы его уступал тебе днем, а, ты мне – на вечер и ночь, а?

Сапожник. Красиво придумано. Но у нас с тобой денег не хватит даже на один его палец.

Трактирщик. Это да...

Сапожник. Гляди, народ-то уже собирается!

Подходит группа мужчин и женщин, шумят, громко разговаривают.

Первый мужчина (второму мужчине). Эй, здесь продают султана?

Второй мужчина. Да. Не видишь разве, вон стража!

Первый мужчина. Эх, кабы у меня были деньги!..

Второй мужчина. Тсс! Это для богачей.

Мальчик (матери). Мам, это султан?

Мать (мальчику). Нет, сынок, это стражник.

Мальчик. Мам, а где султан?

Мать. Его еще нет, не пришел!

Мальчик. А у султана есть меч?

Мать. Да, большой-пребольшой.

Мальчик. А они здесь его будут продавать?

Мать. Здесь, сынок.

Мальчик. Когда, мам?

Мать. Скоро уже, скоро.

Мальчик. Мам, купи мне...

Мать. Что?

Мальчик. Султана! Купи мне султана!

Мать. Замолчи! Это тебе не игрушка!

Мальчик. Ты же сама сказала, что они будут его здесь продавать. Купи его мне!

Мать. Замолчи сейчас же, это не для тебя!

Мальчик. А для кого же?

Мать. Для взрослых...

В доме женщины открывается окно, оттуда высовывается служанка.

Служанка (*кричит*). Эй, трактирщик! Хозяин! Ты что, сегодня не открываешься? Ну и правильно!

Трактирщик. А твоя госпожа где? Еще в постели небось?

Служанка. Нет, она только из ванны и прихорашивается!

Трактирщик. Она молодец! Ее затея с палачом прекрасно удалась тогда!

Служанка. Ты потише! Вот он стоит на площади! Увидел нас!

Палач (*подходит к трактирщику*). Чтоб тебе провалиться с твоим вином!

Трактирщик. С чего это? Какой грех совершило мое вино, чтобы ему проваливаться? Разве оно не развеселило тебя в ту ночь, не подбодрило и не представило все в таком прекрасном свете?

Палач (*со злостью*). Прекрасном... Да уж, в ту ночь мне все казалось прекрасным!

Трактирщик. Ну вот. А ты в этом сомневался?

Палач. Замолчи. Не вспоминай мне лучше о той ночи.

Трактирщик. Молчу... Сегодня ты не при деле?

Палач. Как видишь.

Трактирщик. А что тот, приговоренный к смерти?

Палач. Его освободили...

Трактирщик. Но тебя ведь больше никто не спрашивал об этой истории с рассветом?

Палач. Нет.

Трактирщик. Значит, все обошлось благополучно.

Палач. Да. Но я не люблю, когда из меня делают дурака.

Служанка. Даже если это спасает человека от смерти?

Палач. Заткнись, несчастная! Обе вы хороши, и ты и твоя госпожа!

Служанка. Ну вот, опять бранишься, да еще в такой день!

Трактирщик (*палачу*). Не порть себе настроения. Я тебе вечером поставлю большую кружку самого лучшего вина, бесплатно.

Палач. Бесплатно?

Трактирщик. Да. В подарок от меня. За здоровье...

Появляется м у э д з и н.

Палач. За чье здоровье?

Трактирщик (*видит муэдзина*). За здоровье храброго муэдзина!

Палач. Этого несчастного лгуна?

Муэдзин. Кто это лгун? Я?

Палач. Ты сказал, что я тогда спал?

Муэдзин. И был пьян к тому же.

Палач. А я уверен, что я был трезвохонек и глаз не смыкал!

Муэдзин. Ну, раз ты уверен...

Палач. Я же не спал тогда!

Муэдзин. Ну ладно, ладно...

Палач. Ты согласен?

Муэдзин. Да, да...

Палач. Значит, ты врал?

Муэдзин. Нет.

Палач. Тогда выходит, я спал?

Муэдзин. Да.

Палач. Как «да»?

Муэдзин. Нет.

Палач. А все-таки «да» или «нет»?

Муэдзин. Как хочешь!

Палач. Я хочу знать, спал я тогда или нет!

Муэдзин. А чего это тебя волнует, раз все кончилось миром? Работорговца, приговоренного к смерти, уже освободили, а тебя никто ни в чем не обвиняет. И мне никто не заикнулся о том рассвете. Все прекрасно. Зачем ворошить прошлое?

Палач. А меня это волнует с тех самых пор! Мне пока неясно. Я спал в тот момент, и ты призывал к молитве – или нет? Скажи мне правду в конце концов! Ведь ты знаешь, а? Ну скажи, как это было, а? Я ведь и впрямь тогда немного выпил. Ну...

Муэдзин. А зачем мне тебя успокаивать? Мучайся себе на здоровье!

Палач. Чтоб тебе в аду сгореть, противный ты и жадный муэдзин!

Муэдзин. Смотри-ка лучше, смотри, султан со свитой идет!

Появляется султан во главе своей свиты, за ними – верховный судья, везир, работорговец. Они поднимаются на помост.

Султан садится в середине, рядом с ним становится работорговец.

Трактирщик (*палачу*). С ума сойти! Друг-то твой, которому ты чуть голову не отрубил! Гляди-ка, и его тоже сюда принесло, рядом с самым султаном стоит!

Палач (*смотрит на работорговца*). Ему поручили продавать султана, ведь он у нас один из самых крупных работорговцев.

Трактирщик. Вот видишь, значит, не зря ты его пощадил.

Палач. Как странно: одного и того же султана он продает дважды, первый раз – в детстве, а второй – сейчас...

Муэдзин. Тсс! Он приготовился говорить.

Работорговец (*хлопает в ладони*). Тихо, люди! Я в качестве работорговца объявляю вам, что мне поручено вести сей публичный аукцион в интересах государственной казны! Великой честью для нас будет то, что сам верховный судья открывает аукцион словом, в котором объяснит условия продажи. Итак, слово достопочтенному верховному судье!

Верховный судья. Дорогие сограждане! Товар, выставленный сегодня перед вами, в некотором роде отличается от всех остальных товаров. Это вам уже было объявлено. По отношению к этому товару должен быть заключен особый договор, а именно договор об освобождении. Покупатель, который завершит этот аукцион, не имеет права сохранить у себя то, что купил, а должен подписать бумагу об отказе от своей покупки на этом же самом месте. Едва ли следует напоминать вам о законе, который запрещает государственным служащим участвовать в покупке того, что продает государство. Теперь я передаю слово везиру. Он осветит перед вами национально-патриотическую сторону этого аукциона.

Сапожник (*шепчет трактирщику*). Слыхал? Покупатель не имеет нрава оставить у себя покупку. Что ж, значит, надо выбросить деньги на ветер?

Трактирщик (*шепчет*). Посмотрим, какой болван его купит.

Работорговец (*кричит*). Тихо, люди, тихо!

Везир. Дорогие сограждане! Вы сегодня присутствуете при исключительном событии, одном из важнейших событий нашей исто-

рии. Наш великий милосердный султан обращается к своему народу с мольбой о своем освобождении, вместо того чтобы прибегать к мечу. Этим острым мечом он расправлялся в сражениях с врагами, добиваясь свободы для всех вас. При помощи этого же острого меча он мог бы и сейчас легко добиться собственной свободы. Но наш сильный, великий, справедливый султан предпочел подчиниться закону так же, как ему подчиняется самый слабый из его верноподданных. И вот он просит дать ему вольную тем же путем, каким предначертано законом. И пусть каждый, кто захочет пожертвовать своими деньгами во имя свободы любимого султана, участвует в этом аукционе. Тот, кто заплатит больше других, сделает доброе дело для своей родины, которое будет помниться ему во все века.

В народе слышатся возгласы одобрения, выкрики: «Да здравствует султан!», «Да здравствует закон!»

Работорговец. Тихо, люди, тихо!

Везир (*продолжает*). Теперь, дорогие сограждане, вы знаете, какую ничтожную жертву и во имя какой высокой, благородной цели ждет от нас родина: освободить нашего султана своими деньгами. Эти деньги пополнят государственную казну и пойдут на нужды бедных и нищих. Ваш любимый султан перед вами! Так вступите же в благородный спор за его освобождение. Объявляю аукцион открытым! (*Жестом приказывает работорговцу начинать.*)

В толпе – оживленные возгласы.

Работорговец. Тихо, люди, тихо! Жители города! Аукцион открыт! Я не буду рекламировать товар, как это делают на базаре, чтобы набить ему цену, потому что объект этого аукциона выше всех похвал. Я не преувеличу, если скажу, что он стоит столько золота, сколько весит. Но моя цель – не затруднять вам покупку, а наоборот, по возможности облегчить. Поэтому для начала называю я ничтожную сумму – десять тысяч динаров!

В толпе шум.

Сапожник (*трактирицику*). Десять тысяч? Только-то? Какой пустяк! Видишь бриллиант на его чалме? Клянусь Аллахом, он один стоит сто тысяч динаров!

Трактирщик. И впрямь пустяк! Тем более во имя такой благородной цели. Просто неприлично! Я патриот, и это меня не устраивает. (*Кричит.*) Одиннадцать тысяч динаров!

Работорговец. Одиннадцать тысяч динаров! Одиннадцать тысяч!

Сапожник (*трактирицику*). Всего-то одиннадцать тысяч? Что, у тебя больше нет, что ли? Тогда я скажу – двенадцать тысяч. Двенадцать тысяч динаров!

Работорговец. Двенадцать тысяч динаров! Двенадцать тысяч!

Трактирщик (*сапожнику*). Ах, прибавляешь? Тогда я скажу – Тринадцать тысяч. Тринадцать тысяч динаров!

Работорговец. Тринадцать тысяч динаров! Тринадцать тысяч!

Расталкивая толпу, появляется неизвестный.

Неизвестный (*кричит*). Пятнадцать тысяч динаров!

Сапожник. Какой ужас! Кто это?

Трактирщик. Такой же болтун, как и ты!

Сапожник. От болтуна слышу!

Работорговец. Пятнадцать тысяч динаров! Пятнадцать тысяч! Пятнадцать!..

Сапожник. Шестнадцать тысяч динаров!

Работорговец. Шестнадцать тысяч динаров! Шестнадцать тысяч!..

Неизвестный. Восемнадцать тысяч динаров!

Сапожник (*трактирицику*). Как, сразу? Это уж слишком!

Работорговец. Восемнадцать тысяч динаров! Восемнадцать тысяч!..

Трактирщик (*присматривается к неизвестному*). Мне кажется, где-то я его видел... Ну да, это он! Один из тех богачей, что изредка заходят ко мне в трактир, чтобы пропустить стаканчик, перед тем как подняться к этой потаскухе.

Сапожник (*поворачивается к ее окну*). Гляди, вон она высунулась! Сверкает своими украшениями, ни дать ни взять словно кукла! (*Кричит ей.*) Эй, красотка! Ты там, наверху! А ты что, не патриотка?!

Женщина. Замолчи! Мне сейчас не до шуток! Клянусь Аллахом, если ты сейчас же не перестанешь, то я пожалуюсь и тебя арестуют!

Работорговец. Повторяю, восемнадцать тысяч динаров! Восемнадцать тысяч!

Первый богач (*протискивается к помосту*). Девятнадцать тысяч динаров!

Неизвестный (*сразу же*). Двадцать тысяч динаров! Двадцать!

Первый богач. Двадцать одна тысяча динаров!

Неизвестный. Двадцать две тысячи динаров!

Второй богач (*подходит к помосту*). Двадцать три тысячи динаров!

Работорговец. Двадцать три тысячи динаров! Двадцать три!

Неизвестный. Двадцать пять тысяч динаров!

Работорговец. Двадцать пять тысяч динаров! Двадцать пять!

Третий богач. Двадцать шесть тысяч динаров!

Работорговец. Двадцать шесть тысяч динаров! Двадцать шесть тысяч!

Неизвестный. Двадцать восемь тысяч динаров!

Работорговец. Двадцать восемь тысяч динаров! Двадцать восемь тысяч!

Третий богач. Двадцать девять тысяч динаров!

Сапожник (*шепчет трактирщику*). Это они что, серьезно?

Трактирщик. Кажется, да...

Работорговец. Двадцать девять тысяч динаров! Двадцать девять тысяч!

Неизвестный (*кричит*). Тридцать тысяч динаров!

Работорговец. Тридцать тысяч динаров! Тридцать тысяч!

Сапожник (*шепчет*). Тридцать тысяч динаров выбросить на ветер! Вот сумасшедший!

Работорговец. Тридцать тысяч динаров! Тридцать тысяч! Кто больше? Никто? Кто добавит еще? И это все, что вы предлагаете за нашего великого султана?

Султан (*везиру*). Видимо, это предел стоимости высокого патриотизма?

Везир. Мой повелитель! Присутствующие здесь – из жадных купцов и богачей, они любят платить за то, что получают, а жертвовать деньги во имя великих целей они не привыкли!

Работорговец. Тридцать тысяч динаров! Еще раз спрашиваю – кто больше? Кто больше? Никто? Нет? Нет? (*Обменивается взглядами с везиром и объявляет.*) Повторяю три раза! Тридцать тысяч динаров! Раз! Тридцать тысяч динаров! Два! Тридцать тысяч динаров! Три! Кончено! Аукцион завершен на тридцати тысячах динаров!

В толпе – шум, слышатся возгласы.

Трактирщик (*сапожнику*). Это мой клиент, мой клиент купил!

Работорговец. Подойди сюда, тот, кто выиграл! Прими поздравления с удачей!

В толпе – шум.

Везир. Я приветствую и поздравляю тебя, ты истинный патриот.

Шум возрастает.

Работорговец. Тихо, люди, тихо!

Везир. Я поздравляю тебя от имени родины и от имени доброго, искреннего народа, который выдвинул тебя для того, чтобы ты оплатил свободу нашего великого султана. Твой благородный поступок будет начертан на страницах многовековой истории нашей великой нации.

Шум толпы, возгласы.

Работорговец (*кричит*). Тихо, люди, тихо! (*Поворачивается к неизвестному.*) Скажи, правоверный, вся сумма денег готова наличными, не так ли?

Неизвестный. Разумеется. Мешок с золотом в двух шагах отсюда.

Работорговец. Хорошо. Подождем, что скажет сейчас достопочтенный верховный судья.

Верховный судья (*объявляет*). Свершилось по закону! Подойди сюда, правоверный! Ты грамотный?

Неизвестный. Да, достопочтенный судья.

Верховный судья. В таком случае поставь свою подпись на этих бумагах.

Неизвестный. Слушаю и повинуюсь.

Верховный судья (*протягивает ему бумагу*). Вот здесь распишись и здесь.

Неизвестный (*перед тем как расписаться, читает*). Что это? Что такое?

Верховный судья. Договор о покупке.

Неизвестный. Да? Подписываю. (*Подписывает бумагу.*) Пожалуйста.

Верховный судья. И это тоже. (*Протягивает ему вторую бумагу.*)

Неизвестный. А это что?

Верховный судья. Это договор об освобождении султана, вольная.

Неизвестный (*отступая назад*). Мне очень жаль...

Верховный судья (*удивленно*). Что с тобой?

Неизвестный. Но эту бумагу я подписать не могу.

Верховный судья. Как? Что такое ты говоришь?

Неизвестный. Говорю, что подписать эту бумагу – не в моей власти.

Верховный судья. Что не в твоей власти?

Неизвестный. Подписать ее.

Верховный судья (*ошеломлен*). Не в твоей власти подписать?..

Неизвестный. Нет, не в моей и не в моих полномочиях.

Верховный судья. Что ты этим хочешь сказать? Ты что, правоправный, с ума сошел? Твой долг – сейчас же подписать договор об освобождении! Таково было основное условие этой продажи.

Неизвестный. К великому сожалению, я не смею. Это выше моих возможностей.

Везир. Что там говорит этот человек?

Верховный судья. Не могу понять.

Везир (*неизвестному*). Почему ты отказываешься подписать?

Неизвестный. Потому что меня уполномочили только участвовать в этом аукционе и добиться покупки. Ни на что другое у меня полномочий нет.

Верховный судья. Полномочий? От кого?

Неизвестный. От того, кто поручил мне участвовать в аукционе.

Верховный судья. Ты – доверенный другого лица?

Неизвестный. Да, достопочтенный судья.

Верховный судья. Кто этот человек?

Неизвестный. Я не смею назвать его.

Верховный судья. Ты обязан!

Неизвестный. Не буду.

Везир. Ты обязан назвать нам имя человека, который поручил тебе купить султана.

Неизвестный. Не могу.

Везир. Почему?

Неизвестный. Потому что я поклялся сохранить его имя в тайне.

Везир. А почему твой поручитель хочет сохранить свое имя в тайне?

Неизвестный. Не знаю.

Везир. Он, конечно, очень богат, если может потратить такую большую сумму одним махом!

Неизвестный. Эти деньги – все, что он накопил за всю свою жизнь.

Везир. И поручил тебе все поставить на аукцион?

Неизвестный. Да.

Везир. Это истинная щедрость, это великое благородство, но почему он скрывает свое имя? Из скромности? Из желания, чтобы никто не узнал о его добром деле?

Неизвестный. Может быть.

Верховный судья. В таком случае он должен был бы разрешить своему доверенному подписать договор и об освобождении тоже.

Неизвестный. Нет, он уполномочил меня только купить.

Верховный судья. Тогда это свидетельствует о злом умысле.

Везир. В самом деле.

Султан (иронически). Дело, кажется, усложняется?

Верховный судья. Немного, мой повелитель.

Везир. Я заставлю его заговорить.

Верховный судья. Подожди, везир, подожди. Он скажет сам. Пусть сначала он ответит на все мои вопросы. Послушай, добрый человек, этот твой поручитель, он чем занимается?

Неизвестный. Ничем.

Верховный судья. Но у него есть какая-нибудь специальность?

Неизвестный. Говорят, есть.

Верховный судья. Значит, у него есть специальность, а он ничего не делает?

Неизвестный. Ничего как будто.

Верховный судья. А-а, тогда, значит, он государственный служащий?

Неизвестный. Нет.

Верховный судья. Он богат?

Неизвестный. Не очень.

Верховный судья. И ты управляешь его делами?

Неизвестный. Почти.

Верховный судья. Он из светского общества?

Неизвестный. Более того.

Верховный судья. Как это?

Неизвестный. Люди из светского общества приходят к нему, а он не обращает на них никакого внимания.

Верховный судья. Что ж он тогда, везир?

Неизвестный. Нет.

Верховный судья. У него большое влияние?

Неизвестный. Да, на друзей.

Верховный судья. И много у него друзей?

Неизвестный. Да, очень много.

Верховный судья (*задумавшись, разглаживает бороду пальцами*). Так, так...

Султан. Ну что там, в конце концов, судья, ты до чего-нибудь додумался? Или мы теперь так и будем играть в загадки и отгадки?

Везир. Никакого терпения больше нет! Пора прибегнуть к силе, великий султан! Другого выхода у нас не остается. Если этот человек окружил себя тайнами, скрывает свое имя, значит, он затеял какие-то подозрительные и опасные махинации. С твоего разрешения, мой повелитель, теперь начну действовать я! (*Кричит страже.*) Заберите этого человека и пытайте до тех пор, пока он не назовет имени своего поручителя и подстрекателя.

Неизвестный. Нет, нет! Не надо меня пытаться! Заклинаю вас, не надо пытаться! Я умоляю вас!

Везир. Тогда говори!

Неизвестный. Я поклялся!

Везир (*страже*). Заберите его!

Неизвестный (*кричит*). Нет! Нет! Нет!

Открывается дверь в доме женщины, и она выходит вместе со служанкой, которая тащит мешок с золотом. Подходят к помосту.

Женщина. Оставьте его! Это я ему поручила. Вот ваши деньги! Тридцать тысяч динаров.

В толпе – шум, возгласы возмущения.

Работорговец (*кричит*). Тихо, люди!

Везир. Кто эта женщина?

Голос из толпы. Это падшая! Шлюха!

Везир. Шлюха?

Голос из толпы. И притом самая известная в этом квартале.

Султан. Прекрасно! Дело сделано – получайте денежки!

Везир. Ты? Это ты... поручила?

Женщина. Да. Я поручила этому человеку участвовать в аукционе от моего имени. (*Неизвестному.*) Не правда ли?

Неизвестный. Истинная правда, госпожа моя.

Везир. И ты послала его купить нашего повелителя?

Женщина. Почему же и нет? Разве я не патриотка своей страны? Или у меня нет денег? Или мне отказано в праве, которое есть у других?

Верховный судья. Да, ты имеешь это право. Закон относится ко всем. Но ты должна знать условие этой продажи.

Женщина. Разумеется. Я знаю, что такое продажа.

Верховный судья. Особая продажа.

Женщина. С аукциона.

Верховный судья. Да, но...

Везир. Прежде всего это дело национально-патриотического значения. И ты, как верноподданная, должна быть заинтересована в процветании своей отчизны, я полагаю.

Женщина. В этом нет сомнений.

Везир. Тогда подпиши этот договор...

Женщина. А что в нем?

Везир. Освобождение султана, вольная.

Женщина. Вольная? Что это значит?

Везир. Ты не знаешь, что такое вольная?

Женщина. Это значит – отдать то, что я имею?

Везир. Да.

Женщина. Расстаться с тем, что я приобрела на аукционе?

Везир. Именно так.

Женщина. Но я вовсе не собираюсь с ним расставаться.

Султан. Какая прелесть!

Везир. Нет, ты с ним расстанешься, женщина!

Женщина. Ни за что!

Везир. Не заставляй меня быть жестоким. Ты же знаешь, что я могу заставить тебя!

Женщина. Чем?

Везир (*показывая на меч*). Вот этим.

Султан. Как? Опять за меч? Не слишком ли поздно?

Везир. Она должна подчиниться!

Женщина. Я подчиняюсь, везир. Вот я по закону подписала договор о покупке. Этот закон действителен или как?

Султан. Ответь же ей, судья.

Верховный судья. Да. Ты подписала договор о покупке. Но в нем есть одно условно.

Женщина. Значит...

Верховный судья. Значит, эта покупка зависит от условия.

Женщина. Какого условия?

Верховный судья. Освобождения. Иначе покупка эта недействительна.

Женщина. Ты хочешь сказать, что, для того чтобы покупка стала действительной, я должна подписать бумагу об освобождении?

Верховный судья. Ну конечно!

Женщина. Значит, ты хочешь сказать, что я должна подписать бумагу об освобождении, чтобы покупка стала действительной?

Верховный судья. Ну да же, да!

Женщина. Достопочтенный судья, но что такое покупка? Разве это не приобретение товара за деньги?

Верховный судья. Да...

Женщина. А что такое освобождение? Разве это не отказ от приобретенного?

Верховный судья. Вроде да...

Женщина. Как же ты, достопочтешный судья, делаешь освобождение условием приобретения? Ведь получается – для того чтобы приобретение считалось законным, покупатель должен отказаться от приобретенного?

Верховный судья. Что? Что?

Женщина. Другими словами, для того чтобы приобрести товар, ты должен от него отказаться?

Верховный судья. Что ты такое говоришь? Чтобы приобрести, отказаться?..

Женщина. Конечно. И если ты хочешь приобрести, значит, ты не смеешь приобретать.

Верховный судья. Как это?

Женщина. Таково твое условие. Чтобы получить, я должна отказаться! Чтобы приобрести, я не должна приобретать! Тебе кажется это разумным?

Султан. Она права. В этом нет ни логики, ни здравого смысла.

Верховный судья. Послушай, женщина, кто научил тебя всему этому? Какой такой законник и развратник?

Султан. Какое это имеет значение? Это же ничего не меняет. Ну вот тебе и твой закон, судья. Как ты видишь, каждый закон имеет много различных толкований, и все они оказываются разумными и логичными.

Верховный судья. Чепуха! То, что она говорит, – это просто софистика!

Султан. Да нет, это твои условия – софистика! Покупка есть покупка. Бесспорно. А остальное никого не интересует.

Верховный судья. Так, мой повелитель. Но эта женщина пришла на аукцион, зная его суть, и поэтому ее поведение не что иное, как обман и надувательство.

Султан. Если ты собираешься сейчас давать ей урок нравственности, то, пожалуйста, оставь в покое закон и перестань говорить от его имени.

Верховный судья. О повелитель! Мой долг — защищать закон от таких безнравственных элементов.

Женщина. Я бы просила не оскорблять меня.

Верховный судья. А тебе, женщина, не стыдно так себя вести?

Женщина. Стыдно? Почему же? Потому что я купила товар, который продавало государство, и не даю его отнять у себя? Я же плачу деньги. Вот они, в этом мешке! Считайте!

Верховный судья. Я отказываюсь от твоих денег и аннулирую договор.

Женщина. Почему?

Верховный судья. Потому что у тебя плохая репутация. Может быть, ты эти деньги заработала греховным путем. Как же их можно принять в государственную казну?

Женщина. Вы же получали от меня налоги? Такими же деньгами. А разве налоги не идут в государственную казну? Если ты так считаешь, то с сегодняшнего дня я не буду больше платить государству никаких налогов.

Султан. Браво! Забирай у нее деньги, судья. Так будет проще и лучше.

Верховный судья (женщине). Так ты настаиваешь на своем?

Женщина. Конечно. Я ведь не шутки ради притащила сюда этот мешок с золотом! Я плачу, чтобы купить. Покупаю, чтобы приобрести и иметь, все как полагается по закону. Покупка есть покупка. И приобретение есть приобретение. Получайте свое и отдавайте мое!

Везир. Ты что же, хочешь, чтобы мы тебе отдали султана всей страны, женщина?

Женщина. А зачем же вы тогда его продавали?

Султан. Она рассуждает вполне логично.

Женщина. Могу сама ответить, это нетрудно. Вы продавали его для того, чтобы кто-нибудь купил. Вот я его и купила. Открыто, на виду у всех. Вот вам деньги! Выдайте мне товар!

Султан. Товар?

Женщина. Да. К тому же я прошу доставить его мне на дом.

Султан. Кому... на дом?

Женщина. Ну ко мне, конечно. Вот сюда, напротив.

Султан (*верховному судье*). Нет, ты слышишь?

Верховный судья. Спорить с женщиной такого сорта бесполезно. Мой повелитель, я умываю руки.

Султан. Вполне мудрое решение. Смешал меня с грязью и гордо удаляешься, умывая руки!

Верховный судья. Каюсь, я потерпел неудачу. Но я никак не рассчитывал натолкнуться на нечто подобное...

Султан. И вот...

Верховный судья. Прикажи наказать меня, мой повелитель. Я заслуживаю самого страшного наказания. За неудачный совет и недалекость. Прикажи отрубить мне голову!

Султан. А какая мне теперь от этого польза? Пока голова была у тебя на плечах, она загнала меня в этот тупик, а когда я ее отрублю, она едва ли сможет вытащить меня оттуда.

Везир. Разреши мне, повелитель... Теперь я знаю, что нужно делать. (*Вынимает меч.*)

Султан. Э, нет.

Везир. Но, мой повелитель...

Султан. Я сказал тебе нет! Убери меч в ножны.

Везир. Но выслушай меня, повелитель...

Султан. Убери меч! Раз мы решились на это, так пойдем до конца.

Везир. Если судья со своим законом потерпел фиаско, то давайте вернемся к нашим испытанным методам.

Султан. Нет, к ним я возвращаться не буду.

Везир. При помощи меча мы все сразу уладим!

Султан. Я же выбрал закон. И пойду этим путем, чего бы это ни стоило!

Везир. Закон?

Султан. Несколько минут назад ты сам произносил красивые слова: «Султан предпочел подчиниться закону так же, как ему подчиняется самый слабый из его верноподданных». Эти красивые слова стоят того, чтобы ради них и пострадать немного.

Везир. Ты думаешь, что самый слабый из твоих верноподданных согласился бы сейчас оказаться на твоём месте? Вот твой народ! Позволь мне спросить его?

Султан. Спрашивай.

Везир. Люди! Вы видите, как обращается эта наглая женщина с вашим великим султаном? Вы одобряете ее поведение?

Народ. Нет!!!

Везир. Вы согласны с таким отношением к нашему повелителю?

Народ. Нет!!!

Везир. Вы считаете, что она достойна наказания?

Народ. Да!

Везир. Какого наказания она достойна?

Народ. Смерти!

Везир (*султану*). Ты слышишь, мой повелитель? Твой народ сам произнес приговор.

Женщина (*народу*). Смерть? Мне? За что же вы меня приговорили к смерти? Какое преступление я совершила? Разве покупка – это преступление или грех? Разве я украла эти деньги? Да я их копила всю жизнь! Или я украла то, что продавалось? Нет, я купила его за собственные деньги на аукционе у вас на глазах! В чем же мое преступление? Скажите! За что вы требуете пролить кровь слабой женщины?

Одни голоса (*из толпы*). Смерть шлюхе!

Другие голоса. Не убивайте ее!

Султан (*везиру*). А это ты слышишь?

Везир (*народу*). Скажите, люди! Должны ли мы привести приговор в исполнение?

Голоса. Да! – Нет!

Султан. Голоса разделились, милый везир.

Везир. Но большинство голосует за смерть.

Султан. Для меня это не повод, чтобы убить невиновную. Ты же хочешь найти какое-нибудь оправдание, уподобить его закону и прибегнуть к мечу.

Везир. Смерть этой женщины необходима, чтобы разрубить этот узел!

Султан. Значит, нам нужен чей-нибудь труп, чтобы спасти себя?

Везир. Да.

Султан. Значит, теперь я снова должен выбирать между позором и кровью?

Везир. Только меч нам откроет выход!

Султан. Человек, который идет прямо, всегда находит выход. Всегда,

Везир. Ты имеешь в виду, мой повелитель...

Султан. Я имею в виду, что к насилию возврата нет. Понял?

Везир. Понял. Ты хочешь продолжать подчиняться закону?

Султан. Я не отступлю от того, что выбрал однажды.

Везир. Но как же ты будешь подчиняться закону, если даже сам верховный судья объявил о его несостоятельности?

Султан. Он волен говорить что хочет, а я нет... Я должен пройти этот путь до конца.

Везир. Но эта женщина закрыла нам все пути!

Султан. Оставь ее. (*Женщине.*) Подойди-ка сюда поближе. Еще ближе. Так... Стань вот здесь передо мной. Я хочу задать тебе несколько вопросов. Ты позволишь?

Женщина. Слушаю и повинуюсь, мой повелитель.

Султан. Прежде всего скажи: кто я?

Женщина. Кто ты?

Султан. Вот именно. Кто я такой?

Женщина. Ты... великий султан.

Султан. Ты признаешь меня султаном?

Женщина. Конечно.

Султан. Хорошо. А что, по-твоему, делает султан?

Женщина. Что делает? Правит...

Султан. Ты согласна с тем, что он правит?

Женщина. Безусловно.

Султан. Очень хорошо. Если ты признаешь все это, то как же ты требуешь, чтобы тебе отдали султана?

Женщина. Потому что он стал моим.

Султан. Я с этим не спорю. Я только спрашиваю – раз я султан и управляю страной, то как же я смогу выполнять свои обязанности, если меня... доставят к тебе на дом?

Женщина. Нет ничего проще. Ты ведь султан только днем, ну вот я и буду одалживать тебя государству на день, а вечером ты будешь снова возвращаться ко мне домой.

Султан. К сожалению, ты не совсем точно представляешь себе мою работу. Султан – это не лавочник, который открывает свою лавку днем и закрывает ночью. Он каждую минуту находится в распоряжении государства, а там бывают дела такие срочные и важные, которые заставляют его собирать советы и среди ночи.

Женщина. Ну это мы уладим. У меня в доме есть такая тихая отдаленная комнатка, ты со своими государственными людьми вполне можешь там расположиться.

Султан. И ты считаешь это нормальным?

Женщина. Более чем нормальным. Поразительным!

Султан. Это поистине поразительно. Султан правит государством из дома женщины, о которой говорят, что она... простите меня...

Женщина. Говори, говори, словами меня уже обидеть трудно. Старые раны не кровоточат. И тем не менее уверяю тебя, дорогой султан, что тебе у меня будет гораздо веселее, чем во дворце.

Султан. Вероятно. Но правитель не может управлять государством из чужих домов.

Женщина. Но это тогда, когда правитель свободен...

Султан. Ты права. Я не свободен, я раб. (*Опускает голову.*)

Пауза.

Женщина. Что мне нравится в тебе – это то, что ты спокоен перед лицом своего несчастья.

Султан (*поднимает голову*). Ты признаешь, что это несчастье?

Женщина. Конечно. Великий султан – и так унижен.

Султан. А кто же, как не ты, унижает меня?

Женщина. Воистину так. Мне очень радостно слышать это из твоих уст, великий султан. За такую честь стоит заплатить все золото мира. С сегодняшнего дня никто в городе не посмеет презирать меня. Ведь я унизила самого султана!

Везир (*в гневе*). Довольно! Довольно! Это невыносимо! Она переступила все границы! Этой бессовестной нахалке давно уже пора отрубить голову!

Султан. Успокойся.

Женщина. И то правда, успокойся, везир. И не вмешивайся в то, что тебя больше не касается.

Везир. Но разве хватит сил все это вытерпеть? Пошли мне терпение, о Аллах, милостивый, милосердный!

Женщина. Да-да, потерпи, везир, и дай нам поговорить с султаном. Ведь это же наше личное дело.

Султан. Правильно.

Женщина. Так на чем мы остановились, дорогой султан?

Султан. Не помню... Ты что-то говорила...

Женщина. Да, вспомнила! Мы остановились на том, что мне делает честь...

Султан. ...Унижать меня.

Женщина. Нет, разговаривать с тобой. Ведь я впервые вижу тебя, мой повелитель, так близко. Я много слышала о тебе. Никогда не думала, что ты так мил.

Султан. Спасибо.

Женщина. И как будто мы с тобою уже давние друзья.

Султан. А у тебя привычка унижать своих друзей?

Женщина. Нет, наоборот!

Султан. Так почему же ты делаешь для меня исключение?

Женщина. Меня и впрямь это начинает мучить. Если бы я могла сейчас развеселить и ободрить тебя. Но как?

Султан. Очень просто.

Женщина. Подписать бумагу о твоём освобождении?

Султан. Наверно.

Женщина. Ты думаешь, так легко расстаться с тобой? Нет, я не могу. Ты же мой, мой! Ты принадлежишь мне! Мне! Мне!

Султан. Тебе, и другим, и всему народу.

Женщина. А я хочу, чтобы ты был только мой!

Султан. А мой народ?

Женщина. Твой народ не платил за тебя золотом.

Султан. Это верно. Но ты должна знать, что невозможно принадлежать только тебе и в то же время оставаться султаном. Твоим я могу быть только при одном условии.

Женщина. Каком?

Султан. Не быть султаном. Отказаться от трона. Подать в отставку.

Женщина. Нет, нет, этого я не желаю тебе. Я хочу, чтобы ты остался султаном.

Султан. Надо чем-то пожертвовать.

Женщина. Мне?

Султан. Или мне.

Женщина. Отказаться от тебя!

Султан. Или мне отказаться от трона?

Женщина. И это должна решать я одна?

Султан. Конечно. Теперь все в твоих руках.

Женщина. Неужели я так много значу?

Султан. В этот момент – да.

Женщина. Странно.

Султан. Действительно.

Женщина. И все теперь зависит от меня?

Султан. Да.

Женщина. Одно мое слово – и ты не будешь больше султаном?

Султан. Да.

Женщина. Это поистине очень странно.

Султан. Безусловно.

Женщина. Кто же мне дал такую власть? Деньги?

Султан. Закон.

Женщина. Одно мое слово способно перевернуть всю твою жизнь – сделать тебя рабом или великим и свободным.

Султан. Ты должна выбирать.

Женщина. Трудно.

Султан. Я знаю.

Женщина. Мне очень больно расстаться с тобой! Навсегда потерять тебя. Но не менее больно лишиться тебя трона. Потому что у моей страны никогда больше не будет такого храброго и справедливого султана. Нет, не оставляй трона! Я хочу, чтобы ты остался султаном.

Султан. Тогда... что?

Женщина. Я подпишу бумагу.

Султан. О моем освобождении?

Женщина. Да.

Судья (*быстро протягивает ей бумагу*). Вот она!

Женщина. Только у меня единственная просьба...

Султан. Какая?

Женщина. Чтобы ты подарил мне эту ночь. Одну только ночь! Окажи мне эту честь, побудь моим гостем до рассвета. И едва только муэдзин призовет с минарета этой мечети к молитве рассвета, я подпишу бумагу о твоём освобождении и ты, мой султан, станешь свободным.

Верховный судья. Когда муэдзин призовет к молитве рассвета...

Женщина. Разве это так много? Отдать столько золота и получить не самого султана, а лишь одну ночь с ним!

Султан. Я согласен.

Везир. Но, мой повелитель... Кто может поручиться, что она сдержит обещание? Ведь это такая женщина!..

Султан. Я! Я могу поручиться. Я верю ей на слово.

Верховный судья (*женщине*). Ты можешь поклясться?

Женщина. Да! Клянусь Аллахом! Клянусь Аллахом! Клянусь аллахом, милостивым, милосердным, что я подпишу об освобождении султана, как только муэдзин призовет к молитве рассвета с минарета этой мечети!

Верховный судья. Аллах, будь свидетелем, и мы все здесь свидетели.

Султан. Я верю ей без клятвы.

Женщина. А теперь, мой благородный султан, окажи великую честь и позволь мне пригласить тебя в мой скромный дом!

Султан. С большим удовольствием! (*Поднимается с места и следует за женщиной*).

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же площадь. В глубине – часть мечети с минаретом. Слева видна комната в доме женщины, окно из комнаты выходит на площадь.

Ночь. На площади – везир, трактирщик, сапожник, палач, стража, толпа людей.

Везир (*страже*). Почему здесь эти люди? Уже поздно! Гоните их прочь отсюда! Пусть идут к себе по домам, спать пора! Стража (*разгоняет толпу*). А ну, марш отсюда! Убирайтесь домой!

Толпа (*в волнении*). Нет, нет!

Сапожник. Я хочу остаться здесь.

Трактирщик. Я тоже с места не сдвинусь.

Везир (*страже*). О чем они там болтают?

Стража. Отказываются уходить.

Везир. Отказываются? Что за чепуха! Заставить!

Стража (*решительно*). Эй, все по домам! Уходите отсюда!

Сапожник. Я здесь у себя дома. Вот моя лавочка.

Трактирщик. Я тоже. Вот мой трактир.

Стража. Не подчиняетесь приказу? А ну, поживее, поживее! (*Толкает их.*)

Сапожник. Не толкайтесь, пожалуйста!

Трактирщик. Оставьте меня в покое.

Везир (*страже*). А ну, приведите ко мне этих хулиганов!

Стража схватывает трактирщика и сапожника и подводит их к везиру.

Сапожник. Клянусь Аллахом, я ничего такого не сделал, великий везир!

Везир. Почему ты не хочешь идти домой?

Сапожник. Бессонница у меня, великий везир. Хочу побыть здесь, чтобы поглядеть...

Везир. На что тебе глядеть?

Сапожник. Как наш повелитель – султан – выйдет из этого дома.

Трактирщик. Я тоже, великий везир. Разреши и мне взглянуть на это...

Везир. Это просто дерзость, и какая дерзость! Сегодня здесь все обнаглели до предела! Даже вы оба смеее разговаривать таким образом!

Трактирщик. Это не дерзость, великий везир, это просьба.

Сапожник. Ну да. Мы просим разрешить нам поглядеть на все это...

Везир. Какая наглость! Вам-то что за дело?

Сапожник. Мы ведь тоже патриоты. И нам очень боязно за нашего султана.

Везир. Это не причина, чтобы бунтовать здесь!

Сапожник. Мы не бунтуем, мы просим... Ну разве мы смогли бы заснуть сегодня, когда решается судьба нашего султана!

Везир. Судьба?

Сапожник. Ну конечно, великий везир. Судьба его сейчас весьма сомнительна.

Везир. Откуда ты это взял?

Сапожник. От такой женщины всего можно ожидать.

Трактирщик. Мы заключили пари. Он говорит, что эта женщина не выполнит своего обещания, а я говорю – выполнит.

Везир. Очень похвально. Такое важное событие – и превращать в пари!

Трактирщик. Да это не только мы, великий везир. Многие этой ночью заключают пари. Даже вон муэдзин с палачом и то заключили.

Везир. С палачом? Где он?

Трактирщик (*показывает рукой*). Вон там, великий везир.

Палач пытается спрятаться в толпе.

Везир (*страже*). Привести его!

Стража подводит палача к везиру.

Палач (*испуганно*). Я не виноват, великий везир! Это муэдзин ошибся! Ему и отвечать! Это он не призывал к молитве рассвета!

Везир. Рассвета? Какого рассвета? Мы не об этом, дурак!

Трактирщик и сапожник заливаются смехом.

Вы еще тут смеете смеяться передо мной! Убирайтесь вон отсюда!

Трактирщик и сапожник убегают.

А ты что, говорят, пари заключил?

Палач. Пари? Кто сказал?

Везир. Я спросил и жду ответа!

Палач. Но, великий везир...

Везир. Не бойся, говори!

Палач. Но ведь это пари...

Везир. Знаю, знаю. Я не буду тебя наказывать. Скажи только откровенно. Как по-твоему, сдержит эта женщина свое слово или нет?

Палач. Но, великий везир...

Везир. Я сказал тебе, не бойся, скажи, что ты думаешь. Это приказ. Ты обязан подчиниться.

Палач. Я выполняю твой приказ, великий везир. Но я лично... не доверяю этой женщине.

Везир. Почему?

Палач. Потому что она лгунья, врунья и обманщица.

Везир. Ты знаешь ее?

Палач. Знаю кое-какие ее проделки. Ну, например, в то утро, когда я ждал рассвета, чтобы отрубить голову работоторговцу...

Везир. Лгунья, врунья и обманщица?..

Палач. Да.

Везир. А чего заслуживает такая женщина?

Палач. Наказания, конечно.

Везир. А какого наказания она заслуживает, по-твоему, если она обманет нашего великого султана? Что с ней надо будет сделать?

Палач. Отрубить голову, конечно.

Везир. Ну вот и хорошо. Будь наготове, чтобы выполнить этот приговор на рассвете.

Палач (*про себя*). Как? Опять на рассвете?

Везир. Что ты там бормочешь?

Палач. Я говорю, что на рассвете буду готов выполнить твой приказ, великий везир.

Везир. Значит, так, как только муэдзин призовет к молитве рассвета, если наш султан не выйдет из этого дома свободным, то...

Палач. ...я отрублю голову этой женщине...

Везир. В наказание за...

Палач. ...за ложь и обман!

Везир. Нет.

Палач (*не понимая*). Что – нет?

Везир (*про себя*). Нет, такой состав преступления не потянет на смертную казнь. Эта женщина способна будет выискать в законе и логике такие пункты, которые оправдают ее... Нет, нет... Для казни должно быть совершено более тяжкое преступление, которого ничем нельзя будет оправдать и смягчить. Преступление, которое вызвало бы возмущение всего народа. Например, мы можем сказать, что она шпионка...

Палач. Шпионка?

Везир. Ну да, и работает на врага. Тогда поднимется весь народ и потребует отрубить у нее голову.

Палач. Да, и это будет вполне справедливо.

Везир. Ты тоже так считаешь?

Палач. Прикажи, и я закричу – смерть предательнице!

Везир. Одного твоего голоса не хватит. Здесь требуется, чтобы многие голоса кричали.

Палач. Будут тебе и другие голоса.

Везир. Ты уже знаешь, чьи они будут?

Палач. Их найти нетрудно.

Везир. И еще бы надо подыскать свидетелей.

Палач. Это тоже очень просто, великий везир.

Везир. По-моему, эта затея должна получиться. Если дело будет плохо, я надеюсь на тебя.

Палач. Я твой покорный слуга, великий везир.

В доме женщины зажегся свет.

Везир. Тсс! Свет в окне. Уйдем-ка отсюда.

На площади темнеет, а в это время комната женщины освещается.

Там появляются султан и женщина, они направляются к мягкому низкому дивану.

Султан (*присаживаясь на диван*). Твой дом роскошен. И обстановка дорогая.

Женщина (*присаживаясь около его ног*). Да, я же сказала тебе, мой повелитель, что супруг мой был богатый торговец и у него был хороший вкус, он увлекался поэзией, музыкой, искусством.

Султан. И ты была его рабыней?

Женщина. Он купил меня, когда мне было шестнадцать лет. Потом он освободил меня и за несколько лет до своей смерти женился на мне.

Султан. Твоя судьба лучше моей. Никто не забыл вовремя освободить тебя.

Женщина. Я счастлива тем, что ты оказал мне честь провести в моем доме эту ночь.

Султан. Ну вот я и в твоём доме. Что же ты хочешь делать со мной этой ночью?

Женщина. Ничего, кроме как развеселить тебя немножко.

Султан. И это все?

Женщина. Конечно. Я же сказала тебе, что у меня веселее, чем у тебя... У меня есть невольницы, они умеют петь, танцевать и играть на музыкальных инструментах. Тебе не придется скучать здесь этой ночью...

Султан. До рассвета...

Женщина. Не думай сейчас о рассвете. До рассвета еще далеко.

Султан. До рассвета и сделаю все, что ты попросишь...

Женщина. Мне ничего не нужно от тебя. Давай поужинаем, поговорим, послушаем пение и музыку.

Султан. И больше ничего?

Женщина. А чего ты еще хочешь?

Султан. Не знаю. Тебе виднее.

Женщина. Ну давай же поговорим. Расскажи мне о себе.

Султан. О себе?

Женщина. Да. О своей жизни. Расскажи мне какие-нибудь истории...

Султан. Может быть, ты хочешь, чтобы я рассказывал тебе сказки?

Женщина. Почему бы и нет?

Султан. Да, действительно. Ведь я сейчас в положении Шахразады. Она тоже должна была рассказывать сказки, ожидая рассвета. И на рассвете решалась ее судьба.

Женщина (смеется). Значит, тогда я – жестокий и страшный Шахрияр?

Султан. Ну разве это не странно? Сегодня как-то все наоборот.

Женщина. Нет, ты всегда остаешься султаном. А Шахразада – это я, и вот я у твоих ног.

Султан. Шахразада, которая держит растерявшегося Шахрияра за горло, пока не наступит рассвет.

Женщина. Нет, Шахразада, которая готова до рассвета развлекать своего султана. Сейчас ты увидишь, как я прогоню прочь все твои тревоги и развею все сомнения. *(Хлопает в ладони, из-за занавески звучит приятная музыка.)*

Султан (заслушался). Какая красивая музыка...

Женщина. Хочешь, я станцую для тебя? *(Поднимается и начинает танцевать.)*

Султан (после того как она кончила танцевать). Как красиво, как все это красиво! И ты танцуешь так каждую ночь?

Женщина. Нет, мой повелитель. Это только для тебя. Я не танцевала с тех пор, как мой супруг женился на мне и освободил меня. А в остальные вечера танцуют и поют невольницы.

Султан. Для твоих клиентов?

Женщина. Скажи лучше, для гостей.

Султан. Пусть будет – для гостей. Разумеется, твои гости хорошо платят тебе за это? Теперь я понимаю, почему ты так богата.

Женщина. Мое богатство досталось мне в наследство от супруга. А в такие ночи я иногда трачу куда больше, чем получаю.

Султан. Во имя чего? Не во имя же Аллаха?

Женщина. Во имя искусства. Я люблю искусство.

Султан (*насмешливо*). Если это называть искусством...

Женщина. Ты не веришь мне. Ну и пусть. Думай обо мне как хочешь. У меня нет привычки защищаться от мнения других. В глазах людей я женщина с плохой репутацией. И я приняла этот приговор. Так мне спокойнее. Я не думаю, что мне стало бы лучше, если бы люди изменили свое мнение. Когда человек преступает границы зла, он становится свободным... Мне нужна свобода...

Султан. Как? И тебе тоже?

Женщина. Да. Чтобы делать все, что я хочу.

Султан. А что ты хочешь?

Женщина. Я хочу общаться с мужчинами.

Султан. Понятно.

Женщина. Нет-нет, ты ошибаешься. Ты не так меня понял.

Султан. Тогда как же?

Женщина. Хочешь правду?

Султан. Правду, конечно.

Женщина. Ты не согласишься в эту правду. Так зачем говорить ее? Правда, в которую не верят, бесполезна.

Султан. Ну а все-таки скажи мне ее.

Женщина. Скажу, чтобы хоть немного развлечь тебя. Мне нравится общаться с мужчинами из-за их разума, а не из-за их тела. Понял?

Султан. Нет, не понял.

Женщина. Я объясню. Когда я была моложе, мой господин воспитывал во мне любовь к поэзии и к музыке и всегда разрешал мне присутствовать на его вечерах и беседовать с его гостями. Чаще всего это были поэты, певцы, образованные и остроумные. Мы проводили целые ночи за чтением стихов, пением, за беседами о литературе и искусстве, занимались музыкой. Помню, как весело, как искренне мы смеялись тогда! Это были замечательные ночи, и совершенно невинные! Надеюсь, этому ты согласишься. Мой господин был человеком высокой нравственности. Он не знал ни греха, ни разврата. Так он воспитал и меня. Когда я стала его женой, он не захотел лишать меня прежнего общества и разрешал мне, как и раньше, присутствовать на этих вечерах, но только за шелковой занавеской. Вот и вся моя история.

Султан. А после его смерти?

Женщина. А после его смерти я уже не могла расстаться с этой привычкой и продолжала приглашать друзей моего супруга. Сначала я принимала их, сидя за шелковой занавеской, но когда люди вокруг стали распространять обо мне всякие слухи, болтать о том, что мужчины каждый вечер приходят ко мне, в мой дом, тогда уже не было смысла оставаться за занавеской. Я подумала, что если люди все равно осудили меня, пусть я сама стану истинной судьей своих поступков.

Султан. Удивительно... Внешность обманчива.словно на витрине твоей лавки выставлен товар, которого внутри лавки нет...

Женщина. Ты волен мне верить или не верить...

Султан. Предпочитаю верить. Так мне приятнее...

Женщина. Что бы там ни было, я не намерена менять свою жизнь и свои привычки. Если уж мой путь все равно забрызган грязью, то я продолжу идти по этому же пути и дальше.

Султан. Грязью? Она встречается на каждом пути, будь уверена!

Женщина. Ты хочешь напомнить мне о том, как я говорила с тобой там, перед народом?

Султан. Там мне уж действительно досталось от тебя!

Женщина. О, я нарочно прикидывалась дерзкой и наглой! Ты знаешь почему? Потому что я представляла тебя совсем другим. Высокомерным, самовлюбленным, как и все султаны. Могло оказаться, что ты даже хуже всех, потому что ты так преуспевал в своих сражениях, одержал столько побед. Все говорили, что бриллиант, украшающий твою чалму, единственный в мире и что ты срезал его своим мечом с головы предводителя врагов. Да, ты совершил великие подвиги, и поэтому в моем сознании твой образ сложился таким высокомерным и жестоким... Но когда ты мягко и кротко заговорил со мной, я была поражена.

Султан. Не заблуждайся, я не всегда такой мягкий и кроткий. Бывают моменты, когда я жесток и беспощаден, как наихудший из всех султанов.

Женщина. Не верю.

Султан. Но сегодня такая удивительная ночь!

Женщина. Ты хочешь сказать, что ты мягок только со мной? Это меня наполняет гордостью, мой повелитель. Но подожди, может быть, я тебя не так поняла?.. Что заставляет тебя быть мягким и кротким со мной? Я сама? Или решение, которого ты ждешь на рассвете?

Султан. Ты хочешь сказать, не разыгрываю ли я эту кротость перед тобой, чтобы ты пощадила меня?

Женщина. А как только ты будешь свободен, ты снова станешь самым собой, жестоким султаном, и отомстишь мне за все эти часы унижения. Тогда мне конец.

Султан. Так не разумнее ли будет, если ты навсегда оставишь меня при себе, а?

Женщина. Не правда ли?

Султан. Что ж, логично. И ты уже засомневалась...

Женщина. Я не имею права сомневаться.

Султан. Я бы не упрекал тебя за это, потому что сам заронил в тебя сомнения тем, что сказал о себе.

Женщина (*разглядывая его*). Нет.

Султан. Нет? Что?

Женщина. Я предпочитаю полагаться на женскую интуицию, она меня никогда еще не подводила.

Султан. Так что же тебе подсказывает твоя интуиция?

Женщина. Что ты совсем не такой, ты иной, и я должна была понять это с той самой минуты, как только ты отказался решать свою судьбу при помощи меча...

Султан. Если бы ты знала, как все было бы легко и просто, вынь я тогда свой меч!

Женщина. Теперь ты жалеешь об этом?

Султан. Я говорю о том, что было бы легко, а настоящие победы даются всегда с трудом и требуют ловкости...

Женщина. ...которую ты сейчас и проявляешь?

Султан. Сейчас я уверен в результате.

Женщина. Ну а допустим, что результат разочарует тебя? Что ты тогда будешь делать?

Султан. Я уже сказал тебе.

Женщина. Оставишь трон?

Султан. Да.

Женщина. Нет. Я не думаю, что ты так поступишь. Я не так глупа, чтобы принимать твои слова всерьез. Даже если бы ты этого и захотел, ни один человек в стране не допустил бы, чтобы ты сделал что-либо подобное. Тебя просто заставят вернуться!

Султан. Я еще никогда ни к чему ни на шаг не возвращался. Даже на поле сражения. Хотя, признаться, со стратегической точки зрения это неправильно. Ведь бывают положения, при которых необходимо отступить. Но этого я никогда не делал. Может, судьба хранила меня. Во всяком случае, я привык к этой дурной привычке.

Женщина. Ты удивительный!

Султан. Нет, просто я человек без фантазии.

Женщина. Ты?

Султан. Если бы я обладал фантазией, я был бы способен представить, что ждет меня здесь. Вот бы я тогда удивился!

Женщина. Тебя ничто не удивит. Ты такой выдержанный, веришь в себя и умеешь поступать как хочешь, твердо и четко. Нет в тебе ни слабости, ни хитрости. Ты прям, естествен и смел. И искренне уважаешь правила игры. Вот какой ты!

Султан. Ты льстишь мне. Кто же кому должен сейчас льстить? Опять ты все перевернула вверх тормашками!

Женщина. Разреши мне, мой дорогой султан...

Султан. Что?

Женщина. Один интимный вопрос. Я хочу спросить тебя...

Султан. Интимный? А все, что сейчас происходит, по-твоему недостаточно интимно?

Женщина. Я хочу спросить тебя о твоих... сердечных делах. О любви.

Султан. О любви? О какой любви?

Женщина. О любви к женщине.

Султан. Неужели ты думаешь, у меня есть время заниматься подобными вещами?

Женщина. Странно. Твое сердце никогда не открывалось для любви?

Султан. А почему это тебя так удивляет? Разве это столь важно?

Женщина. Ну конечно. Скажи, ты знал многих женщин?

Султан. На войне это неизбежно. Полководцу, как ты знаешь, каждую ночь приводят пленниц, и иногда среди них попадаются красивые. Вот и все.

Женщина. И неужели ни на одной из женщин ты не задержал взгляда?

Султан. Я? Взгляда? Да когда я возвращаюсь после сражений в свой шатер, у меня глаза полны пыли!

Женщина. А на следующее утро? Ты и не вспоминаешь об этих красавицах?

Султан. На следующее утро я должен снова мчаться на своем скакуне, и мысли мои заняты совсем другим.

Женщина. Зато теперь у тебя несомненно есть время для любви?

Султан. Ты так думаешь?

Женщина. Что же мешает тебе?

Султан. Государственные дела. Вот одно из них сегодня неожиданно обрушилось на мою голову и загнало меня в этот тупик. Или ты думаешь, такое положение как-то располагает к любви?

Женщина. Да уж...

Султан. Тебе смешно!

Женщина. Разреши еще вопрос. Последний, поверь. И на это раз серьезный. Потому что касается меня...

Султан. Тебя?

Женщина. Да. Допустим, что ты на рассвете получишь свободу. Ты, конечно, вернешься к себе во дворец?

Султан. Конечно. Меня там ждут дела.

Женщина. А я?

Султан. Что – ты?

Женщина. Ты забудешь меня?

Султан. Не понял.

Женщина. Ты действительно не понял, что я сказала?

Султан. Женские речи так изысканны, их не сразу поймешь.

Женщина. Ты меня хорошо понимаешь. Потому что ты очень умен и тонко чувствуешь, несмотря на то, что прикидываешься дру-

гим. И все-таки скажи: покинув мой дом, ты совсем забудешь меня, выбросишь меня из головы?

Султан. Не думаю, чтобы я смог совсем забыть тебя.

Женщина. Ты сохранишь обо мне добрую память?

Султан. Безусловно.

Женщина. И это все? И этим все кончится для меня?

Султан. Опять начнем сначала?..

Женщина (*перебивая его*). Нет, я хочу знать, это последняя наша ночь? **Султан.** Трудно сказать...

Женщина. Хорошо. Не говори сейчас.

Появляется служанка.

Служанка. Ужин готов, госпожа.

Женщина. Прошу, мой повелитель.

Султан (*поднимаясь с дивана*). Ты чудо, чудо щедрости и гостеприимства!

Женщина. Ты оказал мне великую честь...

Звучит музыка. Они скрываются в глубине дома. Гаснет свет в комнате, и освещается площадь.

Сапожник (*трактирщику*). Гляди-ка, свет погасили!

Трактирщик (*смотрит на окно*). Это добрый знак.

Сапожник. Чего?

Трактирщик. Раз свет погасили, значит, в постель, пошли!

Сапожник. Ну и что?

Трактирщик. Значит, все идет как по маслу.

Сапожник. Ты думаешь, теперь она отпустит его на рассвете?

Трактирщик. Ясное дело.

Сапожник. Тогда ты выиграешь пари.

Трактирщик. Еще бы!

Сапожник. Ты слишком большой оптимист, друг мой. Такая женщина не будет бросать деньги на ветер.

Трактирщик. Почем ты знаешь? Бросила уже.

Сапожник. А я говорю – нет.

Трактирщик. Подождем до утра.

Сапожник. Сколько сейчас времени?

Трактирщик (*смотрит на небо*). По звездам сейчас недалеко за полночь.

Сапожник. До рассвета еще далеко. А мне уже хочется спать.

Трактирщик. Ну и отправляйся к себе.

Сапожник. Я? Ни за что. Весь город не спит в эту ночь. А я что? Я тоже хочу дождаться рассвета, чтобы посмотреть, как ты проиграешь пари.

Трактирщик. Это я-то проиграю?

Сапожник. Конечно. Я ни секундочки в этом не сомневаюсь.

Трактирщик. Ну, это еще мы посмотрим, кто проигрывает.

Сапожник. Глянь, кто это там?

Трактирщик. Где?

Сапожник (*шепчет*). Везир и палач. Кажется, они что-то затеяли.

Трактирщик. Тсс...

Везир и палач ходят по площади взад и вперед.

Везир (*допрашивая палача*). Ну что тебе сказали стражники?

Палач. Говорят, не могут справиться с людьми и заставить их спать сегодня ночью. Все разбрелись по улицам и переулкам, шепчутся и болтают.

Везир. Болтают? О чем болтают?

Палач. Об этой истории с султаном, конечно. И о том, чем он сейчас занимается в этом доме.

Везир. А чем он, по-твоему, может там заниматься?

Палач. Гм... Ты спрашиваешь меня, великий везир?..

Везир. Да, я тебя спрашиваю. Ты представитель народа, и твой глас – глас толпы. Так что же, по-твоему, делает султан в этом доме?

Палач. В самом деле... Он, конечно... Ну не молится же он там!

Везир. Ты еще смеешь шутить?

Палач. Прости, великий везир. Я хотел только сказать, что этот дом сам по себе – не очень святое место.

Везир. Значит, в городе болтают о том, что султан проводит эту ночь в...

Палач. ...в доме у... потаскухи.

Везир. Что ты говоришь?

Палач. Это все в городе говорят. Я же только повторяю то, что слышал.

Везир. И это все, что поняли люди в таком серьезном деле! Забыли о благородной задаче, о высоких идеях, об истинном патриотизме. Даже ты забыл, как я погляжу.

Палач. Нет, нет, великий везир, я ничего не забыл!

Везир. Ну, это мы посмотрим. Скажи, как по-твоему, почему султан согласился пойти туда?

Палач. Ну... чтобы угодить этой потаскухе.

Везир. И это все? Тьфу! Какая гадость!

Палач. Великий везир, я был здесь с самого начала, я все видел и все слышал...

Везир. И ничего не понял, кроме этого скотства. И многие еще так думают?

Палач. Так ведь все же здесь были.

Везир. И, кажется, все поняли так же, как и ты. И все говорят не о святости, не о благородстве того, что произошло, а просто – султан проводит ночь в доме у потаскухи. Какая катастрофа! Это же самая настоящая катастрофа!

Появляется верховный судья.

Верховный судья. Не спится что-то...

Везир. И тебе тоже?

Верховный судья. Почему – тоже?

Везир. Весь город не спит этой ночью.

Верховный судья. Я знаю.

Везир. Все шепчутся и болтают.

Верховный судья. Тоже знаю.

Везир. А знаешь ли ты, о чем они болтают?

Верховный судья. О самом ужасном, что можно было только придумать.

Везир. К сожалению.

Верховный судья. И виноват в этом я.

Везир. И я тоже. Надо было мне решительно настоять на своем!

Верховный судья. Но, с другой стороны, кто же мог ожидать, что эта женщина так поведет себя.

Везир. Мы должны были всего ожидать.

Верховный судья. Ты прав.

Везир. Теперь всё. Мы уже не можем ничего поделать.

Верховный судья. Нет, мы еще можем побыстрее извлечь султана из этого дома.

Везир. Но мы обязаны дожждаться рассвета.

Верховный судья. Нет, сейчас же, сию минуту.

Везир. Но до рассвета-то еще далеко!

Верховный судья. Так надо его добиться немедленно.

Везир. Кого? Что?

Верховный судья. Рассвета!

Везир. Прости. Не понимаю.

Верховный судья. Сейчас поймешь. Где муэдзин этой мечети?

Везир (*поворачивается к палачу*). Вот он, наверно, знает.

Палач. Да там он, в толпе.

Верховный судья. Приведи его сюда.

Палач уходит.

Везир (*верховному судье*). Ты что-то задумал?

Верховный судья. Да.

Везир. Можно мне узнать, что именно?

Верховный судья. Через несколько минут.

Запыхавшись, вбегает муэдзин.

Муэдзин. Я здесь, мой повелитель!

Верховный судья. Подойди. Я хочу поговорить с тобой насчет молитвы рассвета.

Муэдзин. Рассвета? Уверяю тебя, что я не ошибся. Это палач пытается оклеветать меня, это он говорит, будто я...

Верховный судья. Слушай меня внимательно.

Муэдзин. Да я клянусь, что я в то утро...

Верховный судья. Перестань зря болтать. Я сказал – слушай меня внимательно. Я хочу, чтобы ты точно исполнил все, что я велю тебе. Понял?

Муэдзин. Да. Все понял.

Верховный судья. Тогда поднимайся сейчас же на минарет и призывай к молитве рассвета.

Муэдзин. А? Когда?

Верховный судья. Сейчас.

Муэдзин (*изумленно*). Сейчас?!

Верховный судья. Да, сию же минуту.

Муэдзин. Рассвета?

Верховный судья. Ну конечно, рассвета. Иди и призывай к молитве рассвета. Тебе ясно, что я сказал, или нет?

Муэдзин. Ясно... Нет... Но сейчас-то ведь того... полночь...

Верховный судья. Ну и пусть.

Муэдзин. Пусть... рассвет... в полночь?

Верховный судья. И побыстрее!

Муэдзин. Прости, верховный судья, а тебе не кажется, что это, я бы сказал, несколько преждевременно?

Верховный судья. Нет. Как раз вовремя!

Муэдзин (*шепчет про себя*). Уж и не знаю, что мне делать с этим рассветом...

Верховный судья. Что ты там шепчешь?

Муэдзин. Так... ничего. Сейчас пойду выполнять твой приказ. Иду..

Верховный судья. Только никому потом не говори, что это мол, тебе судья приказал.

Муэдзин. Ты хочешь сказать...

Верховный судья. Да-да, просто ты сам решил так поступить.

Муэдзин. Сам решил? В полночь подниматься на минарет и приывать к молитве рассвета? Да что я, дурак или сумасшедший?!

Верховный судья. Предоставь мне объяснить это в свободное время.

Муэдзин. Но я же подвергну себя гневу толпы, и она потребует наказать меня!

Верховный судья. А кто будет судить тебя? Я! Судья судей!

Муэдзин. А вдруг ты откажешься от меня?..

Верховный судья. Я обещаю тебе. Ты же мне веришь?

Муэдзин (*про себя*). Сегодня все чего-то обещают и никто никому не верит...

Верховный судья. Что ты там шепчешь?

Муэдзин. Ничего... Я только спрашиваю себя: а для чего мне рисковать?

Верховный судья. Для блага отечества.

Муэдзин (*изумленно*). Отечества?

Верховный судья. Давай я тебе объясню в двух словах, чтобы ты был спокоен. Слушай. Если ты сейчас призовешь к молитве рассвета, то султан сразу же выйдет из этого дома и получит свободу. Теперь понял?

Муэдзин. Значит, я вроде призван выполнять государственную миссию?

Верховный судья. Вот именно. Ну что?

Муэдзин. Все сделаю тотчас же. И буду гордиться этим всю жизнь. Разреши, я тоже открою тебе один секрет. Между нами... Прошлый раз я тут наврал немножко, что-то вроде этого, чтобы спасти работорговца, приговоренного к смерти... Как же мне не сделать того же самого, чтобы спасти нашего любимого султана?

Верховный судья. Только держи язык за зубами. И гордость свою не выпячивай. Если ты начнешь бахвалиться тем, что сделал, можешь все испортить.

Муэдзин. Всё. Язык держу, гордость не выпячиваю.

Верховный судья. Теперь беги скорей наверх и кричи!

Муэдзин. Быстрее ветра! (*Скрывается.*)

Верховный судья (*везиру*). Ну, что скажешь?

Везир. Думаешь, твоя затея может чему-нибудь помочь?

Верховный судья. Да, и наилучшим образом. У меня за пазухой, вернее, за пазухой у закона много таких затей.

Везир. Будем молить Аллаха, чтобы на этот раз твоя затея удалась. Это дело твоей чести.

Верховный судья. Посмотрим.

Голос муэдзина (*с минарета*). Аллаху акбар! Аллаху акбар! Хайя-ала-ссала! Хайя-ала-ссала! Хайя-алаль-фалах! Хайя-алаль-фалах! Ассалату хайрон мина наум! Ассалату хайрон мина наум! Аллаху акбар! Аллаху акбар!

Сбегаются люди, толпятся, кричат. Слышатся возгласы недоумения и протеста.

Голоса. Уже рассвет? Сейчас? А ночь?

- Сейчас же еще полночь!

- Это сумасшедший! Он же с ума сошел!

- Заберите его!

- Стащите его вниз с минарета! Стащите его!

Везир (*верховному судье*). Толпа разорвет этого беднягу.

Верховный судья. Прикажи страже разогнать толпу.

Везир (*страже*). Освободите площадь!

Стража разгоняет людей, в то время как муэдзин, не переставая, продолжает читать молитву.

Зажигается свет в доме женичины, она показывается в окне. За ней – султан.

Женщина. Разве действительно уже наступил рассвет?

Верховный судья. Ты что, не слышишь призыва к молитве рассвета? Спускайся вниз. Спускайся сюда немедленно!

Женщина. Этого не может быть. Посмотрите, какие яркие звезды!

Султан (*смотрит на небо*). Действительно, как-то странно.

Верховный судья (*женщине*). Я тебе что сказал? Спускайся сюда немедленно!

Султан (*женщине*). Спустимся вместе, посмотрим, в чем там дело.

Женщина. Пойдем, мой великий султан.

Султан и женщина покидают комнату. Свет гаснет. Они выходят из дома на площадь.

Султан (*вглядываясь в небо*). Рассвет? В такой-то час?

Везир. Да, мой повелитель.

Султан. Это действительно странно. А что ты на это скажешь, судья?

Верховный судья. Что вы, великий султан? До рассвета еще далеко.

Везир (*удивленно*). То есть, как – далеко?

Верховный судья. Но это же всякому ясно. Ведь полночь еще!

Везир (*верховному судье, удивленно*). Ну, знаешь...

Верховный судья. Правда, мы все слышали голос муэдзина, призвавшего к молитве рассвета.

Женщина. Да, но...

Верховный судья. Ни слова больше. Раз ты призналась в этом, значит, тебе пора выполнять свое обещание. Вот тебе бумага об освобождении. Подписывай! (*Протягивает ей бумагу.*)

Женщина. Я обещала подписать ее на рассвете. А ты, судья, только что сам сказал, что сейчас еще ночь.

Верховный судья. Подожди, женщина. Твоя клятва запечатлелась в моей памяти дословно. Ты сказала – «Едва только муэдзин призовет с минарета этой мечети к молитве рассвета, я подпишу бумагу о твоём освобождении»... Значит, сейчас весь вопрос в том, слышала ли ты голос муэдзина?

Женщина. Слышала, но... до рассвета еще далеко.

Верховный судья. Рассвет сам по себе тут ни причем. Клятва была связана с муэдзином. «Едва только муэдзин призовет к молитве рассвета...» Если муэдзин ошибся во времени, то он и ответит за свою ошибку. А мы тут ни причем. Поняла?

Женщина. Поняла... Ничего себе, ловко придумано...

Верховный судья. Муэдзин, конечно, будет наказан за свою ошибку... Но это ничего не меняет. Муэдзин призвал к молитве рассвета с минарета этой мечети. И точка! То, что отсюда вытекает, должно быть оформлено по закону. На, подписывай.

Женщина. Значит, ты так истолковал мое условие?

Верховный судья. Так же, как ты истолковала паше.

Везир. Ты попала в те же сети закона. Давай подписывай.

Женщина. Но ведь это сущий обман.

Везир. Что посеешь, то и пожнешь. И уж во всяком случае, не тебе тут протестовать.

Султан (*вдруг кричит*). Позор! Довольно! Довольно, я сказал! Перестаньте валять дурака! Перестаньте срамиться! Она не станет ничего подписывать! Я протестую! Я не разрешу ей подписывать! И ты, судья судей, как тебе не стыдно так играть с законом?!

Верховный судья. Но, великий султан...

Султан. Ты разочаровал меня. Разочаровал ты меня, верховный судья! По-твоему, закон – это умение ловчить и обманывать?

Верховный судья. Я же хотел, великий султан султан.

Султан. ...спасти меня? Знаю. Но ты думаешь, я соглашусь спастись таким образом?

Верховный судья. С такой женщиной, как эта, великий султан, мы имеем право...

Султан. Нет, нет у тебя таких прав! У этой женщины больше прав на любые проделки, потому что она умная и прекрасная, и на нее нельзя обижаться. А ты, верховный судья, ты, представитель закона, защитник справедливости, верный слуга шариата, и одна из твоих самых простых обязанностей – сохранять чистоту закона, его святость и величие. Чего бы это ни стоило! Ты же сам вначале доказывал нам святость закона, требовал уважения к нему, ты сам говорил, что закон превыше всего и я должен беспрекословно ему подчиниться. И я подчинился ему до конца. Но мне никогда не пришло бы в голову, что в итоге я увижу, как ты сам осквернишь этот закон, сорвешь с него обличье святости и как в твоих руках он превратится в интригу, пустую болтовню и обман!

Верховный судья. Позволь мне объяснить, великий султан...

Султан. Мне нечего объяснять! Ступай! Тебе лучше сейчас вернуться домой, лечь в постель и проспать до утра, а я буду уважать условия этой женщины, суть которых мы все хорошо поняли. Пойдем, госпожа моя, домой! Я повинуюсь тебе.

Женщина. Нет, мой дорогой султан.

Султан. Нет?

Женщина. Нет... Твой верный судья хотел спасти тебя. Спасти от меня. Я не хочу отнестись к тебе хуже. Ты свободен, мой повелитель.

Султан. Свободен?

Женщина. Да. Ты, судья судей, давай бумагу, я подпишу ее.

Верховный судья. Подпишешь сейчас?

Женщина. Да, сейчас.

Верховный судья (*протягивает ей бумагу*). Аллах, милостивый, милосердный, пусть она это сделает!

Женщина (*подписывает*). На этот раз можешь мне верить. Вот моя подпись.

Верховный судья (*рассматривает подпись*). Ты все-таки добрая женщина.

Султан. Она самая честная и чистая из женщин! И все жители города должны уважать ее. Это мой приказ, везир.

Везир. Слушаю и повинуюсь.

Верховный судья (*складывает бумагу*). Ну вот и свершилось, мой повелитель, и самым наилучшим образом.

Султан. И без капли крови. Это важнее всего.

Везир. Благодаря твоей смелости, мой повелитель. Но кто мог представить, что пройти до конца по дороге закона окажется сложнее, чем взяться за меч.

Верховный судья. В самом деле...

Султан. Давайте поблагодарим эту благородную женщину за её щедрость... Разрешите мне, госпожа моя, поблагодарить тебя и попросить, чтобы ты согласилась взять назад свои деньги. Ведь теперь нет причины, чтобы тебе их терять. Везир! Верни ей всю сумму из моей казны.

Женщина. Нет, нет, великий султан. Не лишай меня этой чести. На свете нет сокровищ, которые бы могли заставить меня забыть обо всем, что было. Благодаря этой ничтожной сумме я участвовала в великом событии, воспоминаниями о которых я буду жить всю жизнь.

Султан. Хорошо... Раз ты так чтешь эти воспоминания, то оставь себе на память и вот это. (*Снимает бриллиант с чалмы.*)

Везир (*шепчет*). Бриллиант? Единственный в мире?

Султан. По сравнению с ее щедростью он ничего не стоит.

(Отдает ей бриллиант.)

Женщина. Нет, мой дорогой султан... Я не заслужила этого... Я не достойна...

Султан (*собирается уходить*). Прощай, добрая моя госпожа!

Женщина (*со слезами на глазах*). Прощай, мой дорогой султан!

Султан. Ты плачешь?

Женщина. От счастья...

Султан. Я никогда не забуду того, что я был твоим рабом одну ночь.

Женщина. Но это же было во имя мира и закона, мой дорогой султан. (*Опускает голову, чтобы скрыть слезы.*)

Звучит музыка. Султан в сопровождении своей свиты уходит.

Занавес.

Перевод Т.Муазена и Т.Путинцевой.

ЕДА ДЛЯ ВСЕХ

Фантастическая комедия в трех действиях

Действующие лица

Хамди.

Самира.

Атейат.

Женщина.

Девушка.

Юноша.

Действие происходит в Каире в 60-е годы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в квартире Хамди Абдуль-Бари, начальника архивного отдела одного из министерств. Единственно важная деталь в комнате – окно, расположенное справа. Открывается оно во внутренний дворик, так что можно разговаривать с соседями, не выходя из дома. Слева – дверь. А посередине, несколько наискось, против зрителя – чистая белая голая стена. Впрочем, чистой и белой она была когда-то, сейчас же с потолка стекает вода и на стене растекаются широкие темные пятна. На сцене – *Хамди*; готовясь к уходу, он завязывает галстук.

Хамди (*смотрит на пятна, кричит*). Самира! Иди-ка быстрее сюда! Гляди, что тут твоя соседка вытворяет!

Самира (*за сценой*). Сейчас, Хамди!

Хамди. Ну где ты там застряла?

Самира (*за сценой*). Штопаю твои дырявые носки... Тебе небось до этого и дела нет. Тебе бы все торчать в кофейне, в нарды играть да курить наргиле. Джгар, шеш, беш!¹

Хамди. Ну ладно, ладно, не время сейчас... Погляди лучше на стену, наша соседка Атейат нас совсем затопила.

Появляется Самира.

Самира. О чем ты тут?

Хамди (*показывает на пятна, они все больше расползаются по стене*). Гляди!

Самира (*всматривается с тревогой*). Вот беда-то!

Хамди. Каково?

Самира. Что же она там делает? Пол моет, что ли?

Хамди. И столько воды? Не может быть. Да она просто превратила свою квартиру в море, в котором плавают рыбы и корабли.

¹ Четыре, шесть, пять! (перс.)

Самира. Знаю я эту Атейат... Никчемная она. А тут еще хлопоты с завещанием покойного мужа. По адвокатам бегают, с братьями его судится... Два дня назад выгнала прислугу. Теперь вот дом затопила.

Хамди (*показывая на стену*). И нас тоже... А мы-то здесь причем? Или наша стена в чем виновата?

Самира. Действительно. Какая гадость с ее стороны! (*Направляется к окну и кричит.*) Сит Атейат! Сит Атейат!

Голос Атейат (*сверху*). Что, сит Самира?

Самира. Спуститесь к нам на минуточку.

Голос Атейат. Я ухожу. У меня встреча с адвокатом!

Самира. Ну на одну минуту, пожалуйста. Здесь важное дело.

Голос Атейат. Сейчас зайду по дороге.

Самира (*отходит от окна*). Лучше с ней поговорить по-хорошему. Она вздорная женщина.

Хамди. Говори как хочешь. Главное теперь – эти пятна стереть, чтоб не заплесневели.

Самира. Пусть, пусть придет сюда и сама посмотрит. Договорись с ней обо всем, как надо.

Хамди. Я?

Самира. Конечно, ты. А кто же еще?

Хамди. Эх, меня там приятели ждут. (*Смотрит на часы.*) Я и так опоздал уже на четверть часа...

Самира. Ну хоть и на полчаса, куда твои дружки не денутся.

Хамди. У нас сегодня пари.

Самира. Эка важность! Важнее у тебя и впрямь делов нету. А я бы тебя попросила...

Хамди. Нет, я бы попросил... Перестань ты издеваться надо мной. Чем тебе моя жизнь не по вкусу? Я дослужился до поста начальника. Я важный чиновник. Начальник архивного отдела. Архива всего министерства. Разве этого мало? Храню все документы. Представь себе... Я – это ключ от министерства!

Самира. Ключ? От министерства?

Хамди. Точно.

Самира. Всего-то навсего ключ.

Хамди. Да. Ключ... Разве это пустяк?

Самира. Я не сказала «пустяк», ты сам сказал.

Хамди. А ты? Чем ты занимаешься? Какие такие у тебя важные дела? Штопаешь мои дырявые носки?

Самира. К сожалению.

Хамди. Почему – к сожалению? А что бы ты хотела делать лучше?

Самира. И впрямь, куда уж мне?

Хамди. Просто ты наслушалась, что болтает твоя сестра со своим мужем. А она завидует тебе и ревнует к тому же, и все тут. И муж у нее хвостун, бухгалтеришко несчастный. А воображает, будто он министр финансов.

Самира. Сестра говорит, что ее муж знает хотя бы то, что написано в его бумагах. А ты хранишь бумаги и сам не знаешь, что в них. Железный ключ разве знает, что у него в сундуке?

Хамди. Чтоб ей провалиться, твоей сестре!

Самира. А еще ее муж говорит, что ты кроме шеш-беш и шеш-джгар вообще ни о чем и разговаривать не умеешь.

Хамди. А он бы хотел, чтобы я обсуждал с ним бюджет его фабрики по изготовлению иглолок для примусов?

Самира. Между прочим, это завод газовых труб.

Хамди. А ты ему скажи – фигу с маслом!

Самира. И разговоры-то у нас все мелкие, грубые. По их мнению, конечно... Ни о чем интересном мы с тобой в жизни ни разу не поговорили...

Хамди. Ну и что?

Самира. Как вышла за тебя замуж, так и опускаюсь все ниже и ниже. По мнению сестры и се мужа, конечно...

Хамди. Завидует и ревнует... Чтоб им провалиться, твоей сестре вместе с ее мужем, и с их мнением, конечно.

Звонок в дверь.

Самира. Это сит Атейат.

Хамди. Открой... Ты просто хочешь меня задержать, и все тут.

Самира. Поговори сам. Мне с ней не справиться.

Хамди. Мне тоже. И вообще я спешу.

Самира выходит и возвращается вместе с Атейат

Атейат. Добрый вечер, устас Хамди.

Хамди. Добрый вечер, сит Атейат.

Атейат. Я тебя слушаю. Сит Самира сказала, что ты меня позвал по делу.

Хамди. Это точно... Во всяком случае... Разговаривать тут долго не о чем, потому что тут дело ясное. Как на ладони... (*Показывает на стену.*) Будьте добры, взгляните сами.

Атейат. На что?

Хамди. На стену... Вон туда.

Атейат. Не понимаю.

Хамди. Вы что, не видите на ней ничего сверхъестественного?

Атейат. Сверхъестественного? Где?

Хамди. На стене. Вон пятно, во всю степу.

Атейат. Это плесень.

Хамди. Точно. Плесень. Вот и договорились.

Атейат. Конечно, плесень. От сырости.

Хамди. От сырости...

Самира. Нет, сит Атейат... От сырости плесень не появляется за два часа.

Атейат. А ты молчи. Не мешай. У нас тут мужской разговор.

Хамди. Помолчи, Самира.

Самира. Молчу, раз вы мужчины. Говорите себе на здоровье.

Атейат. О чем? О вашей стене? А мне какое дело до нее? Если это все, устас Хамди, то уволь меня, пожалуйста. У меня важное свидание с адвокатом.

Хамди. Одну минуточку, сит Атейат. Эта плесень не просто от сырости. Потому что два часа назад ее не было... Это от воды, которая протекла через потолок... Вот, взгляните.

Атейат. Откуда протекла? От меня?

Хамди. От вас, конечно... Вы же прямо над нами.

Самира. Вы, наверно, моете пол у себя в квартире? Конечно, это ваше право...

Атейат. Ну а раз мое право, то о чем речь?

Хамди. Да о том, что воды у вас многовато...

Атейат. А что ж мне ее регулировать, что ли,— много, мало. Да у меня, милый, таких весов нету, чтобы воду отмеривать для мытья полов. Ты свою жену спроси, есть у нее такие весы?

Самира. Нет... Но...

Атейат. Но что? Мне надо было пол вымыть? Надо. Водой с мылом. Прислуга у меня была грязнуля, я ее за это и выгнала. Она пол просто вытирала мокрой тряпкой, как попало, вот грязь и налипла. А кто мне запретит мыть водой с мылом? Своими руками. Или убирать квартиру?

Самира. Очень хорошо, что вы это сделали, сит Атейат, да вот только...

Хамди. Ваша квартира отмылась, а наша запачкалась.

Атейат. А я тут при чем?

Хамди. А мы при чем?

Атейат. Милый, я в своей квартире вольна делать что хочу. И мыть тоже. Уж не хочешь ли ты распоряжаться тем, как мне у себя мыть пол?

Хамди. Нет, нет, мойте как хотите. Водой с мылом или водой с духами, это ваше дело. Но при одном условии. Чтобы до наших стен ваша вода не доходила.

Атейат. Ты думаешь, я нарочно?

Хамди. Но результат налицо.

Атейат. Какой результат?

Хамди. Вот, перед вами. И во всю стену. Теперь кто должен это ремонтировать, а?

Атейат. Короче говоря...

Хамди. Короче говоря, вы должны привести нам маляра и за свой счет побелить стену.

Атейат. За свой счет?

Хамди. Конечно. Вы это сделали, вам и платить.

Атейат. Веселенькая история. Значит, когда я захочу убраться у себя в квартире, мне надо приводить маляра к соседям?

Хамди. Это ваш долг.

Атейат. Тогда мне придется завести штатного маляра...

Хамди. Это уж ваше дело. Главное, чтобы вы отремонтировали нам стену. А как, это нас не касается.

Атейат. А если я откажусь?

Хамди. Тогда суд рассудит.

Атейат. Суд? Это я – пожалуйста! У меня сейчас и адвокат под рукой.

Самира. Зачем суд? Можно и проще... Мой муж не имеет этого в виду, сит Атейат.

Атейат. А чего твой муж мне угрожает? Это мне-то угрожать?

Самира. Да он и не собирается.

Хамди. Нет, собираюсь. Клянусь Аллахом, я на нее управу найду, я ее заставлю не только стену отремонтировать, но еще и штраф заплатить. Я на это способен. У меня тоже адвокат есть, он мой друг, мы с ним каждый вечер в кофейне встречаемся, вместе в нарды играем.

Атейат. Ах, ты меня хочешь заставить?!..

Хамди. Отремонтировать и штраф уплатить.

Атейат. Ну побелить – это еще понятно, а вот штраф-то за что, милый?

Хамди. За то, что это ужасное пятно будет нам портить нервы до того момента, пока дело не решится в суде.

Атейат. Слышишь, Самира? Кажется, твой муженек хочет из мухи сделать слона!

Хамди. Я? Из мухи слона?

Самира. Сит Атейат, давайте договоримся по-хорошему. Все-таки мы соседи.

Атейат. Я не могу ничего решить, пока не посоветуюсь с адвокатом.

Хамди. Так, значит, отказываетесь?

Атейат. Сказала, посоветуюсь. Что ж, мне и посоветоваться нельзя? Дайте подумать.

Хамди. Чем быстрее, тем лучше. Потом за каждый лишний день платить придется.

Атейат. Господи боже ты мой! *(Уходит не попрощавшись)*

Хамди. Тьфу! Заморочила нас совсем... Прошу тебя, Самира, дорогая, приготовь мне чашечку кофе покрепче.

Самира. Ну ты ей и выдал!

Хамди. Могу выдать еще почище.

Самира. Кажется, она согласится.

Хамди. Кажется. *(Смотрит на часы.)* Ой... Времени-то сколько!

Самира. погоди. Сейчас кофе выпьешь. *(Убегает на кухню.)*

Хамди *(устало опускается в кресло напротив стены и смотрит на пятна. Присматривается внимательно и вдруг выпрямляется, вскакивает, подходит к стене, долго удивленно смотрит на нее и кричит).* Самира! Самира!

Голос Самеры *(из кухни).* Одну минутку! Я варю тебе кофе!

Хамди. Брось это, иди сейчас же сюда!

Голос Самеры. Я сказала, погоди минуту!

Хамди. Нет, нет, быстрее! Во чудеса!

Самира *(входит).* Что тут еще случилось?

Хамди *(показывая на стену).* Гляди-ка... Гляди!

Самира. Чего? Вода вроде подсыхает...

Хамди. Да, но остаются... Ты видишь, что тут?

Самира. Какие-то странные пятна, линии...

Хамди. Не только. Погляди внимательно.

Самира. Да, да. Будто картина какая нарисована. Странная штука.

Хамди. Всмотрись хорошенько. Что там?

Самира. Чудно. Люди будто...

Хамди. Правильно. В комнате, да?

Самира. Да еще какой шикарной!.. А это что, вроде рояль?

Хамди. Большой рояль.

Самира. Да. Не то что у нас, старое крошечное пианино.

Хамди. Роскошный рояль, конечно. А видишь, за ним кто-то сидит.

Самира. Девушка. Красивая девушка, молодая, правда?

Хамди. Точно.

Самира. Посмотри, как она одета. По последней моде.

Хамди. А еще что ты видишь?

Самира. Вон дама... Тоже красивая, элегантная. Но она постарше, да?

Хамди. Ей около сорока. Или чуть больше.

Самира. Скажем, лет сорок пять. Она стоит рядом, облокотилась на рояль, да, да?

Хамди. А как она смотрит на девушку!..

Самира. Да, да, как-то странно смотрит.

Хамди. Самира, взгляни-ка на другой конец комнаты.

Самира. Да... Там диван, а на нем парень какой-то...

Хамди. Он читает.

Самира. А рядом как будто большой портфель. Ты видишь?

Хамди. Конечно, вижу. Он так занят чтением.

Самира. И ему вроде до этих женщин никакого дела нет.

Хамди. Ага. Как будто он сам по себе, а девушка с женщиной сами по себе.

Самира. Больше я никого не вижу. А ты, Хамди?

Хамди. И я... Кажется, больше там никого и нет.

Самира. Какая-то интеллигентная семья.

Хамди. Странно, что все это так ясно видно... Все детали, как на картине...

Самира. Не хватает только, чтобы они заговорили.

Хамди. Действительно, вот-вот заговорят.

Самира. А как смотрят эти женщина и девушка...

Хамди. Девушка какая-то злая, бровью не пошевеливает.

Самира. А мне кажется, она грустная.

Хамди. Нет, она злится.

Самира. Может быть...

Хамди. А женщина на нее как смотрит... А, Самира?

Самира. Да, странно смотрит, со значением.

Хамди. Таинственно.

Самира. И немного со страхом.

Хамди. И немного с отвращением.

Самира. И немного с мольбой.

Хамди. Ух ты! Сколько разных чувств!

Самира. Да еще каких разных!

Хамди. А парень сидит в своем углу, словно его, кроме чтения, ничто не касается.

Самира. Интересно, что он читает?

Хамди. Вот этого мы никогда не узнаем.

Самира. И кто они друг другу?

Хамди. Раз они под одной крышей, значит, наверно, одна семья.

Самира. Наверно... Ну а женщина – кто она этой девушке? И парень, кто он?

Хамди. Женщина... может, ее свекровь?

Самира. А может быть, мать.

Хамди. Я думаю, свекровь. Она так смотрит.

Самира. Все может быть. Тогда парень жених, что ли?

Хамди. А может быть, брат...

Самира. А может, и муж.

Хамди. Нет. Самира... Я думаю, что не жених. Знаешь почему?

Самира. Почему?

Хамди. Жених не сидел бы так далеко от нее и не читал при ней.

Самира. Тогда муж.

Хамди. Тоже нет. Жена бы ему устроила такую взбучку, если бы он вздумал читать при ней и при ее матери.

Самира. А почему я не устраиваю тебе взбучки, когда ты бегаешь от меня по кофейням со своими дружками?

Хамди. Ах да... Кстати, ты мне напомнила. *(Смотрит на часы.)* Время идет, а мы тут занимаемся какой-то ерундой. Я же просил кофе, да побыстрее. Меня ждут.

Самира. Тогда одевайся. Вода вскипела. Только засыпать. *(Уходит на кухню.)*

Хамди. Даже галстук не завязал как следует. *(Начинает тщательно завязывать галстук. Слышатся звуки рояля, он поворачивается к двери, зовет.)* Самира! Самира!

Голос Самиры. *(из кухни)*. погоди ты, Хамди, погоди!

Хамди. Это ты там играешь? Нашла время!

Голос Самиры. На чем я играю? Ты что, спятил? После свадьбы я ни разу пианино не открывала!

Хамди. Тогда что это у тебя, радио?

Голос Самиры. Радио выключено!

Хамди. Странно. Откуда же тогда эта музыка? Как будто издалека. От соседей, что ли? Наверно, у соседей громко приемник вклю-

чен. (*Подходит к окну, но убеждается, что звуки музыки слышатся сзади.*) Словно прямо здесь, в комнате. (*Смотрит на стену и вскрикивает.*) Ой, это же отсюда! Со стены! Девушка играет на рояле! Девушка играет! Самира! Иди сюда!

Входит Самира.

Самира (несет поднос с кофе). Ты что кричишь?

Хамди. Этого не может быть. Я, наверно, сошел с ума... Поставь кофе, иди же сюда! Гляди и слушай!

Самира (*ставит поднос на стол*). Что еще случилось?

Хамди. Слушай! Ты слышишь?

Самира. Да. Музыка. Рояль где-то.

Хамди. Это она! Она!

Самира. Кто – она?

Хамди. Девушка... Она играет. Иди сюда.

Самира (*приближается к стене*). Ты что? Бредишь?

Хамди. А ты что, не слышишь сама? Это все там! Взаправду! Слышишь?!

Самира. Ах да...

Хамди. Она играет.

Самира. Да, играет.

Хамди. Что ты скажешь?

Самира. Невероятно.

Хамди. Но это же факт! Мы слышим своими ушами. Ведь это та девушка играет, видишь, она шевелит пальцами. Вон же, видишь?

Самира Да, Хамди, да.

Хамди. Я с ума схожу!

Самира. Я тоже.

Хамди. Как же это может быть?

Самира. Помолчи, Хамди, помолчи, умоляю тебя!

Хамди. Но разве это не странно?..

Самира. Красивая мелодия... Печальная, но красивая...

Хамди. Как же это?

Самира. Молчи же, прошу тебя!

Хамди. Гляди... А женщина слушает, не улыбается. Вон она нервно сжимает руки. А парень... Гляди. Он повернул голову и улыбнулся девушке... И опять за свои бумаги.

Самира. Не кричи так, пожалуйста.

Хамди. Ты думаешь, они нас слышат?

Самира. Не знаю, все равно давай потише.

Хамди (шепотом). Женщина наклонилась к девушке и хочет что-то сказать. А?

Самира. Да, да. Давай помолчим, может, что-нибудь услышим.

Самира потихоньку садится в кресло, Хамди присаживается на подлокотник. Молча прислушиваются.

Музыка прекращается, и слышатся аплодисменты, юноша на стене аплодирует громко, женщина – едва слышно. И вдруг эти люди на стене начинают говорить, будто бы издали, но очень отчетливо. Движения их вначале напоминают театр теней.

Женщина (юноше). Иди, приляг, Тарек, отдохни. Ты устал с дороги.

Юноша. Я вовсе не устал, мама.

Хамди (шепотом, Самаре). Она ему мама.

Самира (шепотом). Умоляю тебя, помолчи.

Женщина. Мы приготовили тебе отдельную комнату. Тебе там будет спокойно.

Юноша. Дорогая мама, мне действительно надо побыть одному, но не для того, чтобы отдыхать. Мне нужно поработать. У меня не хватает времени. Мама, дорогая, я должен закончить свой проект. Ведь ради этого я живу. Мы очень много работаем – я и мой коллега, он профессор цюрихского университета...

Женщина. Да поможет тебе Аллах, сын мой...

Юноша. Не беспокойся обо мне, мама... Я же вижу, как ты волнуешься.

Женщина. Видишь?

Юноша. У меня все хорошо. Я чувствую твою любовь, и она придает мне силы. Из Швейцарии я мало писал тебе.

Женщина. Да, сынок, да.

Юноша. А последнее время и твои письма вдруг стали приходить реже. Но твоя фотография всегда была со мной, с ней я чувствовал себя увереннее.

Женщина. Последнее время я была, сынок...

Юноша. Знаю, знаю...

Женщина. Что ты знаешь?

Юноша. Сестра написала мне...

Женщина (*с тревогой*). Что она тебе написала? Что ты ему написала, Надья?

Девушка (*у рояля, опустив голову*). Не больше того, о чем мы договорились...

Юноша. Да. Она мне написала, что вы не хотели меня отвлекать от работы.

Женщина. И это всё?

Девушка (*энергично*). Да, всё.

Юноша. Даже о смерти отца вы не написали... Я узнал случайно. От одного друга, он приехал в Швейцарию в прошлом году. И, конечно, стал высказывать соболезнования, думал, я знаю.

Женщина. Мы не хотели тебя тревожить.

Юноша. Но я должен был бы знать об этом... Я очень любил отца.

Девушка (*заплакала*). Папочка...

Женщина. Надья!

Девушка. Это выше моих сил! Выше сил!

Юноша. Оставь ее, мама. Она тоже очень любила его.

Женщина. Это прошло... Все уже прошло. Давно...

Девушка. Один год. Всего один год!

Женщина. Больше, чем один год.

Девушка (*взрываясь*). Даже о своем отце я не могу поплакать!

Женщина. Надья! Надья!.. Умоляю тебя...

Юноша. Оставьте эти горькие воспоминания... Мы все любили его, он умер. Давайте вернемся в настоящее... Вытри слезы, Надья. Послушайте вкратце, над каким проектом мы работаем. Я не стану вам рассказывать всего, что в этих бумагах, это научно-технические расче-

ты. В двух словах: когда этот проект осуществится, он произведет переворот в истории человечества. Даже больше, чем атомная бомба. Да-да, представьте себе, потому что он будет не разрушать, а, напротив, даст жизнь миллионам людей. Они станут жить лучше, богаче... Конечно, вы хотите знать, что это за проект. Сейчас скажу. Вот только дочитаю эту бумагу, а то я боюсь потерять мысль. Одну минуту, пожалуйста. (*Снова погружается в чтение.*)

Хамди (*Самире*). Значит, он кто – ученый, изобретатель. А?

Самира (*шепотом*). Похоже на то.

Хамди. Точно... Раз говорит о проекте.

Самира. Да.

Хамди. А ты не поняла, что это за проект?

Самира. Он сейчас сам скажет, ты же слышал.

Хамди. Погляди. Мать-то с дочкой, как кошка с мышкой. Вроде между ними...

Самира (*шепотом*). Помолчи, Хамди, прошу тебя... Она хочет что-то сказать.

Женщина (*наклоняется к дочери и шепчет*). Надья! Надья... Смотри не проболтайся... Твой брат, Надья... Его будущее, дела... проект... Его надежды...

Девушка. Брат мой, да. В твоих руках – это как оружие... Теперь из-за брата я должна молчать.

Женщина. Всегда, Надья, всегда.

Девушка. Всегда я буду презирать тебя.

Женщина. Только без шума, без скандала...

Девушка. И ты пойдешь на это? Совесть тебе позволит?

Женщина. Ради твоего брата, Надья... Ради его будущего.

Девушка. Лучше скажи, ради себя. Боишься, он будет тебя презирать, как я презираю. Презирать ту, которую так любил... Фотографию носил у сердца!

Женщина. Довольно, Надья, довольно.

Девушка. Ради брата. Да, только ради него.

Пауза.

Хамди (*жене*). Слышишь, Самира?

Самира. Да-да,

Хамди. Страх-то какой!

Самира. И не говори...

Хамди. У них какая-то тайна, это точно.

Самира. С чего бы это дочери презирать родную мать?

Хамди. А та запрещает ей говорить.

Самира. Может, мы сейчас и узнаем, что тут за тайна. Молчи.

Она сейчас заговорит. Послушаем...

Женщина. Надья, дочь. Дай мне честное слово.

Девушка. Честное... И ты еще говоришь о чести!

Женщина. Тогда могу ли я рассчитывать на твое благоразумие?

Девушка. Поживи немного хотя бы в страхе, ведь угрызений совести ты не знаешь.

Женщина. Надья! Довольно! Довольно... Я твоя мать все-таки.

Девушка. К сожалению. Моя... Наша.

Женщина. Слушай, Надья. Всему есть предел. И моему терпению тоже.

Девушка. Ты ничего не можешь сделать.

Женщина. Да, я в твоих руках. Ты можешь оскорблять и унижать меня. Но что же это за жизнь, если я каждый день слышу оскорбления. И от кого? От собственной дочери.

Пауза.

Хамди (*Самире*). Поблагодарим аллаха, что у нас нет детей.

Самира. И то правда. Когда дочь так говорит со своей матерью, это же ужас что такое! **Хамди**. Смотри...

Девушка (*поднимает голову и хочет встать*). Я пойду к себе.

Женщина. Сиди... Он может что-нибудь заметить. **Девушка**. Значит, я и с места двинуться не могу? Ты будешь контролировать каждый мой шаг, пока брат здесь. Не так ли?

Женщина. И наедине с ним ты не останешься.

Девушка. Это приказ или просьба?

Женщина. Просьба.

Девушка. Но ты говоришь это так, как будто приказываешь.

Женщина. Да, потому что, если понадобится, я не буду колебаться, я пойду на все.

Девушка. На все! На что именно?

Женщина. У меня свой план.

Девушка. В этом я не сомневаюсь. Тебе это не впервые. Планы твои осуществляются удачно, к моему великому сожалению.

Женщина. Предоставь мне все уладить самой. Не вмешивайся ни во что. Я буду объяснять по-своему, а ты молчи. Поняла?

Девушка. Это угроза?

Женщина. Да. Если ты хочешь уничтожить талант и будущее своего брата, то скажи ему, скажи.

Девушка. Мой брат талантлив, это верно. *(Прикоснулась к клавишам рояля, снова возникает красивая грустная мелодия.)*

Самира *(к Хамди)*. Какая прекрасная мелодия! Я уже почти наизусть ее знаю.

Хамди. Этот парень уже, кажется, дочитал, он складывает бумаги.

Юноша. Ну вот, а теперь слушайте...

Женщина. Да, да. Говори, Тарек.

Юноша. Проект, над которым мы работаем, очень прост. Его смысл можно выразить одним словом: еда. Наш проект – это еда для всех. Никакое расщепление атома не имеет смысла, если оно не приведет к расщеплению голода. Голод нужно уничтожить везде и навсегда. Вот о чем мы мечтаем.

Женщина. А разве это возможно, Тарек?

Юноша. Возможно, мама. И для этого мы беремся использовать колоссальную энергию при минимальном количестве затрат. Это приведет к тому, что килограмм мяса будет стоить полмиллима.

Женщина. Полмиллима?

Юноша. И соответственно будут стоять и другие продукты да и все товары вообще.

Самира *(шепотом)*. Ты слышишь, Хамди? Кило мяса – полмиллима!

Хамди *(шепотом)*. Да уж, действительно талант.

Женщина. Значит, тогда все люди будут есть мясо...

Юноша. ...хорошо одеваться, жить в дешевых квартирах.

Женщина. И не будет бедных?

Юноша. Совсем не будет.

Женщина. А кто же станет нас обслуживать?

Юноша. Машины, роботы, техника. Когда мы уничтожим голод, мы заодно уничтожим и всякое порабощение человека человеком.

Женщина. А как это возможно?

Юноша. Мы этого уже почти добились, теоретически, конечно. А вот на практике это осуществить будет трудно. Потому что для этого нужно, чтобы весь мир, все страны сплотились воедино. Но те, кто заинтересован в порабощении народов, начнут сопротивляться, голод им на руку. Голод – это оружие их экономического господства, зачем же им его уничтожать! И они предпочтут тратить силы и деньги на уничтожение людей и на распространение голода.

Женщина. Значит, твой проект, сынок...

Юноша. Разработан только теоретически, хотя и во всех деталях. Теперь остается только ждать. Мы надеемся на завтрашний день, когда проснется сознание всего мира, когда проснется человеческая совесть...

Девушка. Совесть? А когда просыпается совесть, а, Тарек?

Юноша. Надеюсь...

Девушка. На то, чтобы проснулась совесть, лучше не надеяться!

Женщина. Надья! Надья!

Юноша. Она права. Ты права, Надья. Я не обольщаюсь. В каждом великом деле свои трудности. Но никогда не надо отчаиваться.

Женщина. Надья, иди к себе, отдохни.

Девушка. Я не устала.

Женщина. Несколько минут назад ты же хотела...

Девушка. Я передумала.

Женщина. Тогда оставайся. Ведь ты вольна поступать как хочешь.

Девушка. Конечно, вольна.

Женщина. Возьми себя в руки, Надья.

Девушка. Это тоже мое личное дело.

Юноша. Постой, Надья, я что-то замечаю...

Девушка. Конечно, еще бы не заметить. Мне очень важно, чтобы ты заметил...

Женщина. Значит, ты все-таки намерена?..

Юноша. Меня удивляет, как вы разговариваете друг с другом. Разреши мне, Надья, сказать. Я думал, что после смерти отца ваши отношения наполнятся еще большей нежностью и любовью. Ведь нас теперь лишь трое. Все, что осталось от семьи. И наши любовь и нежность должны быть много сильнее, чем раньше. Не так ли, Надья?

Девушка. Трое?

Юноша. Да, трое.

Девушка. И это вся наша семья?

Юноша. Конечно.

Девушка истерически смеется.

Что с тобой?

Девушка. Спроси у нее. Спроси у своей матери. У нашей матери.

Юноша. Я не понимаю.

Девушка. Пусть, пусть она тебе объяснит по-своему.

Юноша. Мама, что все это значит? Ты от меня что-нибудь скрываешь?

Женщина. Хорошо. Я тебе скажу, Тарек.

Юноша. Скажи.

Женщина. Потом, когда мы будем вдвоем.

Девушка. То есть без меня!

Юноша. А почему не при сестре?

Девушка. Она же хочет тебе объяснить по-своему.

Юноша. По-своему?

Женщина. Слушай, сынок. Я тебе все скажу... Я вышла замуж.

Девушка. Года не прошло, как умер отец!

Женщина. Через шесть месяцев после его смерти.

Юноша. За кого же ты вышла?

Женщина. За доктора Мамдуха.

Юноша. За своего двоюродного брата?

Женщина. Да.

Девушка. У них, видишь ли, была страстная любовь. С детства!

Женщина. Помолчи!

Юноша. Тогда почему ты не вышла за него замуж раньше, чем за отца?

Девушка. Он был беден. Она предпочла того, кто побогаче. Нашего отца!

Женщина. Надья!

Девушка. А ты говори все! Все, что я прочла в его старых письмах к тебе. Ты же хранила их в шкатулке. Не скрывай ничего! Ты была из бедной семьи, и деньги ослепили тебя. Ты вышла за нашего папу, а сердце оставила тому, другому. А бедный папа не знал, что просто заключил сделку.

Женщина. Клянусь, что я была верна мужу.

Девушка. Потому что доктор Мамдух уехал в провинцию и там женился, тоже на богатой. А когда она умерла, он сразу примчался в Каир.

Женщина. И все-таки, пока был жив ваш отец, я не встречалась с ним.

Девушка. Зато когда отец заболел, ты пригласила именно его. Другого врача найти не могла.

Женщина. А что в этом дурного?

Девушка. Много.

Женщина. Что ты хочешь этим сказать?

Девушка. Объяснить тебе?

Женщина. Тарек, спаси хоть ты меня от этой сумасшедшей. Ты будешь ее слушать или меня?

Юноша. Помолчи, Надья. Прошу тебя. Пусть мама расскажет.

Женщина. Спасибо, сын мой. Да, я вышла замуж за доктора Мамдуха и объясню тебе – почему.

Юноша. Где он сейчас?

Женщина. Уехал на несколько дней. Мы думали, что будет лучше, если он уедет, пока...

Девушка. Пока ты здесь подготовишь почву.

Женщина. Да. Если бы ты сразу увидел его здесь... может быть...

Юноша. А почему ты мне не писала об этом?

Женщина. Может быть...

Юноша. Значит, тебе было стыдно?

Женщина. Пойми меня, Тарек, умоляю. Мне действительно стыдно перед вами, моими детьми, но иначе я не могла. Поставь любую женщину на мое место. Как бы она поступила? Что ожидало бы ее в будущем? Еще немного, и я останусь одна. Надья выйдет замуж и проживет самостоятельной жизнью, у нее так много поклонников. У тебя тоже своя жизнь. Я останусь совсем одна. А я еще не так стара. Мне надо было выбирать: похоронить себя заживо или построить свою жизнь заново. Будь справедлив ко мне, сынок...

Юноша. Видишь ли, мама...

Женщина. Ну скажи, скажи откровенно.

Юноша. Откровенно говоря, мама, я не обвиняю тебя. Именно я. По характеру своего мышления, своего научного склада я всегда за то, чтобы строить жизнь заново. Но с точки зрения любви к отцу разреши мне... Нельзя ли было подождать немного? Год хотя бы...

Женщина. Да. Это моя вина.

Юноша. Во всяком случае, ошибка.

Девушка (*хлопает в ладоши и выкрикивает*). Совершена ошибка! И только! Занавес может опуститься!

Юноша. Надья! Не смей винить маму. Это было бы эгоистично с нашей стороны – лишить ее права на жизнь.

Девушка. Права на жизнь за счет другой жизни?

Юноша. Не за счет кого-либо. Мы уже не дети, нас не надо баюкать.

Девушка. Я не имею в виду твою жизнь или мою. Речь идет о другой жизни, не менее дорогой нам. Нашего отца, Тарек.

Юноша. Отца?

Девушка (*кричит*). Нашего отца убили, Тарек!

Юноша. Что ты сказала?

Женщина. Оуа сошла с ума, не верь ей!

Девушка. У меня есть доказательства, Тарек! Его убили, убили, убили!.. (*Падает в обморок.*)

Юноша. Надья! Она потеряла сознание!

Юноша и женщина кладут девушку на диван и пытаются привести в чувство. Хамди и Самира сидят не шелохнувшись.

Самира (*приходя в себя*). Эй, Хамди! Девушке-то плохо!

Хамди. У нее есть доказательства.

Самира. Она должна очнуться.

Хамди. Надеюсь. Подожди ты.

Самира. Сколько сейчас времени? Ой, смотри! (Смотрит на поднос с кофе.) Кофе-то остыл, ты даже к нему не прикоснулся.

Хамди (*очнувшись*). Действительно. Мы позабыли обо всем на свете.

Самира. А твое свиданье? Дружки? Нарды?

Хамди. Оставь. Мнт сейчас не до них. Неужели отца-то и впрямь прикончили. А? Как ты думаешь?

Звонок в дверь.

Самира. Звонят.

Хамди. Это у нас или... (*Показывает на стену*.)

Самира. Кто его знает. Кажется, у нас.

Хамди. Иди открой.

Самира (*выходит. За дверью*). Нет, нет, подождите, подождите. Сейчас нельзя!

Хамди. Кто там, Самира?

Самира (*входя*). Маляр! Сит Атейат прислала нам маляра стену белить! Представляешь?

Хамди (*кричит*). Белить? Да ни за что! Побелить и потерять всех этих людей! Эту семью! Нет, мы не хотим белить! Пусть остается как есть, со всем тем, что на ней, и со всеми, кто на ней.

Самира. Конечно, конечно.

Хамди. Прогони маляра немедленно! В шею его!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Хамди сидит развалившись в кресле, он уже в халате, на ногах домашние туфли. Окно заставлено ширмой.

Входит С а м и р а, в руках у нес поднос с кофе.

Самира (*быстро взглядывает на стену*). Ну что, пришла в себя?

Хамди (*шепотом*). Нет еще.

Самира (*протягивает ему чашку кофе*). Выпей, а то опять остынет.

Хамди (*отпивает кофе*). Интересно, она взаправду упала в обморок или прикидывается?

Самира. А зачем ей прикидываться?

Хамди. Чтобы убедить брата.

Самира. В этом пока нет надобности, раз у нее доказательства в руках.

Хамди. Ага. Доказательства против матери, конечно?

Самира. И против мужа матери.

Хамди. Положение у той, надо сказать, пиковое.

Самира (*смотрит на стену*). Особенно сейчас. Мы же не знаем, как она относится к дочери. Смотри. Вроде старается ее привести в чувство, а в то же время...

Хамди. Желает ей смерти.

Самира. Думаешь, какая-нибудь мать способна на это?..

Хамди. Почему бы и нет. Если она преступница...

Самира. Не знаю.

Хамди (*показывая на стену*). Смотри, смотри, вот и пришла в себя. Надья пришла в себя. Слава Аллаху!

Юноша. Надья, Надья! Тебе лучше?

Девушка. Да. Все в порядке.

Женщина. Ступай к себе. Отдохни.

Девушка. Ничего. Все прошло.

Женщина. Ты устала. Ты просто очень устала.

Девушка. Нет. Это так, от волнения. Пройдет.

Женщина. Да, да, ты переволновалась больше, чем следует. Но я прощаю тебе, все, все прощаю, что ты тут придумала.

Девушка. Нет, я не придумала. Это факты, факты.

Женщина. Ну вот, опять ты волнуешься. Я запрещаю тебе говорить об этом. Запрещаю ради твоего же здоровья.

Девушка. Нет, не ради моего здоровья, а потому, что ты боишься.

Женщина. Боюсь?

Девушка. Ваш преступный план, твой и твоего любовника, удался на славу.

Женщина. Она сошла с ума. Слушай, Тарек. Твоя сестра так потрясена смертью отца, что совсем лишилась рассудка.

Девушка. Это что, новый план? Объявить меня сумасшедшей? Конечно, и этот план блистательный – у тебя ведь врач под рукой, он же – муж. Вместе вам легко плести интриги.

Женщина. Ты слышишь, Тарек, какую чепуху она несет?

Девушка. С того самого дня, как умер отец, Тарек, я все время ждала этого момента, чтобы рассказать тебе, как все это было. Писать тебе я не хотела, ты был слишком занят.

Женщина. Да. С того дня как умер отец, она что-то такое нафантазировала себе. Но ты, со своим умом, ты-то можешь понять, что случилось с сестрой.

Девушка. Брат мой, ты действительно способен поверить, что я сошла с ума?

Юноша. Нет. Но бросать маме такие обвинения – это слишком!

Девушка. А если они справедливы, тогда что?

Юноша. Мама, наша мама могла так поступить?!

Женщина. Видишь, разве это возможно, Тарек?

Девушка. Вполне. Потому что ты никогда не любила нашего отца. Любовь к роскошной жизни – вот что тебя связывало с ним. Ты обожала эту роскошь до тех пор, пока доктор Мамдух не получил в наследство огромное состояние от покойной жены. И тогда ты устремила свои взоры на него и старая любовь воскресла. А потом заболел отец,

заболел легко, неопасно, а ты вызвала своего врача и любовника, и тогда отец умер. Вернее, был убит.

Женщина (*кричит*). Прекрати! Твой отец умер естественной смертью! В свидетельстве о смерти есть медицинское заключение!

Девушка. А кто его сочинил? О свидетельстве лучше не говори. Скажи лучше об уколе, после которого отец скончался.

Женщина. Это был обыкновенный укол пенициллина. Бывает, что после него умирают...

Девушка. А спроси ее, Тарек, кто ему делал этот укол.

Женщина. Сам врач.

Девушка. Твой врач. Твой любовник. Теперь спроси ее, Тарек, почему она не позвала медсестру.

Женщина. Зачем? Он не нуждался в этом. Его болезнь не была опасной. Ты сама только что сказала.

Девушка. Нет. Медсестру не позвали, чтобы она ни о чем не догадалась!

Женщина. О чем?

Девушка. Мой отец умер от укола не пенициллина. Это версия твоего врача. Нашему отцу, Тарек, ввели воздух в вену. Я слышала, как они договаривались.

Женщина. Что ты слышала?

Девушка. Мне трудно теперь это доказать точно. На это вы и рассчитывали. Но мой отец сам начал догадываться, что вы задумываете. И потихоньку умолял меня привести другого врача. Я сразу же ей об этом сказала, но она пропустила мимо ушей. И сделала по-своему. Так или нет?

Женщина. Так, ты сказала мне. Но мне было неудобно перед доктором Мамдухом, лечащим врачом.

Девушка. Еще бы! У тебя на каждый вопрос ответ готов заранее. Преступление, в котором принимал участие такой выдающийся врач, было продумано во всех деталях.

Женщина (*сыну*). Что же это, в конце концов! Ты и дальше будешь слушать этот вздор. Она же обвиняет меня, не имея никаких доказательств!

Девушка. Юридических доказательств у меня, разумеется, нет. Пусть их ищет полиция, суд. Мои доказательства – в ощущениях. Достаточно было видеть, как хорошо вы понимали друг друга, ты и твой любовник-врач! С одного взгляда! Перешептывались. Подолгу где-то таились вдвоем. Это все трудноуловимые вещи. Но человек, который жил в этой атмосфере и был связан с этими событиями, мог многое почувствовать. Поэтому я утверждаю, что было совершено преступление. И ты волен, Тарек, принимать эти мои доказательства или нет.

Женщина. Доказательства...

Девушка. Да. И Тарек может меня понять. Не так ли, Тарек?

Юноша (*опуская голову*). Да.

Женщина. Как? Ты с ней согласен? Ты веришь в весь этот бред?

Юноша. Я... право же, я...

Девушка. Мне очень жаль, Тарек, но мой долг был сказать тебе правду.

Женщина. Это мне жаль, сын мой... Мой долг был написать тебе о том, что Надья совсем лишилась рассудка. Тогда бы я уберегла тебя от подобного испытания.

Юноша. Оставьте меня на минуту в покое.

Пауза.

Самира. Вот жуть! Тут и впрямь есть о чем задуматься!

Хамди. Еще бы! Да поможет Аллах этому парню!

Самира. Неужели мать и правда преступница? Или это просто фантазия дочери? Как ты думаешь, а, Хамди?

Хамди. Не знаю. Может быть, все может быть...

Самира. А мне почему-то кажется, что Надья говорит правду.

Хамди. Ну положим. А главное, что тогда делать? Всем троим!

Самира. В самом деле. Что тут делать? Поставь себя на место этого парня. Что он теперь должен делать?

Хамди. А чего мне себя ставить? Поставь ты лучше себя.

Самира. Не хочешь? Тебе просто лень думать.

Хамди. Вот ты и думай.

Самира. Я... как-то не умею.

Хамди. А я умею, что ли?

Самира. Тебе что, не приходилось раньше думать?

Хамди. Ну приходилось, конечно...

Самира. Не иначе как когда ты в нарды играл.

Хамди. Перестань, в конце концов!

Самира. Не обижайся, Хамди. Давай думать вместе.

Хамди. Ну зачем нам из-за них ломать себе голову!

Самира. Но они заинтересовали нас.

Хамди. Это точно. Заинтересовали. Довольно с нас того, что этот бедный парень так растерялся. Вон сидит как потерянный.

Самира. А он ученый.

Хамди. Вот тебе и ученый. Он и то растерялся. А мы что?

Самира. Действительно, тебе в жизни ни о чем задумываться не приходилось.

Хамди. А тебе?

Самира. И мне.

Хамди. Помолчим тогда. Вот он ученый, пусть и думает. А мы послушаем, что он там решит. Может, чему научимся.

Самира. Помолчи, Хамди, смотри, он поднял голову...

Юноша. Надья, ты еще раз взвесь все, что ты сказала.

Девушка. Я отвечаю за каждое свое слово.

Юноша. А может быть, твоя любовь к отцу и горе...

Девушка. Нет, нет, Тарек. Не повторяй ничего за ней. Ты хорошо знаешь свою сестру и знаешь, что я умела быть спокойной, умела здраво мыслить. Разве ты не гордился моими успехами? Нет, я не могла ничего нафантазировать из-за любви или горя.

Юноша. А может быть, твоя ненависть к мужу матери, который занял место отца...

Девушка. Нет. Я жила здесь, я видела, я слышала... Чувствовала... Я не могла ошибиться. Не могла, не могла, не могла...

Юноша. Значит, ты уверена во всем этом?

Девушка. Полностью.

Юноша. Смотри не ошибись.

Девушка. Я не ошибаюсь...

Юноша. В таком случае...

Женщина (*кричит*). Тарек! Ты ей поверил?

Юноша (*матери*). Прошу тебя, мама. Дай мне договорить... (*Сестре.*) В таком случае, Надья, нам необходимо точно и ясно ответить на вопрос – что мы должны делать?

Девушка. Я в свою очередь, Тарек, требую точного и ясного ответа на вопрос – должны ли мы молчать и покрывать убийц нашего отца?

Юноша. Убийц отца? Знаешь, эта фраза напоминает мне греческую трагедию.

Девушка. Вот ты и ответил на мой вопрос.

Юноша. Как?

Девушка. Электра и ее брат Орест в греческой трагедии – разве они молчали, когда убили их отца? Покрывали преступницу-мать и ее любовника-убийцу?

Юноша. Нет и нет.

Девушка. И что тогда?

Юноша. Недавно я смотрел «Электру» на сцене, но мог ли я думать, что, приехав сюда, столкнусь с такой же трагедией у себя дома...

Девушка. Когда мы изучали эту пьесу в университете, я тоже не думала об этом.

Юноша. Послушай, Надья, мне кажется, ты согласишься со мною, что атомный век несколько отличается от древнегреческой эпохи.

Девушка. Что ты имеешь в виду?

Юноша. Не будешь же ты меня, как Электра Ореста, заставлять убивать маму и ее мужа...

Девушка. Я не сумасшедшая.

Юноша. Вот видишь, Надья, думать сейчас так же, как думали в древности, – поистине сумасшествие.

Девушка. Но все-таки мы должны что-то предпринять.

Юноша. Должны... Какая пропасть между моими мыслями о проекте общего благосостояния и вот теперь обо всем этом. Или «Гамлет»... Когда я смотрел «Гамлета», я думал – из-за чего же погиб этот юноша? Просто так, зря.

Девушка. Не зря, а во имя справедливости.

Юноша. Справедливости...

Девушка. Да, справедливости. Не смейся над этим словом, Тарек.

Юноша. То-то оно и есть, что просто слово.

Девушка. Нет, это не просто слово, это огромная ценность.

Юноша. Называй как хочешь. Сейчас, как видишь, все мои мысли заняты проектом. Я оставил своего коллегу в Цюрихе, он продолжает там наши поиски в одном направлении, а я собирался здесь продолжать их в другом. Скоро мы должны встретиться и обсудить результаты. Я надеялся спокойно поработать дома.

Девушка. Мне очень жаль, Тарек...

Юноша. Я не упрекаю тебя, но...

Девушка. Ты предпочел бы, чтобы я скрыла от тебя?

Юноша. Нет, не это, но...

Девушка. Тогда считай, что я тебе ничего не говорила. Что же касается меня, то я... Я не могу больше жить под одной крышей с убийцами моего отца!

Юноша. И что ты сделаешь, Надья?

Девушка. Придет время, узнаешь.

Юноша. Только прошу тебя, не делай глупостей.

Девушка. Оставь. Заботься о своем спокойствии. Вернись к своему проекту.

Юноша. Надья, поверь мне. Мой проект – тоже огромная ценность и тоже во имя справедливости. Справедливости, как ее понимают в атомный век и будут понимать в будущем. А справедливость Гамлета и Электры – сейчас просто красивые слова, из-за которых в наш век мы не имеем права рисковать жизнью.

Девушка. Век уничтожения голода?

Юноша. Да.

Девушка. И уничтожения морали?

Юноша. Надья, перестань жить по учебникам, прошу тебя.

Девушка. Спасибо, Тарек. Долго я ждала твоего возвращения, потому что ты мой брат, единственный близкий мне по духу, по воспитанию. Все мои сомнения я хотела доверить только тебе и думала –

мы решим их вместе. Но, к сожалению, мне суждено остаться в одиночестве.

Юноша. Надья!

Девушка. Оставь меня, прошу тебя.

Пауза.

Хамди (*шепотом*). Кажется, этот Тарек...

Самира. Ты понял, что он сказал?

Хамди. А ты поняла?

Самира. Ты-то сам что понял?

Хамди. Вроде понял, разве что кроме одного или там двух слов.

Самира. Да, он назвал какие-то странные имена, это... это...

Хамди. Гамлет? Ну как же, это известная штука. А ты что, ничего не слышала о Гамлете?

Самира. Слышала, наверно. А он сказал еще что-то, женское имя, что ли, а?

Хамди. Да, да. Это... это... старое имя.

Самира. Конечно, старое, очень старое.

Хамди. Шут с ними. Главное, он сказал ей – наш век отличается от древних веков.

Самира. Еще бы! Известное дело.

Хамди. Но он считает, что теперь и смысл жизни и мораль изменились.

Самира. А это так, Хамди?

Хамди. Это дело надо бы обсудить.

Самира. Ну, давай обсуждай со мной, как он обсуждает с Надьей.

Хамди. Потом, потом, Самира. Успеем. Ведь это знаешь какой вопрос – самого высокого качества. Смотри, смотри! Ты не видишь, что это около Надьи? Вон там!

Самира (*всматривается*). Где?

Хамди. Над ее головой. Смотри!

Самира. Да, да. Ужас! Это штукатурка от стенки отваливается!

Хамди. Она может рухнуть каждую минуту.

Самира. Прямо ей на голову.

Хамди. А если попробовать починить ее, штукатурка может обвалиться со всей стены.

Самира. Не прикасайся!

Хамди. Но что же делать?

Самира. Если Надья встанет и отойдет немного, штукатурка упадет рядом.

Хамди. А вдруг она не встанет раньше, чем...

Самира. Нужно предупредить ее.

Хамди. Как?

Самира (*осторожно идет вдоль стены*). Эй! Эй! Будьте осторожны!

Хамди. Что ты делаешь?

Самира. Кричу ей!

Хамди. Ты с ума сошла! Думаешь, она тебя слышит?

Самира. Не слышит?

Хамди. Не думаю. Вот она прямо перед тобой. Попробуй еще раз.

Самира (*кричит*). Эй! Девушка, девушка! Мадемуазель!

Хамди (*иронически*). Мадемуазель.

Самира. Ну а как приличнее, мы же пока не знакомы.

Хамди. Знакомы. Что ты говоришь? С кем знакомы? С ними?

Самира. А что? Они такие интересные люди. Интереснее нас с тобой. Даже если эта женщина преступница... Зато у парня голова что надо. И девушка так хорошо воспитана, так образованна.

Хамди. Это факт. Но как с ними познакомиться?

Самира. А чем плохо? Неужели ты не хочешь?

Хамди. Конечно, хочу. Но как?

Самира. Давай я попробую.

Хамди. Попробуй.

Самира (*приближается к стене, кричит*). Мадемуазель Надья! Мадемуазель Надья! (*Машет руками, чтобы привлечь к себе внимание.*)

Хамди (*тоже кричит*). Господин Тарек!

Откуда-то слышится голос: «Сит Самира!»

Самира (*с удивлением*). Она назвала меня по имени.

Голос Атейат. Устас Хамди!

Хамди. И меня тоже. Неужели это она нас зовет?

Голос Атейат. Сит Самира! Устас Хамди!

Самира (*подходя к окну*). Ах, это же Атейат.

Хамди. Атейат? Черт возьми!

Самира (*выглядывая в окно*). Да, сит Атейат! Слушаю вас!

Голос Атейат (*сверху*). А у вас чего? Гости?

Самира. Нет, нет!

Голос Атейат. А я слышу, как вы там громко разговариваете.

Самира. Это мы просто так... Друг с другом!

Голос Атейат. Раз вы одни, я спущусь к вам па пару слов.

Самира. Ну что ж...

Хамди. Спускается к нам?

Самира. А что делать?

Хамди. Прежде всего закроем стену ширмой.

Самира. Ты нрав. Она не должна ничего видеть.

Хамди. Ни она, ни кто другой.

Самира. А то языки у людей теперь больно длинные. Еще сплетни пойдут – не оберемся.

Хамди. Точно. Увидит кто, раструбит во всем городе, что в нашей квартире поселились духи. А если не увидит, скажет, что мы с ума сошли.

Самира. Вот и получается – как ни крути, все равно плохо.

Хамди. Пусть это будет нашей тайной. Мы будем с тобой вдвоем наслаждаться знакомством с этим культурным семейством. С ними так интересно.

Самира. И полезно. Тебе не кажется, что мы уже поумнели?

Хамди. Кажется.

Самира. Лучше их слушать, чем то, что болтают в кофейне твои дружки.

Хамди. А у тебя, а у тебя подружки, что болтают? Что-нибудь поумнее?

Самира. Ясное дело. Если бы только мы могли заговорить с ними как-нибудь. Или они – с нами...

Хамди. Даже и не думай. Толку мы не добьемся, а все соседи услышат, как мы кричим.

Самира. Бесполезно, да?

Хамди. А разве мы не кричали сейчас? А услышала нас только Атейат.

Самира. Да.

Хамди. И руками махали. А они увидели нас?

Самира. Нет.

Хамди. Значит, с ними связаться невозможно.

Самира. А как же так – мы их слышим и видим, а они нас – нет?

Хамди. Этого я не знаю.

Самира. Почему же?

Хамди. Потому что мы не существуем для них.

Самира. Ну да?

Хамди. Что ты меня спрашиваешь? Вот они перед тобой. Спроси их.

Самира. Их? Но они нас даже и не замечают.

Хамди. Тогда молчи.

Самира. Но, Хамди...

Хамди. Хватит, а то мы и впрямь свихнемся.

Звонок в дверь.

Самира. Атейат.

Хамди. Быстро закроем стену ширмой!

Они вместе передвигают ширму, Самира выходит и тут же возвращается вместе с А т е й а т.

Атейат. Ну как дела, устас Хамди?

Хамди. Добро пожаловать, сит Атейат!

Атейат. Очень даже некрасиво с вашей стороны.

Хамди. Что, простите?

Атейат. Да все ваше поведение.

Хамди. Какое?

Атейат. Выгнали моего маляра! А я так старалась, послала его к вам побыстрее, потому что поняла, мы все-таки соседи, должны помогать друг другу, а вы взяли да выгнали его!

Хамди. Мы решили, что в этом нет надобности.

Атейат. В чем? Белить стенку?

Самира. Да, сит Атейат, мы не хотели утруждать вас.

Хамди. Да, да, не хотели.

Атейат. Меня?

Самира. И все равно мы вам очень благодарны.

Хамди. И ценим вашу услугу.

Атейат. Так что, значит... вы хотите оставить стену как есть?

Самира. Да, право, игра не стоит свеч.

Хамди. Не надо спешить.

Атейат. Странно... Что за вздор? Ишь какие вы сейчас вежливые, а недавно грозились: суд, штраф!

Хамди. Вы знаете, в гневе чего только не скажешь.

Самира. Мы же ничего плохого не думали.

Атейат. Значит, с этим покончено.

Хамди. Да, да, покопчено!

Самира. Все в порядке.

Атейат. Короче говоря, потом вы от меня ничего не потребуете?

Хамди. Требовать? Что вы!

Атейат. Послушай, устас Хамди. Вот эта самая Атейат по судам до заплат истерлась. Ее никто вокруг пальца не обведет. Ясно?

Хамди. Зачем же?

Атейат. Скажу. Если вы хотите побелить стенку подороже да за свой счет, а потом получить денежки с меня, то – не выйдет!

Хамди. Клянусь, мне это и в голову не приходило.

Самира. Клянёмся, что мы так не думали.

Атейат. Я тертый калач, да еще людьми надкушенный, а ваш муж – ого-го! В тихом омуте черти водятся.

Хамди. Что вы! Субханалла!

Атейат. Потому что ты, устас Хамди, прости меня, судя по твоим прежним словам, человек опасный. Тебе в голову что придет – ты и на безобразничать можешь.

Хамди. Не надо так, сит Атейат.

Самира. Не надо нас ни в чем подозревать, сит Атейат.

Атейат. Подозрение, говорят, мать спасения, милая ты моя.

Самира. Но вы же видите, разве мы такие люди?

Атейат. Время нынче скверное. Никому верить нельзя. Врага от друга иной раз не отличишь. Все перевернулось вверх тормашками. От прежнего ничего не осталось.

Самира. У каждого века – своя мораль и своя справедливость.

Хамди. А мы сейчас живем в атомный век.

Атейат. Атомный? С какой это стати?

Хамди. А с той, что наш атомный век несколько отличается от древнегреческой эпохи.

Атейат. Чего? Какой эпохи?

Хамди. Древнегреческой.

Атейат. Самира, что это с ним?

Самира. Он хочет сказать, что сейчас все изменилось.

Хамди. Мир постоянно изменяется, сит Атейат.

Самира. Точно.

Хамди. Вот, например, Гамлет...

Атейат. Кто-о?

Хамди. Гамлет, сит Атейат, Гамлет. Вы когда-нибудь слышали о Гамлете?

Атейат. Нет.

Самира (*шепотом, мужу*). А вторая, эта... как ее зовут?

Хамди. Ее зовут, ее зовут... Ну ладно, хватит с нас и Гамлета.

Атейат. А кто он, этот Гамлет?

Хамди. Это молодой человек, отдавший жизнь во имя мести за своего убитого отца.

Атейат. Ай-ай-ай! А кто же его убил?

Хамди. Их дядя, любовник матери.

Самира. И мать тоже знала, представьте себе.

Атейат. Это что, в газетах писали?

Хамди. Каких газетах? Это давно было.

Атейат. Давно? А какое же нам до этого дело?

Хамди. А сейчас некоторые считают, что этот Гамлет погиб зря.

Атейат. Как красиво!

Самира. Но главное – найти выход. То, что было, повторяется. Вроде случай тот же, а вот как вести себя теперь – неясно.

Атейат. Чего-то странно...

Хамди. Вот если бы Гамлет жил сегодня... Эдакий образованный, современный молодой человек. Мог бы он себя вести, как раньше?

Самира. Ну, Тарек, например.

Атейат. А кто этот Тарек?

Хамди. Человек.

Атейат. Тоже из старой истории?

Самира. Нет, нет, совсем не из старой...

Хамди. Так, знакомый...

Атейат. Ну и что?

Хамди. Вот пока и ничего. Потому что тут все дело в морали.

Атейат. Морали?

Хамди. Ну да, морали. Меняется она со временем или остается такой же?

Самира. Вот Надья думает...

Хамди. Нет, Самира. Мне кажется, Надья...

Атейат. А кто эта Надья, скажите на милость?

Самира. Так, знакомая...

Хамди. Она, кажется, думает, что мораль не меняется. Но я все равно не понял, чего она хочет от брата. Ведь она же не говорит точно. Требуется, а чего – неизвестно. Я до сих пор не понял.

Самира. И я тоже.

Атейат. И я тоже. Слушайте, любезные, клянусь Аллахом, я вообще ни одного слова не поняла из того, что вы тут болтаете. Может, разобъясните мне?

Самира. Вы правы, сит Атейат.

Хамди. Короче говоря, предположите, что ваша покойная мать...

Атейат. Царство ей небесное!

Хамди. Простите. Значит, предположите, что у нее был любовник...

Атейат. Боже упаси, Аллах милосердный!

Самира. Но это же просто предположение, сит Атейат.

Хамди. Конечно, предположение, чтобы яснее было... Значит, у нее был любовник, и сговорила она с ним убить мужа, то есть вашего отца. Что бы вы сделали?

Атейат. Я бы ее прикончила, кишки выпустила и по ветру раскидала!

Хамди. Вот и неправильно!

Атейат. И его бы тоже прикончила.

Хамди. И тоже неправильно.

Атейат. Так что же, мне надо было сидеть и любоваться на них?

Самира. В этом-то и весь вопрос!

Атейат. Да какой же тут вопрос, милые вы мои?

Самира. Вопрос, над которым мы сейчас все и задумались.

Атейат. Задумались? Мы? Да разве ж я что поняла? Нет уж! Я ваши фокусы разгадала. Вы тут меня по своим вопросам шарахаете без всякой надобности! А я к вам спустилась насчет стенки, и мне больше ни до чего дела нет!

Хамди. Что вы? Со стенкой покончено.

Атейат. В каком же это смысле?

Хамди. Да в самом лучшем.

Атейат. Послушай, устас Хамди, я не люблю зря болтать. Я люблю, чтобы все было точно.

Хамди. Разве я не точно выражаюсь?

Атейат. Простите, но я хочу быть спокойной.

Самира. А вы будьте спокойны, сит Атейат, будьте спокойны!

Атейат. Слова – что ветер, что с них потом спросишь! Берите бумагу, ручку и пишите.

Хамди. Что писать?

Атейат. Что от своих претензий вы отказываетесь.

Хамди. И это все? Пожалуйста. Давай, Самира, бумагу и ручку.

Самира. С удовольствием. *(Открывает ящик стола и достает оттуда бумагу и ручку).*

Хамди. Давай. Вот. *(Пишет.)* «Я нижеподписавшийся, настоящим подтверждаю, что отказываюсь от всяких претензий по поводу того, чтобы сит Атейат, наша соседка, производила побелку стены в нашей квартире после протечки». Число... Подпись... Пожалуйста.

Атейат (*берет бумагу*). Спасибо.

Хамди. Теперь все путем.

Атейат. Порядок есть порядок, устас Хамди. Всего вам хорошего.

Самира. Вам также.

Атейат (*идет к двери. Слышит звуки рояля из-за ширмы, останавливается*). Музыка...

Самира (*смущенно*). Это радио.

Атейат (*поворачивается к окну*). Наверно, у меня приемник включен. Прямо будто у вас.

Хамди. А-а... звук, он когда идет сверху, то... ударяется об стенку и... Это же известное дело.

Самира. Да-да, он как ударяется об стенку...

Хамди. Проводи, Самира.

Самира (*ведет Атейат к двери*). Прошу вас. (*Уходит вместе с ней.*)

Хамди бросается к ширме и отодвигает ее. Самира возвращается.

Хамди (*шепотом*). Это Надья играет.

Самира (*так же*). Да. Ее красивая мелодия, как всегда.

Юноша. Довольно, Надья, довольно! Закрой рояль, прошу тебя. Давай поговорим. Тебе все равно не скрыть того, что у тебя на душе. А мы должны помочь друг другу.

Девушка. Ты меня никогда не поймешь.

Юноша. Может быть. Но все-таки нам не стоит молчать. Мы должны решить что-нибудь.

Девушка. Что касается меня, то я уже решила.

Юноша. Что?

Девушка. Я уже сказала: придет время – узнаешь.

Женщина. Тарек! Сколько же я могу смотреть на все это представление молча?

Юноша. А вот тебе лучше помолчать, мама. Это уже тебя не касается.

Женщина. Значит, меня осудили?

Юноша. Осудить или оправдать тебя – не об этом речь. Проблема в том, как нам поступить.

Женщина. Но основана эта проблема на том, что я преступница?

Юноша. Конечно.

Женщина. А как же мне примириться с этим?

Юноша. Естественно, ты это отрицаешь.

Женщина. Значит, ты мне не веришь? Веришь своей сестре?..

Юноша. Пойми, мама, в чем тут дело. Я не следователь и не судья. У меня нет времени. И нет средств, которые помогли бы мне решить – было совершено преступление или нет. Я такого следствия вести не могу. Я могу только разобраться в нашем положении и в наших обязанностях. В качестве предположений я беру самые худшие.

Женщина. Значит, это всего лишь предположения?

Юноша. С моей стороны – да. Поэтому я и прошу тебя, помолчи. Дай мне разобраться во всем до конца.

Женщина. Хорошо, я помолчу.

Девушка. Позволь и мне помолчать, раз у тебя только предположения.

Юноша. Нет, Надья, ты должна рассуждать вместе со мной. И решать нам надо вместе. Итак, ты утверждаешь, что совершено преступление.

Девушка. Да. Утверждаю.

Юноша. Сам я ничего не видел. Ты сообщаем мне об этом так же, как сообщила Гамлету тень его отца. И все-таки, как ты знаешь, Гамлету этого сообщения было недостаточно, и он взялся за расследование сам. Расследование, которое потребовало много времени и усилий... Значит, ты хочешь, чтобы я оставил свой проект, свою научную работу и занялся этим делом?

Девушка. Нет.

Юноша. Конечно, нет. Гамлет занимался расследованием сам, потому что ему некому было это поручить. А в наши дни есть специальные конторы, полиция, прокуратура, суд. Ты хочешь, чтобы я поручил им заняться этим делом? Скажи, Надья.

Девушка. Решай сам.

Юноша. Ты хочешь, чтобы я сейчас снял трубку и позвонил в полицию, чтобы они забрали маму и начали расследование этого гнусного, этого омерзительного преступления?

Девушка. Гнусного, омерзительного? Вот ты и описал его.

Юноша. Теперь представь себе на минуту, какой позор это навлечет на нас – на меня и на тебя. Будет подтверждено наше обвинение или нет – все равно.

Девушка. Значит, ты думаешь только о себе?

Юноша. Больше о тебе. Ведь репутация девушки всегда связана с репутацией ее матери. Ты вот-вот должна выйти замуж...

Девушка. Значит, я должна думать о себе?

Юноша. Конечно.

Девушка. Странно, как разворачиваются события и какой они принимают характер.

Юноша. А разве ты раньше не думала об этом?

Девушка. Нет, о себе я не думала.

Юноша. Только о справедливости?

Девушка. Да, о справедливости.

Юноша. Твоя справедливость, Надья, ведет к позору.

Девушка. Какой прогресс!

Юноша. Что ты хочешь сказать?

Девушка. Гамлет во имя справедливости принял смерть. А ты боишься позора!

Юноша. В его время не было ни газет, ни корреспондентов, ни фотографий.

Девушка. В его время не было и таких людей, которые были бы способны говорить: я, мое удобство, мой интерес, мое благополучие, моя репутация. Видимо, в его время чувство долга было развито сильнее.

Юноша. Значит, по твоему, мы должны сейчас сообщить обо всем полиции и упрятать нашу маму в тюрьму?

Девушка. Не спрашивай меня о том, что касается других. Я знаю, что я должна делать и что касается меня.

Юноша. А меня, Надья?

Девушка. Это твое дело.

Юноша. Нет, в этой ситуации мы с тобой связаны одной веревочкой. Мы должны договориться.

Девушка. У нас разные точки зрения.

Юноша. Не преувеличивай, Надя. Ты просто сентиментальна больше, чем следует. Но ты правильно мыслишь, и я уверен, что когда ты взглянешь на эту ситуацию трезво, объективно, спокойно, без всяких эмоций и излишнего темперамента, то непременно придешь к тем же выводам, к которым пришел я. Попробуй, Надя, попробуем вместе.

Девушка. Да, кстати, тебе очень нравится комната, которую приготовили. Она на том же этаже, где живут доктор Мамдух и его жена, твоя мама. Там очень спокойно. Ты сможешь продолжать свои занятия.

Юноша. Ты хочешь спровоцировать меня? Да уж, мои занятия! Сколько у них препятствий! И каких!

Девушка. Мне очень жаль, Тарек, прости...

Юноша. Прощаю... Я очень хорошо понимаю, Надя, что ты чувствуешь. Но у меня есть и своя беда.

Девушка. Какая?

Юноша. Моя беда в том, что я боюсь остановиться. Это беда всей нашей эпохи. Если мы остановимся, мы погибнем. Наша эпоха – это ракета, запущенная в полет. Стоит ей замедлить свое движение, она сгорит.

Девушка. Я не хочу быть причиной твоей остановки, Тарек.

Юноша. Я знаю, ты не хочешь причинить мне вреда, но и ты пойми меня. Я знаю также, что ты осуждаешь меня. И задаешься вопросом, почему я не пришел в бешенство. Почему я обсуждаю это ужасное дело с таким хладнокровием. Ты скажешь, что я принадлежу эпохе, которая производит только материальные ценности. Эпохе, в которой мораль гибнет. И выпускается через выхлопную трубу, в то время как мы стремительно летим вперед. Наверно, это именно так. Поэтому я и не думаю, что ты сможешь изменить меня.

Девушка. Да разве бы я могла?

Юноша. Да, могла бы, если бы ты хотела переделать меня в соответствии с новым, с грядущим. А повернуть мою шею назад – нет, это

невозможно. Гамлету было нечем больше заниматься, кроме этого расследования. Его неподвижная эпоха не требовала от него того, чего требуют от нас скорости нашего века. Мы больны движением. И излечить нас от этой болезни может только смерть.

Девушка. Конечно, Тарек, мы живем в другое время. В этом меня убеждать не нужно. Но мы не о том говорим. Ответь мне только на один вопрос – должна ли я оставаться в этом доме. Да или нет?

Юноша. Ты хочешь уйти отсюда?

Девушка. Я уже давно думаю об этом. Но ничего не решала до твоего приезда.

Женщина. Куда же ты уйдешь?

Девушка. Это мое личное дело.

Юноша. Пусть, мама, она решает как хочет: это успокоит ее. Не удивляйся, но я скажу, что я с ней полностью согласен.

Женщина. Согласен?

Юноша. Более того, я сам подумал об этом несколько минут назад. Не только про Надью, но и про себя тоже.

Женщина. Ты?

Юноша. Да. Вот это было бы решение – мы, я и Надья, ушли бы жить в другое место.

Девушка. Спасибо, Тарек.

Женщина. Значит, ты поверил ей?

Юноша. Это не связано с тем, поверил я или не поверил. Мы же не ведем следствие. Мы просто закрыли дело. И пусть приговор произнесет твоя совесть. Ты сама себе судья. Живи своей жизнью и дай нам жить своей.

Женщина. Как я понимаю, это разрыв со мной.

Юноша. Почему?

Женщина. Значит, мы будем видеться?

Юноша. Если захочешь.

Женщина. Конечно, захочу. Если ты не против.

Юноша. У меня нет оснований быть против.

Женщина. И все-таки былой нежности нет. Я чувствую это даже по твоему голосу.

Юноша. С этих пор, мама, ты должна привыкать к своей новой жизни. Ты решила строить жизнь заново, и в этом мы не виним тебя. Живи как знаешь.

Звонок в дверь.

Самира. Это к нам?

Хамди. Кто?

Самира (*встает*). Сейчас увидим.

Хамди (*тоже встает*). погоди. Поставлю ширму.

Они вместе закрывают стену ширмой. Самира выходит открыть дверь и скоро возвращается с визитной карточкой в руках.

Самира. Вот, швейцар принес визитную карточку. Один из твоих дружков прислал. Из кофейни. Проходил мимо и просил передать. На обороте что-то карандашом написано.

Хамди. Прочитай.

Самира. Во-первых, эта визитная карточка – Шакера.

Хамди. Чтоб он провалился!

Самира. Теперь посмотрим, что он пишет. «По поручению всей компании и от себя лично разрешите сердечно приветствовать вас и поинтересоваться причиной вашего отсутствия, за время которого в мире произошло событие чрезвычайной важности».

Хамди. Чрезвычайной важности? Уж не началась ли третья мировая война? Или, может быть, наука уже победила голод?

Самира. Нет, погоди. «Ваш несравненный друг Абу-Аффан одержал над нашим общим другом Абу-Дарашем блистательную победу в непревзойденно-уникальной игре, именуемой нардами».

Хамди (*выхватывает у Самиры визитную карточку, разрывает ее и бросает*). Ерунда какая!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же комната. Ширма по-прежнему закрывает стену.

Самира входит со щеткой в руках и стряхивает пыль с мебели.

За ней – Хамди, он завязывает галстук, собирается уходить.

Хамди. Если бы не работа, я бы не ушел.

Самира. Может быть, ты теперь и работу бросишь?

Хамди. Подумаешь, работа! Хранить чужие архивы!

Самира. Все-таки это наш хлеб.

Хамди. Нечего сказать, производительное занятие.

Самира. Теперь еще и издеваешься. Забыл – совсем недавно ты гордился своею должностью? Говорил, что ты «ключ от министерства».

Хамди. Железный к тому же...

Самира. Скажи, Хамди, ты запомнил ту красивую мелодию?

Хамди. Которую играла Надья?

Самира. Да. А я запомнила. Сегодня даже пробовала играть ее.

Хамди. А кто же тебе помешал?

Самира. Пыль и паутина, которыми было забито пианино. С тех пор как я вышла за тебя замуж, я к нему не прикасалась.

Хамди. Разве я виноват?

Самира. Ты не поощрял меня. У тебя не было желания слушать.

Хамди. А сейчас я готов слушать. Почисть пианино хорошенько. Я скоро вернусь. Сразу же после этой дурацкой работы.

Самира. И больше никуда не пойдешь?

Хамди. Ты имеешь в виду – в кофейню?

Самира. Да, в кофейню, в компанию, к нардам.

Хамди. Нет, нет. Я останусь здесь с тобой. Ну и с Надьей и с Тареком, конечно.

Самира *(смотрит на стену).* Что-то их не слышно.

Хамди. Прошу тебя, Самира, не двигай ширму, пока я не приду.

Самира. Не буду. Но там так тихо, ни звука. *(Подходит к ширме, заглядывает за нее и громко вскрикивает от ужаса.)*

Хамди. Что случилось? Что с тобой?

Самира (*кричит*). Скорее сюда, Хамди! Стенка-то, стенка!

Хамди (*быстро отодвигает ширму*). Что с ней? Какая катастрофа!

Самира. Вот несчастье-то! И какое несчастье!

Хамди. Тот маленький кусок штукатурки... который мы заметили тогда...

Самира. Это было лишь начало.

Хамди. Так быстро? Осыпалась!

Самира. В одну ночь!

Хамди. Да, это катастрофа.

Самира. Ничего не осталось.

Хамди. Ни единого пятнышка. Даже намек. Ничего.

Самира. Посмотри, Хамди!

Хамди. Что?

Самира. Там, у плинтуса. На полу. Груда обвалившейся штукатурки.

Хамди. Это все, что осталось...

Самира. Надья, Тарек, их мать.

Хамди. В самом деле...

Самира. Мы их больше не увидим?

Хамди. Как же это?

Самира. Не может быть! Не может быть. Мы так привыкли к ним.

Хамди. Ужасно, но мы действительно к ним привыкли.

Самира. Надья... Ее рояль. И красивая мелодия.

Хамди. И Тарек... Его проект, его мысли.

Самира. Все кончилось. Будто ничего и не было.

Хамди. Трудно себе представить. Да?

Самира. Так быстро?

Хамди. Мы должны были этого ожидать.

Самира. Но мы ни о чем не думали, жили только их жизнью. А если бы мы подумали вовремя и отремонтировали стенку, она не осыпалась бы!

Хамди. Любое вмешательство с нашей стороны только ускорило бы катастрофу. Нет, благоразумнее было бы не вмешиваться.

Самира. Благоразумнее... Никто не знает, что такое благоразумие.

Хамди. Все-таки лучше, если это кончилось само по себе, а не по нашей вине.

Самира. Кончилось?

Хамди. Ты что, еще не веришь?

Самира. Нет. Не верю.

Хамди. Я тоже.

Самира. Где же они теперь?

Хамди. Кто знает.

Самира. И мы не узнаем.

Хамди. А разве мы знали, откуда они пришли, чтобы знать, где они теперь.

Самира. Да, да.

Хамди. Мы узнали и полюбили их, вот и все.

Самира. Да, мы полюбили их.

Хамди. С ними мы не замечали, как шло время.

Самира. Да. Верно.

Хамди. Вот мы и опять одни.

Самира. Да. Одни.

Хамди. Что будем делать?

Самира. Жить. Как жили раньше. Ты, конечно, отправишься в кофейню, в свою компанию, к нардам.

Хамди. Нет.

Самира. Ты не вернешься туда?

Хамди. Нет, что-то больше не хочется.

Самира. Ты прав.

Пауза.

Хамди (*поднимает голову*). Самира! У меня идея! Вот если бы получилось!

Самира. Скажи, что?

Хамди. Наша соседка...

Самира. Атейат? При чем тут она?

Хамди. Ведь все началось с того, что она мыла полы, не так ли?

Самира. Ты думаешь?

Хамди. Да. Если она еще раз помоеет пол и если вода от нее снова зальет эту стенку... то, возможно...

Самира. Они опять вернуться?

Хамди. Почему бы и нет?

Самира. Ты думаешь?

Хамди. Очень может быть. Ведь первый раз они появились именно таким образом.

Самира. Действительно, а вдруг...

Хамди. Пусть она еще раз зальет нам эту стену.

Самира. Во что бы то ни стало!

Хамди. Но как?

Самира. Попросим ее.

Хамди. Как же это можно?

Самира. Ну как-нибудь... деликатно. Подожди. *(Направляется к окну и зовет.)* Сит Атейат! Сит Атейат!

Голос Атейат (сверху). Да, сит Самира?

Самира. Будьте любезны, спуститесь к нам на минуточку!

Голос Атейат. Что случилось?

Самира. Ничего. Все в порядке.

Голос Атейат. Я сейчас!

Самира (мужу). Идет. Но ты, Хамди, опаздываешь на работу.

Хамди. Не важно. Если надо будет, возьму сегодня отгул.

Самира (в волнении потирает руки). Дай Аллах, чтобы вышло.

Хамди. Дай Аллах.

Звонок в дверь.

Самира. Она! Приготовься. *(Идет открывать дверь и возвращается вместе с Атейат.)*

Атейат. Доброе утро, устас Хамди!

Хамди. Самое прекрасное утро, сит Атейат! Будьте любезны, присядьте поудобнее в это кресло. И пусть Аллах благословит вас за честь, которую вы нам оказали. Кофе гостье, Самира!

Атейат. Нет, спасибо. Я только что пила.

Самира. Может быть, чаю? У нас чай с мятой. Просто прелесть!

Атейат. Спасибо, сит Самира, спасибо. По утрам я пью только кофе.

Самира. Как вы сегодня хорошо выглядите. Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!

Атейат. Благодарение Аллаху! (*Смотрит на стенку и вскрикивает.*) Силы небесные! Штукатурка-то вся осыпалась!

Хамди. Сегодня ночью.

Самира. Утром мы встали и вот нашли все так, как вы видите.

Атейат. Я тут ни при чем. Посылала вам маляра, а вы отказались.

Хамди. Очень любезно с вашей стороны, мы этого никогда не забудем.

Самира. Помоги нам Аллах отплатить вам тем же. Или хотя бы не причинять вам никаких неприятностей.

Атейат. Неприятностей? Каких неприятностей?

Хамди. Ну вот хотя бы из-за этой истории с нашей стенкой вы, наверно, совсем перестали мыть полы у себя в квартире.

Самира. И все из-за нас...

Хамди. Но нельзя же, чтобы из-за нас у вас в квартире было грязно. Этого от вас никто и не требует. И наш долг – попросить вас от всего сердца...

Самира. Да, да, от всего сердца, сит Атейат, чтобы вы спокойно мыли полы у себя в квартире и лили столько воды, сколько требуется. Ничего не бойтесь.

Атейат. Сколько воды?

Хамди. Столько же, как в тот раз. И не беспокойтесь ни о чем.

Атейат. Спасибо, устас Хамди. Я понимаю, какой ты деликатный, признаюсь, что в тот раз я в самом деле была немного виновата.

Хамди. Виноваты? Нет, нет, нет, ни в чем!

Атейат. Ну как же! Я должна была быть поосторожнее. Я вот задумалась на секунду, а очнулась – вода уже затопила всю квартиру. Это мне урок. С тех пор я остороженько.

Хамди. Не надо никакой осторожности!

Самира. В своей квартире вы вольны делать что хотите.

Атейат. А как же! Конечно, вольна, но мой долг – беречь своих соседей.

Хамди. Мы ваши соседи, и мы разрешаем вам лить столько воды, сколько хотите.

Самира. Мойте как в тот раз. И ничего не бойтесь.

Атейат. А я и мою. Всегда.

Самира. Когда?

Атейат. Каждый день. Каждое утро. Теперь я научилась мыть особым способом.

Самира. Каким?

Атейат. Мочу тряпку, выжимаю как следует и вытираю ею пол. Тогда ни одной капли не протекает. Разве к вам протекала с тех пор хоть капля?

Самира. Но такое же мытье никуда не годится.

Хамди. А вы налейте воды побольше, сит Атейат. Пусть себе протекает к нам. Это нам не помешает. Даже наоборот.

Атейат. Будьте спокойны – к вам по попадет ни капли. Теперь я научилась мыть особым способом.

Самира. Мойте по-прежнему.

Атейат. Прежде я была дурой. А теперь поумнела.

Хамди. Очень жаль. Тогда у вас полы были чище.

Атейат. Вот вы какие вежливые! В наши дни так мало хороших людей. Особенно соседей. Но, слава Аллаху, у меня соседи, оказываются, такие деликатные, такие хорошие, такие милые.

Самира. Это вы деликатная...

Хамди. Это вы хорошая...

Атейат. Ну а теперь, милые вы мои, я вас слушаю. Вы же хотели, чтобы я зашла к вам по делу.

Самира. Видите ли... Дело в том... Скажи ты, Хамди...

Хамди. Дело в том, что... понимаете ли...

Атейат. Говори, не бойся. Мы свои люди.

Хамди. Значит, все дело в том, чтобы... Помойте полы у себя в квартире.

Атейат. Опять?

Хамди. Мы не хотим, чтобы вы себя стесняли. Мойте полы как следует.

Атейат. Я и так мою. И клянусь вам, что никак себя не стесняю. Я просто стала осторожнее, вот и все.

Хамди. А мы вас просим – не надо быть осторожнее. Просим.

Самира. Мойте полы по-прежнему. Мойте и ни о чем не беспокойтесь. Затопите хоть всю нашу квартиру!

Атейат. Совесть не позволяет.

Хамди. Нам же позволяет.

Самира. Ну пожалуйста. Умоляем вас! Идите к себе и пускайте воду!

Хамди. Да-да. Сейчас же. Помойте полы у себя в квартире!

Самира. Мы вас очень просим!

Хамди. Да-да. Очень! Идите!

Самира. Идите, сит Атейат!

Атейат. Ничего не понимаю. Куда идти-то? Зачем?

Хамди. Помыть полы у себя в квартире. Только налейте воды побольше.

Самира. Как в прошлый раз. Точно как в прошлый раз.

Атейат. А вам-то зачем?

Самира. Чтобы у нас совесть была чиста.

Хамди. Да, совесть нас совсем замучила.

Атейат. Ага. Значит, я должна идти и мыть у себя полы?

Хамди. Прямо сейчас же. Ну, пожалуйста.

Атейат. Сейчас? Да я их утром мыла. Полчаса назад. Убрала все комнаты как надо. И пол весь вымыла.

Самира. А в комнате, что над нами?

Атейат. И в комнате, что над вами.

Самира. Но вода же к нам не попала.

Хамди. Да, где вода? Где эта вода?

Атейат. Конечно, не попала. Я же теперь не сумасшедшая, чтобы вас заливать!

Хамди. Да, но мы хотим, чтобы вы были сумасшедшей. Простите, чтобы вы повторили все, как в тот раз.

Самира. Чтобы мы чувствовали, что мы вас не стесняем. Идите, сит Атейат, идите!

Атейат. Куда?

Самира. К себе!

Атейат. Зачем?

Хамди. Помойте полы у себя в квартире.

Атейат. Вот странная просьба.

Хамди. А разве мы так много просим?

Атейат. Нет, наоборот. Но я что-то не понимаю...

Хамди. А чего же тут непонятного? Откройте кран, залейте всю квартиру водой, впрочем, если вам угодно, можете залить только ту комнату, что над нами. И больше ничего.

Самира. Да. Этого вполне достаточно. Комнату над нами.

Атейат. Комнату над вами. Но я же вам сказала, что я ее убрала и помыла утром. Полчаса назад.

Хамди. Но вода-то к нам не проникла.

Атейат. Вы что же, хотите, чтобы я испортила вам всю стенку, как в тот раз?

Хамди. Не говорите – испортила.

Самира. Разве это было испорчено?

Хамди. Это было так великолепно! Так интересно!

Самира. А сколько пользы могло принести! Всему человечеству! А вот теперь такое несчастье – все погибло!

Атейат. Что погибло? О чем ты, Самира? А, Самира?

Самира. Представьте себе, если бы килограмм мяса стоил полмиллиона!

Атейат. Где это?

Хамди. Помолчи, Самира, помолчи.

Самира. Я просто хочу объяснить ей, как это важно.

Хамди. Это очень трудно объяснить. А потом разве только в мясе дело? Там были разговоры о науке, о литературе, обо всем человечест-

ве... Это действительно большая потеря. Но, может быть, благодаря нашей соседке...

Атейат. Благодаря мне? Что благодаря мне? Объясните же!

Хамди. Благодаря вам все это опять вернется – научные изобретения, прогресс человечества, древнегреческая трагедия. А от вас требуется всего лишь вымыть полы.

Самира. В самом деле. Она не понимает, как это важно.

Атейат. Нет, милые вы мои, я понимаю, что с вами тут рехнуться можно.

Самира. Короче говоря, сит Атейат, мы не хотим вас больше задерживать. Сделайте это для нас, пожалуйста.

Атейат. А что сделать-то?

Хамди. Помойте полы у себя в квартире!

Атейат. А вам-то что за польза от этого?

Самира. Мы же вам все объяснили. Неужели непонятно?

Хамди. Нас совесть мучает.

Атейат. Послушайте, оставьте вы вашу совесть в покое! Тут дело нечисто! Теперь я все поняла.

Хамди. Что вы поняли?

Самира (*тихо*). Не может быть, чтобы она поняла. Это надо видеть своими глазами.

Хамди. Что вы поняли, сит Атейат?

Атейат. Поняла, о чем тут речь. Ну, устас Хамди, было бы лучше, если бы ты мне прямо сказал, вместо того чтобы колесить вокруг да около. Вы думаете, я такая дура? Совесть их замучила, видите ли! Скажали бы прямо, что хотите забрать свою бумагу обратно.

Самира. Какую бумагу?

Атейат. Подписал ты мне бумагу? Подписал! А теперь хочешь ее забрать обратно.

Самира. И это все, что вы поняли?

Атейат. Надо же! Да тут ясно как день. У вас вся стена осыпалась, вы и подумали, как бы это нам заставить Атейат заплатить за полный ремонт. Та бумага – дело прошлое, а вот если она еще нас зальет, то можно дело начать по-новому – пусть-ка она нам за свой счет всю квартиру заодно отремонтирует.

Хамди. Ну, сит Атейат...

Атейат (*встает*). Молчать! Вот ведь как дело-то обернулось. Нет, любезный Хамди. Я тебе не дам обвести себя вокруг пальца. Нашел дуру!..

Хамди. Одно слово... позвольте!

Атейат. Ни единого. Я вас раскусила! Ах, вот как – мой полы и воды лей сколько хочешь! Заливай нас, затапливай – это, мол, прогресс человечества и науки!..

Самира. Вы нас не так поняли. Разрешите...

Атейат. Молчать! Ни слова! Все я поняла. Ух вы какие! Не на такую напали! Не ожидала я от тебя, сит Самира! Мы же все-таки соседи! Да простит вас Аллах! Я вам покажу древнегреческую трагедию! Желаю здравствовать! (*Быстро уходит, так что Самира не успевает ее задержать.*)

Самира. Не вышло.

Хамди. Да, не вышло.

Самира. Как ты думаешь, а если бы мы ей сказали правду?

Хамди. Какую правду?

Самира. Про Надью и Тарека.

Хамди. Было бы то же самое. А может, еще хуже.

Самира. Почему?

Хамди. Потому что она все равно ничего бы не поняла.

Самира. Верно.

Хамди. Да еще сказала бы, что мы сошли с ума. И опозорила бы нас на весь город.

Самира. Верно.

Хамди. Тем более что у нас никаких доказательств. И что бы мы сказали тем, кто стал бы смеяться над нами? Что? Что на стене были люди, а стена осыпалась?

Самира. В самом деле.

Хамди. Никто не поверил бы, что такое возможно.

Самира. Но ведь было же.

Хамди. Конечно, было... И я не могу себе представить, что больше не будет.

Самира. Я тоже.

Хамди. Не может быть, чтобы от них осталось лишь... то, что лежит здесь, у плинтуса. Эта груда штукатурки – и все... Этого же не может быть, не может быть...

Самира. Не может быть, чтобы в этой груде исчезла Надья, ее жизнь, игра на рояле и красивая ее мелодия.

Хамди. И Тарек с его проектом. Его талант, его исследования... А судьба этого проекта? Ведь он мог изменить судьбу всего мира.

Самира. Они должны вернуться. Должны, должны!

Хамди. Как?

Самира. Мы знаем только тот путь, которым они явились к нам, когда соседка мыла полы.

Хамди. Но она же отказывается мыть его так же еще раз.

Самира. И переубедить ее невозможно.

Хамди. Заставить тоже.

Самира. А что делать?

Хамди. Это вопрос.

Самира. Слушай, Хамди. У меня идея. Если она отказывается, то, может быть, мы сделаем это сами?

Хамди. Что сделаем?

Самира. Помоем у нее полы.

Хамди. Действительно, неплохая идея. А как мы туда попадем?

Самира. Пойдем к ней в гости. Разве мы не можем нанести ей ответный визит? И тогда откроем у нее кран.

Хамди. Так просто?

Самира. Очень. А в чем трудность?

Хамди. Так она тебя и пустит заливать ее квартиру! Да она тебя в шею выгонит да еще, чего доброго, полицию позовет!

Самира. Пожалуй. Особенно теперь, когда она так разозлилась на нас.

Хамди. Единственный выход – это войти к ней в квартиру без ее ведома.

Самира. Без ее ведома?

Хамди. Да. Чтобы она не знала. Тогда мы смогли бы там сделать что хотим.

Самира. А как же туда войти?

Хамди. Когда ее не будет дома, конечно.

Самира. Но она запирает дверь на ключ.

Хамди. Что бы это придумать?

Самира. Послушай, у нее окно во двор всегда открыто.

Хамди. Окно во двор...

Самира. Оно не так далеко от нашего окна. А рядом труба. Может быть, ты влезешь по ней?

Хамди. Я?

Самира. Ну не я же?

Хамди. Мне как-то тоже не приходилось лазить по трубам.

Самира. Кто-то из нас должен это сделать. Я думаю, все-таки ты?

Хамди. Хорошо. Покажи мне эту трубу.

Оба направляются к окну и выглядывают во двор.

Самира. Вот оно, ее окно, оно открыто. Как раз сейчас она ушла.

Хамди. Это та самая труба?

Самира. Да.

Хамди. А если я сорвусь? И, вместо того чтобы подниматься вверх, полечу вниз?..

Самира. Попробуй удержаться. Потом привыкнешь.

Хамди. Привыкну? Ты что же это думаешь...

Самира. Я не то хотела сказать.

Хамди. Еще бы! Лазить по трубам и проникать в чужие квартиры, когда хозяев нет дома,— занятие не из похвальных. Правда, у нас цель честная, благородная...

Самира. Конечно. И чтобы ее достигнуть, нужно...

Хамди. Лезть по трубе.

Самира. Значит...

Хамди. Я полезу. Давай помоги мне, Самира.

Самира. Скажи мне сначала, что ты будешь делать в ее квартире?

Хамди. Знаю, знаю, что я должен делать. Все очень просто. За остальное отвечаешь ты.

Самира. А что я должна делать?

Хамди. Становись вот тут напротив стенки и, как только увидишь, что вода потечет с потолка, беги к окну и кричи мне, чтобы я возвращался обратно.

Самира. Понятно. Давай начинай.

Хамди. Сейчас разуюсь, так будет удобное. *(Снимает ботинки и с помощью Самиры взбирается на подоконник. Вылезая в окно.)* Да поможет мне Аллах, милостивый, милосердный!

Самира. Ты там поосторожней! *(Наблюдает за ним из окна.)* Обними трубу хорошенько. Правильно... Вот так. Обхвати ее ногами, ну а теперь подтягивайся. Раз, два, дальше... Да, еще, вот так. Еще полметра осталось. Да ты не бойся, держись одной рукой за трубу, а другой – хватайся за подоконник. Теперь держись за окно... Ну, слава Аллаху! Все благополучно. Влезай туда быстрее. Ну быстрее же. *(Отходит от окна, становится перед стеной и смотрит вверх. С потолка начинается течь струя воды. Бежит к окну и кричит.)* Хамди! Хамди! Спускайся обратно!

Голос Хамди (сверху). Уже протекла?

Самира. Да, протекла.

Голос Хамди. Тогда я спускаюсь.

Самира. Только осторожно, осторожно!

Голос Хамди. Спускаться-то легче.

Самира. Да, но ты не соскользни.

Хамди (появляется на подоконнике). Дай руку.

Самира (протягивает руку и помогает ему сойти в комнату).

Рубашку запачкал.

Хамди (отряхиваясь). Еще бы!

Самира. Что ты там сделал?

Хамди. Открыл кран и пустил воду в квартиру, именно в ту комнату, что над нами.

Самира. Вон течет струйка воды, видишь?

Хамди. Да. Может быть...

Самира. Ну смотри же!

Хамди. Да. Но это всего лишь одна полосочка.

Самира. Течет вниз.

Хамди. Но она не растекается по всей стене.

Самира. Не так, как это было в тот раз.

Хамди. Может быть, еще рано?

Самира. Ее вид не предвещает ничего хорошего.

Хамди. Те пятна вначале тоже ничего не предвещали. Подождем немного.

Самира. В тот раз все-таки были пятна, и они росли. А сейчас просто полосочка. Тонкая полосочка. Что из нее может выйти?

Хамди. Но я же затопил ей всю квартиру.

Самира. Тогда получились большие пятна, а сейчас... ничего, кроме этой полосочки.

Хамди. Но вода та же.

Самира. Конечно, но, может быть, способ, каким ты лил воду...

Хамди. А что, для этого нужен особый способ?

Самира. Я хочу сказать...

Хамди. Что? Она ведь тоже лила воду просто так, случайно. Точно так же, как я это сделал.

Самира. У ней это получилось удачно, а у тебя нет.

Хамди. Дело случая.

Самира. И только?

Хамди. А что же еще?

Самира. Слушай. Ты налил воду просто так? Просто открыл кран и вернулся обратно?

Хамди. Конечно.

Самира. Значит, ты не мыл пол?

Хамди. Еще чего!

Самира. В этом-то и все дело. Надо было помыть пол.

Хамди. Что ты говоришь? Ты хочешь, чтобы я мыл у нее пол?

Самира. Ты должен сделать то, что делала она. Помнишь, она сказала, что мыла свою квартиру водой с мылом.

Хамди. С мылом?

Самира. Да, с мылом. Кто знает, быть может, это имеет значение.

Хамди. Ты еще скажи, каким мылом, какой фабрики, в какую цену и где оно куплено.

Самира. Да, и еще какого сорта.

Хамди. Послушай, Самира, откуда же мы все это узнаем?

Самира. Постараемся. Главное, здесь не упустить ни одной детали.

Хамди. Неужели ты хочешь, чтобы я еще раз лез по трубе и мыл у нее пол с мылом?

Самира. Да, пожалуй, так будет лучше.

Хамди. А если у нее теперь мыло другого сорта?

Самира. Не усложняй, Хамди.

Хамди. Да и так все достаточно сложно, уж куда сложнее!

Самира. Попробуем все-таки.

Слышатся крики Атейат.

Голос Атейат (сверху). Сит Самира! Сит Самира! Самира (*спешит к окну*). Да, сит Атейат!

Голос Атейат. Мою квартиру затопило! Здесь кто-то был! Вор! У меня был вор!

Хамди. Этого нам еще не хватало. Помоги нам, Аллах!

Голос Атейат. Сит Самира, скажи, к вам протекла вода? Протекла?..

Самира. Мне кажется...

Хамди (шепотом). Скажи – нет.

Самира. Мне кажется, нет!

Голос Атейат. Сейчас спущусь к вам, посмотрю.

Самира (мужу). Обуйся скорее, она идет сюда.

Хамди (надевает ботинки). Не дай Аллах, чтобы она подумала на нас. Я на всякий случай оставил у нее кран открытым. Теперь мы должны ее убедить, что это она сама оставила так. И что не может быть, чтобы кто-нибудь входил к ней в квартиру.

Самира. Конечно. Убедим ее. Ну а потом?

Хамди. Когда?

Самира. Когда ты опять полезешь к ней в квартиру и помоешь там пол с мылом...

Хамди. Об этом не может быть и речи! На этот раз мы еще как-нибудь убедим ее, что она по рассеянности оставила кран открытым,

но разве она поверит, что вот так случайно сама помыла квартиру с мылом.

Самира. А что делать?

Хамди. Придется искать другой выход.

Звонок в дверь.

Самира. Вот она. (*Открывает дверь и возвращается вместе с Атейат.*)

Атейат (*входя*). Слава Аллаху, я вернулась вовремя. Если бы я не забыла одну бумагу для адвоката и не вернулась бы за ней, всю квартиру затопило бы. И вы... (*Смотрит на стену.*) Протекло все-таки.

Самира. Ну, это пустяки.

Атейат. Кто же мог войти ко мне в дом, когда меня не было?!

Самира. А почему вы думаете, что кто-нибудь входил?

Атейат. Ну потому, что кто-нибудь это да сделал.

Хамди. У вас что-нибудь... украли?

Атейат. Слава Аллаху, нет.

Хамди. Значит, человек, который входил, не вор.

Атейат. Ничего не понимаю.

Хамди. Человек входит в вашу квартиру, открывает кран и уходит. Больше ничего. Это, должно быть, сумасшедший!

Атейат. И впрямь непонятно.

Хамди. А где ключ?

Атейат. У меня в кармане.

Хамди. А как же мог войти этот человек?

Атейат. Через окно.

Хамди. Окно во двор?

Атейат. Надо было его закрыть перед уходом. Вот опять мне урок.

Хамди. А окно во двор...

Самира. Помолчи, Хамди. Хватит, не надо.

Хамди. Дай, я ей объясню. Окно во двор высоко, ведь до него надо еще добраться. А кто это может сделать, кроме профессионала?

Атейат. Ясное дело, он, конечно, профессионал – вор.

Самира. Хватит об этом, сит Атейат...

Хамди. Но если бы он был вор, он украл бы что-нибудь в доме.

Самира. Слушайте, сит Атейат. Я уверена, что все это просто дело случая. Вы ушли и забыли закрыть кран.

Атейат. Забыла? Этого не может быть. Я всегда перед уходом проверяю все краны.

Самира. Человек иногда забывает.

Атейат. Но я...

Хамди. Будьте уверены – вы забыли. Только Аллах, милостивый, милосердный, не забывает. А человек есть человек.

Атейат. Возможно.

Самира. Ну, ничего, все кончилось благополучно.

Атейат. А вы? Что вы теперь намерены делать?

Самира. С чем?

Атейат. Ну вот с этой водой. Она же все-таки протекла.

Хамди. Насчет этого вы не беспокойтесь, сит Атейат. Сегодня утром вы так рассердились на нас. А почему? Потому что вы нам не верите. А я вам докажу наши добрые намерения. Самира! Дай бумагу и ручку. Я сейчас напишу вам, что, как бы вы нас ни затапливали, ремонт мы берем на себя. Начиная с сегодняшнего дня, ну и впредь также.

Самира (*приносит бумагу и ручку*). Вот, возьми...

Хамди (*пишет*). Вот вам расписка, она действительна и на будущее. Вы довольны, сит Атейат? Вот вам.

Атейат (*принимая бумагу*). Это даже больше, чем надо. Я всегда говорила, что вы самые лучшие соседи на свете.

Самира. А мы еще с Хамди озабочены...

Хамди. Чем?

Самира. Тем, что сит Атейат из благодарности к нам теперь совсем перестанет мыть полы у себя в квартире.

Хамди. А-а, это верно.

Самира. Поэтому у меня есть предложение.

Хамди. Скажи, Самира, скажи.

Самира. Просьба к сит Атейат, маленькая просьба.

Атейат. Говори, Самира, говори.

Самира. Может быть, мы с Хамди пойдем к вам и поможем вам помыть полы?

Хамди. Грандиозная идея!

Атейат. Вы мне... полы?

Хамди. Да, я и моя жена. Можем хоть каждое утро мыть!

Атейат. Прости, устас Хамди, ты и твоя жена сит Самира... ваша доброта меня даже в краску вогнала.

Самира. Только не отказывайтесь, сит Атейат. Очень вас просим!

Атейат. Да как же я могу пригласить вас к себе, чтобы вы мыли полы? Это очень даже неприлично.

Хамди. Мы с удовольствием поднимемся к вам и помоем, уверяю вас. Даже водой с мылом. У вас какое мыло? Того же сорта?

Атейат. Какого сорта?

Хамди. Ну, потом, потом. Пошли к вам. Самира, неси ведро и щетку!

Атейат. Щетка у меня есть. Но это как-то неудобно, устас Хамди. Неприлично просто.

Самира (*берет Атейат под руку*). Мы сделаем это с удовольствием, сит Атейат.

Хамди. Ну, это просто дело чести, сит Атейат!

Атейат потрясена. Хамди берет ее под руку с другой стороны, и они все трое уходят. Звучит музыка. Затемнение.

Та же комната. Прошло какое-то время. Перед стеной стоит полка с книгами. В углу появился письменный стол. На столе книги, микроскоп. Хамди стоит, согнувшись, смотрит в микроскоп.

Входит Самира, она несет на подносе большую чашку кофе и ставит перед ним.

Самира. Твой кофе, Хамди.

Хамди, увлеченный работой, не отвечает.

Ну как? Нашел что-нибудь?

Хамди. Нет.

Самира. Напрасно ты себя мучаешь.

Хамди (*поднимает голову*). Я же сказал тебе, что занимаюсь совсем другим. А с тем – увы! – покончено.

Самира (*улыбается*). Помнишь, как смешно мы вели себя? Каждое утро поднимались к Атейат, она нам давала щетки и ведра.

Хамди. А мы чуть не протерли ей пол до дыр, перепробовав все сорта мыла.

Самира. Самое смешное, что Атейат понравилась наша служба. Она меня как-то встретила на лестнице и была весьма недовольна тем, что мы больше не приходим.

Хамди. Очень смешно.

Самира. Она даже намекнула, что у нее грязный пол и никто его не может так хорошо отмыть, как мы с тобой.

Хамди. Я тоже помню, месяца три назад она встретила меня, улыбнулась и говорит: «Вы еще не соскучились по работе? А то я купила новую щетку».

Самира. Ну, это уж слишком!

Хамди. У нас не было другого выхода. И ты же сама предложила повторить тот процесс во всех деталях.

Самира. Действительно.

Хамди. Что ж, мы очень старались, как бы это ни было смешно.

Самира. Ты имеешь право быть довольным собой. Ведь благодаря этому ты теперь вот чем занялся... (*Показывает на микроскоп.*)

Хамди. А сколько времени я потерял напрасно! Так жаль!

Самира. Можешь начать все сначала.

Хамди. Не так-то просто.

Самира. Главное, что хоть теперь ты не теряешь времени.

Хамди. Все равно, мне не хватит и жизни, чтобы узнать все, что хочется. Каждый раз, когда я раскрываю книгу, я чувствую, что ничего не знаю.

Самира. Кстати, книга «Греческая цивилизация» у меня под подушкой. Дочитаю, поставлю на место.

Хамди (*про себя*). И все-таки я понимаю... слишком поздно...

Самира. Выпей кофе.

Хамди (*берет чашку*). Да.

Самира. Остыл, наверно?

Хамди. Я привык к холодному кофе, с тех пор как купил этот микроскоп.

Самира. Ты отдал за него все, что накопил за всю жизнь. Но мне не жалко, раз ты хотел...

Хамди. Конечно. Я хотел просмотреть осыпавшуюся штукатурку, каждую ее крошку. Я ничего не понимал в микроскопе. Но мне казалось...

Самира. Тебе казалось, что, как только ты поставишь кусочек штукатурки под микроскоп, ты сразу узнаешь все.

Хамди. Да. Это было наивно. Обыкновенная штукатурка. Но главное, Самира, смотреть через линзу – это такое удовольствие. Правда!

Самира. А мне удовольствие – что ты теперь у меня похож на ученого.

Хамди. Не смейся надо мной. Я никогда не буду ученым. Слишком поздно. Все, что я еще могу, - это полюбить науку.

Самира. Я и не смеюсь. Я восхищаюсь тобой.

Хамди. Там особый мир! Какие удивительные существа под этой линзой! Пойди посмотри. Вот блоха. А выглядит как слон. Какая же тогда разница между слоном и блохой?

Самира. Да ты мне уже показывал какое-то насекомое.

Хамди. И как оно тебе?

Самира. Как корова.

Хамди. Странная штука. И все то, что окружает нас, так странно. А раньше мы об этом не задумывались.

Самира. Раньше у нас другое было на уме.

Хамди. Очень жаль. А теперь вот я смотрю, удивляюсь и ничего не понимаю.

Самира. Другого нам не дано. И мы так никогда и не поймем, кто же были те люди. Кто? Откуда? Может быть, мы сами их придумали? Ты и я.

Хамди. Мы? А разве мы были на это способны?

Самира. И где они сейчас?

Хамди. Не важно. Не повторяй больше этого вопроса. Мы же договорились.

Самира (*опускает голову*). Договорились...

Хамди принимается за работу. Открывает книгу, берет ручку и что-то пишет.

Пианино расстроено. Ты заметил?

Хамди (*рассеянно*). Нет... Да? Наверно.

Самира (*вдруг*). А если Надья и все они – наша фантазия, почему мы не такие же, как они?

Хамди (*смотрит на нее*). Что? Ну и пусть.

Самира (*встает*). Ты занят. Пойду и я по своим делам.

Звонок в дверь.

Звонят? Кто бы это мог быть? (*Уходит открыть дверь.*)

Хамди не двигается с места. Самира возвращается с Атейат.

Атейат. Добрый вечер, устас Хамди.

Хамди (*поднимает голову от книги*). Добрый вечер!.. А, сит Атейат!

Атейат. Давненько мы не виделись.

Хамди (*рассеянно*). Добро пожаловать.

Атейат (*Самире*). Он чего... доктором теперь, что ли?

Самира. Нет, нет.

Атейат (*показывая на микроскоп*). А это чего?

Самира. Что? Микроскоп.

Атейат. Как, как вы сказали?

Самира. Мик-рос-коп!

Атейат. А-а... Знаю, знаю. Я тоже была как-то в этой... раболатории. Повезло мне. Доктор велел анализ принести. Думал, сахар у меня в моче. Да, слава Аллаху, обошлось.

Самира. Чашечку кофе?

Атейат. Нет, спасибо. Я к вам по делу.

Самира. Что-нибудь случилось?

Атейат. Ах, Киш-миш.

Самира. Киш-миш?

Атейат. Кот у меня – Киш-миш. Или ты забыла?

Самира. А, маленький такой, желтенький?

Атейат. Точно, точно.

Самира. И что с ним?

Атейат. Просто не могли бы вы... Вы такие добрые...

Самира. Пожалуйста.

Атейат. Я тут хочу отлучиться на недельку. Суд-то велел теперь землю делить с братьями покойного мужа. А как же! Надо ехать!

Самира. И Киш-миша нельзя оставлять одного в квартире?

Атейат. Еще бы!

Самира. Пожалуйста. А чем его кормить?

Атейат. Да тем же, что сами едите.

Самира. Например?

Атейат. Ну по утрам он привык у меня пить молоко.

Хамди (*поднимает голову от работы*). Может быть, кофе?

Атейат. Не, одно молоко. И еще... печенье, или сухарик, или там бараночку...

Хамди. Или тосты.

Атейат. А это чего? Я никогда не слыхала.

Самира. Это кусочки обжаренного хлеба.

Атейат. Все равно. Главное, чтобы в молоке что-нибудь плавало.

Хамди. Это на завтрак. А на обед?

Атейат. Ну то же, что себе. Можно ложку риса, немного овощей, кусочек мяса...

Хамди. А на десерт?

Атейат. Ну, если будет, кусок пирога или торта...

Хамди. А фрукты?

Атейат. Я вот как-то давала ему яблоко с молоком...

Хамди. А банан?

Атейат (*опомнившись*). Что ты, устас Хамди?

Самира. Он просто шутит.

Атейат. А-а, я поняла.

Самира. Мы позаботимся о вашем Киш-мише.

Атейат. Пожалуйста уж. Хотя устас Хамди, когда меня теперь встречает на лестнице, отворачивается.

Самира. Он не нарочно. Простите его, сит Атейат, просто у него голова сейчас другим занята...

Атейат. А чем? Не дай Аллах, что... с головой.

Самира. Нет, нет. Он хочет написать книгу.

Атейат. Книгу?

Хамди (*поворачиваясь к ней*). А может быть, и вам было бы интересно, если бы, скажем, килограмм мяса стоил полмиллима.

Атейат. Где это?

Хамди. Везде!

Атейат. Только полмиллима? Вот уж... Вы как-то и раньше говорили о чем-то вроде...

Хамди. А может быть, вообще бесплатно, совсем без денег.

Атейат. Да этакое и во сне не увидишь!

Хамди. Сейчас не увидишь, но ведь можно и помечтать.

Атейат. Да разве ж мы доживем, чтоб мясо бесплатно!

Хамди. И рис, и овощи, и фрукты, и сладости...

Атейат. Будем есть бесплатно?

Хамди. Так же, как дышим бесплатно. Какая ж разница, сит Атейат?

Атейат. Воздуха-то вон сколько много!

Самира. И еды должно быть много.

Атейат. У меня в голове это не уместается.

Хамди. А разве раньше у кого-нибудь уместалось в голове, что можно полететь на Луну? Но люди долго-долго смотрели на Луну и долго мечтали, долго стремились к этому, пока это желание...

Самира. ...не осуществилось.

Атейат. Точно. Сейчас во всех газетах только и пишут что о Луне да о ракетах.

Самира. Между тем, о чем мечтаешь, и тем, что есть на самом деле, – так мало. А может быть, и вообще ничего нет? А, Хамди?

Хамди. Да.

Атейат. Еда как воздух? Ой, как здорово!

Самира. Конечно, сит Атейат, голода не должно быть. Когда-нибудь дети услышат слово «голод» и спросят, что это такое...

Атейат. Вот странно...

Самира. Не более странно, чем на Луну лететь.

Атейат. А в газетах об этом не пишут. Я даже о таком, чтоб мясо – полмиллима, и не слышала ни от кого. Или вообще бесплатно – сейчас или через сто лет...

Хамди. Люди просто еще не мечтали об этом так, как они мечтали полететь на Луну или на Марс.

Самира. А почему? Неужели люди, как дети, – сначала думают об игрушке, а потом о еде?

Хамди. Уничтожить голод – значит уничтожить рабство. Рабство людей, рабство народов. Еда – это свобода человека.

Атейат. Ой, я аж проголодалась! Я, правда, перекусила бутербродом с бобами, пока из суда шла. *(Встает.)* Пойду приготовлю себе что-нибудь.

Самира. Сидите. Поужинайте с нами.

Атейат. Спасибо большое. Значит, я оставляю Киш-миша погостить у вас. До свиданья.

Самира. Да, да, приносите его. *(Выходит проводить Атейат и быстро возвращается.)*

Хамди. Я хочу написать о мечте, которая опережает науку. Это будет не научная книга. Ученый – это Тарек. Вот был настоящий ученый. Я теперь понимаю, что в его проекте научно разрабатывался способ получения энергии, ее широкого применения... Но я тоже могу подготовить дорогу для Терека, и, когда он вернется...

Самира. Вернется?

Хамди. Не обязательно именно этот Тарек. Пусть придут другие ученые, такие же, как он. И когда они придут, весь мир должен быть готов им помочь.

Самира *(показывая на полки с книгами).* Они тоже помогали?

Хамди. Да. Романы Уэллса, Жюль Верна о полете на другие планеты, о ракетах и космических кораблях. Все эти романы наполнили землю мечтами, и после этого стало легче перешагнуть к науке, к действительности.

Самира. Тебе придется очень трудно.

Хамди. Знаю.

Самира. Даже Тарек говорил об этом.

Хамди. Голод – это оружие рабовладельцев и угнетателей.

Самира. Поэтому они и не хотят бросать своего оружия.

Хамди. Тарек хорошо это понимал. Надо у всех народов пробудить мечту о новом полете – полете за едой для всех.

Самира. Пиши, Хамди. (*Уходя, смотрит на стену.*) Не знаю, правильно ли мы делаем, что закрываем эту стену полками?

Хамди. А что?

Самира. Так, ничего. (*Уходит.*)

Хамди сидит, погрузившись в работу. Издалека возникают звуки пианино, слышится красивая мелодия, которую играла Надья.

Хамди (*вздрагивает, встает из-за стола*). Надья, Надья! (*Смотрит на стену, потом направляется к двери, заглядывает в другую комнату.*) Это ты играешь, Самира? (*Возвращается к столу и мечтательно смотрит перед собой.*)

Музыка.

Занавес

Перевод Т.Муазена и Т.Путинцевой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I Глава. Возникновение и развитие новой литературы в Египте	6
II Глава. Жизнь и творческий путь Тауфика ал-Хакима	24
III Глава. Литературные взгляды Тауфика ал-Хакима	51
Заключение	73
Список использованной литературы	74

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рассказы:

Шейх аль-Бильбейси	83
Лотерея	87
Неудавшаяся инсценировка	103
Рождение мысли	110

Повесть:

Записки провинциального следователя	114
---	-----

Пьесы:

Пигмалион	223
Нежные руки	283
Растерявшийся султан	361
Еда для всех	439

**Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
Akad. Z.M.Bünyadov adına Şərqşünaslıq İnstitutu**

Gövhər Baxşəliyeva

**TAUFİK ƏL-HƏKİMİN
ƏDƏBİ GÖRÜŞLƏRİ**

Çapa imzalanmış: 26.11.2012
Şərti çap vərəqi: 31,75. Sifariş № 72
Kağız formatı: 70x100 1/16.
Tiraj:500

"R.M.Kompani"nin mətbəəsində çap olunmuşdur.
Ünvan: Bakı ş., Sarayeva 28.